

Министерство просвещения Российской Федерации
ФГБОУ ВО «ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. К. Д. УШИНСКОГО»

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN

**Научный журнал
2022 – № 3 (30)**

*Издается с 2015 года
Выходит 4 раза в год*

Ярославль
2022

УЧРЕДИТЕЛЬ:

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

(ЯГПУ им. К. Д. Ушинского)

Верхневолжский филологический вестник = Verhnevzhskii philological bulletin : научный журнал.
Ярославль : РИО ЯГПУ, 2022. № 3 (30). 213 с. ISSN 2499-9679. DOI 10.20323/2499-9679-2022-3-30. EDN SIBCIU
2022, № 3 (30). – 500 экз.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. В. Новиков, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского (*главный редактор*); **Н. Н. Летина**, доктор культурологии, доцент кафедры культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского (*зам. главного редактора*); **О. В. Лукин**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и немецкого языка Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского (*зам. главного редактора*); **И. Ю. Лученская-Бурдина**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского (*зам. главного редактора*); **Т. А. Александрова**, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и преподавания иностранных языков Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского (*зам. главного редактора*); **Е. И. Бойчук**, доктор филологических наук, доцент кафедры романских языков Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Е. М. Болдырева**, доктор филологических наук, доцент, профессор Института иностранных языков Юго-Западного университета, г. Чунцин (КНР); **Е. Г. Борисова**, доктор филологических наук, профессор кафедры связей с общественностью Московского государственного лингвистического университета; **Е. В. Быкова**, доктор филологических наук, доцент кафедры связей с общественностью в бизнесе Санкт-Петербургского государственного университета; **Л. Г. Видулова**, доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии, заместитель директора Института иностранных языков по научной работе и международной деятельности Московского городского педагогического университета; **В. В. Деметров**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Института филологии и журналистики Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского; **Т. И. Ерохина**, доктор культурологии, профессор, проректор Ярославского государственного театрального института; **В. А. Ефремов**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена; **С. А. Засорин**, кандидат исторических наук, доцент, директор Института иностранных языков Московского педагогического государственного университета; **Т. С. Злотникова**, доктор искусствоведения, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Неля Иванова**, доктор филологических наук, профессор Университета им. профессора доктора А. Златарова (Болгария); **Н. И. Иванов**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и методики преподавания филологических дисциплин ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **В. И. Карасик**, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (Москва); **Христо Кафтанджиев**, доктор филологических наук, профессор факультета журналистики Софийского университета (Болгария); **Н. И. Клущина**, доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики русского языка факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, председатель Стилистической комиссии Международного комитета славистов; **А. Д. Кривоносов**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой коммуникационных технологий и связей с общественностью Санкт-Петербургского государственного экономического университета, директор Северо-Западного филиала Европейского института PR (IEPR), эксперт ООН по PR; **Е. Н. Лагузова**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **А. В. Леденев**, доктор филологических наук, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; **Ли Сютао**, доктор русского языка и русской литературы, профессор Института иностранных языков Юго-Западного университета, г. Чунцин (КНР); **В. А. Маслова**, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Витебского государственного университета (Беларусь); **А. Д. Петренко**, доктор филологических наук, профессор, директор института иностранной филологии, заведующий кафедрой теории языка, литературы и социолитературы Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского; **Се Чжао**, доктор филологических наук, профессор, декан факультета русского языка Института иностранных языков Юго-Западного университета, г. Чунцин (КНР); **Е. Ф. Серебренникова**, доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии Евразийского лингвистического института – филиала Московского государственного лингвистического университета в г. Иркутске; **Л. Н. Синельникова**, доктор филологических наук, Заслуженный деятель науки и техники Украины, профессор кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского государственного педагогического университета; **Г. Г. Слышкин**, доктор филологических наук, профессор, директор Центра лингвистики и профессиональной коммуникации Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; **В. Н. Степанов**, доктор филологических наук, профессор, проректор по управлению знаниями, заведующий кафедрой массовых коммуникаций Международной академии бизнеса и новых технологий (Ярославль); **Л. А. Трубина**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы, проректор по учебно-методической работе Московского педагогического государственного университета; **Н. А. Фатеева**, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель научного центра междисциплинарных исследований художественного текста Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН; **А. А. Федотова**, доктор филологических наук, доцент кафедры русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Т. Н. Федуленикова**, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых; **Г. Ю. Филипповский**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Г. Т. Хухун**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и англистики Московского государственного областного университета; **Чжэн Тун**, доктор филологических наук, профессор, директор Института мировой литературы Шанхайского университета иностранных языков, г. Шанхай (КНР); **Т. В. Юрьева**, доктор культурологии, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, **Яо Хай**, доктор исторических наук, профессор Гуманитарного института Университета науки и технологий, г. Сучжоу (КНР).

Журнал входит в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по следующим научным специальностям:

- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки), 5.9.2. Литература народов зарубежных стран (филологические науки), 5.9.3. Литература народов зарубежных стран (германские языки, романские языки) (филологические науки), 5.9.4. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки), 5.9.5. Теория и история культуры, искусства (искусствоведение, культурология)

Публикуемые в журнале материалы рецензируются членами редакционной коллегии и независимыми экспертами.

Адрес редакции:

150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1

Тел.: (4852) 30-55-96 (научная часть), 72-64-05, 32-98-69 (издательство)

Адреса в интернете: <http://yspu.org/>; <http://vv.yspu.org/>

Регистрационный номер средства массовой информации:

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ПИ № ФС 77 75453 от 05.04.2019 г.

Условия публикации статьи в научном журнале «Верхневолжский филологический вестник»

см. на сайте: <https://vv.yspu.org/for-authors/terms/>

© ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», 2022

© Авторы статей, 2022

FOUNDER:

Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (YSPU after K. D. Ushinsky)

Verhnevolzhskii philological bulletin : scientific journal. Yaroslavl : YSPU, 2022. № 3 (30). 213 pages.
ISSN 2499-9679. DOI 10. 10.20323/2499-9679-2022-3-30. EDN SIBCIU
2022, № 3 (30). – 500 copies.

EDITORIAL BOARD

M. B. Novikov, doctor of historical sciences, professor, Honoured scientist of Russian Federation, head of theory and methods of professional education department, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (editor in chief); **N. N. Letina**, doctor of cultural sciences, associate professor, department of culturalology, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **O. V. Lukin**, doctor of philological sciences, professor, head of department of theory of language and german language, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **I. Yu. Luchenetskaya-Burdina**, doctor of philological sciences, professor, head of department of russian literature, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **L. B. Ukhova**, doctor of philological sciences, professor, department of theory of communication and advertising, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **T. A. Alexandrova**, Candidate of Philological sciences, Associate Professor at the Department of Linguistics and Foreign languages teaching, Grenoble Alps University (France); **E. I. Boichuk**, doctor of philological sciences, associate professor of department of roman languages, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **E. M. Boldyreva**, doctor of philological sciences, professor of Institute of foreign languages of South-West university, Chongqing (China); **E. G. Borisova**, doctor of philological sciences, professor, department of public relations, Moscow state linguistic university; **E. V. Bykova**, doctor of philological sciences, associate professor of department of public relations in business of St. Petersburg state university; **L. G. Vikulova**, doctor of philological sciences, professor, department of romance philology, deputy director of Institute of foreign languages, Moscow city pedagogical university; **V. V. Dementyev**, doctor of philological sciences, professor; department of theory, history of language and applied linguistics, Institute of philology and journalism, Saratov state university named after N. G. Chernyshevsky; **T. I. Erokhina**, doctor of cultural sciences, professor, deputy rector of Yaroslavl state theatre institute; **V. A. Efremov**, doctor of philological sciences, professor, head of the russian language department of the A. I. Herzen Russian state pedagogical university; **S. A. Zasorin**, candidate of historical sciences, associate professor, director of Institute of foreign languages of Moscow pedagogical state university; **T. S. Zlotnikova**, doctor of arts, Honoured scientist of Russian Federation, professor of culturology department, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **Nelya Ivanova**, doctor of philological sciences, professor, University named after professor doctor A. Zlatarov (Bulgaria); **N. N. Ivanov**, doctor of philological sciences, professor, department of theory and methods of teaching philological sciences, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **V. I. Karasik**, doctor of philological sciences, professor of general and russian linguistics department of State university of russian language named after A. S. Pushkin (Moscow); **Christo Kaftandjiev**, doctor of philology, professor, faculty of journalism, Sofia university (Bulgaria); **N. I. Klushina**, doctor of philological sciences, professor, department of russian stylistics, faculty of journalism, Lomonosov Moscow state university; head of stylistics board, International slavic committee; **A. D. Krivososov**, doctor of philological sciences, professor, head of department of communication technologies and PR, St.-Petersburg state university of economics; **E. N. Laguzova**, doctor of philological sciences, professor, head of department of russian language, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **A. V. Ledenev**, doctor of philological sciences, professor of department of contemporary russian literature and modern literary process, philological faculty of Lomonosov Moscow state university; **Li Xiaotao**, doctor of russian language and russian literature, professor of Institute of foreign languages of South-West university, Chongqing (China); **V. A. Maslova**, doctor of philological sciences, professor, department of general and russian linguistics, Vitebsk state university (Belarus); **A. D. Petrenko**, doctor of philological sciences, professor, director of Institute of foreign philology, head of department of theory of language, literature and sociolinguistics of Crimean federal university named after V. I. Vernadsky; **Xie Zhou**, doctor of philological sciences, professor, dean of the faculty of russian language at the Institute of foreign languages of Southwestern university, Chongqing (China); **E. F. Serebrennikova**, doctor of philological sciences, professor, department of romance philology, Euroasian linguistic university in Irkutsk (branch of Moscow state linguistic university); **L. N. Sinelnikova**, doctor of philological sciences, Honored worker of science and technology of Ukraine, professor of the department of russian linguistics and communication technologies of Lugansk state pedagogical university; **G. G. Slyshkin**, doctor of philological sciences, professor, director of the center for linguistics and professional communication of the Russian academy of national economy and public administration under the President of the Russian Federation; **V. N. Stepanov**, doctor of philological sciences, professor, vice-rector, head of department of mass communications, international Academy of business and new technologies (Yaroslavl); **L. A. Trubina**, doctor of philological sciences, professor, head of department of russian literature, vice-rector for education of Moscow pedagogical state university; **N. A. Fateeva**, doctor of philological sciences, professor, a chief research worker, head of scientific center of interdisciplinary researches of literary text of Institute of russian language named after V. V. Vinogradov of Russian academy of sciences; **A. A. Fedotova**, doctor of philological sciences, associate professor of the department of russian literature of the Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **T. N. Fedulenkova**, doctor of philological sciences, professor, department of foreign languages in professional communication, Vladimir state Stoletov university; **G. Yu. Filippovsky**, doctor of philological sciences, professor, department of russian literature, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **G. T. Khukhuni**, doctor of philological sciences, professor, head of department of language theory and anglicistics of Moscow state regional university; **Zheng Tiu**, doctor of philology, professor, director of the Institute of world literature, Shanghai university of foreign studies, Shanghai (China); **T. V. Yurieva**, doctor of cultural sciences, professor, department of journalism and publishing, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **Yao Hai**, doctor of historical sciences, professor of Humanitarian institute of University of science and technology, Suzhou (China).

The journal is included into the list of the leading peer-reviewed journals and editions where the main scientific results of theses are published for proceeding to the degree of doctor and candidate of sciences on the following scientific specialties:

5.9.1 Russian literature and national literatures of the Russian Federation (philological sciences), 5.9.9 Media communications and journalism (philological sciences), 5.9.5. Russian language. National languages of Russia (philological sciences), 5.9.6 Languages of foreign countries (Germanic languages, Romance languages) (philological sciences), 5.9.8. Theoretical, applied and comparative linguistics (philological sciences), 5.9.1 Theory and history of culture and the arts (art criticism, cultural studies)

Materials published in the journal are reviewed by the members of the editorial board and independent experts

Address of the editorial office

150000, Yaroslavl, Respublikanskaya str., 108/1

Tel.: (4852) 30-55-96 (research department), 72-64-05, 32-98-69 (publishing office)

Internet addresses <http://yspu.org/>; <http://vv.yspu.org/>

Mass media registration:

The federal service for supervision of communications, information technology, and mass media

PI № FS 77 75453, 05.04.2019

Conditions for the publishing article in the scientific journal

«Verhnevolzhskii philological bulletin»: <https://vv.yspu.org/for-authors/terms/>

© Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, 2022

© Authors of the articles, 2022

Научный журнал
Издается с 2015 года
№ 3 (30) – 2022

«Родное слово есть именно та
духовная одежда, в которую должно облечься всякое знание,
чтобы сделаться истинной собственностью
человеческого сознания...»

К. Д. Ушинский

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Русская литература

- Тан Дини, Се Чжоу* Творчество Лермонтова и журнал «Москвитянин» _____ 8
- Андреева В. Г.* Экспликации усадебно-дачного топоса в «Круге чтения» Л. Н. Толстого _____ 17
- Мельник В. И.* Автобиографический аспект поэмы Н. А. Некрасова «Мороз, Красный нос» _____ 28
- Шестакова Е. Ю.* Тема Пасхи в романе И. С. Шмелева «Лето Господне» _____ 36
- Бокарев А. С.* Символическая образность в лирике Дениса Новикова _____ 44

Русский язык

- Галкина Н. П.* Функционирование сложноподчиненных предложений в региональных медиа на фоне общероссийских: показатели устойчивости и вариативности _____ 50
- Кондратенко М. М.* Особенности номинации времени жизни в русских народных говорах _____ 60
- Казнина Е. А.* Современная ономастическая терминология: проблема понимания и перспективы развития _____ 67
- Будник А. А. О.* Лексема «кукла» в поэтическом дискурсе Серебряного века _____ 76

Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

- Лукин О. В.* Феномен А. В. Таппе и учебники русского языка для немцев _____ 84
- Кратнова З. А.* Основные теоретические вопросы языковой специфики научного текста _____ 91
- Горожанов А. И., Губанова К. А.* Ассоциативная синестемия как активатор образного мышления лиц с нарушениями зрения (на примере аудиодескрипции) _____ 98
- Сперанская А. В.* Образность в китайских чэньюях о каллиграфии _____ 106
- Ергазина А. А.* Фразеомоделирование в свете взаимодействия языка и культуры _____ 115

Языки народов зарубежных стран (германские языки)

- Павлина С. Ю.* Функционально-прагматический аспект английских фразеологизмов с этнонимами _____ 121

Григорьева Е. М. Английская сленговая лексикография: формирование, развитие, современное состояние _____ 129

Ильичева Е. Г. Основы эффективного речевого взаимодействия в суде _____ 137

Воронцова И. А. Актуальные подходы к конструированию ономастических словарей (на материале английского языка) _____ 146

Языки народов зарубежных стран (романские языки)

Овчинникова Г. В. Особенности структуры и семантики артем во французских включениях произведений Л. Н. Толстого _____ 155

Бурак М. С. Время и Сознание в некоторых произведениях Х. Л. Борхеса в языковом и культурологическом аспектах _____ 162

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВА

Кочешков Г. Н., Любимова Е. А. Фотографии государственных праздников 1920-х годов как средство пропаганды советского строя _____ 171

Еремин А. В. Консерватизм как социокультурный феномен русского исторического пути: истоки, трансформация в советскую эпоху, влияние на современность _____ 179

Хренов Н. А. Персонологический аспект цивилизационной идентичности (Россия, Америка, Китай) _____ 186

Летина Н. Н. Гендерно-детерминированные архетипы в художественном универсуме Н. А. Некрасова _____ 197

Байбородова Л. В., Данданова С. В., Чепурина Е. И. Трагическое мироощущение в поэзии периода Первой мировой войны на примере творчества З. Сассуна и А. Штрамма _____ 205

«The word of your native tongue is nothing else but
the spiritual clothing to envelop any kind of knowledge
for it to become a true achievement
of human thought...»

K. D. Ushinsky

THE CONTENT

PHILOLOGY

Russian literature

- Tang Dingyi, Xie Zhou** Lermontov's work and the magazine «Moskvityanin» _____ 9
- Andreeva V. G.** Explications of the estate and dacha topos in Leo Tolstoy's A Calendar of wisdom ____ 17
- Melnik V. I.** Autobiographical aspect of N. A. Nekrasov's poem «Grandfather Frost the Red nose» ____ 28
- Shestakova E. Yu.** The theme of Easter in the novel «Summer of Our Lord» by I. S. Shmelev _____ 36
- Bokarev A. S.** Symbolic imagery in the poetry by Denis Novikov _____ 44

Russian language

- Galkina N. P.** Functioning of complex sentences in regional media against the background of russian national media: stability and variability indicators _____ 50
- Kondratenko M. M.** Peculiarities of naming the time of life in russian dialects _____ 60
- Kaznina E. A.** Modern onomastic terminology: the problem of understanding and prospects of development _____ 67
- Budnik A. A. O.** The Doll in the Silver Age poetic discourse _____ 76

Theoretical, applied, comparative and contrastive linguistics

- Lukin O. V.** The phenomenon of A. W. Tappe and russian language textbooks for the germans _____ 84
- Kratnova Z. A.** Language specifics of the scientific text _____ 91
- Gorozhanov A. I., Gubanova K. A.** Associative synesthesia as an imaginative thinking activator of visually impaired people (based on audio description) _____ 98
- Speranskaya A. V.** Imagery in chinese chengyu on calligraphy _____ 106
- Ergasina A. A.** Phrase modeling in the light of the interaction of language and culture _____ 115

Languages of foreign countries (germanic languages)

- Pavlina S. Yu.** Functional and pragmatic perspectives on the English phraseological units with incorporated ethnonyms _____ 121
- Grigoryeva E. M.** English slang lexicography: formation, development, current state _____ 129

Ilyicheva E. G. On effective tactics of interrogation in court _____ 137

Vorontsova I. A. Modern approaches to onomasiological dictionary construction
in the english language _____ 146

Languages of foreign countries (romance languages)

Ovchinnikova G. V. Specific features of the structure and semantics of artemes in french passages
in Leo Tolstoy's works _____ 155

Burak M. S. Time and Consciousness in some works of H. L. Borges in linguistic and cultural aspects 162

THEORY AND HISTORY OF CULTURE AND THE ARTS

Kocheshkov G. N., Lyubimova E. A. Photos of the 1920s public holidays as a means to promote
the soviet system (based on materials of the Yaroslavl province) _____ 172

Eremin A. V. Conservatism as a social and cultural phenomenon of Russia's historical way: origins,
transformation in the soviet era, influence on modernity _____ 179

Khrenov N. A. Personological aspect of civilizational identity (Russia, America, China) _____ 186

Letina N. N. Gender determined archetypes in N. A. Nekrasov's artistic universe _____ 197

Bayborodova L. V., Dandanova S. V., Chepurina E. I. Tragic reflections of World War I in Siegfried
Sassoon's and August Stramm's poetry _____ 205

ФИЛОЛОГИЯ

Русская литература

Научная статья

УДК 82

DOI: 10.20323/2499-9679-2022-3-30-8-16

EDN: SQCGQI

Творчество Лермонтова и журнал «Москвитянин»

Тан Дини¹, Се Чжоу^{2✉}

¹Кандидат филологических наук, лектор, институт иностранных языков Юго-западного университета (Китай)

²Доктор филологических наук, профессор, институт иностранных языков Юго-западного университета (Китай)

¹ginnetang@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2546-179X>

²xiezhou1234@163.com[✉], <https://orcid.org/0000-0001-9238-3034>

Аннотация. В современном лермонтоведении накоплено значительное количество исследований по истории развития лермонтоведения, как особой отрасли литературоведения. Настоящая статья посвящена процессу становления лермонтоведения в первую его пору в 1840–1850 годы, связанную с критической деятельностью так называемых «старой редакции» и «молодой редакции» журнала «Москвитянин» – вопросу, еще не получившему должного научного освещения. Авторы анализируют основные тенденции и эволюцию взглядов обеих редакций журнала на творчество Лермонтова в трех перспективах: как выражение позиции конкретного критика, как отражение критического опыта в рамках журнала «Москвитянин» и как углубление исследования Лермонтова в целом. В статье рассматривается творчество Лермонтова в критике «старой редакции» журнала «Москвитянин» и в критике «молодой» редакции журнала «Москвитянин». В фокус данной статьи попадают главным образом работы костяка «старой редакции» С. П. Шевырева и представителя «молодой редакции» Ап. А. Григорьева. Принципиально новым является обоснование важной и неоднозначной роли журнала «Москвитянин» в начале становления лермонтоведения, а также введение в научный оборот материалов, находящихся на периферии исследования современных литературоведов. Суждения обоих редакционных кругов журнала рассматривается по следующим параметрам: оригинальность дарования Лермонтова, самобытность творчества поэта, подражание Лермонтову других писателей, субъективное начало в творчестве Лермонтова, объективность содержания и его общественная проекция. В статье выявлены основные и актуальные проблемы лермонтоведения, обозначен спектр восприятия творчества Лермонтова критиками обеих редакций журнала «Москвитянин», показан уровень развития лермонтоведения на его начальном этапе.

Ключевые слова: «Москвитянин»; лермонтоведение; М. Ю. Лермонтов; С. П. Шевырев; Ап. А. Григорьев; «старая редакция»; «молодая редакция»

Статья подготовлена в рамках Пилотной программы инновационных исследований – 2035 Юго-Западного университета Китайской Народной Республики при Министерстве образования КНР

Для цитирования: Тан Дини, Се Чжоу Творчество Лермонтова и журнал «Москвитянин» // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 3 (30). С. 8–16. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-3-30-8-16>. <https://elibrary.ru/SQCGQI>

PHILOLOGY

Russian literature

Original article

Lermontov's work and the magazine «Moskvityanin»

Tang Dingyi¹, Xie Zhou^{2✉}

¹Candidate of philological sciences, lecturer, Institute of foreign languages, Southwest university (China)

²Doctor of philology, professor, Institute of foreign languages, Southwest university (China)

¹ginnetang@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2546-179X>

²xiezhou1234@163.com✉, <https://orcid.org/0000-0001-9238-3034>

Abstract. Modern studies of Lermontov's work have accumulated a considerable number of researches on the history of these studies, as a special branch of literary criticism. This article deals with the formation of Lermontov studies in 1840–1850, the period associated with the critical work of the so-called «old editorial board» and «young editorial board» of «Moskvityanin» – a question that has not yet received proper scientific coverage. The authors analyze the main trends and evolution of the views of both editorial boards on Lermontov's work from three perspectives: as an expression of a particular critic's position, as a reflection of critical experience within the journal «Moskvityanin» and as a more profound study of Lermontov as a whole. The article examines Lermontov's work as seen by the «old» editorial board and the «young» editorial board of the «Moskvityanin» magazine. The article focuses mainly on the works by S. P. Shevyrev, the backbone of the «old editorial board», and by Ap. A. Grigoriev, a representative of the «young editorial board». A fundamentally new aspect in the article is explaining an important and controversial role of «Moskvityanin» in the early stage of Lermontov studies, as well as introducing materials from the periphery of research into contemporary literary criticism. The opinions of both editorial circles of the magazine are examined according to the following parameters: originality of Lermontov's talent, originality of the poet's work, other writer's imitation of Lermontov, subjective nature of Lermontov's work, objective content and its social projection. The article indicates the main and topical problems of Lermontov studies, describes the perception of Lermontov's work by the critics from both editorial boards of «Moskvityanin» magazine and shows the level of development in Lermontov studies at its initial stage.

Key words: Moskvityanin; Lermontov studies; M. Yu. Lermontov; S. P. Shevyrev; Ap. A. Grigoriev; «old editorial board»; «young editorial board»

Innovation Research 2035 Pilot Plan of Southwest University (SWUPilotPlan023)

For citation: Tang Dingyi, Xie Zhou Lermontov's work and the magazine «Moskvityanin». *Verhnevolski philological bulletin*. 2022;(3):8–16. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-3-30-8-16>. <https://elibrary.ru/SQCGQI>

Введение

С выходом романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» и стихотворного сборника «Стихотворения М. Лермонтова» в начале 1840-х гг. поэт привлек к себе большое внимание современных ему критиков. Вокруг творчества Лермонтова возникли разногласия по вопросам его нравственности, принципам отражения действительности, оригинальности, художественного значения и т. д.

В этот период главным событием в истории русской литературы было открытие журнала «Москвитянин» (1841–1856) с общими славянофильскими убеждениями. Посвященные Лермонтову работы в журнале исключительно относятся к началу 40-х и 50-х годов; они созданы так называемыми «старой редакцией» и «молодой редакцией». В начале 1840-х годов, когда

С. Шевырев был еще «положительным лицом» в русской литературе, «Москвитянин» являлся самым влиятельным журналом, с которым чаще всего связаны имена С. П. Погодина, С. П. Шевырева, А. С. Хомякова, И. В. Киреевского и др., в журнале печатались М. Н. Загоскин, В. И. Даль, А. Ф. Вельтман, М. А. Дмитриев, Н. М. Языков и т. д. Главный редактор журнала Шевырев в качестве почти самого влиятельного критика консервативной линии вокруг творчества Лермонтова вел полемику с «левым» В. Г. Белинским. Пытаясь внести в журнал новую тенденцию, «молодая редакция» заявила о себе в 1850-е годы, когда «Москвитянин» фактически «был единственным литературным журналом в Москве и собрал вокруг себя наиболее талантливых молодых московских писателей и журналистов» [Пуряева, 2008, с. 279]. Среди них Ап. А. Григорьев, который уделял большое вни-

мание творчеству Лермонтова.

Безусловно, взаимоотношения между Лермонтовым и журналом «Москвитянин» привлекали интерес исследователей, хотя о нем авторы писали в основном в связи с другой темой: Н. Н. Пуряева рассматривает личные отношения Лермонтова со старым редакционным кругом журнала, особенно с издателем Погодиным [см. подробнее Пуряева, 2007, с. 148–151]. С. М. Телегина в статье «М. Ю. Лермонтов в критике журнала „Москвитянин“» анализирует оценки творчества Лермонтова представителем консервативной критики Шевыревым в контексте полемики между журналами «Москвитянин» и «Отечественные записки» [см. подробнее Телегина, 2021, с. 130–165]. И. А. Киселева и другие ученые уделяют особое внимание творческой истории произведения Лермонтова «Спор» — единственного стихотворения, напечатанного в журнале «Москвитянин» и получившего положительный отзыв от Шевырева [см. подробнее Киселева, Поташова, Сеченых, 2019, с. 264–279].

Задача настоящей статьи состоит в том, чтобы обозначить вехи и основные имена исследователей в начале становления лермонтоведения (в широком смысле) в 1840–1850 годы, в процессе которого большую роль сыграл журнал «Москвитянин». Мы стремимся, с одной стороны, обосновать совпадение и единство взглядов «старой» и «молодой» редакций, с другой стороны, показать, как эволюционировали взгляды обеих редакций, имея под этим в виду не столько суждения критиков, сколько вектор развития лермонтовской науки.

Лермонтов в критике «старой редакции» журнала «Москвитянина»

В связи с непризнанием литературной репутации Лермонтова многими современными ему критиками, в центр внимания «старой редакции» входили вопросы об оригинальности дарования Лермонтова, самобытности творчества поэта и подражательности Лермонтову других писателей.

С. П. Шевырев первым акцентировал внимание на проблеме заимствования творчества Лермонтова в своем подробном разборе стихотворений поэта. Критик, применяя термин «протезизм», объяснил подражательность Лермонтова так: «Когда вы внимательно прислушиваетесь к звукам той новой лиры, которая подала нам повод к такому рассуждению, вам слышатся попеременно звуки то Жуковского, то Пушкина, то Кирши Данилова, то Бенедиктова» [Шевырев,

1841, с. 527]. После первого разбора лермонтовских текстов, Шевырев не раз возвращался к теме оригинальности Лермонтова как художника [см. подробнее Шевырев, 1843, с. 501–533; Шевырев, 1842, с. 153–191; Шевырев, 1852, с. 21–44]. Придерживаясь взгляда, что в творчестве Лермонтова «не образовался оригинальный и решительный характер» [Шевырев, 1841, с. 525], критик принимал Лермонтова как подражателя русским и европейским писателям, и прежде всего подражателя Пушкину. На взгляд Шевырева, «поэзия русская в лице Лермонтова не сделала ни шагу вперед против Пушкина» [Шевырев, 1843, с. 182]. Видимо, Шевырев отказался признать, что в поэзии Лермонтова существует новая поэтическая тенденция, проблема которой встала после смерти Пушкина в 1840–1850 гг. наиболее остро. Действительно, к середине 1840 г. проблема Лермонтова и его подражателей уже становилась заметным феноменом, на что сотрудники Шевырева в «Москвитянине» также обращали внимание.

В отличие от Шевырева, сосредоточившегося на вопросе заимствования у Лермонтова, И. С. Аксаков вывел на орбиту своего исследования вопрос влияния Лермонтова на его современных писателей. В статье «Разговор Ив. Тургенева» Аксаков понимал Лермонтова как «замечательное и сильное явление», которое «имеет своих часто неудачных подражателей» [Аксаков, 1845, с. 49], к числу которых принадлежит молодой И. С. Тургенев. По мнению критика, стихотворение Тургенева «Разговор» является эпигонским по отношению к поэме Лермонтова «Мцыри», первый подражает второму в размере стихотворения и характере героя. Критик заметил: «Как слаба копия! Особенно если вспомнить оригинал, в котором столько дарования, сколько красот поэтических» [Аксаков, 1845, с. 50]. Кроме Аксакова, вопрос о влиянии Лермонтова на Тургенева затрагивал анонимный автор статьи «Русская словесность в 1846 году», который также отмечал, что в стихотворениях Тургенев «будет варьировать до усталости какую-нибудь мысль Лермонтова» [П. П., 1847, с. 153].

Большое место на страницах «Москвитянина» занимал и вопрос о субъективном начале в творчестве Лермонтова и объективном его содержании, а следовательно, и его общественной проекции.

С. Шевырев изначально интересовался вопросом субъективного начала в произведениях Лермонтова. Критик отмечал, что «в некоторых стихотворениях обнаруживается какая-то особенная

личность поэта, не столько в поэтической форме выражения, сколько в образе мыслей и чувствах, данных ему жизнью» [Шевырев, 1841, с. 536]. Шевырев, с одной стороны, положительно отзывался о таких лермонтовских стихотворениях, как «Молитва», «Памяти А. И. Одоевского», в которых выражаются благородные личные чувства; с другой стороны, давал резкую отрицательную оценку таким стихам, как «И скучно и грустно», «Дума», которые «обдают сердце каким-то холодом». По мнению Шевырева, «Дума», «И скучно и грустно» и подобные им стихотворениям Лермонтова являются «мгновенными плодами какой-то мрачной хандры», они нарушают «гармонию чувства, совершенно против миру прекрасного» [Шевырев, 1841, с. 538]. Итак, Шевырев относился к субъективному началу в творчестве Лермонтова неоднозначно, считая, что субъективность автора оказывает то или иное влияние на душу читателей. По Шевыреву, Лермонтов виноват в том, что он в своей лирике выражает личные чувства и мысли, противостоящие прекрасному миру. С таким пристрастным подходом Шевырев не мог должным образом понимать субъективное начало и «дисгармонию» в поэзии Лермонтова.

Вопросу объективности творчества Лермонтова посвящен большой критический разбор Шевырева «„Герой нашего времени“». Соч. М. Лермонтова». Автор связывает проблему общественной, социальной составляющей с проблемой охвата русской действительности в романе Лермонтова. Развивая основные положения консервативной критики, Шевырев сосредоточивается на двух вопросах: образ Печорина и проявление русской жизни в романе Лермонтова. Шевырев написал: «Печорин, за исключением одной его апатии, которая была только началом его нравственной болезни, принадлежит миру мечтательному, производимому в нас ложным отражением Запада» [Шевырев, 1841, с. 537]. Видимо, говоря об апатии Печорина, Шевырев называет ее «нравственной болезнью» и находит ее истоки в западной культуре, то есть не выделяет ее русские корни.

Литературный критик А. Е. Студитский также останавливался на вопросе общественной проекции в творчестве Лермонтова. По мнению критика, величайших поэтов «может понимать только тот, кто знаком с историей их времени, особенно внутренней историей жизни их народов в то время» [Студитский, 1846, с. 252]. К числу таких поэтов принадлежит Лермонтов, «чтением кото-

рого можно наслаждаться, только сочувствуя направлению нашего века» [Студитский, 1846, с. 552]. Иными словами, на взгляд Студитского, в творчестве Лермонтова нашла отражение история народа его времени.

Итак, старшая редакция журнала «Москвитянин» во главе Шевырева в целом отрицательно отзывалась о Лермонтове: критиковала его на предмет заимствования, не видела в нем русской самобытности и оригинальности, относилась к субъективному началу поэта неоднозначно и не признавала русскости образа Печорина, следовательно отвергала общественное значение романа «Герой нашего времени». Однако следует отметить, что, по словам профессора Санкт-Петербургского государственного университета В.М.Марковича, «общие горизонты объяснения и оценки лермонтовских произведений повсюду устойчиво сохранили в ту пору свою начальную узость» [Маркович, 2013, с. 9], так что точка зрения Шевырева на самом деле являлась результатом идеологии времени. Однако, осуждая Печорина, критик высоко оценивал образ «коренного русского добряка» Максима Максимыча как реального русского типа. Справедливо сказать, анализ Максима Максимыча Шевыревым со славянофильских позиций даже на сегодняшний день считается серьезной работой и не потерял свою значимость. Что касается разбора стихотворений Шевырева, как заметил профессор Московского государственного университета В. Б. Катаев: «...сохраняет значение одна из сторон критики Шевырева. Стремясь принизить оригинальность лермонтовской поэзии, он педантично перечислил примеры многих переключек стихов Лермонтова со стихами предшественников и современников...Можно сказать, что Шевырев проделал полезную работу...» [Катаев, 2014, с. 88]. Тем более концепция погруженного в западную литературу Шевырева, являвшегося первым профессором истории русской словесности и одним из авторитетнейших ученых Императорского Московского университета, в большинстве случаев настолько сложна и логична, что его суждения неизбежно повлияли на взгляды литераторов следующих поколений и сыграли значительную роль в начале становления лермонтоведения [см. подробнее Тан Дини, 2018, с. 162–173].

К середине 1840 гг. при отстранении Шевырева от руководства журналом и центрального места в московской журналистике творчество Лермонтова начало получать общее признание в

кругу старшей редакции «Москвитянина». Аксаков, Киреевский, Студитский и другие литераторы, выделяя Лермонтова среди современных писателей, или утверждали влияние сильного дарования Лермонтова на современных писателей (Аксаков), или отмечали особое значение Лермонтова для русской литературы (Киреевский) [см. подробнее Киреевский, 1845, с. 25], или высоко оценивали общественную проекцию в творчестве Лермонтова (Студитский). Одним словом, отношение «Москвитянина» к Лермонтову стало изменяться, с этим связано признание литературной репутации поэта. Ведь известно, что для поколения И. С. Тургенева, которому творчество Лермонтова было очень близко и дорого, последний уже стал классиком.

Лермонтов в критике младшего поколения «Москвитянина»

С начала 1850 гг. деятельностью бывшего годиного-шевыревского журнала руководила «младшая редакция», сначала во главе с А. Н. Островским, потом с Ап. Григорьевым. В эти годы литературная полемика, развернутая журналами «Современник» и «Москвитянин», стала главным событием в истории русской литературы, так что оппозиция «младшей редакции» петербургским журналам чаще всего находится в центре кругозора исследователей. В отношении спора с петербургскими литераторами «старая редакция», особенно Шевырев, служила актуальным примером для «младшей». Но, как отметили авторы статьи «Спор Петербурга с Москвою. Литературная полемика первой половины 1850-х годов», «между старым и новым „Москвитянином“ была и более глубинная связь» [Вдовин, Зубков, 2015, с. 24]. В названной работе имеется в виду, что «младшая редакция» была преемницей Шевырева, который постоянно использовал научные и рациональные методы. Действительно, в отличие от редакции «Современника», требовавшей уважения к публике и часто ссылавшейся на мнение публики, критика «младшей редакции» оказалась разумной. Относительно творчества Лермонтова, критика Ап. Григорьева и других литераторов младшего поколения в значительной мере наследовала критическую традицию старого поколения, и уделяла особое внимание таким темам, которые обсуждали Шевырев и его сотрудники.

Прежде чем рассматривать суждения Григорьева, следует отметить, что мнение критика о Лермонтове, заявленное в журнале «Москвитя-

нин» в 1850-е годы, коренным образом отличается от его известных читателям суждений, опубликованных в 1860-е годы в цикле статей «Лермонтов и его направление: Крайние грани развития отрицательного взгляда» (Время. 1862, № 10, 11, 12), в которых автор, как защитник Лермонтова, начал изображать обаятельный характер Печорина и интерпретировать Печорина как не чуждый русской народности образ.

Ап. Григорьев в начале 1850-х годов в целом разделял мнение Шевырева по вопросу об оригинальности и зрелости дарования Лермонтова. Критик характеризовал дарование Лермонтова как «рано погибшее, действительно значительное, но еще ничего не сделавшее» [Григорьев, 1852, с. 7]. Следует заметить, что даже Белинский — главнейший защитник Лермонтова в то время, не выдвинул серьезных контраргументов против утверждений о заимствованиях у Лермонтова. Решение этого вопроса принадлежит к рубежу 19–20 веков вместе с общим признанием национального характера в творчестве Лермонтова.

Что касается вопроса объективности содержания творчества Лермонтова, связанного с проблемой охвата в его произведениях русской жизни, Григорьев в большой мере наследовал взгляды Шевырева. Григорьев обвинял Лермонтова в том, что он «представил дендизм во всей его заманчивости и нигде не высказал сатирического взгляда на своего героя, напротив относился к нему скорее с участием» [Григорьев, 1851, с. 405]. Иными словами, Григорьев, продолжая обвинительную линию консервативной критики, упрекал Печорина в безнравственности и одновременно осуждал Лермонтова на отсутствие яркой авторской позиции в романе. А по вопросу об охвате русской действительности в «Герое нашего времени», мнение Григорьева оказалось совсем иным, чем в 1860-е годы. «Младомосквитянин» Григорьев думал, что Печорин «развивался под влиянием обстоятельств, чуждых настоящему русскому быту» [Григорьев, 1852, с. 14].

Однако больше всего интересуют Григорьева не вопросы вокруг творчества самого Лермонтова, а вопросы о лермонтовских эпигонах, или, по формулировке самого критика, вопросы о лермонтовском направлении. В истории развития лермонтоведения Григорьев был первым критиком, который поставил этот вопрос на центральное место своего исследования.

Было бы интересно заметить, что Григорьев чаще всего ставил денди Онегина и Печорина в одном ряду, но он приписывал подобных им героев к лермонтовским, а не пушкинским. Григорьев не раз сравнивал роман Лермонтова «Герой нашего времени» с повестью М. В. Авдеева «Тетрадь из записок Тамарина». На взгляд критика, авдеевский герой Тамарин, который пишет дневники и живет с высокой душой, напоминает лермонтовского героя Печорина. Оба героя носят характер «пустоты», «праздности» и «пошлости» [Григорьев, 1851, с. 215–216]. Так что Тамарин является в полном смысле лермонтовским героем. Видя в главном герое повести Авдеева нравственную болезнь, Григорьев, как и к Печорину, относился к Тамарину критически.

Немногие из подражательных лермонтовским героям образы получили положительные оценки Григорьева, но герой из драматической поэмы А. Мюссе «Уста и чаша» Франк оказался исключительным. Григорьев даже поставил его выше Печорина, полагая, что «в нем нет печоринского желания высосать апельсин и бросить, нет моральной апатии, больше страсти и непосредственности в натуре, одним словом, он менее на ходулях перед самим собой, не смотря на свои эксцентрические поступки; – злое начало есть в нем какая-то слепая, разрушительная стихия» [Григорьев, 1852, с. 65–66]. Очевидно, анализируя творчество эпигонов лермонтовского направления, Григорьев не отвергал всех. Критик диалектически относился к тем взятым у Лермонтова образам, которые порой оказывались искреннее оригинала.

Григорьев не только сосредоточил внимание на подражании образу Печорину, но и сравнивал героев произведений лермонтовского направления с Мцыри, Арбениным, женскими образами Лермонтова и т. д. В изучении лермонтовской школы Григорьевым тема подражания лермонтовским героям других писателей занимает весьма важное место. Особое внимание уделялось также вопросу о субъективности в творчестве самого Лермонтова и лермонтовского направления. В этом отношении мнения Григорьева с Шевыревым расходились.

Важным критерием для «младшей редакции» в определении подлинного искусства представляется «объективность» и «искусственность», которые постоянно встречались на страницах «Московского наблюдателя» в 1830-х гг. Однако Григорьев в принципе не отвергал субъективное начало в искусстве. В его статьях «Русская лите-

ратура в 1851 году» и «Русская изящная литература в 1852 году» выражается мысль о том, что объективное и субъективное искусство теоретически равно достойно, однако в современных обстоятельствах более востребовано именно объективное [см. подробнее Григорьев, 1853, с. 1–64; Григорьев, 1852 Ч. 1, с. 1–9; Григорьев, 1852, Ч. 2, с. 13–28].

Григорьев благосклонно отзывался о субъективном начале в творчестве Лермонтова, в котором поэт так искренно выражал свои взгляды, отделяя его от подражания, полного ложной ходульности. Отметим, что обе редакции журнала «Москвитянин» относились к субъективному началу в художественных произведениях неоднозначно, но их критерии оказались совсем разными. Шевырев считает, что собственные чувства, которые противны миру прекрасного не должны выражаться в искусстве, а должны выражаться только прекрасные чувства, например чувства дружбы, религиозности и др. А Григорьеву, видимо, дорога авторская «искренность», которая стала критерием критика в определении удачности подражания Лермонтову других писателей.

Григорьев нередко обвинял подражателей типа такого в «ходульности всякого порыва» и «холодности отношений к жизни, обращенной в правило, не связанной ни с чем настоящим в натуре» [Григорьев, 1855, с. 177]. По мнению критика, стремясь передавать личные чувства, писатели лермонтовской школы постоянно довели манеру Лермонтова до крайности и наконец превратили это в какое-то ремесло. К примеру, такое неуклюжее подражание совершил автор повести «Идеалист» А. В. Станкевич. Григорьев утверждает, что подражатели не могли полностью овладеть лермонтовским тоном, «все, бывшее настоящей бурей в душе» Лермонтова обратилось у подражателей «просто в бурю в стакане воды» [Григорьев, 1851, с. 177]. Одним словом, большая часть творчества эпигонов лермонтовского направления в этом отношении оказалось критику неудачным.

Григорьев, в виде исключения, давал положительную оценку стихотворениям Хвощинской и драматической поэме Мюссе «Уста и чаша». Критик думал, что у Хвощинской «есть всегда и мысль и чувство, иногда самые стихи у нее звучны и сильны» [Григорьев, 1853, с. 8]. А Мюссе, по Григорьеву, опоэтизировал «один момент своего духовного процесса» в «несколько ложную грандиозность» [Григорьев, 1852, с. 65].

Примечательно, что Григорьев в отличие от современных ему критиков, обсуждая творчество Мюссе, не вмешивал автора и лирического героя. На взгляд Григорьева, Мюссе, так и Лермонтов, воплотил личные чувства в своих героях, но это не значит, что автор в своих произведениях выразил самого себя.

Как видно, что касается вопросов оригинальности Лермонтова, объективности содержания и общественного значения его романа, в суждениях Григорьева сохраняются инерция взглядов Шевырева. Однако значение субъективного начала в творчестве Лермонтова понимает Григорьев иначе. Вместе с тем, изучая вопросы лермонтовского направления, Григорьев стал первым исследователем, который поставил эту проблему на центральное место в своем изучении Лермонтова.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что журнал «Москвитянин» сыграл одну из важнейших ролей в становлении московского лермонтоведения. Именно этот журнал являлся для московских литераторов единственной площадкой для выражения своих мыслей в отношении интерпретации лермонтовского творческого наследия. И «молодая редакция», и «старая редакция» журнала «Москвитянин» затрагивают тематический диапазон изучения творчества Лермонтова, в котором отражается спектр актуальных на то время вопросов, демонстрирующих уровень развития лермонтовской науки на ее начальном этапе. Представители старшего поколения «Москвитянина» С. П. Шевырев, И. С. Аксаков, И. В. Киреевский и А. Е. Студитский, вдохновляясь общими славянофильскими взглядами, отмечают «протеизм» стихотворений Лермонтова, подвергают критической рефлексии «болезнь Печорина», берущую свое начало в западной цивилизации, критикуют безнравственность как героев Лермонтова, так и самого автора, позитивно оценивают русское начало в образе Максима Максимыча, осуществляют подробный анализ произведений Лермонтова, выражавших дух времени. Младшая редакция «Москвитянина», продолжая изучение Лермонтова, затрагивает другие проблемы, сосредотачивая внимание (как, например, Ап. Григорьев) в основном на вопросе о Лермонтове и его школе. Таким образом, несмотря на мощную «обвинительную линию» Шевырева, талант Лермонтова получает общее признание в кругу сотрудников «Москвитянина», отмечающих особое значение Лермонтова

для русской литературы, утверждающих влияние сильного дарования Лермонтова на современных писателей, исследующих творчество Лермонтова и его подражателей и в конечном итоге высоко оценивающих талант Лермонтова как классика, в произведениях которого отражается жизнь народа. Именно журнал «Москвитянин» в 1840 гг., занимая в то время центральное место в московской журналистике, внес неоценимый вклад в развитие московской школы лермонтоведения.

Библиографический список

1. Аксаков И. С. Разговор Ив. Тургенева // Москвитянин. 1845. Ч. 1, № 2. С. 49–53.
2. Вдовин А. В., Зубков К. Ю. «Спор Петербурга с Москвой». Литературная полемика первой половины 1850 годов // «Современник» против «Москвитянина». Литературно-критическая полемика первой половины 1850-х годов. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2015. С. 7–33.
3. Григорьев А. А. [Рецензия] // Москвитянин. 1851. № 7. Кн. 1. С. 404–413. Подпись: Г.
4. Григорьев А. А. [Рецензия] // Москвитянин. 1851. № 9–10, май, Кн. 1–2. С. 169–178. Подпись: Г.
5. Григорьев А. А. Обзорение наличных литературных деятелей // Москвитянин. 1855. № 15–16. С. 173–209.
6. Григорьев А. А. Русская изящная литература в 1852 году // Москвитянин. 1853. № 1, Кн. 1, Отд. 5. С. 1–64.
7. Григорьев А. А. Русская литература в 1851 году. Ч. 1 // Москвитянин. 1852. № 1, янв. Кн. 1, Отд. 5. С. 1–9.
8. Григорьев А. А. Русская литература в 1851 году. Ч. 2 // Москвитянин. 1852. № 2, янв. Кн. 2, отд. 5. С. 13–28.
9. Григорьев А. А. Современник в 1850 году // Москвитянин. 1851. № 2, янв. Кн. 2. С. 213–242; № 3, февр., кн. 1. С. 386–421. Подпись: Г.
10. Григорьев А. А. Современные лирики, романисты и драматурги: Альфред де Мюссе // Москвитянин. 1852. № 12, отд. 6. С. 41–74.
11. Катаев В. Б. Московский университет и Лермонтов // Stephanos. 2014. № 8. С. 86–93.
12. Киреевский И. В. Обзорение современного состояния словесности // Москвитянин. 1845. Ч. 2, № 3. С. 18–30. Без подписи.
13. Киселева И. А., Поташова К. А., Сеченых Е. А. Творческая история стихотворения М. Ю. Лермонтова «Спор» в культурно-историческом контексте // Научный диалог. 2019. № 10. С. 264–279.
14. Маркович В. М. Лермонтов и его интерпретаторы // М. Ю. Лермонтов. Pro et contra. Т. 1. Санкт-Петербург: РХГА, 2013. С. 7–50.
15. П. П. Русская словесность в 1846 году // Москвитянин. 1847. № 1. 143–154.
16. Пуряева Н. Н. Еще о Лермонтове и «Москвитянине» // Сборник статей конференции «Лермонтов-

ские чтения-2007. Санкт-Петербург: Лики России. С. 148–151.

17. Пуряева Н. Н. Журнал «Москвитянин» и русская литература // Сборник статей международной научной конференции «Современные проблемы славянской филологии». Тайбэй: Ун-т Чжен-Чжи, 2008. С. 275–285.

18. Студитский А. Е. Русская словесность в 1845 году // Москвитянин. 1846. № 1. С. 225–262.

19. Тан Дини. Становление московского лермонтоведения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 3. С. 162–173.

20. Телегина С. М. М. Ю. Лермонтов в критике журнала «Москвитянин» // Русско-византийский вестник. 2021. № 2(5). С. 130–165.

21. Шевырев С. П. «Герой нашего времени. Соч. М. Лермонтова» // Москвитянин. 1841. Ч. 1. № 2. С. 515–538.

22. Шевырев С. П. Взгляд на современную русскую литературу. Ст. 2. Сторона светлая: состояние русского языка и слога // Москвитянин. 1842. № 3. С. 153–191.

23. Шевырев С. П. Критический перечень русской литературы 1843 года // Москвитянин. 1843. № 3. С. 175–194.

24. Шевырев С. П. О причинах особенностях успехов сатирической поэзии в России // Москвитянин. 1852. № 14. Кн. 2. Отд. 3. С. 21–44.

25. Шевырев С. П. Рецензия на книгу «Полная русская хрестоматия...» // Москвитянин. 1843. № 6. С. 501–533.

26. Шевырев С. П. Стихотворения М. Лермонтова // Москвитянин. 1841. Ч. II. № 4. С. 525–540.

Reference list

1. Aksakov I. S. Razgovor Iv. Turgeneva = Ivan Turgenev's conversation // Moskvitjanin. 1845. Ch. 1, № 2. S. 49–53.

2. Vdovin A. V., Zubkov K. Ju. «Spor Peterburga s Moskvoy». Literaturnaja polemika pervoj poloviny 1850 godov = «The dispute between St. Petersburg and Moscow». Literary polemics of the first half of the 1850s // «Sovremennik» protiv «Moskvitjanina». Literaturno-kriticheskaja polemika pervoj poloviny 1850-h godov. Sankt-Peterburg: Nestor-Istorija, 2015. S. 7–33.

3. Grigor'ev A. A. [Recenzija] = [Review] // Moskvitjanin. 1851. № 7. Kn. 1. S. 404–413. Podpis': G.

4. Grigor'ev A. A. [Recenzija] = [Review] // Moskvitjanin. 1851. № 9–10, maj, Kn. 1–2. S. 169–178. Podpis': G.

5. Grigor'ev A. A. Obozrenie nalichnyh literaturnyh dejatelej = A review of the living literary figures // Moskvitjanin. 1855. № 15–16. S. 173–209.

6. Grigor'ev A. A. Russkaja izjashhnaja literatura v 1852 godu = Russian fine literature in 1852 // Moskvitjanin. 1853. № 1, Kn. 1, Otd. 5. S. 1–64.

7. Grigor'ev A. A. Russkaja literatura v 1851 godu. Ch. 1 = Russian literature in 1851. Part 1 // Moskvitjanin. 1852. № 1, janv. Kn. 1, Otd. 5. S. 1–9.

8. Grigor'ev A. A. Russkaja literatura v 1851 godu. Ch. 2 = Russian literature in 1851. Part 2 // Moskvitjanin. 1852. № 2, janv. Kn. 2, Otd. 5. S. 13–28.

9. Grigor'ev A. A. Sovremennik v 1850 godu = The Contemporary in 1850 // Moskvitjanin. 1851. № 2, janv. Kn. 2. S. 213–242; № 3, fevr., kn. 1. S. 386–421. Podpis': G.

10. Grigor'ev A. A. Sovremennye liriki, romanisty i dramaturgi: Al'fred de Mjusse = Contemporary lyricists, novelists, and playwrights: Alfred de Musset // Moskvitjanin. 1852. № 12, Otd. 6. S. 41–74.

11. Kataev V. B. Moskovskij universitet i Lermontov = Moscow university and Lermontov // Stephanos. 2014. № 8. S. 86–93.

12. Kireevskij I. V. Obozrenie sovremennogo sostojanija slovesnosti = A review of the current state of literature // Moskvitjanin. 1845. Ch. 2, № 3. S. 18–30. Bez podpisi.

13. Kiseleva I. A., Potashova K. A., Sechenyh E. A. Tvorcheskaja istorija stihotvorenija M. Ju. Lermontova «Spor» v kul'turno-istoricheskom kontekste = The creative history of M. Yu. Lermontov's poem «Dispute» in the cultural and historical context // Nauchnyj dialog. 2019. № 10. S. 264–279.

14. Markovich V. M. Lermontov i ego interpretatory = Lermontov and his interpreters // M. Ju. Lermontov. Pro et contra. T. 1. Sankt-Peterburg: RHGA, 2013. S. 7–50.

15. P. P. Russkaja slovesnost' v 1846 godu = Russian literature in 1846 // Moskvitjanin. 1847. № 1. S. 143–154.

16. Purjaeva N. N. Eshhe o Lermontove i «Moskvitjanine» = More about Lermontov and The Moskvitjanin // Sbornik statej konferencii «Lermontovskie chtenija-2007. Sankt-Peterburg: Liki Rossii. S. 148–151.

17. Purjaeva N. N. Zhurnal «Moskvitjanin» i russkaja literatura = The Moskvityanin journal and Russian literature // Sbornik statej mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Sovremennye problemy slavjanskoj filologii». Tajbjej: Un-t Chzhen-Chzhi, 2008. S. 275–285.

18. Studitskij A. E. Russkaja slovesnost' v 1845 godu = Russian literature in 1845 // Moskvitjanin. 1846. № 1. S. 225–262.

19. Tan Dini. Stanovlenie moskovskogo lermontovedenija = The formation of Lermontov studies in Moscow // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Russkaja filologija. 2018. № 3. S. 162–173.

20. Telegina S. M. M. Ju. Lermontov v kritike zhurnala «Moskvitjanin» = M. Yu. Lermontov in the reviews of «The Moskvityanin» journal // Russko-vizantijskij vestnik. 2021. № 2(5). S. 130–165.

21. Shevyrev S. P. «Geroj nashego vremeni. Soch. M. Lermontova» = «A Hero of Our Time. The work by M. Lermontov» // Moskvitjanin. 1841. Ch. 1. № 2. S. 515–538.

22. Shevyrev S. P. Vzgljad na sovremennuju russkuju literaturu. St. 2. Storona svetlaja: sostojanie russkogo

jazyka i sloga = Looking at contemporary Russian literature. Art. 2: The bright side: the state of the Russian language and speech // Moskvitjanin. 1842. № 3. S. 153–191.

23. Shevyrev S. P. Kriticheskij perechen' russkoj literatury 1843 goda = A Critical review of Russian literature in 1843 // Moskvitjanin. 1843. № 3. S. 175–194.

24. Shevyrev S. P. O prichinah osobennostjah uspehov satiricheskoy poezii v Rossii = On the reasons for and features of the successes in satirical poetry in Russia // Moskvitjanin. 1852. № 14. Kn. 2. Otd. 3. S. 21–44.

25. Shevyrev S. P. Recenzija na knigu «Polnaja russkaja hrestomatija...» = A review of the book «The Complete Russian Reader...» // Moskvitjanin. 1843. № 6. S. 501–533.

26. Shevyrev S. P. Stihotvorenija M. Lermontova = M. Lermontov's poems // Moskvitjanin. 1841. Ch. II. № 4. S. 525–540.

Статья поступила в редакцию 13.05.2022; одобрена после рецензирования 05.06.2022; принята к публикации 23.08.2022.

The article was submitted on 13.05.2022; approved after reviewing 05.06.2022; accepted for publication on 23.08.2022.

Научная статья

УДК 82

DOI: 10.20323/2499-9679-2022-3-30-17-27

EDN: VGHVXC

Экспликации усадебно-дачного топоса в «Круге чтения» Л. Н. Толстого

Валерия Геннадьевна Андреева

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник ФГБУН «Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН». 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а

lanfra87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

Аннотация. В статье идет речь о «Круге чтения» как итоговой книге Л. Н. Толстого, ставшей своеобразной заповедью писателя о мудрой, правильной и радостной жизни. При внимательном рассмотрении «Круг чтения» выступает не просто как компиляция, но как глубокий и продуманный труд со значительной долей собственно толстовских текстов, стройной поэтической системой. Представляя краткую творческую историю «Круга чтения», автор статьи отдельное внимание уделяет рассуждениям и впечатлениям писателя о готовящейся им книге, отмечает, что для самого Толстого она была источником мыслей о жизни и смерти, искоренении зла в людях, работе и правильном отдыхе, чуткости во взаимоотношениях, связанности всего живого. Особенностью «Круга чтения» является отсутствие в целом сборника той силы отрицания, которая нередко появлялась в поздней публицистике Толстого: книга максимально обращает читателя к духовной жизни, позволяя оценить все проявления внешнего мира лишь как поверхность настоящего пути, уходящего в вечность. Иллюстрируется стройность концепции книги на примере анализа образов дома, дачи и усадьбы, показывается, с какими темами и проблемами современной Толстому жизни они рифмуются. Образы усадьбы, усадебной жизни, дачи, дома встречаются в «Круге чтения» в нескольких записях и находят реализацию в трёх рассказах, относящихся к недельным чтениям: «Душечка» (А. П. Чехова), «Первое горе» (Л. А. Авилова), «Ягоды» (Л. Н. Толстой). В статье последовательно анализируются указанные произведения, а также метафоры, связанные с образом дома и усадьбы, встречающиеся в книге. Показанные в деталях и со знаковыми подробностями истории любви Душечки, примеры полюсного отношения господ к своим слугам в книге Толстого поддерживают и выражают общее противопоставление настоящей жизни по Божественным законам и исключительно утилитарного существования, измеряемого достатком и материальным положением.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой; «Круг чтения»; усадьба; дом; дача; авторская концепция; преображение; женская судьба; господа и слуги

Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00051, <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

Для цитирования: Андреева В. Г. Экспликации усадебно-дачного топоса в «Круге чтения» Л. Н. Толстого // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 3 (30). С. 17–27. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-3-30-17-27>. <https://elibrary.ru/VGHVXC>

Original article

Explications of the estate and dacha topoi in Leo Tolstoy's A Calendar of wisdom

Valeria G. Andreeva

Doctor of philological sciences, leading researcher at the Gorky Institute of world literature, RAS. 121069, Moscow, Povarskaya St., 25a

lanfra87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

Abstract. The article deals with A Calendar of wisdom as Leo Tolstoy's last book, which became the writer's commandment to a wise, correct and joyful life. A closer look at A Calendar of wisdom shows that it is not just a compilation, but a deep and thoughtful work with a significant proportion of Tolstoy's own texts and a coherent poetic system. Presenting a brief creative history of A Calendar of wisdom, the author of the article pays special attention to the writer's thoughts and impressions about his forthcoming book, noting that for Tolstoy himself it was a source of thoughts about life and death, the eradication of human evil, about work and proper rest, sensitivity in relationships, and interconnections of all living things. A peculiarity of A Calendar of wisdom is a lack of the force of negation that often

appeared in Tolstoy's later essays: the book turns the reader mostly to spiritual life, allowing one to regard all manifestations of the world outside only as the surface of the genuine path that goes on into eternity. The author illustrates the coherence of the book's concept by analyzing the images of the house, the dacha and the estate, and shows what themes and problems of Tolstoy's contemporary life they rhyme with. Images of the estate, country life, dachas, houses are found in A Calendar of wisdom in several entries and are realized in three stories related to weekly readings: «Darling» (A. P. Chekhov), «The First Grief» (L. A. Avilova), «Berries» (L. N. Tolstoy). The article consistently analyzes these works, as well as metaphors associated with the image of the house and the estate in the book. Detailed descriptions of Darling's love stories and the examples of the polar attitude of masters towards their servants in Tolstoy's book support and express the general opposition of real life according to Divine laws and an exclusively utilitarian existence, measured by prosperity and financial position.

Key words: L. N. Tolstoy; A Calendar of wisdom; estate; house; dacha; author's concept; transformation; women's fate; masters and servants

The study was carried out at the IMLI RAS at the expense of the Russian Science Foundation grant No. 22-18-00051, <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

For citation: Andreeva V. G. Explications of the estate and dacha topos in Leo Tolstoy's A Calendar of wisdom. *Verhnevolski philological bulletin*. 2022;(3):17–27. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-3-30-17-27>. <https://elibrary.ru/VGHVXC>

Введение. «Круг чтения» как итог позднего творчества Л. Н. Толстого

«Круг чтения» Л. Н. Толстого стал для самого писателя одной из дорогих и важных книг, заключительным аккордом педагогических опытов и публицистических воззваний, финальной проповедью о значимости духовной жизни и самосовершенствования. Замысел книги, подобной «Кругу чтения», возник у Толстого еще в 1884 г., но работа была отложена почти на двадцать лет. В 1903 г. Толстой составил сборник «Мысли мудрых людей на каждый день», однако сразу же после выхода книги принялся за ее переработку, и она быстро переросла в план о новом труде, который в дневниках и письмах часто именовался писателем «календарем».

Исследователи творчества Толстого справедливо говорят об оригинальности данной книги, которая, на первый взгляд, является собранием размышлений мудрых людей, о чем сообщает и полное ее название: «Круг чтения: избранные, собранные и расположенные на каждый день Львом Толстым, мысли многих писателей об истине, жизни и поведении», однако при внимательном рассмотрении выступает не просто как компиляция, но как глубокий и продуманный труд со значительной долей собственно толстовских текстов, стройной поэтической системой.

В данной статье мы обратимся к образам *дома, дачи и усадьбы* в «Круге чтения», постараемся показать, какое место занимают они в общем собрании мыслей, с какими темами и проблемами современной Толстому жизни рифмуются. Однако сначала кратко остановимся на характеристике всего труда Толстого. С. Ю. Николаева справедливо отметила, что «Круг чтения» созда-

вался «в диалоге» (в широком смысле слова) со всем миром литературы [Николаева, 2019, с. 41]. Если вспомнить сложный и развернутый полилог русских романистов второй половины XIX в., который велся в скрытой, свернутой форме [Андреева, 2016, с. 382], и сравнить его с «Кругом чтения», то можно с уверенностью сказать, что последний не уступает по объему рифмующихся тем, идей и образов целым группам романов. Толстой смог объединить в «Круге чтения» воедино различные точки зрения писателей и мыслителей, но подчинить их при этом собственным целям, вписать в свою авторскую концепцию. И. Ю. Лученецкая-Бурдина справедливо отметила, что в поздний период творчества Толстой ставил перед искусством особые задачи, «не ограничивался чисто литературными занятиями, но стремился создать универсальное мировоззрение, которое для человечества стало бы нормой жизненного поведения» [Лученецкая-Бурдина, 2001, с. 29].

Главная задача книги Толстого – преображение человека, иллюстрация ложности исключительно приземленного, утилитарного представления о жизни. «Круг чтения», по задумке автора и составителя, был предназначен для ежедневного обращения читателя к важнейшим смыслам бытия, его поворота в сторону добра, любви, созидания.

Этапы работы Л. Н. Толстого над сборником мудрых мыслей

В Полном собрании сочинений Толстого в 90 томах комментарии к «Кругу чтения» написаны Н. Н. Гусевым. А в 1907–1908 гг. Н. Н. Гусев, находясь при Толстом в качестве секретаря, мно-

го помогал писателю в переработке и редактировании книги. Основная работа по написанию «Круга чтения» велась летом и осенью 1904 г., однако спустя два года Толстой приступил к редактуре некоторых мест, которая проходила на глазах Н. Н. Гусева: «Ежедневно прочитывая „Круг чтения“, Толстой видел неудовлетворительность изложения отдельных включенных в него мыслей, и у него уже в 1907 г. явилось желание вновь проредактировать любимую книгу. К исполнению этого замысла он приступил 17 августа 1907 г.» [Гусев, 1957, с. 577]. В новой редакции «Круга чтения» увеличивалась доля собственно авторского текста и во многом приглушалась форма повелительных наставлений, выражающих правила поведения.

Можно сказать, что работа Толстого над «Кругом чтения» продолжалась с лета 1904 г. и велась фактически до 1908 г., когда все корректуры нового, уже доработанного издания, были подписаны к печати. Однако писатель так и не дождался его выхода в свет. В 1910 г. вышло второе издание в первой редакции, а новое издание было арестовано. На протяжении работы с Толстым издатель «Круга чтения», И. И. Горбунов-Посадов, предлагал многочисленные правки и сокращения, необходимые для цензурного прохождения книги, однако все эти меры помогали мало: 8 ноября 1911 г. над И. И. Горбуновым-Посадовым состоялся суд, по решению которого издатель был признан виновным и приговорен к году заключения.

Между тем, Толстой очень ждал выхода последней редакции «Круга чтения». Его дневники и письма 1900-х гг. показывают, что сначала писатель сомневался в востребованности и преобладающей силе своей книги. 5 ноября 1904 г. он записал в дневнике: «Всё занят „Кругом Чтения“. В достоинстве сомневаюсь. Скорее склоняюсь думать, что плохо» [Толстой 1928–1958, т. 55, с. 99]. Однако по мере завершения труда Толстой убеждался в его значимости: «Начал исправлять старый „Круг Чтения“. И оказалось работы больше, чем думал, и работа не дурная» (31 января 1908 г.) [Толстой 1928–1958, т. 56, с. 95]. Н. Н. Гусев отмечает, как радовали писателя положительные отзывы о его книге и внимание к ней. «За обедом г-жа Ферре, жена смоленского вице-губернатора, сказала Льву Николаевичу, что ее отец, сенатор Зиновьев, бывший тульский губернатор, каждый день читает „Круг чтения“. Льва Николаевича это очень тронуло» [Гусев, 1973, с. 188].

После завершения работы над книгой Толстой часто обращался к ней и прочитывал тексты за определенные дни. Для писателя «Круг чтения» был источником мыслей о жизни и смерти, искоренении зла в людях, работе и правильном отдыхе, чуткости во взаимоотношениях, связанности всего живого и т. д. В «Круге чтения» рассуждения лишены той силы отрицания, которая нередко появлялась в его поздней публицистике: эта последняя книга Толстого максимально обращает читателя к духовной жизни, позволяя оценить все проявления внешнего мира лишь как поверхность настоящего пути, уходящего в вечность. «Цель жизни – исполнение закона Бога, а не приобретение знаний», – отмечает Толстой (27 июля) [Толстой 1928–1958, т. 41, с. 533].

С. Ю. Николаева считает, что «Толстой писал не хрестоматию, а книгу для чтения, при этом опираясь на серьезную традицию, то есть решал не дидактическую, а именно литературную задачу. <...> Толстой и на позднем этапе своей творческой эволюции оставался писателем, художником, который мыслит образами» [Николаева, 2019, с. 42].

Записи Толстого позволяют оценить не только огромный объем проделанной им работы, но и увлеченность писателя, скрупулезность при отборе материала. Толстой много работал над «Кругом чтения», преодолевая различные недуги, с которыми он боролся в последнее десятилетие. Так, 1 сентября 1904 г. писатель отметил в дневнике: «Третий день болит живот. Всё это время переводил и читал для „Круга Чтения“ и написал предисловие. Работа подвигается, но очень ее много» [Толстой 1928–1958, т. 55, с. 85]. И получилось так, что строки «Круга чтения» стали последним отрывком из произведений самого Толстого, которые он читал и слышал: именно эта книга была на столике у умирающего писателя. Фрагменты из нее стал вслух читать Толстому В. Г. Чертков. А. Б. Гольденвейзер рассказывает, как находящийся в полубреду болезни Толстой пытался что-то диктовать, а потом прочитать продиктованное. Но никто из присутствующих не мог зафиксировать бессвязных слов Толстого и, соответственно, прочитать их. Тогда А. Л. Толстая придумала читать отцу «Круг чтения»: «Владимир Григорьевич (Чертков – В. А.) раскрыл лежавший у Л. Н. на столике том „Круга чтения“ и стал читать мысли на пятое ноября. Л. Н. сразу успокоился и стал тихо слушать, даже иногда спрашивая: „Чье это?“» [Гольденвейзер, 2002, с. 624].

«Круг чтения» можно считать своеобразным заветом Толстого, смогшего показать, что земная правда относительна, что слова мудрецов хороши в дополнении друг друга, что только Божественная правда и жизнь по Божественным законам высшей любви являются истинной целью. С. Ю. Николаева точно отметила, что «концепция жизненного пути человека, концепция цикла земной человеческой жизни приобретает структурообразующее значение в толстовской книге» [Николаева, 2019, с. 43]. Непреходящее значение «Круга чтения» проявляется еще и в том, что у писателя получилось очень емко и лаконично соединить обыденное и возвышенное, при внимании к несправедливостям общества и окружающей действительности показать высшую радость, о которой часто забывают люди.

Параллелизм образов: героиня и дом в рассказе «Душечка»

Образы усадьбы, усадебной жизни, дачи, дома встречаются в «Круге чтения» в нескольких записях и находят реализацию в трёх рассказах, относящихся к недельным чтениям: «Душечка» (А. П. Чехова), «Первое горе» (Л. А. Авилова), «Ягоды» (Л. Н. Толстой).

В записи «Недельное чтение» за период с 27 мая по 2 июня Толстым помещен рассказ А. П. Чехова «Душечка», который, по воспоминаниям современников, Толстой очень любил и прекрасно читал вслух. При определении рассказа в «Круг чтения» Толстой убрал из чеховского текста два фрагмента. Первое исключение касается упоминания о шее и полных плачах главной героини, которые видит Кукин после венчания. По всей видимости, эта несколько натуралистическая и интимная подробность показалась Толстому излишней – она могла нарушить пропорции между внешней стороной жизни героини и ее внутренним миром. По этим же соображениям, скорее всего, исключено было из рассказа описание сна Оленьки, которой виделись «целые горы досок и теса, длинные бесконечные вереницы подвод, везущих лес куда-то далеко за город...» [Чехов, 1986, т. 2, с. 297]. Для Толстого сны героев были слишком важны в духовном плане, а у Чехова описание сна героини связано с конкретным этапом жизни и внешними делами на лесном складе.

Произведенные Толстым небольшие сокращения не умилили выразительной силы рассказа Чехова. Однако «Душечку» читатели воспринимали и продолжают воспринимать очень по-

разному. Издатель «Круга чтения», И. И. Горбунов-Посадов даже возмущался по поводу включения этого рассказа Чехова в книгу Толстого, считая, что если и помещать «Душечку» в «Круг чтения», то рядом нужно представлять иной, противоположный пример «истинной жены, сознательного друга-товарища и сотрудника мужа» [Гусев, 1957, с. 610].

Толстой мыслил иначе, он воспринимал главную героиню рассказа исключительно как положительный образ. Для прояснения своей точки зрения он поместил в «Круге чтения» после рассказа послесловие, в котором отметил верность и художественную правду «Душечки». По словам Толстого, Чехов во время написания произведения мог находиться под удивительным недоразумением «женского вопроса», может быть, хотел посмеяться над жалким существом главной героини, однако во многом бессознательно вышел к прославлению женщины, силы ее жертвенной любви: «Он, как Валаам, намеревался проклясть, но Бог поэзии запретил ему и велел благословить, и он благословил и невольно одел таким чудным светом это милое существо, что оно навсегда останется образцом того, чем может быть женщина для того, чтобы быть счастливой самой и делать счастливыми тех, с кем ее сводит судьба» [Толстой 1928–1958, т. 41, с. 377].

Чехов сочетает в рассказе представление лучших женских качеств (заботы, самоотдачи) с иронией по отношению к Оленьке: «В Великом посту он уехал в Москву набирать трупку, а она без него не могла спать, всё сидела у окна и смотрела на звезды. И в это время она сравнивала себя с курами, которые тоже всю ночь не спят и испытывают беспокойство, когда в курятнике нет петуха» [Толстой 1928–1958, т. 41, с. 365]. «Душечке» предшествуют рассуждения о женщине, объединенные в «Круге чтения» под датой 2 июля (большинство из них принадлежит самому писателю). Эти заметки перекликаются с рассказом Чехова, гармонично завершаются и иллюстрируются им. А тезисные выводы Толстого о женщине и ее роли в жизни позволяют и лучше понять рассказ Чехова. Толстой подчеркивает главную функцию женщины – рождение и первое воспитание детей, в которой она не должна изменять себе. К контексте усадебной темы нам важнее запись от 2 июля под цифрой 2: «Женщина, мать семейства, которая не умеет быть счастлива дома, не будет счастлива нигде» (кур-

сив автора статьи) [Толстой 1928–1958, т. 41, с. 361].

В художественном мире рассказа Чехова, помещенном в «Круге чтения», актуализируется тема дома и связи с ним женщины – домоседки, хозяйки. По всей видимости, убирая из текста сон Оленьки о досках, Толстой стремился к устранению малейших намеков героини на рост благосостояния: заботы о доходах Душечка только повторяет за своими мужчинами, но в ее женские сны не должны были прокрадываться образы мужского дела, связанного исключительно с прибылью.

Все изменения, происходящие с героиней в рассказе, совершаются в ее доме. В начале повествования мы видим Оленьку у себя во дворе на крылечке. И все мужчины главной героини каким-либо образом связаны с ее домом: Кукин квартировал во флигеле, как и ветеринарный врач Смирнин, а Василий Андреич Пустовалов, встретив возвращавшуюся после обедни Оленьку, довел ее до калитки, то есть до самого дома. Встречая приехавшего с женой и сыном в город Смирнина, Оленька *отдает семье Смирниных свой дом*, ничего не прося за постой, я сама переселяется во флигель. По словам К. Д. Гордович, у Чехова «дом – это не только место обитания, но и то, чем владеют, показатель материального положения и интересов. <...> Главное внимание уделяется не внешнему виду, а отношению героев к своим жилищам. По ходу повествования выявляется то, хорошо ли они чувствуют себя дома, насколько им комфортно, тянет ли домой» [Гордович, 2012, с. 28].

Образ старого наследственного дома Племянниковых, владелицей которого становится Оленька, приобретает в рассказе особый смысл. Этот дом – убежище и крепость главной героини, преображающаяся именно тогда, когда Душечка начинает отдавать свою деятельную силу любви. Оленька родилась в этом доме, в нем же, по всей видимости, завершит свой земной путь. Более того, судьба ее дома разворачивается как бы параллельно с судьбой героини. В момент встречи и начала общения с первым мужем, антрепренером и содержателем увеселительного сада «Тиволи», расположение дома Оленьки способствует ее размышлениям о Кукине: «Дом, в котором она жила о дня рождения и который в завещании был записан на ее имя, находился на окраине города, в Цыганской Слободке, недалеко от сада «Тиволи»...» [Толстой 1928–1958, т. 41, с. 364]. Когда Кукин уезжает в Москву набирать

труппу, а Пустовалов ездит в Могилевскую губернию за лесом, Оленька ждет и первого, и второго мужа *дома*. Собственно так она дожидается и ветеринара, уехавшего навсегда, но вернувшегося в когда-то оставленный дом. Исследователи творчества Чехова даже отмечают, что текст рассказа построен «наподобие стихотворного»: «строфы, части располагаются относительно симметрично» [Петренко, Штайн, 2018, с. 388].

Е. В. Попова справедливо отметила, что «рассказ „Душечка“ принадлежит к числу тех чеховских произведений, в которых отношение автора к герою глубоко скрыто» [Попова, 2011, с. 58]. Исследовательница отмечает, что многие упрекают героиню Чехова в том, что она становится копией того, кого любит, не имеет своего «я». Но при этом Е. В. Попова справедливо считает, что чеховский комизм касается не героини, а ситуации: «Вторя словам мужа, Оленька не изменяет самой себе в поступках...» [Попова, 2011, с. 59]. Душечка у Чехова так же интуитивно и по-женски исполняет свою функцию помощницы мужа, верной и заботливой жены, как выполняет свою функцию в рассказе ее дом. История «привлечения» Кукина связана с домом: «...Когда под утро он возвращался домой, она тихо стучала в окошко из своей спальни и, показывая ему сквозь занавески только лицо и одно плечо, ласково улыбалась...» [Толстой, 1928–1958, т. 41, с. 364]. История счастливой и размеренной жизни с Пустоваловым передается в том числе благодаря образу дома, достатка, продуманного хозяйства: «...а дома пили чай со сдобным хлебом и с разными вареньями, потом кушали пирог. Каждый день в полдень до двора и за воротами на улице вкусно пахло борщом и жареной бараниной или уткой, а в постные дни – рыбой, и мимо ворот нельзя было пройти без того, чтобы не захотелось есть» [Толстой 1928–1958, т. 41, с. 367].

Смерть второго мужа делает Оленьку затворницей, которая выходит из дома редко, однако тут Чехов также мастерски иронизирует по поводу поведения героини. Автор пишет о черном платье Душечки и сравнивает ее с монашенкой, между тем, сравнение это условное. Героиня уже нашла новое увлечение, которое пока держит в секрете, и дом Оленьки хранит уже новую тайну – ее любовь к ветеринару, до времени скрываемую от людей ставнями. Максимальный параллелизм к описанию женщины-хозяйки и ее дома видим мы во время полного упадка, внезапно становится заметно, что и дом, и героиня поста-

рели: «Дом у Оленьки потемнел, крыша заржавела, сарай покосился и весь двор порос бурьяном и колючей крапивой. Сама Оленька постарела, подурнела; летом она сидит на крылечке, а зимой она сидит у окна и глядит на снег» [Толстой 1928–1958, т. 41, с. 370].

Очень точно психологически и символически (в продолжение реализации линий истинного предназначения женщины и дома) описано в рассказе возвращение Смирнина. Оленька не сдерживает слез, а потом они с ветеринаром оба не замечают, *как входят в дом, садятся пить чай*. Женская нежность и забота для героини свойственна в той же степени, как и для ее дома – функция уюта, пристанища. Кульминация рассказа приходится на момент возвращения Смирнина и сдачи ему Оленькой дома: «Господи, батюшка, да возьмите у меня дом! Чем не квартира? Ах, господи, да я с вас ничего не возьму, – заволновалась Оленька и опять заплакала. – Живите тут, а с меня и флигеля довольно» [Толстой 1928–1958, т. 41, с. 371]. Смысл жизни для этой женщины заключается в любви, в стремлении быть полезной, нужной. И преображается она вместе с домом: «На другой день уже красили на доме крышу и белили стены, и Оленька, подбоясь, ходила по двору и распоряжалась» [Толстой 1928–1958, т. 41, с. 371]. В награду за труды и женскую любовь, героиня, не имеющая детей, воспитывает Сашеньку.

Рассказ Чехова «Душечка», включенный Толстым в «Круг чтения», позволил писателю проиллюстрировать главное назначение женщины. К теме женской судьбы как особенно важной в «Круге чтения» Толстой вернулся еще раз – в декабре. Прочитав одну из записей от 1 декабря: «Ничто так не свойственно женщине, как самоотвержение. И ничто так не отталкивает от нее, как себялюбие» [Толстой 1928–1958, т. 42, с. 295]. По Толстому, женщина превосходит мужчину в самоотвержении в любви, в этом ее удивительная сила. (Примечательно, что в позднем творчестве Толстой на первый план выведет не эпического героя, а именно *эпическую героиню*, способную к максимальному самоотвержению и альтруизму – такой он изобразит Марью Павловну Щетинину в романе «Воскресение» [Андреева, 2021, с. 69–74]. Именно беззаветную и искреннюю женщину мастерски показывает читателям Чехов, используя для раскрытия характера и сущности героини в рассказе «Душечка» образ дома, который через представление о функциональных свойствах каждого объекта

позволяет писателю вывести нас к глобальной мысли о *предназначении женщины* и – шире – *предназначении человека*. «Главный вопрос жизни нашей только в том, то ли мы делаем в этот короткий, данный нам срок жизни, чего хочет от нас тот, кто послал нас в жизнь. То ли мы делаем?» [Толстой 1928–1958, т. 41, с. 15].

Итак, в рассказе «Душечка» образ дома, потомственного места обитания, прочно связан с фигурой главной героини. Т. В. Быковская справедливо отмечает, что «Воспоминания о внешнем мире никогда не имеют той эмоциональной тональности, что воспоминания о доме: они нас волнуют больше, чем можно предположить. Образ дома является одним из главных „феноменов психики“. Он обладает необыкновенной психологической емкостью: при формировании образа дома память и воображение неразделимы» [Быковская, 2013, с. 404]. Внимательный читатель рассказа понимает, что все изменения в жизни Оленьки и ее домика связаны отнюдь не с внешними историческими или общественными причинами, но с трансформациями в судьбе самой героини. При эмоциональных переменах в жизни Душечки ее дом, как и женская любящая сущность героини, остаются своего рода константами действительности.

В целом жизнь героини движется как бы *по кругу*: рассказ Чехова соответствует и идейно, и по форме всей книге «Круг чтения». Однако было бы ошибкой думать, что смена мужей Оленькой составляет циклический процесс: героиня, проживая каждый из отрезков жизни и отдавая всю себя очередному избраннику, поднимается над условностью быта, преображается, за счет искренней любви прикасается к вечности. Очень интересна в этом плане запись Толстого в дневнике от 26 августа 1904 г., содержащая два упоминания: о смерти С. Л. Толстого и о работе над «Кругом чтения»: «Сережа умер. Тихо, без сознания, выраженного сознания, что умирает. Это тайна. <...> Открылось новое, лучшее. Также, как и мне. Дорога, важна степень просветления, а на какой она ступени *в бесконечном кругу*, безразлично. Два дня работал над календарем, уясняется. Но еще трудно» (курсив автора статьи) [Толстой 1928–1958, т. 55, с. 83]. Образ календаря, над которым работал писатель, сопрягается с бесконечным движением души.

В «Круге чтения» (в записи от 21 января) приводится рассуждение о путях преодоления зла в человеке. В этой небольшой заметке Толстой (как и далее Чехов в «Душечке») проводит

образную параллель между человеком и домом: Если бы мы увидели, что человек вместо того, чтобы покрыть крышу своего дома и вставить окна, всякий раз, когда заходит дождь и ветер, выходил бы наружу и, стоя на ветру и под дождем, сердился бы на тучи и кричал бы на них, ... мы сказали бы, что он сумасшедший» [Толстой 1928–1958, т. 41, с. 48]. Яркий и нестандартный прием сопоставления дома и человека призван показать силу, необходимую для исправления: для ремонта дома нужна физическая сила, сноровка, а для исправления человека – сила духовная. Толстой подчеркивает то, что человеку по силам, и этот объем действий метафорически изображается на примере *работы по строительству дома*: «избавиться от зла в себе – прикрыть свою крышу, вставить свои окна – в нашей власти», а утопические замыслы передаются писателем на примере непосильного для человека: «...А искоренить зло из мира так же мало в нашей власти, как распоряжаться тучами» [Толстой, 1928–1958, т. 41, с. 48].

Пример людского единения и братского отношения в рассказе «Первое горе»

В недельном чтении от 16 июня (неделя с 10 по 16 июня) помещен Толстым рассказ Л. А. Авиловой «Первое горе», а в недельном чтении за 30 июня (неделя с 24 июня по 30 июня) рассказ «Ягоды» самого писателя – в обоих этих произведениях представлены яркие картины усадебной жизни. Писатель, по всей видимости, не случайно помещает оба текста в июньские дни «Круга чтения», ведь июнь – время самого разгара дачно-усадебной жизни.

Л. А. Авилова была талантливейшей писательницей, достаточно популярной в XIX в. Её рассказ «Первое горе» понравился Толстому. По всей видимости, интерес Толстого в 1904 г. к творчеству Л. А. Авиловой был связан с письмом самой писательницы, обращенным к Толстому с просьбой прислать ей несколько строк для сборника, подготавливаемого ею в пользу жертв войны. В ответном письме от 27 февраля 1904 г. Толстой сообщал: «Я очень помню Вас, Лидия Алексеевна, и ваши хорошие рассказы и очень жалею, что не могу исполнить Вашего желания. Я всем отказываю и потому не могу не оскорбив сделать исключения» [Толстой, 1928–1958, т. 75, с. 53]. А 25 сентября 1904 г. Толстой писал И. И. Горбунову-Посадову об июньских материалах «Круга чтения»: «Ягоды – поправил. <...> В рассказе Авиловой я позволил себе маленькие

изменения и сокращения. Попросите ее разрешить и простить меня» [Толстой, 1928–1958, т. 76, с. 34].

Сюжет рассказа «Первое горе» не сложен, но интересен, писательница передает психологию ребенка, его взаимоотношения с родителями, няней, кучером Игнатом: мальчик Гриша впервые сталкивается с несправедливостью – с осуждением фактически безвинных людей (кучера Игната и его жены), которым пришлось выйти из сложной жизненной ситуации. Действие рассказа происходит в усадьбе, в которую хозяева приезжают на лето. Стройность произведения во многом обеспечивается единством места действия – перед нами предстает усадебный дом с разными комнатами, конюшней, со своим распорядком дня и устроенной жизнью, которая передается глазами маленького героя. Гриша, «господское дите», как называет его няня, выбирает себе в друзья взрослого мужика – кучера Игната, проводит с ним в конюшне целые дни. Отца и мать мальчик видит преимущественно за обедом: «Отец всегда был занят, мать целыми днями сидела у себя в спальне и считалась нездоровой» [Толстой, 1928–1958, т. 41, с. 406]. Гриша успевает побывать всюду: он ластится к матери, слушает разговоры старших за столом. Комнаты, коридор, балкон, девичья, детская – читатель вслед за маленьким героем путешествует по усадебному дому: «Гриша убежал в детскую, забился в угол около своей кровати и прижался к стене, держась обеими руками за грудь» [Толстой, 1928–1958, т. 41, с. 410].

В рассказе изображены взаимоотношения хозяев усадьбы со слугами: и те, и другие изображены людьми чуткими, понимающими: «Игнат служил в усадьбе первый год, но очень быстро сошелся с маленьким барином, и между ними завязалась странная, но искренняя дружба» [Толстой, 1928–1958, т. 41, с. 404]. Со слов кучера читатель узнает, что он переменял не одно место службы: раньше был у господ Луховских, а потом жил у купца. В рассказе Игната резко противопоставляются два вида службы – у дворян и у купцов. Работа у дворян представлена в рассказе в самых положительных и добрых тонах: несмотря на подчеркиваемое превосходство господ, Игнат и Матрена не чувствуют себя униженными. Гриша пытается заступиться за своего друга Игната и его жену, когда тех арестовывают за кражу лошади. Сердце маленького героя переполняется обидой, но сил для борьбы с несправедливостями у него пока нет. Гриша негодует

даже на собственного отца, допускающего арест Игната. Между тем, хозяева усадьбы являются людьми верующими, готовыми прийти на помощь ближним, а при этом законопослушными. Провожая арестованных слуг, господа берут на себя ответственность по воспитанию их девочки Польки, причем ни барин, ни барыня не приемлют унижения одних людей перед другими: в сцене прощания Матрена падает барыне в ноги, а барыня сама опускается на колени рядом с работницей.

А. А. Тулякова выделяет в «Круге чтения» *этические ситуации*, «которые больше всего занимают Толстого и обязательно коррелируют с Евангелием» [Тулякова, 2018, с. 39]. Каждая этическая ситуация, по мнению исследовательницы, иллюстрируется двумя или тремя примерами-нарративами, которые А. А. Тулякова называет микросюжетами или дублетными сюжетами, «поскольку они представляют разные, альтернативные сценарии решения одной и той же „этической ситуации”» [Тулякова, 2018, с. 39]. Рассказы «Первое горе» и «Ягоды» антитетичны в плане изображения усадебной жизни и поведения господ – хозяев имений. Проблема правильных взаимоотношений господ и слуг, просящих о помощи и помогающих, взаимной помощи была поднята Толстым в записях «Круга чтения» от 25 марта: «Всякий человек пользуется трудами других людей, и потому для того, чтобы не быть вором, надо самому трудиться и отдавать другим людям свои труды за то, что берешь от них» [Толстой, 1928–1958, т. 41, с. 193]. В одной из последующих записей Толстой непосредственно обращается к теме неправильного отношения богатых к трудящимся, к прислуге: «Ни на чем так не видно наше непризнание христианства, как на нашем отношении к прислуге. Люди отдают всё свое время на служение нам, исполняя за нас самую грязную, неприятную и бессмысленную работу, и мы большею частью думаем, что мы в расчете с ними, если отдали установленные деньги. Но ведь они братья наши...» [Толстой, 1928–1958, т. 41, с. 194]. Таким образом, помещая рассказ «Первое горе» в «Круг чтения», Толстой не только предлагал читателю обратить внимание на проблему несправедливого суда над невинными людьми, но и показывал положительный пример христианского, братского отношения господ к своим слугам. Такому отношению учат родители Гришу, причем учат собственным примером высокой духовной жизни.

А. В. Седов называет «Круг чтения» «манифестом толстовства» и пишет: «...Можно ожидать, что в нем авторское понимание социальной справедливости представлено в наиболее завершенном виде» [Седов, 2016, с. 25]. Однако перед нами отнюдь не манифест, нельзя согласиться с А. В. Седовым и в том, что в «Круге чтения» реализовано какое-то специфическое толстовское учение. Аккумулированные писателем воззрения выдающихся мыслителей разных веков и народностей, разных вероисповеданий, как точно отмечает С. Ю. Николаева, были соединены воедино благодаря «преображающей и примиряющей силе толстовского таланта» [Николаева, 2019, с. 42]. В «Круге чтения» внешнее, материальное подчинено духовной жизни, первостепенность которой подчеркивается и исподволь, и прямо: «Для человека, полагающего свою жизнь в духовном совершенствовании, не может быть страха перед внешними событиями» (запись от 1 мая) [Толстой 1928–1958, т. 41, с. 295]. Думающий и чуткий читатель, попавший в «Круг чтения», уже не выйдет из него прежним: идея совершенствования связывается Толстым с покаянием и примирением: «Толстой видит весь мир именно сквозь призму человека, его интересов», а «разные чтения, посвященные разного рода достоинствам и недостаткам, свойственным людям, в совокупности, по замыслу Толстого, должны дать представление о человеческой природе в целом и о том моральном облике, который свойственен современникам автора» [Карлик, 2012, с. 149–150].

Усадебное пространство и мотив отдыха в рассказе «Ягоды»

Рассказы «Первое горе» и «Ягоды» находятся в книге недалеко друг от друга: кроме того, что это июньские зарисовки летней усадебно-дачной жизни, композиционное расположение рассказов, по всей видимости, должно было способствовать обнаружению читателями контрастов: образ жизни и отношение к окружающим дворян в рассказе «Первое горе» кардинально отличается от жизни господ в рассказе «Ягоды».

Уже в самом начале произведения читатель сталкивается с градацией всего живого в окружении человека по принципу истинности / ложности. Перед нами предстают как бы три (или даже четыре) круга жизни, изолированных друг от друга, но при этом составляющих единое целое, жизнь с ее многочисленными сцеплениями. Первый абзац произведения посвящен природе, описанию трав, кустов и птиц – всего того, что суще-

ствуется в правильных ритмах, заданных природой. Во втором абзаце речь идет о крестьянском труде, ключевыми становятся глаголы, обозначающие действия, движение людей и находящихся рядом с ними домашних животных, постоянный труд: «Крестьяне доделывают постройки», «скотина голодает на высохшем пару», «ребята стерегут лошадей», «бабы таскают из леса мешки травы», «девки и девочки... собирают ягоды и носят продавать дачникам» [Толстой, 1928–1958, т. 41, с. 450].

Третий и четвертый абзацы, посвященные дачникам и состоятельным господам, контрастируют с первыми двумя. Образы дачной жизни сопровождается мотив отдыха, красивой иллюзии, внешнего обмана, а также образы чистоты и новизны: «Дачники, в разукрашенных, архитектурно вычурных домиках, лениво гуляют под зонтиками в легких, чистых, дорогих одеждах...» (курсив автора статьи); «У великолепной дачи Николая Семеныча с башней, верандой, балкончиком, галереями – всё свеженькое, новенькое, чистенькое – стоит ямская с бубенцами тройка (курсив автора статьи).

Прием контраста, использованный автором во вступлении, реализуется и далее при построении рассказа, разделенного на две части, иллюстрирующие господскую и крестьянскую жизнь. Усадебное пространство в рассказе «Ягоды» представлено достаточно ярко: перед нами оказываются хозяин с женой Мари и его друг, приехавший погостить всего лишь на день. Далее Толстой подробно обращается к описанию установленной жизни и распорядка богатых помещиков – из рассказа мы узнаем, что гостит у хозяина известный либеральный деятель, петербуржец и чиновник, а сам Николай Семеныч «владеет многими тысячами десятин земли» [Толстой, 1928–1958, т. 41, с. 451].

Описывая времяпрепровождение господ, Толстой показывает искусственно создаваемые сложности и эксплуатацию ими других людей без доброго отношения к этим людям. Роскошь дачной жизни большого помещика и бессмысленность трат подчеркивается в описании обеда: «Они пообедали в саду обедом из пяти кушаний, но от жару почти ничего не ели, так что труды 40-рублевого повара и его помощников, особенно усердно работавших для гостя, пропали почти даром. Покушали только ботвинью ледяную с свежей белорыбцей и разноцветное мороженое в красивой форме и разукрашенное разными сахар-

ными волосами и бисквитами» [Толстой 1928–1958, т. 41, с. 451].

В разное время суток герои рассказа заняты, но времяпрепровождение господ связано исключительно с говорением: сначала мы видим разговор за столом во время обеда, после обеда – приятную беседу друзей: «После обеда приятели сидели на веранде, прохладясь холодным нарзаном с легким белым вином, и беседовали» [Толстой, 1928–1958, т. 41, с. 451]. Внезапно между друзьями завязывается горячий спор о выборах, но он прерывается вечерним чаем «в защищенной сетками от муж столовой» [Толстой, 1928–1958, т. 41, с. 452]. Далее снова начинается общий разговор, причем ведется он только для приличия: хозяйку Мари этот разговор не занимает, она думает о приболевшем ребенке, но начинает говорить о декадентской живописи, гостю этот разговор не интересен, но он внешне поддерживает его, создавая иллюзию осведомленности и заинтересованности. Хозяин дома уже наизусть знает рассуждения жены, чувствует ее плохое настроение, и ему становится скучно.

Описывая течение господской жизни, Толстой разоблачает иллюзию существования, лишённого труда. С наступлением вечера дети укладываются спать, и вот тут начинается уже *настоящий разговор* (хотя читатель рассказа прекрасно понимает бессмысленность всей болтовни господ): «Лакей подал свечи с колпаками и еще нарзану, и начался около двенадцати часов уж настоящий, оживленный разговор о том, какие должны быть приняты государственные меры в настоящее, важное для России время. Оба не переставая курили, разговаривая» [Толстой, 1928–1958, т. 41, с. 452]. Мы не будем подробно останавливаться на описании крестьянской жизни, изображенной во второй части рассказа и представляющей разительный контраст с жизнью господ. Но кроме антитезы дворянского и крестьянского образа жизни в рассказе «Ягоды» есть интересный эпизод со стариком-ямщиком и образы слуг, позволяющие читателю провести параллели между фигурами разных господ в двух рассказах. Если в «Первом горе» изображены помещики, жалеющие слуг и воспринимающие их фактически на равных, то в «Ягодах» представлены равнодушные эксплуататоры. Н. А. Гаврилина отмечает, что в публицистических статьях позднего периода творчества Толстой саркастически писал о возможной помощи господ народу [Гаврилина, 2016, с. 259]. В «Круге чтения», как мы видим, Толстой показывает полноту жизни, разных людей, но не случайно Нико-

лай Семеныч изображен писателем не как помещик средней руки, а как очень крупный землевладелец – писатель дает нам понять, что Николай Семеныч фактически выступает вершителем судеб множества крестьян и подчиняющихся ему людей.

Читатель рассказа осознает, что все разговоры господ о будущем России, о лучшем пути лишь блажь, поскольку ни хозяин, ни хозяйка, ни гость в рассказе «Ягоды» не готовы задуматься, даже просто вспомнить о людях, которые на них работают, отпустить для отдыха старика-ямщика: «Снаружи, за воротами дачи побрякивали бубенчиками ямщицкие лошади, стоявшие без корма, и то зевал, то храпел тоже без корма сидевший в коляске старик ямщик... Когда уж с разных дач стали перекликаться петухи... ямщик усомнился, не забыли ли его, сошел с коляски и вошел в дачу. Он видел, что его седок сидел ипил что-то и в промежутках громко говорил» [Толстой, 1928–1958, т. 41, с. 452].

Заключение

В целом образы усадебной жизни представлены в «Круге чтения» в положительном аспекте, они связаны для Толстого с жизнью на земле, с естественным трудом, с преображением человека и его общением с миром природы. Усадебный быт подразумевал, по мнению писателя, домашнюю и спокойную жизнь, семейные ценности, осознание преемственности и связи с другими людьми. Тема усадебной жизни в «Круге чтения» включается одновременно в разные оппозиции: ярко просматривающаяся общественная и социальная проблематика («Если я родился на земле, то где же моя часть? Будьте так добры, господа этого мира, покажите мне мой лесной участок..., мое поле..., мою усадьбу» [Толстой, 1928–1958, т. 42, с. 248]) отступает у Толстого на второй план, уступая место проблеме приближения к истинной любви: «Только деятельное, нравственное, духовное, глубокое и религиозное сознание придает жизни всё ее достоинство и энергию. Оно делает неуязвимым и непобедимым. Землю можно победить только именем неба» [Толстой, 1928–1958, т. 42, с. 134].

Библиографический список

1. Андреева В. Г. О национальном своеобразии русского романа второй половины XIX века. Кострома : КГУ, 2016. 492 с.
2. Андреева В. Г. Образ эпической героини в романе Л. Н. Толстого «Воскресение» // Филология и культура. 2021. №2 (64). С. 68–75.
3. Авилова Л. А. Первое горе // Авилова Л. А. Рассказы. Воспоминания. М.: Советская Россия, 1984. URL: http://az.lib.ru/a/awilowa_l_a/text_1906_pervoe_gore.shtml
4. Быковская Т. В. Поэтика дома: образы внутреннего пространства человека // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 4. С. 402–408.
5. Гаврилина Н. А. Взгляды Л. Н. Толстого на социальные проблемы российского общества в 80–90-е гг. XIX в. // Духовное наследие Л. Н. Толстого в современных культурных дискурсах. Тула: ТГПУ им. Л. Толстого. 2016. С. 254–260.
6. Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого. Москва : Захаров, 2002. 652 с.
7. Гордович К. Д. Тема дома, усадьбы, дачи в произведениях А. Чехова // Чеховские чтения в Ялте. Симферополь : Максима, 2012. С. 28–31.
8. Гусев Н. Н. Два года с Л. Н. Толстым. Воспоминания и дневник бывшего секретаря Л. Н. Толстого. 1907–1909. Москва : Худ. лит., 1973. 464 с.
9. Гусев Н. Н. Круг чтения. История писания и печатания // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 т. Т. 42. Москва : Худ. лит., 1957. С. 557–584.
10. Гусев Н. Н. Душечка. А. П. Чехова // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 т. Т. 42. Москва : Худ. лит., 1957. Т. 42. С. 609–610.
11. Гусев Н. Н. Послесловие к рассказу Чехова «Душечка» Л. Н. Толстого // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 т. Т. 42. Москва : Худ. лит., 1957. Т. 42. С. 610–612.
12. Карлик Н. А. Афористика Л. Н. Толстого: сборник мудрых мыслей «Круг чтения». Санкт-Петербург : Государственная полярная академия, 2012. 225 с.
13. Лученецкая-Бурдина И. Ю. Парадоксы художника. Особенности стиля Л. Н. Толстого в 1870–1890 годы. Ярославль : ЯГПУ, 2001. 156 с.
14. Николаева С. Ю. Ф. И. Тютчев и И. С. Тургенев в восприятии Л. Н. Толстого (книга «Круг чтения») // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2019. № 1 (60). С. 41–50.
15. Петренко Д. И., Штайн К. Э. Проза А. П. Чехова: метапоэтика и поэтика. Ростов-на-Дону : ИП Попов К. Р. «Полиграф-Сервис», 2018. 416 с.
16. Попова Е. В. К вопросу об авторской позиции в рассказе А. П. Чехова «Душечка» // Вестник Таганрогского государственного педагогического института. 2011. Специальный выпуск № 1. С. 57–61.
17. Седов А. В. Осмысление проблем социальной справедливости в «Круге чтения» Л. Н. Толстого // Проблемы социальной справедливости и современный мир. Череповец : Череповецкий государственный университет, 2016. С. 24–29.
18. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 т. Москва : Худ. лит., 1928–1958.
19. Тулякова А. А. Читатель на распутье: «дублированные сюжеты» в «Круге чтения» Л. Н. Толстого // Вест-

ник Томского государственного университета. 2018. № 430. С. 39–44.

20. Чехов А. П. Душечка // Чехов А. П. Собр. соч. в 2 т. Т. 2. Москва : Худ. лит., 1986. С. 293–303.

Reference list

1. Andreeva V. G. O nacional'nom svoeobrazii russkogo romana vtoroj poloviny XIX veka = On the national identity of the Russian novel in the second half of XIX century. Kostroma : KGU, 2016. 492 s.

2. Andreeva V. G. Obraz jepicheskoj geroini v romane L. N. Tolstogo «Voskresenie» = The epic heroine in the novel «Resurrection» by Leo Tolstoy // Filologija i kul'tura. 2021. №2 (64). S. 68–75.

3. Avilova L. A. Pervoe gore = The first grief // Avilova L. A. Rasskazy. Vospominanija. Moskva : Sovetskaja Rossija, 1984. URL: http://az.lib.ru/a/awilowa_1_a/text_1906_pervoe_gore.shtml

4. Bykovskaja T. V. Pojetika doma: obrazy vnutrennego prostranstva cheloveka = Poetics of the home: images of the human internal space // Sovremennye problemy nauki i obrazovanija. 2013. № 4. S. 402–408.

5. Gavrilina N. A. Vzglyady L. N. Tolstogo na social'nye problemy rossijskogo obshhestva v 80–90-e gg. XIX v. = Tolstoy's views on the social problems of Russian society in the 80–90s of XIX century // Duhovnoe nasledie L. N. Tolstogo v sovremennyh kul'turnyh diskursah. Tula : TGPU im. L. Tolstogo. 2016. S. 254–260.

6. Gol'denvejzer A. B. Vblizi Tolstogo = Near Tolstoy. Moskva : Zaharov, 2002. 652 s.

7. Gordovich K. D. Tema doma, usad'by, dachi v proizvedenijah A. Chehova = The theme of the house, the estate, the dacha in A. Chekhov's works // Chehovskie chtenija v Jalte. Simferopol' : Maksima, 2012. S. 28–31.

8. Gusev N. N. Dva goda s L. N. Tolstym. Vospominanija i dnevnik byvshego sekretarja L. N. Tolstogo. 1907–1909 = Two years with Leo Tolstoy. Memories and the diary of Leo Tolstoy's former secretary. 1907–1909. Moskva : Hud. lit., 1973. 464 s.

9. Gusev N. N. Krug chtenija. Istorija pisanija i pechatanija = A Calendar of Wisdom. The history of writing and printing // Tolstoj L. N. Poln. sobr. soch. v 90 t. T. 42. Moskva : Hud. lit., 1957. S. 557–584.

10. Gusev N. N. Dushechka. A. P. Chehova» = Darling by A.P. Chekhov // Tolstoj L. N. Poln. sobr. soch. v 90 t. T. 42. Moskva : Hud. lit., 1957. T. 42. S. 609–610.

11. Gusev N. N. Posleslovie k rasskazu Chehova «Dushechka» L. N. Tolstogo = The afterword to Chekhov's story «Darling» by Leo Tolstoy // Tolstoj L. N. Poln. sobr. soch. v 90 t. T. 42. Moskva : Hud. lit., 1957. T. 42. S. 610–612.

12. Karlik N. A. Aforistika L. N. Tolstogo: sbornik mudryh myslej «Krug chtenija» = Leo Tolstoy's aphorism: a collection of wise thoughts «A Calendar of Wisdom». Sankt-Peterburg : Gosudarstvennaja poljarnaja akademija, 2012. 225 s.

13. Lucheneckaja-Burdina I. Ju. Paradoksy hudozhnika. Osobennosti stilja L. N. Tolstogo v 1870–1890 gody = Paradoxes of the artist. Features of Tolstoy's style in 1870–1890. Jaroslavl' : JaGPU, 2001. 156 s.

14. Nikolaeva S. Ju. F. I. Tjutchev i I. S. Turgenev v vosprijatii L. N. Tolstogo (kniga «Krug chtenija») = F. I. Tyutchev and I.S. Turgenev as perceived by Leo Tolstoy (The book «A Calendar of Wisdom») // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filologija. 2019. № 1 (60). S. 41–50.

15. Petrenko D. I., Shtajn K. Je. Proza A. P. Chehova: metapojetika i pojetika = Chekhov's prose: metapoetics and poetics. Rostov-na-Donu : IP Popov K.R. «Poligraf-Servis», 2018. 416 s.

16. Popova E. V. K voprosu ob avtorskoj pozicii v rasskaze A. P. Chehova «Dushechka» = On the author's position in A. P. Chekhov's story «Darling» // Vestnik Taganrogskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta. 2011. Special'nyj vypusk № 1. S. 57–61.

17. Sedov A. V. Osmyslenie problem social'noj spravedlivosti v «Kruge chtenija» L. N. Tolstogo = Understanding the problem of social justice in Leo Tolstoy's «A Calendar of Wisdom» // Problemy social'noj spravedlivosti i sovremennij mir. Cherepovec : Cherepoveckij gosudarstvennyj universitet, 2016. S. 24–29.

18. Tolstoj L. N. Poln. sobr. soch. v 90 t. = Complete collection of works in 90 vols. Moskva : Hud. lit., 1928–1958.

19. Tuljakova A. A. Chitatel' na rasput'e: «dubletnye szuzhety» v «Kruge chtenija» L. N. Tolstogo = The reader at a crossroads: «doublet plots» in Leo Tolstoy's «A Calendar of Wisdom» // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. № 430. S. 39–44.

20. Chehov A. P. Dushechka = Darling // Chehov A. P. Sbr. soch. v 2 t. T. 2. Moskva : Hud. lit., 1986. S. 293–303.

Статья поступила в редакцию 15.05.2022; одобрена после рецензирования 16.06.2022; принята к публикации 23.08.2022.

The article was submitted on 15.05.2022; approved after reviewing 16.06.2022; accepted for publication on 23.08.2022.

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI: 10.20323/2499-9679-2022-3-30-28-35

EDN: SXWFCF

Автобиографический аспект поэмы Н. А. Некрасова «Мороз, Красный нос»

Владимир Иванович Мельник

Доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения ФГБОУ ВО «Московский государственный университет дизайна и технологий». 117997, г. Москва, ул. Садовническая, д. 33, стр. 1
melnikvi1985@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9684-8943>

Аннотация. В статье предпринята попытка выявить существенно важный для самого автора духовный смысл поэмы Н. А. Некрасова «Мороз, Красный нос», который, в сущности, определяет трагико-оптимистическую тональность, своеобразие образной системы и поэтическую логику произведения. Наибольшее внимание уделено теме смерти и ее автобиографическому наполнению. Тема смерти не только последовательно и настойчиво проходит через всю поэму «Мороз, Красный нос». Она во многом имеет автобиографический, глубоко скрытый смысл, выявляемый лишь в более широком поэтическом и биографическом контексте, а также при обращении к тем основам религиозного мировоззрения Некрасова, которые характерно проявились уже в его первой книге «Мечты и звуки». Главные смыслы поэмы группируются вокруг мотивов земных трудов (иногда радостных и счастливых, иногда тяжких и «рабских») и небесного освобождения.

Осмысление цели жизни и значения смерти в ожидании собственной близкой, по убеждению поэта, кончины, только что совершившаяся смерть отца, воспоминание о матери, получившей в ранней смерти освобождение от нравственных страданий, – все это наложило неизгладимый отпечаток на одно из великих созданий русской поэзии. Несмотря на то, что главная внутренняя тема поэмы – смерть и ожидание смерти, она является одной из самых оптимистичных произведений Некрасова, следующего догматике христианства: смерть – лишь переход от мира страданий и слез (где «только камни не плачут») к миру любви и свободы.

Ключевые слова: Некрасов; христианство; смерть; земные узы; свобода; автобиографизм; логика поэмы

Для цитирования: Мельник В. И. Автобиографический аспект поэмы Н. А. Некрасова «Мороз, Красный нос» // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 3 (30). С. 28–35. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-3-30-28-35>. <https://elibrary.ru/SXWFCF>

Original article

Autobiographical aspect of N. A. Nekrasov's poem «Grandfather Frost the Red nose»

Vladimir I. Melnik

Doctor of philological sciences, professor, department of linguistics and literary studies, Moscow state university of design and technology. 117997, Moscow, Sadovnicheskaya st., 33, bld. 1
melnikvi1985@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9684-8943>

Abstract. The article attempts to discover the spiritual meaning of N. A. Nekrasov's poem Grandfather Frost the Red nose, which is vital for the author, and which in fact determines the tragic and optimistic tone, original imagery and poetic logic of the work. Most attention is paid to the theme of death and its autobiographical aspect. The theme of death not only consistently and persistently runs through the entire poem Grandfather Frost the Red nose. In many ways it has an autobiographical, deeply hidden meaning, revealed only in a broader poetic and biographical context, and also in appealing to those foundations of Nekrasov's religious outlook, which were already characteristically evident in his first book, Dreams and sounds. The main meanings of the poem are grouped around the motifs of earthly toil (sometimes joyful and happy, sometimes hard and «slavish») and heavenly liberation.

A reflection on the purpose of life and the meaning of death in anticipation of his own close demise (in the poet's own conviction), his father's recent death, the memory of his mother, who received liberation from moral suffering in her early death, all this left an indelible impact on one of the great creations of Russian poetry. Although the main internal theme of the poem is death and the expectation of death, it is one of Nekrasov's most optimistic works,

following the Christian dogma: death is only a transition from the world of suffering and tears (where «only stones do not weep») to the world of love and freedom.

Key words: Nekrasov; Christianity; death; earthly bonds; freedom; autobiography; logic of the poem

For citation: Melnik V. I. Autobiographical aspect of N. A. Nekrasov's poem «Grandfather Frost the Red nose». *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2022;(3):28–35. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-3-30-28-35>. <https://elibrary.ru/SXWFCF>

Введение

Поэма «Мороз, Красный нос» – одно из самых загадочных произведений Н. А. Некрасова, проникнутое интуитивными началами. Первоначальная редакция поэмы, опубликованная в 1863 г. в журнале «Время», носила название «Смерть Прокла» [Некрасов, 1863, с. 302–305]. По сути, это была еще не сама поэма, а описание важнейшего сюжетобразующего события, легшего в ее основу. Комментаторы академического собрания сочинений поэта отмечают: «Первоначальная редакция (опубликованная в журнале «Время») состояла из гл. I, II, VI и VII основного текста; для нее характерны фрагментарность и незавершенность. Она легла в основу первой части окончательного варианта поэмы. Время работы над нею определяется Ф. И. Евным как декабрь 1862 г. (см.: Некр. сб., III, с. 59–61)» [Некрасов, 1982, с. 557]. Однако любопытно, что уже в бытовые зарисовки похорон Прокла попал совсем не бытовой образ юродивого Пахома, которому посвящена практически полностью четвертая главка. Этот образ связан уже с главной темой будущей поэмы – темой Божьего Промысла, провозвестником которого и выступает Пахом. Впрочем, пока поэма Некрасова не была развернута во всей широте, этот образ воспринимался как что-то экзотическое и почти случайное.

Известно, что 18 февраля 1864 г. на вечере Литературного фонда, предвзято чтение поэмы, Некрасов сказал, что «его новое произведение не имеет никакой тенденции, почему он и просит слушателей не подозревать в нем <...> никакого служения направлению. Мне хотелось... написать несколько картинок русской сельской жизни; я попытался изобразить судьбу нашей русской женщины; я прошу внимания слушателей, ибо „если они не найдут в моей поэме того, что я задумал, они ничего в ней не найдут“» [Библиотека для чтения, 1864, с. 68]. Очень долгое время поэма «Мороз, Красный нос» воспринималась в рамках этого высказывания автора. Исследователи акцентировали социальную сторону изображаемых событий, подчеркивали необыкновенное

знание Некрасовым крестьянской жизни, включая ее светлые стороны, причем на главное место выдвигалась фигура «нашей русской женщины». Тем не менее, высказывания о смысле поэмы часто носили слишком общий, обтекаемый характер. Стереотип подобных высказываний характерно выразил В. В. Жданов: «Поэт задумал изобразить судьбу и характер крестьянской женщины, ее терпение и выносливость, любовь к труду, доброту и поэтичность ее души. Он хотел показать, что дух ее не сломен, несмотря на все невзгоды, ставшие участью русской крестьянки... Вместе с тем поэт без сентиментальности и фальши обрисовал крестьянскую жизнь с ее повседневным трудом, заботами и лишениями... Художественное своеобразие и особый колорит придают поэме сказочно-фольклорные мотивы... Жизнь деревни тесно слита с природой...» [Жданов, 1982, с. 369–370]. Перечислительный характер присущих поэме черт показывает, что вне поля зрения исследователей осталась глубинная логика поэмы, затаенная авторская мысль. Между тем, в последнее время наблюдаются попытки выявить если не эту внутреннюю логику поэмы, то ее более высокие смыслы.

Некрасоведение усиленно пытается расширить культурный контекст размышлений о поэме «Мороз, Красный нос». Не случайно Н. Н. Скатов, вслед за другими исследователями, сравнительно недавно напомнил высказывание Ш. Корбэ: «Автор самого большого на Западе и вообще одного из самых больших исследований о Некрасове, известный литературовед... Шарль Корбэ, полагает, что если и есть в новой литературе поэтическое произведение – аналог гомеровской «Илиаде», то это именно «Мороз, Красный нос» (Корбэ видит и прямые параллели: скорбь старика отца над умершим сыном Проклом и плач Приама над убитым сыном – Гектором)» [Скатов, 1994, с. 320]. О гомеровской поэтике некрасовского эпоса писал и А. И. Груздев: «В „Морозе...“ возникает что-то близкое гомеровской „двойной мотивации“ поступков, событий, характеров. События и поступки персонажей определяются, прежде всего, волей обстоятельств, а затем другой, надчеловеческой волей.

Здесь и роковой случай, и зимний холод, и варварское лечение, и воздействие ненормальных социальных условий» [Груздев, 1975, с. 164].

Другой важный акцент наметился в тех работах о поэтике поэмы, которые возвращают нас к ее названию, а значит и к проблеме общего смысла произведения. Обозначенная еще в 1956 г. Т. С. Колосовой тенденция увидеть связь поэмы со сказкой «Морозко» [Колосова, 1956, с. 197–210] находит все более глубокие и последовательные продолжения в современном некрасоведении. В фигуре Мороза исследователи справедливо почувствовали смысловую многозначность и важность для всей художественной концепции произведения. Правда, пока работа идет скорее на ощупь. В. А. Сапогов в свое время отметил: «... заженный очаг, тепло возвращают дому *живое*. Здесь и заключена более глубокая (чем только бытовая) мотивировка сюжетного хода: Дарья едет в лес за дровами. Она направляется к Морозу, в царство смерти за живым, как в сказках идет в мертвое царство за живой водой» [Сапогов, 1980, с. 31]. Экзотично развивает тему современный исследователь Кирилл Борисов: «Воевода Мороз – существо из другого, фантастического мира, мира, который располагается за гранью земного бытия. Он не превращается в Прокла, как это описывает Некрасов, он и есть Прокл...» [Борисов]. Автор считает, что под видом Мороза действует Прокл, «воскресший» подобно Акакию Акакиевичу Башмачкину из «Шинели» Н. В. Гоголя: «Некрасовский человек тоже «маленький человек», угнетенный системой. Его жизнь также обрывается из-за этой системы. Подобно Башмачкину, Прокл воскресает в ином, фантастическом обличье. Также как и призрак Акакия Акакиевича, Воевода Мороз наказывает за свою смерть всех людей без разбора: герой Гоголя – срывая с них шинели, Мороз – пугая и замораживая их. Безусловно, Некрасов читал и знал гоголевскую „Шинель“» [Борисов]. Проявился интерес к романтическим, мистическим моментам в поэме. Если К. Борисов сопоставляет поэму Некрасова с балладой В. А. Жуковского «Людмила», то Е. О. Яцкив – с балладой Жуковского «Лесной царь» [Яцкив, 2021, с. 90–92]. А. Б. Криницын в статье «Романтические мотивы в поэме Некрасова „Мороз, красный нос“» развивает мысль А. И. Груздева о связи образа Мороза с образом лермонтовского Демона [Криницын, 2012, с. 515–534].

Подобные интерпретации некрасовского текста говорят, во-первых, о том, что написанная во

многом на поэтических интуициях поэма «Мороз, Красный нос» несет в себе смысловую многозначность и отнюдь не ограничивается социальной темой. Во-вторых, вектор развития интерпретаций все более очевидно склоняется к обнаружению в поэме ярко выраженного духовного начала, вплоть до демонизма и мистики. Но демонические и т. п. мотивы в поэме Некрасова имеют корни не столько в фольклоре как таковом, сколько в христианском взгляде поэта на свою собственную и вообще человеческую судьбу. Поэтому попытки исследователей рассмотреть указанные мотивы вне христианского мировоззрения Некрасова в целом обречены на фрагментарность, а в чем-то и на непоследовательность. Между тем сегодняшнее некрасоведение как-то опасливо обходит главную мировоззренческую проблему Некрасова стороной.

Нам уже приходилось писать о том, что проблематика поэмы связана, прежде всего, с темой Божьего Промысла [Мельник, 2006; Мельник, 2007, с. 428–438; Мельник, 2007, с. 35–47; Мельник, 2008]. В настоящей работе мы намерены развить свою мысль, поскольку тема Божьего Промысла имеет в поэме автобиографический смысл и базируется, прежде всего, на мотивах, связанных со смертью, а именно с «безвременными», «несправедливыми» смертями молодых по возрасту героев.

Некрасов прожил недолгую жизнь – он скончался в возрасте 56 лет, в 1877 году. Подозрения же о скорой смерти начали терзать его гораздо ранее – еще в 1840-е гг., когда ему не было и 3-ти лет. У поэта была болезнь горла, мешавшая ему даже говорить. Болезнь обострилась в 1855 г. В 1856 г. лечащий его доктор П. Д. Шипулинский послал его за границу, чтобы он посоветовался с каким-то знаменитым венским доктором. «После свидания с венской знаменитостью Некрасов снова впал в уныние. Знаменитость нашла его болезнь очень серьезной, предписала строжайший режим и велела ему ехать в Италию, где и провести зиму» [Панаева, 1972, с. 243]. По свидетельству современников, во многих разговорах Некрасов раздраженно говорил о неизлечимости своей болезни: «Я очень хорошо вижу, что все доктора сбывают меня с своих рук, зная, что болезнь моя неизлечима. Я не из тех малодушных больных, которых можно им дурачить посылками на излечение подальше от себя...» [Панаева, 1972, с. 248]. Болезнь время от времени обострялась, поэту постоянно казалось, что он должен скоро умереть, иногда он по

два дня ни с кем не говорил.

В этой связи вспомним вступление к поэме «Мороз, Красный нос», которая была начата в 1862 г. В предисловии поэт обращается к своей сестре:

А теперь – мне пора умирать...
Не затем же пускаться в дорогу,
Чтобы в любящем сердце опять
Пробудить роковую тревогу...

Присмирившую музу мою
Я и сам неохотно ласкаю...
Я последнюю песню пою
Для тебя – и тебе посвящаю.
Но не будет она веселей,
Будет много печальнее прежней,
Потому что на сердце темней
И в грядущем еще безнадежней...

Поэма «Мороз, Красный нос» была посвящена Некрасовым его сестре – Александре Алексеевне, и он называет поэму – «последней песней». Во многом это ключ к поэме. К сожалению, исследователи «Мороза» не обращали внимания на столь важный факт, определяющий как тональность, так и проблематику произведения. Между тем, смерть – едва ли не главная «героиня» поэмы, она является в разных лицах, в том числе и в образе Мороза. Между смертями, изображенными в поэме, много общего несмотря на различия персонажей.

Смерть крестьянина Прокла иконописна и эпична. Перед нами как бы даже не смерть, а очередная, хорошо исполненная крестьянская работа:

Лежит неподвижный, суровый,
С горящей свечой в головах,
В широкой рубахе холщовой
И в липовых новых лаптях.

Большие, с мозолями руки,
Подъявшие много труда,
Красивое, чуждое муки
Лицо – и до рук борода...

Здесь ощутима не только эпичность события, но и его эстетика. Совершенно не случайно то, что Некрасов называет лицо покойного Прокла красивым.

Первое название поэмы «Смерть Прокла» хотя и было заменено на более поэтичное, несло в себе зерно главной мысли. Смерть Прокла – это

смерть крестьянина. Недаром первоначально текст поэмы, сложившейся у Некрасова к 21 августа 1863 г., носил более общее название: «Смерть крестьянина» [Некрасов, 1982, с. 557]. Вся жизнь крестьян, основанная на ежедневном труде, проявляет свою истинную цену в акте смерти. Смерть крестьянина показана Некрасовым как то, что меняет «долю», судьбу всего крестьянского семейства, весь строй ее жизни. На первом плане не только горе как таковое, свойственное представителям всех сословий, но вопрос и о буквальном выживании всех остальных членов семьи. Только что похоронивший отца и ожидающий своей собственной кончины Некрасов, описывая смерть крестьянина, невольно сравнивал «барское» и крестьянское горе – и тем самым показывал истинную цену вещей. Наследники барина, погоревав, возвращались к своим делам, крестьянские дети оставались без кормильца, их ждала неизвестность. «Земное иго» довлело над ними куда сильнее.

В поэме не случайно показана еще одна смерть, смерть молодой схимонахини в монастыре. Это смерть духовного лица. Трагичность события заключается в том, что умирает едва ли не самая молодая, если не сказать юная, насельница монастыря. Некрасов как человек духовно опытный понимал, что схи́ма дается либо выдающимся своими подвигами монахам, либо тяжело заболевшим (скорее всего в случае с некрасовской схимонахиней так и было). Схимонахи – по образу своей монашеской жизни и молитвы – духовная опора монастыря. В этом сходство героини с Проклом, который был опорой для своей семьи. И еще одно сближает их – красота смерти. Если кончина Прокла – своего рода икона смерти крестьянина, то безымянная схимонахиня – также показывает образец монашеской кончины: «Спит молодая, спокойная... Всех ты моложе, нарядней, милей». Некрасов снова подчеркивает эстетику смерти: «Ты меж сестер словно горlinkа белая // Промежду сизых, простых голубей». Учитывая смерть молодой и красивой Дарьи, становится ясно, что Некрасов с какой-то целью показывает в поэме кончину самых молодых, самых красивых, самых нужных для окружающих героев, как бы напоминая слова из покаянного канона: «Не уповай, душе моя, на телесное здравие и на скоромиходящую красоту, видиши бо, яко сильные и млади́и умирают...».

Эстетическое начало особенно сильно проявляется в смерти Дарьи. Кончина всех троих «красивых и молодых» героев показана как «сон» («Уснул, потрудившийся в поте» Прокл, «спит

схимонахиня», «Дарья стояла и стыла // В своем заколдованном сне...»).

В 1862 г. самому Некрасову был лишь сорок один год, и его многолетняя уверенность в близкой смерти, переживания, но, главное, попытка осмыслить свою жизнь и возможную скорую кончину с христианской точки зрения, несомненно, находят выход в изображении смерти «сильных и молодых» в поэме. Все изображенные смерти не случайны, они связаны между собой глубокой, покаянной и в то же время чрезвычайно оптимистичной по духу авторской логикой, которую мы попытаемся выявить.

Эстетически окрашенный, но и глубоко духовный мотив смерти как сна вырастает у Некрасова и из осмысления своей собственной жизни, из его духовных надежд. Все трое героев показаны как «опорные» для окружающих людей, «потрудившиеся», образцово исполнявшие свой долг. В этом смысле ранняя кончина, с христианской точки зрения, не есть несчастье или наказание, но часто, напротив, Божья милость. Они все заслужили отдых после тяжести земных трудов.

Как люди, исполнившие свой долг до конца, они возведены Некрасовым в праздничную, «иконописную» кончину, говорящую об их святости. Именно поэтому во всех «сильных и молодых» покойниках просвечивает духовная красота и, напротив, совершенно не изображается безобразие смерти, страх, несчастье. При виде молодой схимонахини Дарьи не испытывает чувства потери, несчастья. Напротив, изображаемая атмосфера показывает, что Некрасов хорошо знает житийную литературу, где часто описывается, что на похоронах праведников окружающие ощущают торжественность момента, неизбежность воскресения, чувство пасхальной радости. Дарья сравнивает схимонахиню с ангелом и молится ей как святой, обращаясь за помощью:

Этак-то ангелы кротки!
Молви, касатка моя,
Богу святыми устами,
Чтоб не осталась я
Горькой вдовой с сиротами!

При кончине Прокла юродивый Пахом призывает его родных не печалиться:

Постукал дурак деревенской
В морозную землю колом,
Потом помычал сердобольно,
Вздыхнул и сказал: «Не беда!...».

Да и сам автор поэмы, описывая необычную, по-своему радостную кончину Дарьи, говорит: «Она улыбалась. Жалеть мы не будем об ней». Все дело в том, что еще в своей первой книге «Мечты и звуки» Некрасов продемонстрировал, в частности, и в стихах о смерти, хорошее знание законов духовной жизни. Он понимает: то, что с земной точки зрения кажется благом, в духовном смысле губительно, ничтожно – и наоборот. Бояться и страшиться человек должен не смерти, которая рано или поздно придет, а Божьего Суда. Герои поэмы «Мороз, Красный нос» показаны поэтом как святые, вот почему их смерть «не беда» и почему не только о Дарье, но и обо всех них «жалеть мы не будем». Сам подбор лиц («молодые и сильные») и кончина этих героев показана автором поэмы так, что становится понятно: в их смерти явно участвовал Божий Промысл. Старые родители Прокла, пожилые монахини и крестьяне продолжают жить, а молодые и красивые уходят из жизни – это не парадокс поэмы, а напоминание о словесной формулировке «Бог взял» и о том, что Бог посылает человеку кончину в лучшее для него время, хотя, по мирским представлениям, кончина может быть «безвременной». Ожидающий своей собственной кончины Некрасов уверен, что смерть посылается человеку в нужный для него час. Об этом он размышлял еще в стихотворениях 1830-е гг., что показал сборник «Мечты и звуки» [Мельник, 2022]. Предсмертные стихи показывают, что Некрасов как христианин не боится смерти, видит в ней долгожданную свободу от земного гнета и крепко верит в лучшую долю за гробом. Раннюю же смерть он чтит как нечто особенное, как своего рода избранность. В этом смысле интерес представляет смерть мальчика-пастушка от удара молнии из стихотворения 1860 г. «Деревенские новости», тоже отмеченная у Некрасова своеобразной красотой успения святого:

Утомился Волчок –
Спит себе. Кровь на рубашке,
В левой ручонке рожок,
А на шляпенке веночек
Из васильков да из кашки!

Такая смерть-успение возводит мальчика на степень святости – в параллель к житию св. отрока Артемия Веркольского, убитого молнией. Здесь не случайно упомянут веночек, вызывающий ассоциации с небесным венцом, изображаемым Некрасовым также в стихотворении о своей приближающейся кончине («Баюшки-баю»). Очевидно, что Некрасов питал личный интерес к проблеме святости рано ушедших из жизни по воле Бо-

жьего Промысла. Это определяло его отношение к подобным смертям как к «пасхальным» и внушало ему надежду, помогавшую переносить постоянное ожидание ранней смерти.

Уже понятно, что чрезвычайно важным является автобиографический аспект темы, переживания и обстоятельства жизни самого Некрасова, вошедшие в поэму. Так, например, осмысливая проблему ранней смерти человека и, возможно, связанной с этим его святости, Некрасов, несомненно, отталкивался, прежде всего, от образа собственной матери, которая скончалась в возрасте 38 лет. Некрасов не просто боготворил свою мать, по словам Ф. М. Достоевского, «мученицу» [Достоевский, 1984, с. 211]. Поэт был склонен приписать ей, хотя и в условных поэтических формах, образ святости. Характерным в этом плане является предсмертное стихотворение 1877 г. «Баюшки-баю», в котором она изображена как имеющая дерзновение просить Бога о судьбе своего сына. Она уже вымолила его у Бога и держит в руках также венец святости (хотя Некрасов лишь метафорически намекает на это, говоря о поэтическом венце):

Но перед ночью непробудной
Я не один... Чу! голос чудный!
То голос матери родной:
«Пора с полуденного зноя!
Пора, пора под сень покоя;
Усни, усни, касатик мой!
Прими трудов венец желанный,
Уж ты не раб – ты царь венчанный;
Ничто не властно над тобой!
.....
Не бойся горького забвенья:
Уж я держу в руке моей
Венец любви, венец прощенья...

В стихотворении тесно увязаны и взаимно переплетены мотивы личной святости и спасения, с одной стороны, и мотив поэтического бессмертия поэта – с другой. Что касается первого, то в «Баюшки-баю» переведены в личный план те главные переживания Прокла и Дарьи, которые в своей ранней смерти также обретают свободу от земных страданий и рабства, получают венцы «любви и прощенья». Как и в поэме «Мороз, Красный нос», в стихотворении отсутствует боязнь смерти, ибо она есть освобождение от всех земных оков, страданий и мук (как сказано в «Морозе», «здесь одни только камни не плачут»). Мать-мученица успокаивает его и говорит о смерти как о сне, что снова возвращает нас к поэме «Мороз, Красный нос»:

Не страшен гроб, я с ним знакома;
Не бойся молнии и грома,
Не бойся цепи и бича,
Не бойся яда и меча,
Ни беззаконья, ни закона,
Ни урагана, ни грозы,
Ни человеческого стоны,
Ни человеческой слезы!
Усни, страдалец терпеливый!
.....
Еще вчера людская злоба
Тебе обиду нанесла;
Всеми коней, не бойся гроба!
Не будешь знать ты больше зла!

Мать у Некрасова, помимо прочего, его заступница не только на земле, но и на небе. Поэт, в ожидании близкой смерти, всегда вспоминал ее. Как и в 1877 г. на пороге смерти, он вспомнил о матери и в 1862 г. во вступлении к поэме «Мороз, Красный нос», причем вспомнил очень характерно – в связи с мотивом смерти:

Буря воеет в саду, буря ломится в дом,
Я боюсь, чтоб она не сломила
Старый дуб, что посажен отцом,
И ту иву, что мать посадила,
Эту иву, которую ты
С нашей участью странно связала,
На которой поблекли листы
В ночь, как бедная мать умирала...

В сущности, это четвертая по счету упоминаемая в поэме смерть – смерть родной матери. Образ гибкой ивы (матери) контрастирует с образом дуба (отца). Таким образом, есть и пятая смерть в поэме, смерть отца. Характерно, что и отец, по мнению многих, не очень любимый Некрасовым, все-таки упомянут хотя бы одной строкой. И снова это возвращает нас к автобиографическому срезу поэмы «Мороз, Красный нос». Основная работа над отрывком поэмы «Смерть Прокла», по мнению Ф. И. Евнина, следует датировать декабрем 1862 г. К сожалению, комментаторы академического Некрасова никак не упоминают кончину отца Некрасова в ноябре 1862 г., а пишут как о существенно важном – о «зимних впечатлениях», отразившихся в «Смерти Прокла»: «В конце ноября он снова был у отца, затем провел некоторое время в Новгородской губернии. Впечатления от зимней деревни, вероятно, и легли в основу картин, изображенных в первоначальной редакции поэмы» [Некрасов, 1982, с. 557]. Комментаторы проявили большую небрежность, написав, что Некрасов в конце ноября «снова был у отца».

Известно, что 26 ноября поэт «готовится ехать в Ярославль в связи с получением телеграммы о том, что отец его умирает» [Летопись, 2007, с. 328]. Алексей Сергеевич Некрасов умер 30 ноября. Фраза «снова был у отца» говорит скорее о встрече с живым отцом, нежели о его похоронах. В этом смысле гораздо важнее и существеннее не «впечатления от зимней деревни», а впечатления от зимних похорон, как они показаны в поэме «Мороз, Красный нос»:

Решился. Крестом обозначил,
Где будет могилу копать,
Крестом осенился и начал
Лопатою снег разгребать.

Иные приемы тут были,
Кладбище не то, что поля:
Из снегу кресты выходили,
Крестами ложилась земля.

Согнув свою старую спину,
Он долго, прилежно копал,
И желтую мерзлую глину
Тотчас же снежок застилал.

Ворона к нему подлетела,
Потыкала носом, прошлась:
Земля как железо звенела –
Ворона ни с чем убралась...

Кладбищенские впечатления в поэме навеяны похоронами отца. Сам ожидающий смерти, Некрасов глубоко переживал эти впечатления.

Заключение

Таким образом, тема смерти не только последовательно и настойчиво проходит через всю поэму «Мороз, Красный нос». Она во многом имеет автобиографический, глубоко скрытый смысл, выявляемый лишь в более широком поэтическом контексте и при обращении к тем основам религиозного мировоззрения Некрасова, которые характерно проявились уже в его первой книге «Мечты и звуки». Главные смыслы поэмы группируются вокруг мотивов земных трудов (иногда радостных и счастливых, иногда тяжких и «рабских») и небесного освобождения, эти мотивы также впервые прозвучали еще в «Мечтах и звуках». В отличие от ранних опытов, Некрасов мастерски сочетает религиозные мотивы с жизненными, отчего религиозная тема звучит ненавязчиво, без дидактики, но в конечном счете определяет смысл произведения. Осмысление цели жизни

и значения смерти в ожидании собственной близкой, по убеждению поэта, кончины, только что совершившаяся смерть отца, воспоминание о матери, получившей в ранней смерти освобождение от нравственных страданий, – все это наложило неизгладимый отпечаток на одно из великих созданий русской поэзии. Несмотря на то, что главная внутренняя тема поэмы – смерть и ожидание смерти, она является одной из самых оптимистичных произведений Некрасова, следующего догматике христианства: смерть – лишь переход от мира страданий и слез (где «только камни не плачут») к миру любви и свободы.

Библиографический список

1. Библиотека для чтения. 1864. № 2.
2. Борисов Кирилл. О поэме Некрасова «Мороз, Красный нос». URL: sobolev.franklang.ru...borisov...poeme...moroz-krasnyj-nos.
3. Груздев А. И. «Мороз, Красный нос» – эпическая поэма нового типа // О Некрасове. Вып. 4. Ярославль: Верхне-волжское книжное издательство, 1975.
4. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: В 30 томах. Т. 26. Ленинград: Наука, 1984.
5. Жданов В. В. Н. А. Некрасов // История русской литературы. В 4-х томах. Т. 3. Ленинград: Наука, 1982.
6. Колосова Т. С. Традиции народной сказки в поэме Некрасова «Мороз, Красный нос» // Некрасовский сборник. Т. 2. Ленинград: Изд-во АН СССР, 1956. С. 197–210.
7. Криницын А. Б. Романтические мотивы в поэме Некрасова «Мороз, красный нос» // Памяти Анны Ивановны Журавлевой. Сб. статей. Москва: Три квадрата, 2012. С. 515–534.
8. Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова. В 3-х томах. Т. 2. Санкт-Петербург: Наука, 2007.
9. Мельник В. И. Алогичное и чудесное в поэме «Мороз, Красный нос» // Н. А. Некрасов в контексте русской культуры. Материалы конференции. Ярославль, 2006. С. 27–31.
10. Мельник В. И. Православный аспект поэмы Н. А. Некрасова «Мороз, Красный нос» // Духовный потенциал русской классической литературы. Сборник научных трудов. Москва: Русский мир, 2007. С. 428–438.
11. Мельник В. И. Божий Промысл в поэме Н. А. Некрасова «Мороз, Красный нос» // Филологические записки. Вестник литературоведения и языкознания. Вып. 26. Воронеж, 2007. С. 35–47.
12. Мельник В. И. Что же хотел сказать Некрасов в поэме «Мороз, Красный нос»? // Роман-журнал XXI век. 2008. № 7. С. 88–91.
13. Мельник В. И. Аграфы «В чем застану, в том и сужу» у В. Шекспира и раннего Н. А. Некрасова // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20. № 1. С. 134–148.
14. Мельник В. И. Святоотеческое учение в поэзии раннего Н. А. Некрасова: от религиозного сюжета к евангельскому идеалу // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 2. С. 8–16.

15. Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем. В 15 т. Т. 4. Ленинград : Наука, 1982.
16. Некрасов Н. А. Смерть Прокла // *Время*. 1863. № 1. С. 302–305.
17. Панаева А. Я. Воспоминания. Москва : Худ. лит., 1972.
18. Сапогов В. А. Анализ художественного произведения (поэма «Мороз, Красный нос»). Ярославль : Изд.-во КГУ имени Н. А. Некрасова, 1980.
19. Скотов Н. Н. Некрасов. Москва : Молодая гвардия, 1994.
20. Яцкив Е. О. Отражение романтической традиции в поэме Н. А. Некрасова «Лесной царь» // *Acta eruditorum*. 2021. № 36. С. 90–92.

Reference list

1. Biblioteka dlja chtenija = Books for reading. 1864. № 2.
2. Borisov Kirill. O pojeme Nekrasova «Moroz, Krasnyj nos» = On Nekrasov's poem «Grandfather Frost, the Red Nose». URL: sobolev.franklang.ru...borisov...poeme...moroz-krasnyj-nos.
3. Gruzdev A. I. «Moroz, Krasnyj nos» – jepicheskaja pojema novogo tipa = «Grandfather Frost, the Red Nose» is an epic poem of a new type. // *O Nekrasove*. Vyp. 4. Jaroslavl' : Verhne-volzhscoe knizhnoe izdatel'stvo, 1975.
4. Dostoevskij F. M. Sobranie sochinenij = Collected works: V 30 tomah. T. 26. Leningrad : Nauka, 1984.
5. Zhdanov V. V. N. A. Nekrasov = N. A. Nekrasov // *Istorija russkoj literatury*. V 4-h tomah. T. 3. Leningrad : Nauka, 1982.
6. Kolosova T. S. Tradicii narodnoj skazki v pojeme Nekrasova «Moroz, Krasnyj nos» = Folk tale traditions in Nekrasov's poem «Grandfather Frost, the Red Nose» // *Nekrasovskij sbornik*. T. 2. Leningrad : Izd.-vo AN SSSR, 1956. S. 197–210.
7. Krinicyan A. B. Romanticheskie motivy v pojeme Nekrasova «Moroz, krasnyj nos» = Romantic motives in Nekrasov's poem «Grandfather Frost, the Red Nose» // *Pamjati Anny Ivanovny Zhuravlevoj*. Sb. statej. Moskva : Tri kvadrata, 2012. S. 515–534.
8. Letopis' zhizni i tvorčestva N. A. Nekrasova = Chronicles of N. A. Nekrasov's life and work. V 3-h tomah. T. 2. Sankt-Peterburg : Nauka, 2007.
9. Mel'nik V. I. Alogichnoe i chudesnoe v pojeme «Moroz, Krasnyj nos» = The alogical and the miraculous in the poem «Grandfather Frost, the Red Nose» // N. A. Nekrasov v kontekste russkoj kul'tury. Materialy konferencii. Jaroslavl', 2006. S. 27–31.
10. Mel'nik V. I. Pravoslavnyj aspekt pojemy N. A. Nekrasova «Moroz, Krasnyj nos» = Orthodox aspects of N. A. Nekrasov's poem «Grandfather Frost, the Red Nose» // *Duhovnyj potencial russkoj klassicheskoj literatury*. Sbornik nauchnyh trudov. Moskva : Russkij mir, 2007. S. 428–438.
11. Mel'nik V. I. Bozhij Promysl v pojeme N. A. Nekrasova «Moroz, Krasnyj nos» = God's Providence in N. A. Nekrasov's poem «Grandfather Frost, the Red Nose» // *Filologičeskie zapiski*. Vestnik literaturovedenija i jazykoznanija. Vyp. 26. Voronezh, 2007. S. 35–47.
12. Mel'nik V. I. Chto zhe hotel skazat' Nekrasov v pojeme «Moroz, Krasnyj nos»? = What was Nekrasov's message in the poem «Grandfather Frost, the Red Nose»? // *Roman-zhurnal XXI vek*. 2008. № 7. S. 88–91.
13. Mel'nik V. I. Agrafta «V chem zastanu, v tom i suzhu» u V. Šekspira i rannego N. A. Nekrasova = Agrapha «In whatsoever things I apprehend you, in those I shall judge you». in W. Shakespeare and the early N. A. Nekrasov // *Problemy istoričeskoj pojetiki*. 2022. T. 20. № 1. S. 134–148.
14. Mel'nik V. I. Svjatootečeskoe učenje v poezii rannego N. A. Nekrasova: ot religioznogo sjuzheta k evangel'skomu idealu = The Doctrine of the Holy Fathers in the early N. A. Nekrasov's poetry: from the religious plot to the evangelical ideal // *Verhnevolskij filologičeskij vestnik*. 2022. № 2. S. 8–16.
15. Nekrasov N. A. Polnoe sobranie sochinenij i pisem = Complete collection of works and letters. V 15 t. T. 4. Leningrad : Nauka, 1982.
16. Nekrasov N. A. Smert' Prokla = The death of Proclus // *Vremja*. 1863. № 1. S. 302–305.
17. Panaeva A. Ja. Vospominanija = Reminiscences. Moskva : Hud. lit., 1972.
18. Sapogov V. A. Analiz hudožestvennogo proizvedenija (pojema «Moroz, Krasnyj nos») = Analyzing a work of fiction (he poem «Grandfather Frost, the Red Nose») Jaroslavl' : Izd.-vo KGU imeni N. A. Nekrasova, 1980.
19. Skatov N. N. Nekrasov = Nekrasov. Moskva : Molodaja gvardija, 1994.
20. Jackiv E. O. Otrazhenie romantičeskoj tradicii v pojeme N. A. Nekrasova «Lesnoj car'» = The Romantic tradition reflected in N. A. Nekrasov's poem «The Forest Tsar» // *Acta eruditorum*. 2021. № 36. S. 90–92.

Статья поступила в редакцию 14.05.2022; одобрена после рецензирования 15.06.2022; принята к публикации 23.08.2022.

The article was submitted on 14.05.2022; approved after reviewing 15.06.2022; accepted for publication on 23.08.2022.

Научная статья

УДК 821.161.1.0 1-93/930.253

DOI: 10.20323/2499-9679-2022-3-30-36-43

EDN: TFEDPH

Тема Пасхи в романе И. С. Шмелева «Лето Господне»

Елена Юрьевна Шестакова

Кандидат филологических наук, доцент Гуманитарного института филиала ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) Федеральный университет им. М. В. Ломоносова». 164500, Россия, г. Северодвинск, ул. Капитана Воронина, д. 6

shestackova.lena2013@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5764-0576>

Аннотация. Основной целью настоящего исследования стало раскрытие особенностей художественного воплощения темы Пасхи в романе «Лето Господне» русского писателя первой половины XX века Ивана Сергеевича Шмелева. Задачами исследования являются рассмотрение пасхальной тематики в главах «Пасха», «Розговины», «На Святой», анализ образов и мотивов, сопровождающих тему Пасхи в избранных главах, исследование особенностей восприятия Пасхи героем-ребенком и взрослым повествователем. Полученные результаты показали, что роман «Лето Господне», созданный автором в эмиграционный период, содержит ностальгические мотивы. Повествование ведется от лица героя-ребенка, что определяет своеобразие раскрытия темы Пасхи, связанное с мотивами радости, счастья и полноты жизни. Ключевая идея произведения – торжествующий христоцентризм – вводит в текст образ живого Христа, присутствующего в земном и небесном пространстве. С этим представлением связан мотив природного оживления и образ весны, соотношенные с темой духовного возрождения людей и мира. В пасхальных главах романа представлен образ земного пространства, освященного и преображенного воскресшим Спасителем. Тема Пасхи включает в себя мотивы покоя, тишины и одновременно с этим радостной встречи человека с Богом. Образы света и золотого цвета, широко введенные в художественную структуру пасхальных глав, актуализируют значения святости, света, радости, духовной чистоты, вечной жизни, чуда. Образ-символ пасхального яйца соотносится с ведущими темами романа – воскресения, вечной жизни и бессмертия души. Образ «большой семьи», венчающий заключительную пасхальную главу произведения, понимается как образ русского народа, объединенного чувством христианской любви.

Ключевые слова: роман «Лето Господне»; Иван Сергеевич Шмелев; тема Пасхи; мотив; образ ребенка; образ русского народа; образ пасхального яйца

Для цитирования: Шестакова Е. Ю. Тема Пасхи в романе И. С. Шмелева «Лето Господне» // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 3 (30). С. 36–43. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-3-30-36-43>. <https://elibrary.ru/TFEDPH>

Original article

The theme of Easter in the novel «Summer of Our Lord» by I. S. Shmelev

Elena Y. Shestackova

Candidate of philological sciences, associate professor, Humanitarian institute at the branch of Northern (Arctic) Federal university. 164500, Russia, Severodvinsk, Captain Voronin st., 6

shestackova.lena2013@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5764-0576>

Abstract. The main purpose of this study is to explore the features of the artistic embodiment of the Easter theme in the novel «The Summer of Our Lord» by Ivan Sergeyevich Shmelev, a Russian writer of the first half of XX century. The objectives of the study are to examine Easter themes in the chapters «Easter», «Breaking the Fast», «On the Holy Day», to analyze the images and motifs that accompany the Easter theme in the chosen chapters, to study the specific perception of Easter by the child character and by the adult narrator. The results obtained show that the novel The Summer of Our Lord, created by the author in emigration, contains nostalgic motifs. The narrative is told from the point of view of the child character, which determines the uniqueness of the Easter theme, associated with motifs of joy, happiness and fullness of life. The key idea of the work – triumphant Christocentrism – introduces into the text the image of the living Christ, present in the earthly and heavenly space. This idea is associated with the motif of natural revival and the image of spring, correlated with the theme of the spiritual rebirth of people and the world. The Easter

chapters of the novel present an image of earthly space sanctified and transformed by the resurrected Savior. The theme of Easter includes motifs of peace, silence and at the same time a joyful meeting of man with God. The images of light and golden color, widely introduced into the artistic structure of the Easter chapters, actualize the meanings of holiness, light, joy, spiritual purity, eternal life, miracle. The image-symbol of the Easter egg correlates with the leading themes of the novel – resurrection, eternal life and immortality of the soul. The image of the «big family» crowning the final Easter chapter of the work is understood as the image of the Russian people united by a sense of Christian love.

Key words: the novel «The Summer of Our Lord»; Ivan Sergeevich Shmelev; Easter theme; motif; image of a child; image of the Russian people; image of an Easter egg

For citation: Shestakova E. Yu. The theme of Easter in the novel «Summer of Our Lord» by I. S. Shmelev. *Verhnevolski philological bulletin*. 2022;(3):36–43. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-3-30-36-43>. <https://elibrary.ru/TFEDPH>

Введение

Творчество русского писателя первой половины XX века Ивана Сергеевича Шмелева (1873–1950) испытало период необыкновенного подъема, расцвета в эмиграционный период. С появлением романа «Лето Господне» (1927–1944) автор заявляет о себе как об оригинальном, самобытном художнике слова. Выдающийся русский философ и друг И. С. Шмелева И. А. Ильин считал, что «эта книга никогда не забудется в истории русской словесности и в истории самой России» [Ильин, 2009, с. 40].

Актуальность

Сегодня научное изучение творчества И. С. Шмелева получает широкое развитие и распространение. Современное шмелеведение нуждается в обогащении исследовательского осмысления вершинного произведения писателя – романа «Лето Господне».

Научная литература по теме включает наиболее значительные исследования русских философов и литературоведов, посвященных творчеству И. С. Шмелева: И. А. Ильин, М. М. Дунаев, И. А. Есаулов, А. М. Любомудров, О. Н. Сорокина. Вместе с тем следует отметить научные работы современных авторов, рассматривающих художественное своеобразие романа «Лето Господне»: Н. Б. Бугакова, Е. Б. Ляйрих, Т. А. Никонова, Е. В. Юденкова.

Методологией исследования стали историко-литературный, сравнительно-исторический, биографический методы.

Цель работы – раскрыть своеобразие художественного решения И. С. Шмелевым темы Пасхи в романе «Лето Господне». **Задачами исследования** стали: 1) рассмотрение пасхальной тематики в главах «Пасха», «Розговины», «На Святой»; 2) анализ образно-мотивного спектра темы Пасхи в указанных главах произведения;

3) раскрытие особенностей восприятия Пасхи героем-ребенком и взрослым автором.

Основная часть статьи

Особенной проникновенностью и тонким лиризмом наполнены в романе «Лето Господне» главы, объединенные темой Пасхи (главы «Пасха» и «Розговины», размещенные в первой части «Праздники», и глава «На Святой», относящейся ко второй части произведения «Радости»), ставшие глубоко личным, поэтическим воспоминанием И. С. Шмелева о собственных детских впечатлениях о Светлом Празднике.

Пасхальные главы романа пронизаны радостным, светлым мироощущением героя-ребенка – семилетнего Вани: «Я просыпаюсь радостный», «<...> и – меня заливают радостью», «веселое все, пасхальное» [Шмелев, 1998, с. 55, с. 277]. В «Лете Господнем» И. С. Шмелев избирает определенный ракурс художественного повествования, когда «взрослый автор совершенно исчезает в ребенке» [Сорокина, 2009, с. 69]. Одновременно с этим в тексте глав находит отражение ностальгическая, печальная эмоциональная тональность, возникающая в редких авторских отступлениях: «Вот и вспомнил. И все-то они ушли <...>», «О, незабвенный вечер, гаснущий свет за окнами. <...> И теперь еще слышу медленные шаги, с лампадкой, поющий в раздумье голос: Ангели поют на не-бе-си-и <...>», «О, чудесный, далекий день!» [Шмелев, 1998, с. 57, 67]. При этом «голос» взрослого автора-повествователя выделяется внутри повествовательной структуры пасхальных глав отчетливо обозначенной христоцентричностью художественного мира.

Пасхальное мироощущение Вани определяется важнейшей концептуальной формулой: «<...> все во мне связывается с Христом» [Шмелев, 1998, с. 58]. И. С. Шмелев «от произведений 10-х годов, продолжающих, условно говоря, „демократическую“ линию русской литературы, переходит к совершенно иному мироощущению, ко-

торое можно назвать торжествующим христопантеизмом» [Есаулов, 1995, с. 20].

В особую сакральную общность героем-ребенком включаются вещи, предметы («иллюминация, свечи»), пасхальные яйца («вертящиеся яички»), духовная сфера человеческого бытия («молитвы»), люди живые («Ганька, старичок Горкин», отец) и умершие («<...> и Васька, который умер зимой от скарлатины, и сапожник Зола, певший с мальчишками про волхвов») [Шмелев, 1998, с. 58–59]. Так в текст входит тема вечной жизни и бессмертия души. Распятый и воскресший Господь Иисус Христос обещает неизбежную встречу *Там* всех, кто на земле любил друг друга, был связан родственными, семейными, дружескими узами.

Все, что совершается во время подготовки к Пасхе (очищают мостовую от льда, «Ганька ползет на крест», «отец в Кремле лазит на колокольню», «барки брошены на реке, на якорях», «и плоты вчера подошли», «пауком» обметают потолки в доме, «двор чисто выметен, и все уголки подчищены, и под навесом даже, где был навоз») [Шмелев, 1998, с. 58], – делается ради Христа, все окутано Его благословляющей силой, везде проникает Его благодатный Свет.

Присутствие Христа ощущается Ваней «и в коровнике, и в конюшнях, и на погребнице, и везде» [Шмелев, 1998, с. 56]. Божественный Свет рассеивает тьму, владевшую и человеческими душами, и разлитую в бытовом пространстве («Мне теперь ничего не страшно: прохожу темными сенями – и ничего, потому что везде Христос») [Шмелев, 1998, с. 56]. В пасхальные дни мальчик «открывает мир по-новому; обнаруживается новый мир, мир, насыщенный Божественной значительностью, священностью, святостью» [Ильин, 2009, с. 45].

Автор подчеркивает, что Христос «пришел в идиллический мирок домашнего двора» и этот «приход реализован именно сейчас, здесь, сегодня – в настоящем, „живом“ времени жизни героя» [Есаулов, 1995, 23]. Однако «для того, чтобы это произошло, необходимо мое (героя-ребенка – Е. Ш.) личное участие: черный крестик „от моей свечи“, убереженной мной и донесенной непогасшею из храма» [Есаулов, 1995].

Следует подчеркнуть, что в пасхальных главах романа «Лето Господне» раскрывается «живое, а отнюдь не просто символическое присутствие Христа, свойственное <...> именно православной традиции», что «придает шмелевским героям и шмелевскому космосу осмысленную

духовную жизнеустойчивость» [Есаулов, 1992]. В детской душе утверждается «ощущение и сознание личного общения с Богом, с миром святости» [Дунаев, 2009, с. 190].

Повествование-воспоминание о пасхальных днях открывается в главе «Пасха» описанием пейзажной картины весны, оживающей после зимнего холода природы. Мотив природного оживления, тесно связанного с темой духовного возрождения людей и мира, входит в повествование через образы птиц: «Прошумели скворцы над садом, <...> прилетели и жаворонки» [Шмелев, 1998, с. 53]. Образы птиц здесь заключают семантику добра, счастья, начала, надежды, утра, весны. Птицы, связанные с небом как духовной сферой, приносят благую весть о воскресшем Боге, дарующем каждому человеку возможность спасения. «Похороны льда» [Шмелев, 1998, с. 53] символически завершают власть зимы, холода, тьмы, смерти, и определяют начало весны, света, тепла, жизни. Весна и Пасха в восприятии героя-ребенка сливаются в единое целое, наполняя окружающее пространство сиянием, блеском, весельем, радостью («съезжает пролетка, сияя лаком», едет с «веселым стуком») [Шмелев, 1998, с. 53].

Все земное, обыденное пространство к Пасхе преобразуется. Можно отметить особую хронологическую структуру шмелевского текста, когда «время <...> не просто прорывается к вечности через густой, осязаемый быт, но и само является именно эхом православной вечности, освящающей каждое мгновение циклического земного года» [Есаулов, 1995, с. 23]. Ваня видит, как украшения появляются на цветах в магазинах («золотые колечки», «алые ленточки»), в булочных выставляются «белые колпачки на окнах с буквами «Х.В.», дом героя наполняется «ворохами роз пасхальных» [Шмелев, 1998, с. 54–55], размещаемых на домашних иконах, куличах.

Все и все радуются Спасителю, настоящему Празднику, который Он принес в грешный земной мир. Ваня обращает внимание, что «всегда на Пасху птицы особенно ликут» [Шмелев, 1998, с. 277]. Даже солнце, уподобляясь играющему ребенку, «пускает зайчики» [Шмелев, 1998, с. 56] в пасхальные дни. Мотив изобилия пронизывает пасхальные главы романа: двести «пасок» [Шмелев, 1998, с. 57] делает булочник Воронин. Благодать Господа проникает в человеческие сердца, сподвигая их на совершение благодеяний, добрых дел, проявление милосердия. Пасхальные куличи непременно делаются и

для бедных людей.

Мотив святости, актуализирующий тему сакральности земного бытия, настойчиво проникает в художественную ткань пасхальных глав. Розы, украшающие иконы, «пахнут священной» [Шмелев, 1998, с. 55]. Подобный запах исходит от можжевельника, воска, тополя («пахнет можжевельник священной», «священно пахнет горячим воском», «за окнами распустился тополь, особенный – духовой») [Шмелев, 1998, с. 278]. Обычный тополь, преображаясь в пасхальные дни, обретает качества «святости» («пахнет священной, ладанцем»), в восприятии героя-ребенка он становится «масличной веткой, которую принес голубь праведному Ною» [Шмелев, 1998, с. 278]. Писатель раскрывает, как «отверзаются духовные очи ребенка, – и он видит Бога» [Ильин, 2009, с. 46].

Соотнесение прошлого (детство, Россия, праздник Пасхи) и настоящего (зрелость, эмиграция) лежит в основе художественной природы, композиции пасхальных глав романа «Лето Господне». Взрослый повествователь «глядит» из настоящего, «видит» и «слышит» картины незабвенного прошлого: «Я его снова вижу, и голубую лужу, и новые доски мостика, и солнце, разлившееся в воде <...> Я снова слышу шорох еловых стружек, ход по доскам рубанков, стуки скворцов над крышей <...>» [Шмелев, 1998, с. 67]. Переходы от настоящего к прошлому постоянно сменяют друг друга, и эти перемежающиеся временные пласты обнажают ключевую для поэтики пасхальных глав тему смерти и воскресения. Тема отражает важнейшую особенность понимания И. С. Шмелевым течения времени – «живое и неуничтожимое присутствие прошлого в настоящем» [Есаулов, 1995, с. 23].

Дорогие образы умерших (отца Сергея Ивановича, наставника Михаила Панкратовича Горкина), как живые, проходят перед любящим взором взрослого повествователя, который сейчас, в настоящем, «видит» тихий пасхальный вечер, проведенный с отцом, зажигающим пасхальные лампадки. Пространство комнаты в детском восприятии преобразуется, наполняется «святым», «необыкновенным» [Шмелев, 1998, с. 60] пением пасхального тропаря родным человеком. Мотив света, являющийся основным в эпизоде, акцентирует значения любви, радости, красоты, тишины: «На душе у меня радостное и тихое», «Ну, до чего красиво!» [Шмелев, 1998, с. 60]. Свет, изливающийся от лампадок, осмысливается героем-ребенком «святой иллюминацией» [Шмелев,

1998, с. 60]. Он колористически разнообразен: «<...> и все, кроме одной, пунцовые. Малиновые огоньки спят – не шелохнутся. И только одна, из детской, – розовая, с белыми глазками, – ситцевая будто» [Шмелев, 1998, с. 60]. Благодатный свет сливается в детском сознании с запахом «душистого афонского масла» [Шмелев, 1998, с. 60], исходящего от пальцев отца. И пение отца, и свет лампад, и запах масла – все соединяется с образом Пасхи. По замечанию исследователя, «образ семьи, неотъемлемо связанной с православной религией, является для автора романа верным ее (русской жизни – Е. Ш.) устройством» [Ляйрих, 2008, с. 7].

«Мифологема смерти» (И. А. Есаулов) лежит в основе художественного мира пасхальных глав романа «Лето Господне». Мысли о неизбежности смерти сначала пугают маленького героя. Глядя на отца, зажигающего лампадки, мальчик со страхом думает: «<...> неужели и он умрет!» [Шмелев, 1998, с. 60]. Однако понимание, что воскресший Христос подарил возможность вечной жизни каждому человеку, согревает душу ребенка, дает надежду, что Там произойдет их встреча. В художественном пространстве произведения И. С. Шмелева «торжествует христианская философия надежды» [Есаулов, 1995, с. 23].

В восприятии Вани образ Горкина оказывается пронизан Божественным Светом, в результате чего любимый наставник уподобляется преподобному Сергию Радонежскому: «Маленькое лицо, сухое, как у угодничков, с реденькой и седой бородкой, светится, как иконка <...> Мне кажется, что он непременно будет преподобный, как Сергей Преподобный: очень они похожи» [Шмелев, 1998, с. 65]. Образ Горкина «смело можно поставить в ряд со знаменитыми героями русской классики» [Любомудров, 2009, с. 256]. Правда, отличает его от них «и историческая реальность (образ максимально приближен к прототипу вплоть до сохранения имени), и его *вера*» (курсив автора статьи) [Любомудров, 2009, с. 256].

Образ-символ пасхального яйца несет особую художественную функцию в формировании содержательной концепции глав романа, посвященных теме Пасхи. Он обретает значение неизбежного движения каждого человека к смерти, а значит, к Богу и вечности. Важнейшую семантику в пасхальных главах произведения заключают эпизоды, в которых повествуется о дарении сувенирных пасхальных яиц Ване отцом (глава «Пасха») и Горкиным (глава «Розговины»). Пер-

вый эпизод открывается картиной, насыщенной обширной цветовой гаммой: «за розовыми и голубыми цветочками бессмертника и мохом <...>», «белоснежный Христос» [Шмелев, 1998, с. 63]. Образ золотого цвета сопровождает описание фарфорового яйца, подаренного Сергеем Ивановичем: «за стеклышком в золотом ободке» [Шмелев, 1998, с. 63]. Золотой цвет в данном контексте соотносится со значением святости, света, радости. Здесь задается и мотив чудесного, связывающего образ пасхального яйца и Господа Иисуса Христа: «Мреет в моих глазах – и чудится мне, в цветах, – живое, неизъяснимо-радостное, святое <...> – Бог? <...>» [Шмелев, 1998, с. 63]. Христоцентричность художественного мира выражается в этом эпизоде наиболее отчетливо. Христос, Его благодать, пронизывает все, даже сувенирный пасхальный подарок.

Своеобразие мотива чуда, включенного в художественную ткань пасхальных глав, определяется и особенностями мировосприятия героя-ребенка, и христоцентричностью образного воплощения мира в романе. Бог приходит на землю, через страдание и крестную смерть приносит спасение людям. И это сакральное событие вносит в бытовую, реальный хронотоп чудесное начало, когда священными, проникнутыми Божественной благодатью, становятся скворцы («Эти скворцы чудесные», «божьи скворцы»), «панорамка» в фарфоровом яйце («чудесная панорамка в нем»), еловый запах («пахнет чудесно елкой») [Шмелев, 1998, с. 63].

Праздник Пасхи в романе осмысливается амбивалентно. С одной стороны, пасхальные дни насыщены почти несмолкающим «трезвоном и гомоном» [Шмелев, 1998, с. 68]. Храмы наполняют Москву и Замоскворечье звоном множества колоколов, и его так много, что герою кажется, будто «с неба падает звон, от стекол, с крыш и сеновалов, от голубей, с скворешни, с распушившихся к Празднику берез» [Шмелев, 1998, с. 68]. Ваня сравнивает пасхальный звон с непрерывно льющейся водой. Все окружающие люди проявляют бурную радость, постоянно раздаются возгласы: «Христос Воскресе!» и при этом «трижды чмокаются» [Шмелев, 1998, с. 68]. Домашний двор заполняется народом, «всюду пестрят рубахи, <...> красные, розовые, желтые, кубовые, в горошек, малиновые, голубые, белые» [Шмелев, 1998, с. 68]. Цветовое многообразие здесь исполнено особым символизмом, выражает общенародное ликование, радость, восторг, упование счастьем жизни, благодарности Богу.

Вместе с тем сакрализация земного пространства, характерная для пасхальных дней, проявляется и в состоянии пронизывающей его особой тишины, покоя («Идем в молчании по тихой улице», «Тихо на улице», «Пасха будет спокойная») [Шмелев, 1998, с. 54–61]. Понимание тишины сопрягается с библейским толкованием: «<...> ибо так говорит Господь Бог, Святый Израилев: оставаясь на месте и в покое, вы спаслись бы; в тишине и уповании крепость ваша» (Ис. 30 : 15). И еще приведем цитату: «И сказал: выйди и стань на горе пред лицом Господним, и вот, Господь пройдет, и большой и сильный ветер, раздирающий горы и сокрушающий скалы пред Господом, но не в ветре Господь; после ветра землетрясение, но не в землетрясении Господь; после землетрясения огонь, но не в огне Господь; после огня веяние тихого ветра [и там Господь]» (3 Царств. 19 : 11–12). Покой и тишина трактуются как пребывание мира и людей с Богом. Пасхальные дни оказываются пронизаны благодатной Божественной умиротворенностью, ладом, гармонией.

Образ света является ведущим, лейтмотивным в пасхальных главах «Лета Господня». Это и солнечный свет, блеск («<...> яркий день, так ударяет солнце, что я ничего не вижу, будто бы он растаял, – только слепящий блеск», «яркое утро-солнце») [Шмелев, 1998, с. 277], разливающийся в земном мире, и Божественный Свет, принесенный Спасителем, который, в свою очередь, соотносится с образом золотого цвета. Маленький герой смотрит через «золотистое хрустальное яичко», подаренное Горкиным, и все становится «золотое, все: и люди золотые, и серые сараи золотые, и сад, и крыши, и <...> скорешня, <...> и небо золотое, и вся земля» [Шмелев, 1998, с. 69]. Золотой цвет определяет Божественное присутствие в земном хронотопе, выступает символом вечной жизни и духовной чистоты.

Красный цвет также сопровождает тему Пасхи в романе «Лето Господне». Красным Ваня называет звон церковных колоколов и сам Праздник («Пасха красная <...> Красен звон») [Шмелев, 1998, с. 62]. Образ «алого креста» [Шмелев, 1998, с. 61], наблюдаемого мальчиком, ассоциативно связывается с образом Христа. Символика красного цвета соединяет традиционное для православия представление о крови, смерти и жизни, мученичества, страдания, но одновременно с этим царственности, величия Бога.

Пасхальные главы романа включают белую («на белой церкви светятся мягко, как молочком, матово-белые кубастики»), розовую («розовые кресты меж ними»), зеленую и голубую цветовую гамму («зеленого и голубые звезды») [Шмелев, 1998, с. 54]. Каждый из них актуализирует широкую символическую семантику, отражающую понимание о «порядке и равновесии», «духовном центре», «пути духовного восхождения», «чистоте и небе», «свете, восхождении, откровении и прощении», «смерти и жизни» [Кирло, 2007, с. 462–470]. Зеленый, будучи символом жизни и Святого Духа, и голубой цвет, реализующий значение Царствия Небесного, соотносятся с образом неба и Бога. Как символ святости и духовности, белый, сопряженный с розовым – цветом детской чистоты и безгрешности, выражает авторское понимание внутреннего мира ребенка, являющегося воплощением духовной красоты и света.

Среди «индивидуально-авторских когнитивных признаков концепта Пасха в языковой картине мира И. С. Шмелева» особенно выделяется осмысление его «важнейшим христианским праздником, отмечаемым с особым размахом» [Бугакова, 2003, с. 1]. Сергей Иванович в пасхальный день непременно собирает большой стол, за который усаживаются он сам, слуги, постоянно живущие в доме, рабочие. Пасхальная трапеза требует соблюдения строгих обычаев: «Отец садится под „траспарат“». Рядом Горкин и Василь-Василич. Я с другой стороны отца, как молодой хозяин. И все по ряду» [Шмелев, 1998, с. 69]. Разноцветная, пестрая картина пасхального застолья дана с точки зрения героя-ребенка, наполняется визуальными («куличи и пасхи в розочках, без конца», «крашеные яички, разные, тянутся по столам, как нитки», «лужа играет скорлупою, пестрит рубахами», «пар от рубах идет»), обонятельными («пахнет колбаской жареной, жирным рубцом в жгутах»), акустическими образами («и все – трезвон») [Шмелев, 1998, с. 69]. Возникает образ «большой семьи», объединенный Христовой любовью, где «все родные», «все христосуются», а Ваню «все хватают, сажают на руки, трут бородой, усами, мягкими, сладкими губами» [Шмелев, 1998, с. 69]. В результате герой романа свой народ «разумеет священно» [Ильин, 2009, с. 46], осмысляет близкими по духу.

Образ «большой семьи» в представлении героя вбирает и «святителей», и русских правителей, и сторожей кремлевских соборов: «Горкин и

говорит, гробам-то: – Христос воскресе, благовверные цари-царицы Российские державы! Со святыми упокой вам» [Шмелев, 1998, с. 281]. Тема бессмертия и вечной жизни души, чрезвычайно важная в русле авторской художественной концепции пасхальных глав, получает целостное завершение в эпизоде посещения Ваней, Горкиным, Антипушкой, Домной Панферовной и Анютой московского Кремля. Особенное значение здесь получает образ-символ пасхального яйца, которое кладет Горкин и все, кто последовал его примеру, на гроб царя Ивана Грозного. В этом выражается народная оценка итогов правления кровавого государя, полного прощения его преступлений. Народ обращается к царю не как к умершему, а как к живому, и время не разделяет царя и народ.

Результаты исследования

Тема Пасхи в романе И. С. Шмелева сопрягается мотивами радости и счастья, собственными мироощущению героя-ребенка. Идея христоцентричности художественного мира определяет тематику и особенности воплощения образов в пасхальных главах. Сакрализация обыденного пространства, мотив его преображения соотносены с представлением о живом присутствии Христа в земном мире в пасхальные дни. В повествовании звучит мотив природного оживления, появляется образ весны, тесно связанный с темой духовного возрождения людей и мира. Ключевой для пасхальных глав образ света акцентирует значения любви, радости и красоты. Образ-символ пасхального яйца, интерпретированный в контексте христианской Вечности, сопрягается с ведущими темами пасхальных глав романа – воскресения, вечной жизни и бессмертия души. Амбивалентный характер темы Пасхи определяется мотивами благодатного покоя, умиротворения, тишины и одновременно радостного ликования всего тварного мира. Цветовая палитра образного ряда пасхальных глав содержит богатую символику, выражающую семантику святости, света, радости, духовной чистоты, вечной жизни, чуда. Образы отца и наставника сопрягаются с мотивами сакральности, освященности всего земного мира, включаются в тему воскресения и вечной жизни. Пасха в шмелевском романе осмысливается важнейшим христианским праздником, собирающим всех в единую «большую семью», вмещающую живых и умерших, простой народ и известных духовных, исторических деятелей, неразделимых в

чувстве христовой любви.

Заключение

Перспективой исследования может стать рассмотрение пасхальной тематики в других произведениях И. С. Шмелева.

Библиографический список

1. Бугакова Н. Б. К вопросу об индивидуально-авторской специфике лексической объективации религиозных концептов в романе И. С. Шмелева «Лето Господне» (на примере концепта «Пасха») // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 11 (11). С. 107–12.
2. Дунаев М. М. Духовный путь И. Шмелева // Духовный путь Ивана Шмелева: статьи, очерки, воспоминания. Москва: Сибирская Благозвонница, 2009. С. 171–197.
3. Есаулов И. А. Праздники. Радости. Скорби. Литература русского зарубежья как завершение традиции // Новый мир. 1992. № 10. С. 232–242.
4. Есаулов И. А. Поэтика литературы русского зарубежья: (Шмелев и Набоков: два типа завершения традиции) // И. А. Есаулов. Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет, 1995. С. 238–266.
5. Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности. Москва: Круг, 2004. 560 с.
6. Захарова В. Т. Поэтика прозы И. С. Шмелева. Нижний Новгород: Мининский университет, 2015. 106 с.
7. Ильин И. А. О тьме и просветлении. Книга художественной критики: Бунин, Ремизов, Шмелев. Москва: Скифы, 1991. 209 с.
8. Ильин И. А. Православная Русь. «Лето Господне. Праздники» И. С. Шмелева // Духовный путь Ивана Шмелева: статьи, очерки, воспоминания. Москва: Сибирская Благозвонница, 2009. С. 40–48.
9. Кирло Х. Словарь символов. 1000 статей о важнейших понятиях религии, литературы, архитектуры, истории. Москва: ЗАО Центрполиграф, 2007. 525 с.
10. Лучина Е. Концептуализация грецизма православного дискурса лампада (на материале творчества И. С. Шмелева) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия. Филология. Журналистика. 2011. Т. 11. вып. 3. С. 31.
11. Любомудров А. М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б. К. Зайцев, И. С. Шмелев. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 272 с.
12. Любомудров А. М. Богоищущая душа // Духовный путь Ивана Шмелева: статьи, очерки, воспоминания. Москва: Сибирская Благозвонница, 2009. С. 227–282.
13. Ляйрих Е. Б. Православие как основа существования русской действительности в автобиографическом романе И. С. Шмелева «Лето Господне» //

Альманах современной науки и образования. 2008. № 2 (9). Ч. 1. С. 135–137.

14. Никонова Т. А., Юденкова Е. В. Духовная ценность быта в книге И. Шмелева «Лето Господне» // Вестник ВГУ. Серия Филология. Журналистика. 2015. № 4. С. 49–52.

15. Солнцева Н. М. Иван Шмелев. Жизнь и творчество: жизнеописание. Москва: Эллис Лак, 2007. 510 с.

16. Сорокина О. Н. Творческий путь И. С. Шмелева в эмиграции // Духовный путь Ивана Шмелева: статьи, очерки, воспоминания. Москва: Сибирская Благозвонница, 2009. С. 60–87.

17. Сотков В. А. Специфика образа героя-праведника в творчестве И. С. Шмелева (на материале диалогии «Лето Господне» и «Богомолье») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 8–16 (62). 2016. С. 57–61.

18. Спиридонова Л. А. Художественный мир И. С. Шмелева: монография. Москва: ИМЛИ РАН, 2014. 240 с.

19. Шешунова С. В. Национальный образ мира в русской литературе: П. И. Мельников-Печерский, И. С. Шмелев, А. И. Солженицын. Дубна, 2006. 42 с.

20. Шмелев И. С. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 4. Богомолье. Романы. Рассказы. Москва: Русская книга, 1998. 560 с.

Reference list

1. Bugakova N. B. K voprosu ob individual'no-avtorskoj specifike leksicheskoj ob'ektivacii religioznykh konceptov v romane I. S. Shmeleva «Leto Gospodne» (na primere koncepta «Pasha») = On the individual author's specificity of the lexical objectification of religious concepts in Ivan Shmelev's novel «The Year of Grace» (on the example of the concept «Easter») // Nauchnyj vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Serija Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija. 2013. № 11 (11). S. 107–12.
2. Dunaev M. M. Duhovnyj put' I. Shmeleva = I. Shmelev's spiritual way // Duhovnyj put' Ivana Shmeleva: stat'i, ocherki, vospominanija. Moskva: Sibirskaia Blagozvonnica, 2009. S. 171–197.
3. Esaulov I. A. Prazdniki. Radosti. Skorbi. Literatura russkogo zarubezh'ja kak zavershenie tradicii = Holidays. Joys. Sorrow. Literature of the Russian diaspora abroad as the completion of tradition // Novyj mir. 1992. № 10. S. 232–242.
4. Esaulov I. A. Pojetika literatury russkogo zarubezh'ja: (Shmelev i Nabokov: dva tipa zavershenija tradicii) = Poetics of the Russian emigration literature: (Shmelev and Nabokov: two ways to complete the tradition) // I. A. Esaulov. Kategorija sobornosti v russkoj literature. Petrozavodsk: Petrozavodskij gosudarstvennyj universitet, 1995. S. 238–266.
5. Esaulov I. A. Pashal'nost' russkoj slovesnosti = Easter in Russian literature. Moskva: Krug#, 2004. 560 s.

6. Zaharova V. T. Pojetika prozy I. S. Shmeleva = Poetics of the prose by I.S. Shmelev. Nizhnij Novgorod : Mininskij universitet, 2015. 106 s.
7. Il'in I. A. O t'me i prosvetlenii. Kniga hudozhestvennoj kritiki : Bunin, Remizov, Shmelev. = On the darkness and the enlightenment. The book of literary criticism: Bunin, Remizov, Shmelev. Moskva : Skify, 1991. 209 s.
8. Il'in I. A. Pravoslavnaia Rus'. «Leto Gospodne. Prazdniki» I. S. Shmeleva = Orthodox Russia. «The Year of Grace. Holidays» by I. S. Shmelev // Duhovnyj put' Ivana Shmeleva: stat'i, ocherki, vospominaniia. Moskva : Sibirskaja Blagozvonnica, 2009. S. 40–48.
9. Kirlo H. Slovar' simvolov. 1000 statej o vazhnejshih ponjatijah religii, literatury, arhitektury, istorii. = Dictionary of Symbols. 1000 entries on the most important concepts of religion, literature, architecture, history. Moskva : ZAO Centrpoligraf, 2007. 525 s.
10. Luchina E. Konceptualizacija greckizma pravoslavnogo diskursa lampada (na materiale tvorchestva I. S. Shmeleva) = Conceptualizing the Greekness of the Orthodox discourse of the lamp (based on I. S. Shmelyov's works) // Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija. Filologija. Zhurnalistika. 2011. T. 11. Vyp. 3. S. 31.
11. Ljubomudrov A. M. Duhovnyj realizm v literature russkogo zarubezh'ja : B. K. Zajcev, I. S. Shmelev = Spiritual realism in the literature of the Russian emigration: B.K. Zaitsev, I.S. Shmelev. Sankt-Peterburg : Dmitrij Bulanin, 2003. 272 s.
12. Ljubomudrov A. M. Bogoishhushhaja dusha = The God-seeking soul // Duhovnyj put' Ivana Shmeleva : stat'i, ocherki, vospominaniia. Moskva : Sibirskaja Blagozvonnica, 2009. S. 227–282.
13. Ljajrih E. B. Pravoslavie kak osnova sushhestvovaniia russkoj dejstvitel'nosti v avtobiograficheskom romane I. S. Shmeleva «Leto Gospodne» = Orthodoxy as the basis for Russian reality in I.S. Shmelev's autobiographical novel, The Year of Grace // Al'manah sovremennoj nauki i obrazovanija. 2008. № 2 (9). Ch. 1. S. 135–137.
14. Nikonova T. A., Judenkova E. V. Duhovnaja cennost' byta v knige I. Shmeleva «Leto Gospodne» = Spiritual value of everyday life in I. Shmelev's book «The Year of Grace» // Vestnik VGU. Serija Filologija. Zhurnalistika. 2015. № 4. S. 49–52.
15. Solnceva N. M. Ivan Shmelev. Zhizn' i tvorchestvo: zhizneopisanie = Ivan Shmelev. Life and work: a biography. Moskva : Jellis Lak, 2007. 510 s.
16. Sorokina O. N. Tvorcheskij put' I. S. Shmeleva v jemigracii = The creative evolution of I. S. Shmelyov in exile // Duhovnyj put' Ivana Shmeleva : stat'i, ocherki, vospominaniia. Moskva : Sibirskaja Blagozvonnica, 2009. S. 60–87.
17. Sotkov V. A. Specifika obraza geroja-pravednika v tvorchestve I. S. Shmeleva (na materiale dilogii «Leto Gospodne» i «Bogomol'e») = Specificity of the righteous hero image in I. S. Shmelyov's works (based on the dilogy «The Year of Grace» and «Prayer») // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. № 8–16 (62). 2016. S. 57–61.
18. Spiridonova L. A. Hudozhestvennyj mir I. S. Shmeleva = I.S. Shmelev's artistic world : monografija. Moskva : IMLI RAN, 2014. 240 s.
19. Sheshunova S. V. Nacional'nyj obraz mira v russkoj literature : P. I. Mel'nikov-Pecherskij, I. S. Shmelev, A. I. Solzhenicyn = The national image of the world in Russian literature: P.I. Melnikov-Pechersky, I.S. Shmelev, A.I. Solzhenitsyn. Dubna, 2006. 42 s.
20. Shmelev I. S. Sobranie sochinenij = Collected works : v 5 t. T. 4. Bogomol'e. Romany. Rasskazy. Moskva : Russkaja kniga, 1998. 560 s.

Статья поступила в редакцию 11.05.2022; одобрена после рецензирования 26.06.2022; принята к публикации 23.08.2022.

The article was submitted on 11.05.2022; approved after reviewing 26.06.2022; accepted for publication on 23.08.2022.

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI: 10.20323/2499-9679-2022-3-30-44-49

EDN: UNFLOT

Символическая образность в лирике Дениса Новикова

Алексей Сергеевич Бокарев

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
asbokarev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8771-6065>

Аннотация. Статья обращена к рассмотрению функционирования символической образности в лирике Дениса Новикова (1967–2004). С точки зрения исторической поэтики в производном от одночленного параллелизма символе, к использованию которого прибегает автор, представление о синкретизме реальности, присущее архаическому сознанию, отчетливо проблематизировано. Согласно О. Р. Темиршиной, основанная на символе модель мира тернарна: разрешению организующих ее антиномий служит элемент, выполняющий медиальную функцию, – и зачастую ее берет на себя лирический субъект. На значимость символической образности в творчестве Д. Новикова указывают уже заглавия его прижизненных книг, трактуемые иносказательно: «Условные знаки», свидетельствующее о контакте с богом; «Окно в январе», утверждающее эквивалентность героя Христу (в том числе благодаря «рождественским» стихотворениям); «Караоке», выражающее девальвацию слова, утратившего статус откровения; наконец, «Самопал», акцентирующее жертвенность «самосожжения» пишущего. Семантикой заглавий акцентируется и ключевая роль субъекта в формировании символической модели мира: мысля себя богоизбранным, он стремится соединить временное и вечное, бытие и инобытие, видя в обретенном единстве конечную цель творчества. Художественный акт, следовательно, окрашивается в жертвенные тона, а сюжетообразующим мотивом оказывается движение вверх (антиномичность бытия реализована в системе пространственных оппозиций), иногда отождествляемое с восхождением на Голгофу, – но и без учета евангельских коннотаций безусловно гибельное. Таким образом, символ в качестве деривата параллелизма не столько утверждает, сколько ставит под сомнение возможность мировой целостности, обретение которой достигается посредством усилия или жертвы – однако и на таких условиях отнюдь не гарантировано.

Ключевые слова: Д. Новиков; историческая поэтика; модель мира; психологический параллелизм; символ; художественное пространство; мотив

Для цитирования: Бокарев А. С. Символическая образность в лирике Дениса Новикова // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 3 (30). С. 44–49. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-3-30-44-49>. <https://elibrary.ru/UNFLOT>

Original article

Symbolic imagery in the poetry by Denis Novikov

Aleksei S. Bokarev

Candidate of philological sciences, associate professor, russian literature department, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1
asbokarev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8771-6065>

Abstract. The article deals with the functioning of symbolic imagery in the poetry by Denis Novikov (1967–2004). From the point of view of historical poetics, the notion of the syncretism of reality inherent in archaic consciousness is clearly problematized in the symbol derived from the one-member parallelism, used by the author. According to O. R. Temirshina, the symbol-based model of the world is ternary: an element performing a medial function serves to resolve the antinomies that organize it – and this function is often assumed by the lyrical subject. The importance of symbolic imagery in D. Novikov's work is indicated by the titles of his books, which are interpreted allegorically: «Conventional Symbols», indicating the contact with God; «A Window in January», affirming the hero's equivalence to Christ (also thanks to the «Christmas» poems); «Karaoke», expressing the devaluation of a word that has lost the status of revelation; finally, «Self-made», accentuating the sacrifice of the writer's «self-immolation». The semantics of the titles

also accentuates the key role of the subject in forming a symbolic model of the world: thinking himself chosen by God, he seeks to unite temporal and eternal, being and otherness, seeing in this unity the ultimate goal of creativity. Therefore, the artistic act is colored by the tones of sacrifice, and the underlying motif is an upward movement (the antinomy of existence is realized in the system of spatial oppositions), sometimes identified with the ascent to Calvary, but unconditionally destructive even without evangelical connotations. Thus, the symbol as a derivative of parallelism does not assert but rather questions the possibility of the world integrity, which is achieved through effort or sacrifice – but is by no means guaranteed even on such terms.

Key words: D. Novikov; historical poetics; world model; psychological parallelism; symbol; artistic space; motif

For citation: Bokarev A. S. Symbolic imagery in the poetry by Denis Novikov. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2022;(3):44–49. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-3-30-44-49>. <https://elibrary.ru/UNFLOT>

Символ в освещении исторической поэтики

Согласно основоположнику исторической поэтики А. Н. Веселовскому, развитие эстетического сознания, преодолевающего синкретизм в стремлении ясно различать предметы, ознаменовано рождением отрицательного параллелизма. Сближая действия и явления, он не ограничивается их тождеством, а «подчеркивает одну из... возможностей: не дерево хилится, а печалится молодец» [Веселовский, 2008, с. 188; см. также: Бройтман, 2008а, с. 158]. Современная же образность не только не вытесняет архаическую, но и восходит к ней: так, родственный одночленному параллелизму символ в своем генезисе не является тропом, сохраняя присущую его архаическому субстрату «„бытийность” и буквальность значения» [Бройтман, 2004, с. 148; см. также: Бройтман, 2008b]. С позиций исторической поэтики он рассматривается как тип образа, реализующий, в отличие от любого иносказания, «прямой предметный смысл, разворачивающийся в бесконечный спектр значений». Будучи «не отвлеченной идеей, а порождающей моделью всех выводимых из него конкретностей», символ способен воплощать нерасчленимое единство мира, синкретическое в своей сути [Бройтман, 2008с, с. 226]. Впрочем, идея тождества, не самоочевидная и в параллелизме, здесь еще более проблематизирована [Бройтман, 2008а, с. 158]: представление о бытии как о «единораздельной целостности», оформившееся у символистов, подразумевает, с одной стороны, бинарность структуры, а с другой – ее диалектическое преодоление. Отсюда организующая ценностную шкалу (и соотнесенные с ней пространственно-временные параметры) оппозиция *актуальное – потенциальное*, члены которой не столько противопоставлены, сколько непрерывно переходят друг в друга. Сюжетным аналогом подобного перехода оказывается путь героя, призванного вернуть мирозданию исходную целостность (как в лирике А. Блока); невозможно же снять оппозиции (что тоже не редкость) инспирированы мотивы смыслового распада и эк-

зистенциального диссонанса. Иными словами, символическая модель мира тернарна: разрешению антиномий служит элемент, выполняющий медиальную функцию, – и зачастую ее берет на себя лирический субъект [Темиршина, 2012, с. 26–43]. В работах О. Р. Темиршиной обстоятельно проанализировано функционирование символа в стихотворениях современных поэтов К. Кедрова и И. Жданова, песнях Б. Гребенщикова и Д. Ревякина [Темиршина, 2009; Темиршина, Авилова, 2009; Темиршина, 2012; Темиршина, 2021]; мы же в настоящей статье обратимся к лирике Дениса Новикова, с подобных позиций не изученной.

Символ как орудие семантической медиации

Представление об авторе как о «рыцаре формы» [Фаликов, 2008], закрепленное в посвященных ему критико-эссеистических и научных источниках [Александров, 2000; Степанов, 2007; Кравцов, 2018; Семина, 2018], отчетливо сформулировано А. Э. Скворцовым: «Слог Новикова остроумен и эпиграмматичен <...>: строки отточенно афористичны, чему способствует и склонность к испытанным риторическим конструкциям, и ненавязчивая игра слов, и скупость точнейших метафор» [Скворцов, 2015, с. 426]. В приведенный перечень средств и приемов, разумеется, не претендующий на полноту, следовало бы добавить и символ – прежде всего в силу миромоделирующей функции этой категории. На значимость ее в творчестве поэта указывают уже заглавия его прижизненных книг, трактуемые как символические: «Условные знаки», свидетельствующее о контакте с богом; «Окно в январе», утверждающее эквивалентность героя Христу (в том числе благодаря «рождественским» стихотворениям); «Караоке», выражающее девальвацию слова, утратившего статус откровения; наконец, «Самопал», акцентирующее жертвенность «самосожжения» пишущего [Семина, 2018]. Семантикой заглавий акцентируется и ключевая роль субъекта в формировании символической модели мира: мысля себя богоизбранным, он стремится соединить

временное и вечное, бытие и инобытие, видя в обретенном единстве конечную цель творчества. Этот сюжет, последовательно реализованный Новиковым как в подготовленных при его участии сборниках, так и в стихах, опубликованных посмертно, как раз и будет предметом нашего рассмотрения.

Уже ранние произведения автора, собранные в книгах «Условные знаки» и «Окно в январе», «прошиты» мотивом утратившего цельность временного потока: и частная жизнь человека, и «большая» история обнаруживают трудно преодолимую дискретность. Например, в стихотворении «Чукоккала» амбивалентным символом его единства/распада выступает забытая повзрослевшей хозяйкой игрушка, чье экзотическое имя вынесено в заглавие: «Голое тело, бесполое, полое, грязное / В мусорный ящик не влезло – и брошено около. / Это соседи, отъезд своей дочери празднуя, / Выперли с площади куклу по кличке Чукоккала» [Новиков, 2007, с. 8]. Будучи взятой к супругу в Лианозово, она служила бы материальным воплощением связи между разнящимися этапами биографии ее владелицы – счастливого детства и замужества, но, «мерзнувшая» на лестничной клетке, сигнализирует о несовместимости прошлого и настоящего и прекращении семейных отношений (неслучайно расставание с дочерью дает родителям повод для праздника). Показательно, что мотив распада сопрягается у Новикова с перемещением в пространстве, модель которого спроецирована на временную ось: путь в будущее (к новому месту жительства) героиня совершает одна, поэтому кукла воспринимается как несостоявшийся медиатор, призванный устранять «разорванность» бытия. Корреляция пространственных и временных отношений в лирике поэта вообще довольно устойчива: если персональному существованию человека соответствует горизонтальная структура, то масштабные исторические события и выходящие за пределы эмпирического мира категории, как правило, нуждаются в вертикальной системе координат.

Так, в программных «Стансах ко времени № 2» протагонист намеренно уклоняется от «пожара эпохи», где «сгорают» его неосмотрительные товарищи: ведомый инстинктом самосохранения, он наблюдает за происходящим со стороны. Поиск универсальных истин (а именно их жаждут погибшие) – сродни работе шахтера, но из «забоя» суждено вернуться не каждому: по мере развертывания сюжета последний оборачивается могилой, а лопата, которой ее засыпают, прорастает «живыми побегами» (пепел и разложившаяся

плоть делают почву чрезвычайно плодотворной). Угадываемый в подтексте фразеологизм «докопаться до истины» обнаруживает тем самым свою неліцеприятную изнанку: единственным обретенным знанием оказываются очертания летейского пейзажа – но лишь на его фоне возможно примирение «героя труда и быта» и «патлатого битника» [Новиков, 2007, с. 25]. Согласно Новикову, условием контакта с историей (и просвещающей сквозь нее вечностью), может быть только смерть человека, понята как буквальное нисхождение в ад (например, в проанализированном стихотворении) или движение в противоположном направлении – к небу (во многих последующих произведениях). Купленное такой ценой мировое единство удостоверяется в «Стансах...» символическим образом воробья, причастного и «верху» и «низу», – а крохи, которые он сыплет страждущим, трактуются как знак утешения [Новиков, 2007, с. 25].

Убежденность субъекта в том, что рука пишущего «ведома *оттуда*», не только позволяет ему расслышать «космос сквозь оболочку Земли» [Новиков, 2007, с. 36; курсив автора статьи], но и сообщает всему, что он делает, исключительную значимость (не отменяющую, впрочем, и сомнений в божественном происхождении «дара»). Отсюда – комплекс мотивов, «уравнивающих» творческий путь поэта с «крестным путем» Христа: перемещение по московским улицам в одном из стихотворений сначала семантизируется как «дорога жизни», соединяющая разные временные планы («Кто ты, предок? Сиятельный хам. / Кто потомок? Не слышно ответа» [Новиков, 2007, с. 27]), а затем – как восхождение на Голгофу («Не бульваром Страстным – так путем. / Нету разницы принципиальной» [Новиков, 2007, с. 27]). Предполагаемые евангельским сюжетом мученическая смерть и воскресение способствуют укрупнению фигуры протагониста, чьей жертвенностью обеспечивается непрерывность существования как такового («Наступаю в свой собственный след, / плоский след то потомка, то предка» [Новиков, 2007, с. 27]). Символическая роль медиатора культивируется лирическим субъектом и в зрелых текстах Новикова, причем чем дальше, тем последовательней на передний план выдвигается метапоэтическая проблематика.

Показательно, что в книге «Караоке» место протагониста в мироздании закреплено формулой «Не пес на цепи, но в цепи неразрывной звено» [Новиков, 2007, с. 70], акцентирующей его посредническую функцию. При этом орудием медиации неизменно выступает слово, в котором не

только исчезают любые крайности («...скажу на авось, / что-то между “прости меня” и “накажи”...» [Новиков, 2007, с. 67]), но и осуществляет их телеологическое «оправдание»: «Только слово, которого нет на земле, / и вот эту любовь, и вот ту, и меня, / и зачатых в любви, и живущих во зле / оправдает» [Новиков, 2007, с. 67]. Принципиальна как метафизическая природа этого слова, так и отсутствие его в границах земного пространства, в силу чего творчество понимается как трансцендирование, сверхзадача которого – приобщение «божественному глаголу», способному разрешить экзистенциальные противоречия. Сюжетной реализацией трансцендирования становится устремленность героя вверх, метафорически выраженная в образах «ковра-самолета» [Новиков, 2007, с. 110] или стихов, оставляющих «в небе прорехи» [Новиков, 2007, с. 66]. Вместе с тем ведущая поэта «рифма-богиня» запросто оборачивается своей противоположностью – «потаскухой» и «ложью во спасение» (и такая «подмена» свидетельствует о присущей символу «онтологической асимметрии» [Темиршина, 2009, с. 32–35]).

Наиболее последовательно обрисованная сюжетика реализована в стихотворении, давшем название книге: «караоке», понимаемое в качестве «исполнения обывателем подлинника» [Козлов, 2017, с. 20], – одновременно и символ поэзии, и указание на ограниченность теургических возможностей творца, «озвучивающего» чужую «песню». Уже отмечалось, что картины из жизни «лондонского паба» с не попадающей в такт миссис Кокни разворачиваются в сознании субъекта и «синхронизируются» с творческим актом [Козлов, 2017, с. 20] (возникновение текста и стоящие перед ним задачи становятся у Новикова главным предметом высказывания). В первой строфе обращает на себя внимание вертикальная структура пространства: если с «низом» связываются представления о «тишине» и «смерти», то с «верхом» – о преодолевающей их «музыке», синонимичной поэзии: «Обступает меня тишина, / предпрятие смерти дочернее. / Мысль моя, тишиной внушена, / порывается в небо вечернее. / В небе отзвука ищет она / и находит. И пишет губерния» [Новиков, 2007, с. 117]. Выходу за пределы физического мира ради обретения «настоящих» слов должен предшествовать «выход из себя» – самопожертвование, поэтому автономиями героя становятся «Аполлон Есенин» и «Модест Саврасов», «окликающие» судьбы тех его предшественников, творческий метод которых, по точ-

ному выражению К. Кравцова, можно назвать «самосожжением» [Кравцов]. Очерченный культурный контекст открывает в заглавном понятии дополнительные смыслы: «караоке» – свидетельство не столько художественной ущербности, сколько того, что творцу во все времена доступна лишь одна «мелодия», поверх которой наносится индивидуальный смысловой «узор». «Мелодия» эта пусть временно, но гармонизирует мир – однако за возможность следовать ей приходится платить жизнью. Логично, что в последней строфе благодаря усилиям поэта негативные начала мира отступают, а его слову вторит уже не бездарное пение миссис Кокни, а совершенно иная, запредельная «музыка»: «Отступает ни с чем тишина / Паб закрылся. Кемарит губерния. / И становится в небе слышна / песня чистая и колыбельная. / Нам сулит воскресенье она, / и теперь уже без погребения» [Новиков, 2007, с. 118].

В свете сказанного принципиально, что и «Самопал», и «посмертные» стихи Новикова изобилуют символами саморазрушения через творчество. В «Черное небо стоит над Москвой...» поэт уподобляется «полуживой» фабрике, не только не требующей платы за труд, но и совмещающей функции «жреца» и «жертвенника». В результате стихописание позиционируется как священнодействие, а дым – побочный продукт горения – приравнивается к воскурению фимиама. Приближая и приветствуя тем самым новые «времена», герой становится причастным эпохе, которой прежде сторонился, – правда, встреча с мандельштамовским «веком-зверем» [Мандельштам, 2017, с. 159] по определению непродолжительна. Зато дым и поэтическое слово в финале произведения прямо отождествляются – но чтобы они достигли «ветхозаветных ноздрей» и «новозаветных ушей», поэту необходимо «заостриться острой / смерти» [Новиков, 2007, с. 177]. Сходный пример – «Поднимется безжалостная ртуть...», где повышение температуры в градуснике (отметим в очередной раз вертикальную организацию пространства) свидетельствует как о болезни, так и о напряжении творческих способностей человека, у автора взаимообусловленных. Разрушение же «стеклянного купола» под напором ртути может интерпретироваться и как прорыв в «иное», соединяющий разные сферы бытия, и как неизбежная смерть пишущего [Новиков, 2007, с. 220].

Миромоделирующее значение символа

Сделанные наблюдения позволяют говорить о том, что семантической основой символа в поэзии

Д. Новикова оказывается трудное обретение миром исходной целостности: будучи достижимой в потенции, она требует от поэта усилий, направленных на ее актуализацию. Воплощенная в системе пространственных оппозиций (прежде всего верха и низа), антиномичность бытия преодолевается в процессе медиации – при этом роль «связующего элемента» неизменно отводится лирическому субъекту. Подобным статусом мотивирована, во-первых, специфика его самопрезентации (в некоторых стихотворениях он уподоблен Христу), а во-вторых, представление о теургической силе слова (именно оно способно вернуть миру былую гармонию). Творческий акт, следовательно, окрашивается в жертвенные тона, поскольку обладание таким словом оплачивается смертью протагониста. Сюжетобразующим мотивом лирики закономерно становится движение вверх, иногда отождествляемое с восхождением на Голгофу, – но и без учета евангельских коннотаций безусловно гибельное. Таким образом, символ в качестве деривата параллелизма не столько утверждает, сколько ставит под сомнение возможность мировой целостности, обретение которой достигается посредством усилия или жертвы – однако и на таких условиях отнюдь не гарантировано.

Библиографический список

1. Александров В. За здоровье постмодернизма // Знамя. 2000. № 4. С. 221–223.
2. Бройтман С. Н. Историческая поэтика // Теория литературы: Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: В 2 т. / под ред. Н. Д. Тамарченко. Москва: Издательский центр «Академия», 2004. Т. 2. 368 с.
3. Бройтман С. Н. Параллелизм психологический // Поэтика: слов. актуал. терминов и понятий / под ред. Н. Д. Тамарченко. Москва: Издательство Кулагиной: Intrada, 2008a. С. 158.
4. Бройтман С. Н. Символ // Бройтман С. Н. Поэтика русской классической и неклассической лирики. Москва: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2008b. С. 207–214.
5. Бройтман С. Н. Символ // Поэтика: слов. актуал. терминов и понятий / под ред. Н. Д. Тамарченко. Москва: Издательство Кулагиной: Intrada, 2008. С. 226–227.
6. Веселовский А. И. Историческая поэтика / ред., вступит. ст. и примеч. В. М. Жирмунского. Изд. 3-е. Москва: Изд-во ЛКИ, 2008. 648 с.
7. Козлов В. «Караул в головах» «районного скальда»: эволюция поэзии Дениса Новикова // Prosōdia. 2017. № 7. С. 9–21.
8. Кравцов К. Заостриться острее смерти // Новиков Д. Г. Река – облака. Москва: Воймега, 2018. С. 3–12.
9. Кравцов К. Заостриться острее смерти. Заметки о Денисе Новикове. Часть IV // Литература. URL: <http://literatura.org/868-konstantin-kravcov-zaostritsya-ostrey-smerti-chast-iv.html> (дата обращения: 14.07.2022).
10. Мандельштам О. Э. Собрание стихотворений 1906–1937 / сост. О. А. Лекманова, М. А. Амелина; предисл. О. А. Лекманова; коммент. и библиогр. О. А. Лекманова, Е. А. Глуховской, А. А. Чабан. Москва: Рутения, 2017. 560 с., ил.
11. Новиков Д. Виза. Москва: Воймега, 2007. 256 с.
12. Семина А. А. Георгий Иванов и русские поэты второй половины XX века (С. Чудаков, И. Меламед, Д. Новиков, Б. Рыжий): дис. ... канд. филол. наук: специальность 10.01.01 «Русская литература». Москва, 2018. 257 с.
13. Семина А. А. Поэт на переломе эпох: семантика заглавий прижизненных книг Дениса Новикова // Гуманитарные исследования. 2018. № 3 (20). С. 112–115.
14. Скворцов А. Э. «...Непопулярный, но истинный дар». О поэзии Дениса Новикова // Скворцов А. Э. Поэтическая генеалогия: Исследования, статьи, заметки, эссе и критика. Москва: ОГИ, 2015. С. 426–435.
15. Степанов Е. Денис Новиков, «Виза». Москва: «Воймега», 2007 // Дети Ра. 2008. № 1 (39). URL: <http://www.reading-hall.ru/publication.php?id=400> (дата обращения: 14.07.2022).
16. Темиришина О. Р. Символистские универсалии и поэтика символа в современной поэзии: Случай Б. Гребенщикова. Москва: Издательство МНЭПУ, 2009. 180 с.
17. Темиришина О. Р. Типология символизма: Андрей Белый и современная поэзия: монография. Москва: ИМПЭ им. А. С. Грибоедова, 2012. 290 с.
18. Темиришина О. Р. Традиция символизма в современной поэзии: случай К. Кедрова // Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере: материалы XI Международной научно-практической конференции (Москва – Пенза, 29–30 октября 2021 г.) / отв. ред. Д. Н. Жаткин, Т. С. Круглова. Москва – Пенза, 2021. С. 116–122.
19. Темиришина О. Р., Авилова Е. Р. Символистский код в поэзии Д. Ревякина: анаграмма как способ семантической организации // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Филология и искусствоведение. 2009. № 1(2). С. 18–20.
20. Фаликов И. Граду, миру, кому-то еще // Знамя. 2008. № 2. URL: <http://magazines.russ.ru/znania/2008/2/fa17.html> (дата обращения: 14.07.2022).

Reference list

1. Aleksandrov V. Za zdorov'e postmodernizma = To the health of postmodernism // Znamja. 2000. № 4. S. 221–223.
2. Brojtmán S. N. Istoricheskaja poetika = Historical poetics // Teorija literatury: Ucheb. posobie dlja stud. filol. fak. vyssh. ucheb. zavedenij: V 2 t. / pod red. N. D. Ta-

marchenko. Moskva : Izdatel'skij centr «Akademija», 2004. T. 2. 368 s.

3. Brojtman S. N. Parallelizm psihologicheskij = Psychological parallelism // Pojetika: slov. aktual. terminov i ponjatij / pod red. N. D. Tamarchenko. Moskva : Izdatel'stvo Kulaginoj : Intrada, 2008a. S. 158.

4. Brojtman S. N. Simvol = Symbol // Brojtman S. N. Pojetika russkoj klassicheskoj i neklassicheskoj liriki. Moskva : Ros. gos. gumanit. un-t, 2008b. S. 207–214.

5. Brojtman S. N. Simvol = Symbol // Pojetika: slov. aktual. terminov i ponjatij / pod red. N. D. Tamarchenko. Moskva : Izdatel'stvo Kulaginoj : Intrada, 2008 c. S. 226–227.

6. Veselovskij A. I. Istoricheskaja pojetika = Historical poetics / red., vstupit. st. i primech. V. M. Zhirmunskogo. Izd. 3-e. Moskva : Izd-vo LKI, 2008. 648 s.

7. Kozlov V. «Karaul v golovah» «rajonnoho skal'da»: jevoljucija poezii Denisa Novikova = «Screaming in the heads» of a «district scald»: The evolution of Denis Novikov's poetry // Prosōdia. 2017. № 7. S. 9–21.

8. Kravcov K. Zaostrit'sja ostrej smerti = Sharpening sharper than death // Novikov D. G. Reka – oblaka. Moskva : Vojmega, 2018. S. 3–12.

9. Kravcov K. Zaostrit'sja ostrej smerti. Zametki o Denise Novikove. Chast' IV = Sharpening sharper than death. Notes on Denis Novikov. Part IV // Literatura. URL: <http://literatura.org/868-konstantin-kravcov-zaostritsya-ostrej-smerti-chast-iv.html> (data obrashhenija: 14.07.2022).

10. Mandel'shtam O. Je. Sobranie stihotvorenij 1906–1937 = Collection of poems 1906–1937 / sost. O. A. Lekmanova, M. A. Amelina; predisl. O. A. Lekmanova; komment. i bibliogr. O. A. Lekmanova, E. A. Gluhovskoj, A. A. Chaban. Moskva : Rutenija, 2017. 560 s.

11. Novikov D. Viza. = Visa. Moskva : Vojmega, 2007. 256 s.

12. Semina A. A. Georgij Ivanov i russkie poety vtoroj poloviny XX veka (S. Chudakov, I. Melamed, D. Novikov, B. Ryzhij). = Georgy Ivanov and Russian poets of the second half of the 20th century (S. Chudakov, I. Melamed, D. Novikov, B. Ryzhyi). Moskva, 2018. 257 s.

13. Semina A. A. Pojet na perelome jepoh: semantika zaglavij prizhiznennyh knig Denisa Novikova = The poet at the turn of epochs: semantics of the titles in Denis

Novikov's lifetime books // Gumanitarnye issledovanija. 2018. № 3 (20). S. 112–115.

14. Skvorcov A. Je. «...Nepopuljarnyj, no istinnyj dar». O poezii Denisa Novikova = «...Unpopular, but a genuine gift.» On the poetry of Denis Novikov // Skvorcov A. Je. Pojeticheskaja genealogija: Issledovanija, stat'i, zametki, jesse i kritika. Moskva : OGI, 2015. S. 426–435.

15. Stepanov E. Denis Novikov, «Viza». = Denis Novikov. «Visa». Moskva : «Vojmega», 2007 // Deti Ra. 2008. № 1 (39). URL: <http://www.reading-hall.ru/publication.php?id=400> (data obrashhenija: 14.07.2022).

16. Temirshina O. R. Simvolistskie universalii i pojetika simvola v sovremennoj poezii: Sluchaj B. Grebenshchikova. = Symbolist universals and the poetics of the symbol in modern poetry: The Case of B. Grebenshchikov. Moskva : Izdatel'stvo MNJePU, 2009. 180 s.

17. Temirshina O. R. Tipologija simvolizma: Andrej Belyj i sovremennaja poezija = Typology of symbolism: Andrei Bely and modern poetry : monografija. Moskva : IMPJe im. A. S. Griboedova, 2012. 290 s.

18. Temirshina O. R. Tradicija simvolizma v sovremennoj poezii: sluchaj K. Kedrova = The symbolist tradition in modern poetry: the case of K. Kedrov // Rossiya v mire: problemy i perspektivy razvitija mezhdunarodnogo sotrudnichestva v gumanitarnoj i social'noj sfere : materialy XI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Moskva – Penza, 29–30 oktjabrja 2021 g.) / otv. red. D. N. Zhatkin, T. S. Kruglova. Moskva – Penza, 2021. S. 116–122.

19. Temirshina O. R., Avilova E. R. Simvolistskij kod v poezii D. Revjakina: anagramma kak sposob semanticheskoi organizacii = The symbolist code in D. Revyakin's poetry: anagram as a way of semantic organization // Vestnik Vjatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Filologija i iskusstvovedenie. 2009. № 1(2). S. 18–20.

20. Falikov I. Gradu, miru, komu-to eshhe = To the city, to the world, to someone else // Znamja. 2008. № 2. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2008/2/fa17.html> (data obrashhenija: 14.07.2022).

Статья поступила в редакцию 15.05.2022; одобрена после рецензирования 16.06.2022; принята к публикации 23.08.2022.

The article was submitted on 15.05.2022; approved after reviewing 16.06.2022; accepted for publication on 23.08.2022.

Русский язык

Научная статья

УДК 811.161.1

DOI: 10.20323/2499-9679-2022-3-30-50-59

EDN: XHYIZO

Функционирование сложноподчиненных предложений в региональных медиа на фоне общероссийских: показатели устойчивости и вариативности

Наталья Павловна Галкина

Кандидат филологических наук, профессор кафедры иностранных языков ФГКВБОУ ВО «Военная академия радиационной, химической и биологической защиты им. Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко» Министерства обороны Российской Федерации. 156025, г. Кострома, ул. Горького, д. 16
gnpav@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7019-2413>

Аннотация. Работа посвящена анализу сложноподчиненных предложений с придаточными условия, причины, цели, уступки, следствия в региональных газетах Костромской области в сравнении с данными аналогичных исследований, проводимых на материале общероссийских периодических изданий. Грамматика языка, составляющая костяк всей языковой системы, является наиболее устойчивой, стандартизированной, что должно проявляться на синтаксическом уровне. Описание языковых явлений в материалах региональных периодических изданий в сравнении с общероссийскими вносит вклад в составление общей картины синтаксиса современного русского языка. В данной работе показано проявление устойчивости и вариативности регионального компонента языка публицистики по следующим аспектам: распределение сложноподчиненных предложений с различными типами придаточных в общей системе обусловленности и функционирование их основных структурных и видообразующих элементов – союзов. Показано, что в текстах региональных газет Костромской области на синтаксическом уровне присутствуют, и примерно в той же пропорции, все структурно-семантические особенности конструкций со значением обусловленности: распределение по типам, употребление типизированных и нетипизированных средств связи, явления градации, инверсии, парцелляции, фразеологизации придаточных. Вариативность средств и способов выражения, как и самих выражаемых отношений, обусловлена жанровой и тематической отнесенностью имеющихся в газетах текстов, нежели их региональной принадлежностью. На примере функционирования наиболее востребованных, семантически ёмких и значимых сложноподчиненных предложений показано, что синтаксический медиаобраз Костромского региона в целом отражает общую картину в современной русской публицистике, что свидетельствует об устойчивости системы сложноподчиненных предложений на данном этапе развития языка.

Ключевые слова: публицистика; синтаксис; придаточная часть; союз; парцелляция; фразеологизация; обоснование; убеждение; актуализация; воздействующая функция; региональный компонент языка; языковая система

Для цитирования: Галкина Н. П. Функционирование сложноподчиненных предложений в региональных медиа на фоне общероссийских: показатели устойчивости и вариативности // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 3 (30). С. 50–59. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-3-30-50-59>. <https://elibrary.ru/XHYIZO>

Russian language

Original article

Functioning of complex sentences in regional media against the background of russian national media: stability and variability indicators

Natalia P. Galkina

Candidate of philological sciences, professor, department of foreign languages, Military academy of nuclear, chemical and biological protection named after Marshal S. K. Timoshenko, Russian Federation Ministry of defense. 156025, Kostroma, Gorky str., 16
gnpav@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7019-2413>

Abstract. The article is devoted to the analysis of complex sentences with subordinate clauses of condition, cause, goal, concession and consequence in regional newspapers of the Kostroma region in comparison with the data of similar studies conducted on the material of Russian national periodicals. The grammar of the language, the backbone of the entire language system, is the most stable and standardized, which should be manifested at the syntactic level. The description of linguistic phenomena in the materials of regional periodicals in comparison with national ones contributes to forming a general picture of the modern Russian syntax. This article shows the stability and variability of the regional component of journalistic language in the following aspects: distribution of complex sentences with various types of subordinate clauses in the general system of conditionality and the functioning of their main structural and aspect-forming elements – conjunctions. It is shown that in the texts of Kostroma regional newspapers at the syntactic level all structural and semantic features of constructions with the meaning of conditionality appear in approximately the same proportion: distribution by type, the use of typified and non-typified means of communication, the phenomena of gradation, inversion, parceling, and phraseology of subordinate clauses. The variability of expressive means and methods, as well as the relations expressed, is due to the genre and thematic relevance of the newspaper texts, rather than to their regional relevance. The example of functioning of the most popular, semantically capacious and meaningful complex sentences shows that the syntactic media image of the Kostroma region as a whole reflects the general picture in modern Russian journalism, which indicates the stability of complex sentences system at this stage of language development.

Key words: journalism; syntax; subordinate clause; conjunction; parceling; phraseology; argumentation; persuasion; actualization; influencing function; regional language component; language system

For citation: Galkina N. P. Functioning of complex sentences in regional media against the background of Russian national media: stability and variability indicators (based on the materials of Kostroma region newspapers). *Verhnevolski philological bulletin*. 2022;(3):50–59. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-3-30-50-59>. <https://elibrary.ru/XHYIZO>

Введение

Данное исследование проводится в контексте всестороннего анализа сложноподчиненных предложений (далее СПП) с придаточными условия, причины, цели, уступки, следствия, объединенных в общую категорию обусловленности [ГСРЛЯ, 1970, с. 709–710]. Этот круг отношений, объединяющий в себе такие значения, как условие, основание, обоснование, доказательство, целевую мотивировку, довод, стимул, аргумент, является чрезвычайно актуальным в публицистике. По выражению А. Н. Васильевой, «писать публицистично – значит писать страстно, заинтересованно, непременно наступательно, на тему, имеющую крупное общественное значение, и непременно глубоко, не просто со знанием дела, а с исследованием и даже может быть со своим собственным открытием» [Васильева, 1982, с. 139]. Для публицистического произведения, нацеленного на широкую аудиторию, важно не просто изложение фактов, необходимо описать условия, указать причины, дать обоснование, учесть противоречия, рассмотреть нюансы, выделить главное, взвесить варианты, оценить последствия, высказать озабоченность или поддержку, убедить, привлечь к действию и т. д. Выражению таких взаимосвязанных отношений наилучшим образом служат сложноподчиненные предложения со значением обусловленности (да-

лее СППО) [Галкина, 2019, с. 101]. Объектом исследования послужили СПП указанных типов (500 синтаксических единиц), выписанные методом сплошной выборки из газет, издаваемых в Костромской области («Северная правда», «Костромские ведомости», «Костромская народная газета», «Хронометр» и др.). Анализ осуществляется в сравнении с данными аналогичных исследований, проводимых на материале общероссийских периодических изданий («Комсомольская правда», «Новая газета», «Солидарность», «Совершенно секретно», «Аргументы и Факты», «Наша Версия», «Народное вече» и др.).

В настоящее время, в эпоху глобализации актуальными являются вопросы языковой нормы и трансформации норм русского языка, границ нормативного, допустимого и неприемлемого в языковой практике [Лалетина, 2011, с. 219; Пушкарёва, 2017, с. 126]. Расширяется демократизация языка, возрастает эмоциональность и экспрессивность высказываний, происходит проникновение разговорных и просторечных элементов в различные сферы коммуникации – изменения отмечаются на всех языковых уровнях [Современный русский язык..., 2008; Юдина, 2010]. Грамматика языка составляет костяк всей языковой системы, её фундаментальную основу, своего рода матрицу, на которую нанизываются другие составляющие этой сложной системы, во всём их многообразии и взаимодействии. След-

ствие этого грамматическая сторона языка является наиболее устойчивой, стандартизированной. Как отмечает Н. В. Пушкарёва, «грамматика (в частности, морфология) оказывается тем самым адаптивным механизмом, который поддерживает и контролирует стабильность и жизнеспособность языковой системы» [Пушкарёва, 2017, с. 131]. На наш взгляд, это в полной мере обеспечивается на синтаксическом уровне.

Описание языковых явлений в материалах региональных периодических изданий в сравнении с общероссийскими вносит вклад в составление общей картины синтаксиса современного русского языка. В данной работе рассмотрим проявление устойчивости и вариативности регионального компонента языка публицистики по следующим аспектам: распределение различных типов СПП (условных, причинных, целевых, уступительных, следственных) в общей системе СППО и функционирование их основных сцепляющих и видооб-

разующих структурных элементов – союзов. В. А. Белошапкова называет такие союзы семантическими [Белошапкова, 1977. с. 222], а С. Г. Ильенко – функциональными, подчёркивая, что связующие средства в предложениях подобного типа являются главным организующим центром сложного предложения, составляющим зерно его структуры, его важнейший строевой элемент [Ильенко, 1976, с. 6–7].

Результаты исследования

Исследование указанных синтаксических единиц показало следующую картину дистрибуции СППО по их конкретным типам. В таблице приводятся данные по результатам анализа СПП из материалов региональных газет Костромской области в сравнении с выборкой из общероссийских СМИ и публицистических произведений в целом.

Распределение СПП различных типов, входящих в комплекс СППО

СППО по типам		Условные СПП (УСПП)	Причинные СПП (ПСПП)	СПП цели (СППЦ)	СПП уступки (СППУст)	СПП следствия (СППС)
Материалы	Кол-во единиц					
Региональные газеты Костромской области	500	44%	19%	25%	11%	1%
Общероссийские СМИ	1500	38%	25%	23%	13%	1%
Произведения публицистики в целом	4500	39%	26%	20%	14%	1%

Как видно, таблица процентного соотношения СПП различных типов показывает аналогичную картину по трем выборкам. В корпусе СППО преобладают условные предложения. Данный вывод прослеживается нами на протяжении всего исследования СППО на материале научного и публицистического стилей, по мере увеличения базы исследования как в количественном отношении, так и с расширением тематического и жанрового разнообразия. Таким образом, можно констатировать факт доминирования условных отношений в общей системе отношений обусловленности (от 40–45 % в публицистике до 50–55 % в научной литературе). В данном случае, несколько больший процент УСПП в региональных газетах по сравнению с общероссийскими СМИ объясняется тем, что в областных изданиях выше доля материалов, носящих рекомендательный, инструктивный характер. См., например: *Если вам нужно помочь разыскать родных и близких, не пришедших с Великой Отечествен-*

ной войны, пишите по адресу <...> [Северная правда, № 20, 18.05.2022, с. 8]. *Если возбудители обнаружатся, потребуется срочно сделать укол иммуноглобулина* [Северная правда, № 20, 18.05.2022, с. 22]. Понятно, что в конструкциях такого рода преобладают СПП с препозицией придаточного, что зафиксировано нами в материалах и научного, и публицистического стиля. См. также примеры с придаточным в постпозиции и интерпозиции соответственно: *Уведомление приходит в личный кабинет на портале госуслуг или по почте, если учетной записи на портале нет <...>* [Костромская народная газета. №19, 11.05.2022., с. 5]. *С укоренением делёнок (часть корня для размножения делением – Н. Г.), если их вовремя поливать, проблем не будет* [Костромская народная газета, №18, 11.05.2022, с. 21].

По той же причине большой доли рекомендательной информации в региональных СМИ мы обнаруживаем более высокий процент целевых

СПП (25 %), по сравнению с общероссийскими (23 %). Например: *Чтобы ликвидировать это отставание, необходимо внедрять новые технологии, выпускать инновационную продукцию и развивать современное производство* [Агитационные материалы «Партия социальной защиты»]. *Это качество можно использовать, чтобы прятать в ирисовых посадках маки и тюльпаны, (которые после цветения имеют очень печальный вид)* [Костромская народная газета, №19, 11.05 2022, с. 21].

СПП цели в данных материалах опережают даже группу причинных СПП, которые, по нашим наблюдениям, в произведениях научного стиля и публицистики в целом занимают второе место по употребительности в общей системе СППО [Галкина, 2019, с. 101]. Как показало исследование, региональные периодические издания содержат меньше аналитических статей на общественно-политические, мировоззренческие, общеобразовательные темы, которые требуют логических выводов, обоснования, объяснения причин и т. п. Тем не менее, как будет показано ниже, свойственное причинным СПП разнообразие средств связи, являющееся отражением широкого спектра причинных отношений, наблюдается как в региональных, так и в общероссийских изданиях.

Отметим, что доля СПП со значением уступки в публицистических материалах сохраняется на уровне 11 %–14 % (см. таблицу выше). См. примеры: *Хотя дождь уже не шел сплошной стеной, но всё еще моросил, а при ветерке падал крупными каплями* [Костромская народная газета, №19, 11.05 2022, с. 20]. *В ней (столице Туниса – Н. Г.) есть метро, хотя поезда в нем больше напоминают трамваи* [Хронометр, №19, 10.05.2022, с. 21]. *Несмотря на то что мужчины по своей природе не склонны слепо доверять чужому мнению, они тоже попадают на удочку «глянцевых советчиков»* [Там же, с. 16].

На СПП следствия приходится стабильно менее 1 % всех сложноподчиненных конструкций со значением обусловленности. Например: *Они (добавки при приготовлении шашлыка – Н. Г.) дают специфические пары, так что это – на любителя* [Костромская народная газета, №19, 11.05 2022, с. 19]. В газетах значительно чаще используются отдельные предложения с *Так что* в начальной позиции. Они выражают значение следствия того, о чём сказано в предыдущем предложении или нескольких предложениях. См., например: *Но главное – белковая составля-*

ющая именно молочная, а не искусственно выращенная. Так что ставим очередной плюс. [Северная правда, №31, 05.08.2020, с. 25].

Нередки даже случаи, когда предложения с *Так что* инициируют абзац, указывая на следствие из предыдущего микротекста. Конструкции такого рода отличаются высокой степенью самостоятельности, обособленности, и хотя они имеют признаки выражения следственных отношений, мы не включили их в статистику СППО, также как и другие формы выражения следственных связей, которые используют публицисты (цепочки предложений, вводные слова *следовательно, значит, таким образом* и т. п.).

Перейдем к анализу средств связи СППО в региональных СМИ на фоне общего ассортимента функциональных союзов. Бесспорно, во всех типах СППО доминируют основные категориальные союзы: *если* – в условных СПП, *потому что* – в причинных, *чтобы* – в целевых, *хотя* – в уступительных предложениях. В контексте данного исследования интерес представляют нетипичные, малочастотные средства связи и условия их функционирования. В процессе анализа общероссийских СМИ мы обнаружили разнообразный спектр функциональных союзов и описали обстоятельства их употребления [Галкина 2021а; 2021б; 2021в и др.]. Примечательно, что все они встречаются в единичных случаях и в региональных периодических изданиях. Это свидетельствует о том, что медиаобраз Костромского региона отражает общую картину синтаксических средств СППО, и подтверждает устойчивость языковой системы современного русского языка.

Прежде всего обратим внимание на модификацию типизированных союзов (на примере условного *если*) присоединением лексических элементов, что способствует созданию дополнительных смыслов. Рассмотрим череду условных СПП, взятую из актуальный на тот момент подборки советов и рекомендаций: *Если вы обнаружили на теле присосавшегося клеща (в особенности если пострадавший – ребенок!), лучше обратиться за медицинской помощью, например, в травмпункт. В случае если медицинская помощь недоступна <...>, можно попытаться удалить клеща самостоятельно* [Северная правда, №20, 18.05.2022, с. 22]. Как видно, за счет присоединения к союзу *если* дополнительных элементов (*если – в особенности если – в случае если*) происходит сначала нарастание, а затем

ослабление условного значения и следствия из него. Таким образом, модификация служебного слова обеспечивает реализацию экспрессивного синтаксического средства – градации [Синтаксические особенности...].

В корпусе УСПП, помимо общеупотребительного *если*, находим конструкции с разговорным союзом *коли*: **Коли на Еремея погоже, то и уборка хлеба пригожа** [Хронометр, №19, 10.05.2022, с. 2]. Использование здесь нетипизированного союза *коли* обусловлено тем, что данное предложение имеет историческую коннотацию и отражает просторечный говор в контексте описания народных примет в районах Костромской губернии. Отметим, что случаи употребления союза *коли* в общероссийской публицистике также связаны с целью придания высказыванию народного колорита или исторического оттенка [Галкина, 2021а, с. 307]. См. ещё пример из рассказа о приметах и народных способах излечения: *«(Вот чертов сын, лег на голые кирпичи, де ещё падалю накрылся, ну как теперь с тобой ляжешь). Оставайся, коли так, леший с тобой!»* [Костромская народная газета, №19, 11.05.2022, с. 13]. Здесь к тому же имеет место фразеологизация придаточного (*коли так*) – характерное явление, свойственное публицистическим произведениям [Меликян, 2015, с. 57; Ройзензон, 1961, с. 114].

См. более часто встречающиеся и разнообразные примеры фразеологизации условных придаточных, оформленных нейтральным *если*: *В принципе, если быть совсем точным в определениях, то триммер – это ручная электрическая газонокосилка* [Северная правда, №31, 05.08.2020, с. 23]. *Особенно, если речь идет о вопросах памяти, истории нашего края и земляков* [Северная правда, №31, 05.08.2020, с. 23]. *А собственно, кто, если не мы, на страже прав потребителя?* [Северная правда, №31, 05.08.2020, с. 24]. *Если не лень, можно регулярно удалять свернувшиеся увядающие цветки* [Костромская народная газета, 11.05.2022, с. 21]. Такое явление распространено в текстах центральных периодических изданий и публицистики в целом [Галкина, 2019, с. 102].

В корпусе целевых СПП помимо нейтрального общеупотребительного *чтобы* (см. примеры выше) встречаются случаи употребления составного союза *для того чтобы*, чаще в публикациях официального содержания. См.: *(Я понимаю, что) для того, чтобы реализовать идею, нужна команда* [Агитационные материалы «Партия со-

циальной защиты»].

Вызывает интерес употребление книжного, архаического союза *дабы* в целевых СПП в публицистических текстах. По А. Н. Стеценко, *дабы* был наиболее распространенным среди союзов, выражающих отношения цели (главным образом в памятниках книжного языка). В XVII в. употребление *дабы* выходит за рамки книжной речи, его можно встретить в языке художественных произведений, деловых документов [Стеценко, 1977, с. 260–261]. «Русская грамматика» маркирует его пометой ‘устаревший’ и ‘высокий’: «Союз *дабы*, уже в XIX в. имевший окраску устарелости, в современном языке сохраняет эту окраску либо употребляется в целях стилизации или иронически» [РГ 1980, с. 595]. Л. Д. Беднарская в монографии, посвященной анализу развития системы сложного предложения «от Пушкина до наших дней», относит его к союзным средствам «архаико-эмотивной окрашенности» и говорит об оживлении их активности в современной художественной прозе [Беднарская, 2014, с. 79]. В одной из костромских газет в рассказе о житейских передерягах, происшествиях тоже обнаруживаем употребление *дабы*: *Женица, дабы не встречать старость в одиночестве, приняла предложение нового друга съехаться* [Хронометр, №19, 10.05.2022, с. 6]. Подключение *дабы* в данном случае придает высказыванию просторечность/народность, маркирует не указание на четко поставленную цель, а намерение, вызванное жизненными обстоятельствами. Такая форма выражения как бы приближает автора к герою рассказа, выдает авторскую эмпатию, которая передается читателю. В центральных периодических изданиях мы также отмечаем случаи употребления этого стилистически окрашенного средства связи в целях создания исторического колорита, придания оттенка торжественности, возвышенности, для имплицитного выражения авторской иронии, сарказма и др. [Галкина 2021б, с. 92].

Отдельно следует охарактеризовать употребление причинных союзов, так как они отличаются большим разнообразием, что обнаруживается и на региональном уровне. Во всем ассортименте средств связи причинных СПП, как в общероссийских, так и в региональных СМИ, наиболее распространенными являются *потому что*, *поскольку* и *так как*, при бесспорном доминировании *потому что*. См., например: *Она (церковь – Н. Г.) была построена в 1781 году и сегодня довольно плохо сохранилась, да и куполов давно*

лишилась, **потому что** долгое время была занята пищевым производством [Костромские ведомости, №10 2022, с. 24]. Оформленное общеупотребительным типизированным союзом *потому что*, придаточное выражает реальную, действительную причину. Такое же причинное значение, но в более официальном стиле отмечаем в предложениях с союзами *поскольку* и *так как*. См. соответственно: *Поскольку в Костроме нет другой культурной площадки <...>, лекторы к нам приходят с радостью* [Костромские ведомости, №10 2022, с. 11]. *Так как читательница попросила узнать историю именно ордена Красной Звезды, мы начали поиск именно его истории* [Северная правда, №31, 05.08.2020, с. 2].

Помимо продуктивных *потому что*, *поскольку* и *так как*, в региональной выборке ПСПП находим менее частотные союзы дифференцирующего типа [РГ 1980, с. 583–584]: *из-за того что*, *благо*, *в связи с тем что*, *оттого что*. См., например: *С одним из кавалеров пришлось прервать отношения из-за того, что она виделась с ним всего раз в год* [Хронометр, №19, 10.05.2022, с. 4]. *Произошло это в 2013-м из-за того, что муж начал выпивать*. [Хронометр, №19, 10.05.2022, с. 6]. В конструкциях с этим союзом отмечается указание на причину неблагоприятных событий [РГ 1980, с. 585].

Напротив, для указания на благоприятствующую причину, используется малопродуктивный устаревший союз *благо* [РГ 1980, с. 585]. См.: *Мы сопереживали и помогали, восхищались и улыбались – благо для этого были поводы* [Северная правда, №31, 05.08.2020, с. 9].

Употребление официального *в связи с тем, что* встречается в описании обстоятельств уголовного дела, о чем прямо сказано в скобках в примечании редактора. См.: *В связи с тем, что сожитель матери постоянно делал замечания, между нами началась словесная перепалка, которая переросла в конфликт* [Хронометр, №19, 10.05.2022, с. 6].

Рассмотрим два следующих примера с указанием на причину: 1) *От того, что мы назовем район, где пропал человек, ничего не изменится* [Костромские ведомости, №19, 10–16 мая 2022, с. 13]. 2) *(Если же беременная перейдет дорогу, когда несут покойника,) – пятно образуется оттого, что у ребенка «запечется кровь»* [Костромская народная газета, №19, 11.05 2022, с. 13]. Различие в графическом оформлении союзного сочетания (*от того, что* vs *оттого, что*), которое наблюдалось и в материалах цен-

тральных газет, свидетельствует о том, что данное сочетание еще не окончательно оформилось /закрепилось как составной причинный союз, процесс формирования союзных средств СПП ещё продолжается.

Следует отметить, что в исследуемой выборке относительно ограниченного объёма нам не встретились причинные конструкции, оформленные союзом *ибо*, который по результатам анализа общероссийских СМИ и публицистических произведений в целом оказывается по продуктивности наравне с общеупотребительным *так как* [Галкина, 2021в, с. 35]. Отсутствие данного союза в материалах текущего исследования объясняется тем, что региональные газеты не содержат аналитических статей на общественно-политические, социально-экономические темы, в которых причинные конструкции чаще имеют характер убеждения, обоснования, аргументации авторской позиции – семантическая область, относящиеся к сфере функционирования союза *ибо* [Галкина, 2021в, с. 35].

В грамматических описаниях дается неоднозначная трактовка слова *ведь* [Галкина, 2020, с. 82–89]. Оно квалифицируется и как частица [Шапиро, 1953, с. 245–248], и как союз [БТС, с. 115; Ефремова, 2000, с. 154; Ожегов, Шведова 2006, с. 70], и как союзная частица [РГ 1980, с. 578; 583]. В словарях отмечается его семантическое разнообразие. Примеры, обнаруженные в региональных источниках, подтверждают функционирование *ведь* в качестве маркера причинного придаточного: *Хочу сыграть отрицательного персонажа, они ведь не менее интересны, чем положительные* [Костромская народная газета, №19, 11.05 2022, с. 12]. *Конечно, ведь массовка – это определенное дыхание спектакля <...>* [Костромская народная газета, №19, 11.05 2022, с. 12]. Ср. при трансформации: *Хочу сыграть отрицательного персонажа, так как они не менее интересны, чем положительные. Конечно, потому что массовка – это определенное дыхание спектакля*.

Следующая конструкция интересна тем, что иллюстрирует последовательное развертывание причинного обоснования в парцеллированной конструкции с несколькими придаточными, оформленными при помощи различных средств связи: *(Что вызывает большой интерес? – Наша последняя работа – спектакль «Ох уж эта Анна!») Наверное, потому что это – комедия, что всегда весело и хорошо, ведь это поднимает настроение* [Костромская народная газе-

та, №19, 11.05 2022, с. 12].

В региональных источниках, так же, как и в центральных изданиях, отмечаем парцелляцию придаточных различного типа, относящихся к категории обусловленности [Галкина, 2019, с. 102–103]. См., например: 1) *Это можно реализовать. Если продолжить начатую работу* [Агитационные материалы «Партия социальной защиты»]. 2) *Если мы за это платим, то давайте использовать максимально. Чтобы люди получили преимущества от этой работы* [Северная правда, №20, 18.05.2022, с. 3]. 3) *А сейчас она (деревня – Н. Г.) доживала свой век, как и её жители. Хотя и располагалась среди холмов, цветущих лугов и лесов* [Северная правда, №20, 18.05.2022, с. 20]. Оформление придаточных в виде самостоятельных предложений придает им статус дополнительного замечания, уточнения, оценочного суждения, способствует актуализации высказывания, реализации воздействующей функции публицистического стиля [Солганик, 2001, с. 205].

В корпусе СПП уступки находим все присущие им средства связи (*хотя, несмотря на то что, сочетания даже если, кто/что/где/куда/сколько ни, слова-связки правда и пусть*). К приведенным выше примерам добавим менее типичные. Например, с условно-уступительным значением: 1) *Даже если шведский концерн полностью прекратит поставки своей продукции на российский рынок, отечественные производители обеспечат туалетной бумагой* [Костромская народная газета, №19, 11.05 2022, с. 11]. Ср. при замене союзной скрепы на типизированный уступительный союз: *Несмотря на то что шведский концерн полностью прекратит поставки своей продукции на российский рынок, отечественные производители обеспечат туалетной бумагой*. 2) *Некоторые вызывают бригаду, даже если просто чуть-чуть подскочило давление* [Хронометр, №19, 10.05.2022, с. 17]. Ср. при трансформации: *Некоторые вызывают бригаду, хотя у них просто чуть-чуть подскочило давление*. Приведем примеры обобщенно-уступительных СПП: *Куда бы я ни обращалась, везде говорили, что им нужны мальчики* [Костромская народная газета, №19, 11.05 2022, с. 12]. *Кто бы на него ни покусился, не теряйте уверенности в своих силах* [Хронометр, №19, 10.05.2022, с. 16]. Здесь, к тому же, имеет место инверсия (изменение стандартного порядка слов) – средство усиления экспрессии, свойственное публицистике [Синтаксические

особенности...]. В рассказе о жизни в российской глубинке, предполагающем неформальный стиль изложения, также отмечаем инверсию союза (который здесь используется в редуцированном виде – *хоть*) по отношению к подлежащему: *Роман хоть и учился на престижном факультете, но его всегда тянуло в родные края* [Северная правда, №20, 18.05.2022, с. 20]. Из вариативной части СППУст приведем пример употребления слова *пусть* в качестве квалификатора уступительных отношений: *Пусть в целом он (Костромской кремль – Н. Г.) смотрится впечатляюще, работ ещё много* [Северная правда, №20, 18.05.2022, с. 7]. Ср. при трансформации: *Хотя в целом он смотрится впечатляюще, работ ещё много*.

Для публицистического стиля характерны редуцированные формы союзов, что, например, не свойственно научной речи. Такие формы делают речь менее официальной, более разговорной, и встречаются в текстах, посвященных народной жизни (приметы – примеры 1, 2 ниже), описанию житейских ситуаций, включая реплики героев рассказа, очерка (примеры 3, 4 ниже). См. примеры из региональных СМИ: 1) *В наше время уриноотерапия – известное, хоть и весьма небесспорное средство* [Костромская народная газета, №19, 11.05 2022, с. 13]. 2) *Нельзя смотреть на слепых уродов, чтоб это не передалось ребенку* [Костромская народная газета, №19, 11.05 2022, с. 13]. 3) *«Быстрее одергивай стожок, чтоб не замочило»* [Костромская народная газета, №19, 11.05 2022, с. 20]. 4) *(Руки побаливали в предплечьях, но девчонка не чувствовала никакой усталости,) и если б только сейчас потребовалось сложить ещё один стог, у нее бы хватило сил* [Костромская народная газета, №19, 11.05 2022, с. 20]. Такие усеченные формы имеют незначительное соотношение на фоне употребления категориальных функциональных союзов, что также было обнаружено и на материале общероссийской публицистики.

Заключение

Таким образом, в текстах региональных газет Костромской области на синтаксическом уровне присутствуют, и примерно в той же пропорции, все структурно-семантические особенности конструкций со значением обусловленности: распределение по типам СПП, употребление типизированных и нетипизированных средств связи, явления градации, инверсии, парцелляции, фразеологизации придаточных. Вариативность

средств и способов выражения, как и самих выражаемых отношений, обусловлена жанровой и тематической отнесенностью имеющих в газетах текстов, нежели их региональной принадлежностью. «Журналистика тематически неисчерпаема, огромен ее жанровый диапазон, велики выразительные ресурсы» [Солганик, 2001, с. 203]. По материалам анализа наиболее востребованных, семантически ёмких и значимых сложноподчиненных предложений, можно сделать вывод, что синтаксический медиаобраз Костромского региона – исторической и географической части центральной России – в целом отражает общую картину в современной русской журналистике, что свидетельствует об устойчивости системы СПП на данном этапе развития языка.

Библиографический список

1. Агитационные материалы «Партия социальной защиты».
2. Беднарская Л. Д. Основные закономерности в развитии сложного предложения в языке русской художественной прозы XIX–XX столетий : монография. Орёл : ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет», 2014. 170 с.
3. Белошапкова В. А. Современный русский язык. Синтаксис. Москва : Высшая школа, 1977. 248 с.
4. БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения 11.05.2022).
5. Васильева А. Н. Газетно-публицистический стиль речи: курс лекций по стилистике русского языка. Москва : Высшая школа, 1982. 198 с.
6. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. Т. 1. Москва, 2000. URL: <https://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Efremova-term-7755.htm> (дата обращения 11.05.2022).
7. Ильенко С. Г. Сложное предложение в современном русском языке. Типология сложноподчинённого предложения. Ленинград, 1976. 32 с.
8. Галкина Н. П. Сложноподчиненные предложения со значением обусловленности в современной публицистике // Верхневолжский филологический вестник. 2019. № 4 (19). С. 100–104.
9. Галкина Н. П. Синтаксический и семантический синкретизм слова *ведь* на уровне гипотаксиса // Верхневолжский филологический вестник. 2020. №3 (22). С. 82–89. DOI: 10.20323/2499-9679-2020-3-22-81-88
10. Галкина Н. П. Органичное сочетание книжного и разговорного в языке современной публицистики: лексический и синтаксический уровень // С любовью к Слову. Сборник статей участников Всероссийской с международным участием научной конференции, приуроченной к 80-летию юбилею д. филол. н. проф.
11. Галкина Н. П. Роль и место устаревших союзов в современной публицистике // Известия Смоленского государственного университета. 2021. №1 (53). С. 86–101.
12. Галкина Н. П. Типология причинных конструкций в гипотаксисе (на материале публицистики XX–XXI вв.) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 3. С. 32–40.
13. ГСРЛЯ 1970 – Грамматика современного русского литературного языка. Отв. ред. Н.Ю. Шведова. Москва: Наука, 1970. 767 с.
14. Костромская народная газета. №19, 11.05.2022.
15. Костромские ведомости. №19, 10-16 мая 2022.
16. Лалетина А.О. Языковая норма в эпоху глобализации // Ученые записки Казанского университета. 2011. Т. 153. Кн. 6. С. 219–226.
17. Меликян В. Ю. Синтаксическая фразеология русского языка: учеб. пособие для студентов. Москва : Флинта: Наука, 2015. 352 с.
18. Новости региона. №32, 05.08.2020.
19. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. Москва : ООО «А ТЕМП», 2006. 944 с.
20. Пушкарева Н. В. Русская грамматика: объединяющий фактор в эпоху перемен // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2017. № 3. С. 125–134.
21. РГ 1980 – Русская грамматика в 2 т. Т. 2. Синтаксис / гл. ред. Н. Ю. Шведова. Москва : Наука, 1982. 714 с.
22. Ройзензон Л. И. Фразеологизация как лингвистическое явление // Труды Самарканд. гос. ун-та. им. А. Навои. Вып. 119. Самарканд, 1961. С. 101–117.
23. Северная правда. №31, 05.08.2020.
24. Северная правда. №20, 18.05.2022.
25. Синтаксические особенности публицистического стиля // Лектор.com. URL: <https://xn--e1akbokk.com/kultura-rechi-stilistika/sintaksicheskie-osobennosti-publitsisticheskogo-45736.html> (дата обращения 20.05.2022).
26. Современный русский язык. Активные процессы на рубеже XX–XXI вв. / отв. ред. Л. П. Крысин. Москва : Языки славянских культур, 2008. 712 с.
27. Солганик Г. Я. Стилистика текста. 3-е изд. Москва : Флинта: Наука, 2001. 256 с.
28. Стеценко А. Н. Исторический синтаксис русского языка. Изд-е 2-е, испр. и доп. Москва : «Высшая школа», 1977. 352 с.
29. Юдина Н. В. Русский язык в XXI веке: кризис? эволюция? прогресс? Москва : Гнозис, 2010. 296 с.
30. Хронометр. № 19, 10.05.2022.
31. Шапиро А. Б. Очерки по синтаксису русских народных говоров. Строение предложения. Москва : Изд-во АН СССР, 1953. 317 с.

Reference list

1. Agitacionnye materialy «Partija social'noj zashity» = Social Security Party promotional materials.
2. Bednarskaja L. D. Osnovnye zakonomernosti v razvitii slozhnogo predlozhenija v jazyke russkoj hudozhestvennoj prozy XIX–XX stoletij = Main tendencies in the complex sentence development in the language of Russian prose of the XIX–XX centuries : monografija. Orjol : FGBOU VPO «Orlovskij gosudarstvennyj universitet», 2014. 170 s.
3. Beloshapkova V. A. Sovremennyy russkij jazyk. Sintaksis = The modern Russian language. Syntax. Moskva : Vysshaja shkola, 1977. 248 s.
4. BTRJa – Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka = BEDRL – The Big Explanatory Dictionary of the Russian Language / pod red. S.A. Kuznecova. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/> (data obrashhenija 11.05.2022).
5. Vasil'eva A. N. Gazetno-publicisticheskij stil' rechi: kurs lekcij po stilistike russkogo jazyka. = Newspaper publicist style of speech: a course of lectures on the Russian language stylistics. Moskva : Vysshaja shkola, 1982. 198 s.
6. Efremova T. F. Novyj slovar' russkogo jazyka. Tolkovno-slovoobrazovatel'nyj = New Dictionary of the Russian Language. Explanatory and word-formation dictionary : v 2 t. T. 1. Moskva, 2000. URL: <https://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Efremova-term-7755.htm> (data obrashhenija 11.05.2022).
7. Il'enko S. G. Slozhnoe predlozhenie v sovremenom russkom jazyke. Tipologija slozhnopodchinjonnogo predlozhenija = Complex sentences in the modern Russian language. Typology of the compound sentence. Leningrad, 1976. 32 s.
8. Galkina N. P. Slozhnopodchinennye predlozhenija so znacheniem obuslovlennosti v sovremennoj publicistike = Compound sentences with the meaning of conditionality in modern journalism // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2019. № 4 (19). S. 100–104.
9. Galkina N. P. Sintaksicheskij i semanticheskij sinkretizm slova ved' na urovne gipotaksisa = Syntactic and semantic syncretism of the word with at the level of hypotaxis // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2020. №3 (22). S. 82–89. DOI: 10.20323/2499-9679-2020-3-22-81-88
10. Galkina N. P. Organichnoe sochetanie knizhnogo i razgovornogo v jazyke sovremennoj publicistiki: leksicheskij i sintaksicheskij uroven' = An organic combination of bookish and colloquial in the language of modern journalism: lexical and syntactic levels // S ljubov'ju k Slovu. Sbornik statej uchastnikov Vserossijskoj s mezhdunarodnym uchastiem nauchnoj konferencii, priurochennoj k 80-letnemu jubileju d. filol. n. professora L. A. Klimkovej / otv. redaktor O. V. Nikiforova. Arzamas, 2021a. S. 306–310.
11. Galkina N. P. Rol' i mesto ustarevshih sojuzov v sovremennoj publicistike = The role and place of obsolete conjunctions in modern journalism // Izvestija Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta. 2021b. №1 (53). S. 86–101.
12. Galkina N. P. Tipologija prichinnyh konstrukcij v gipotaksise (na materiale publicistiki XX–XXI vv.) = Typology of causal constructions in hypotaxis (based on 20th-21st century journalism) // Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. 2021v. T. 43, № 3. S. 32–40.
13. GSRLJa 1970 – Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka = GMRL 1970 – Grammar of the Modern Russian Literary Language / otv. red. N. Ju. Shvedova. Moskva : Nauka, 1970. 767 s.
14. Kostromskaja narodnaja gazeta = Kostroma people's newspaper. № 19, 11.05.2022.
15. Kostromskie vedomosti = Kostroma bulletin. №19, 10-16 maja 2022.
16. Laletina A. O. Jazykovaja norma v jepohu globalizacii = The linguistic norm at the time of globalization // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. 2011. T. 153. Kn. 6. S. 219–226.
17. Melikjan V. Ju. Sintaksicheskaja frazeologija russkogo jazyka = Syntactic phraseology of the Russian language : ucheb. posobie dlja studentov. Moskva : Flinta: Nauka, 2015. 352 s.
18. Novosti regiona = Regional news. № 032, 05.08.2020.
19. Ozhegov S. I., Shvedova N. Ju. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: 80 000 slov i frazeologicheskij vyrazhenij = Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80,000 words and phrases. 4-e izd., dop. Moskva : OOO «A TEMP», 2006. 944 s.
20. Pushkareva N. V. Russkaja grammatika: ob#edinjajushhij faktor v jepohu peremen = Russian grammar: a consolidating factor at the age of change // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskij lingvistiki. 2017. № 3. S. 125–134.
21. RG 1980 – Russkaja grammatika v 2 t. T. 2. Sintaksis = RG 1980 – Russian grammar in 2 vols. V. 2. Syntax / gl. red. N. Ju. Shvedova. Moskva : Nauka, 1982. 714 c.
22. Rojzenzon L. I. Frazeologizacija kak lingvisticheskoe javlenie = Phraseology as a linguistic phenomenon // Trudy Samarkand. gos. un-ta. im. A. Navoi. Vyp. 119. Samarkand, 1961. S. 101–117.
23. Severnaja pravda = The Northern Truth. № 31, 05.08.2020.
24. Severnaja pravda = The Northern Truth. № 20, 18.05.2022.
25. Sintaksicheskie osobennosti publicisticheskogo stila = Syntactic features of the journalistic style // Lektor.com. URL: <https://xn--e1akbokk.com/kultura-rechi-stilistika/sintaksicheskie-osobennosti-publicisticheskogo-45736.html> (data obrashhenija 20.05.2022).
26. Sovremennyy russkij jazyk. Aktivnye processy na rubezhe XX–XXI vv. = The modern Russian language. Active Processes at the turn of the XX–XXI centuries /

otv. red. L. P. Krysin. Moskva : Jazyki slavjanskih kul'tur, 2008. 712 s.

27. Solganik G. Ja. Stilistika teksta = Text stylistics. 3-e izd. Moskva : Flinta: Nauka, 2001. 256 s.

28. Ctecenko A. N. Istoricheskij sintaksis russkogo jazyka = Historical syntax of the Russian language. Izd-e 2-e, ispr. i dop. Moskva : «Vysshaja shkola», 1977. 352 s.

29. Judina N. V. Russkij jazyk v XXI veke: krizis? jevoljucija? Progress? = The Russian language in the 21st

century: crisis? evolution? Progress? Moskva : Gnozis, 2010. 296 s.

30. Hronometr = The chronometer. № 19, 10.05.2022.

31. Shapiro A. B. Oчерки po sintaksisu russkih narodnyh govorov. Stroenie predlozhenija = Essays on the syntax of Russian folk dialects. Sentence structure. Moskva : Izd-vo AN SSSR, 1953. 317 s.

Статья поступила в редакцию 20.05.2022; одобрена после рецензирования 24.06.2022; принята к публикации 23.08.2022.

The article was submitted on 20.05.2022; approved after reviewing 24.06.2022; accepted for publication on 23.08.2022.

Научная статья

УДК 811.161.1

DOI: 10.20323/2499-9679-2022-3-30-60-66

EDN: RISLYE

Особенности номинации времени жизни в русских народных говорах

Михаил Михайлович Кондратенко

Кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка и немецкого языка ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1

mmkondratenko@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8777-541X>

Аннотация. Понятие времени наряду с понятием пространства является одним из самых важных в системе восприятия мира человеком, и поэтому время как объект исследования на протяжении столетий вызывает интерес у представителей разных наук, по-своему объяснявших его сущность и категории. Поскольку язык объективирует представления человека об окружающем мире, то лингвистическая трактовка обладает особой ценностью. С точки зрения семантики, обозначения времени – это фрагмент общей картины мировосприятия, сегментируемой языком, или, говоря иначе, определенной частью содержащейся в языке структуры значений. Номинация времени складывается из различных лексических групп, одну из которых составляют наименования времени жизни. На основании имеющегося лексического материала можно говорить о том, что семантическая структура обозначений времени жизни в ярославских говорах содержит его интерпретацию, во-первых, как настоящего, наблюдаемого говорящим непосредственно, а во-вторых, как ассоциативно связанного с настоящим прошлого или будущего, находящихся друг с другом во взаимосвязи. Настоящее отражается в русском языковом сознании, запечатленном в лексике и фразеологии народных говоров, наиболее часто в качестве постоянно чередующихся и сменяющих друг друга циклов: периодов хозяйственных работ, фенологических сезонов. В итоге на основе собранного корпуса лексики выявлена структура семантического пространства «время жизни» и установлены некоторые особенности его лексического выражения. Таким образом реконструировались значимые элементы русской темпоральной картины мира и способы их языковой манифестации в диалектах.

Ключевые слова: русская диалектология; Ярославский областной словарь; обозначения времени; принципы номинации; семантическая типология; «наивная» / языковая картина мира

Для цитирования: Кондратенко М. М. Особенности номинации времени жизни в русских народных говорах // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 3 (30). С. 60–66. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-3-30-60-66>. <https://elibrary.ru/RISLYE>

Original article

Peculiarities of naming the time of life in russian dialects

Mikhail M. Kondratenko

Candidate of philological sciences, associate professor of language theory and the german language department, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1

mmkondratenko@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8777-541X>

Abstract. The concept of time, along with the concept of space, is one of the most important in the system of human perception of the world, and, therefore, time as an object of study has been of interest for centuries to scientists in different spheres, who explained its essence and categories in their own way. Since language objectifies people's perceptions of the world around them, the linguistic interpretation has a special value. In terms of semantics, time designations are a fragment of the overall picture of the worldview segmented by language, or, in other words, a certain part of the meaning structure in the language. The naming of time is based on various lexical groups, one of which is the names of the time of life. On the basis of the lexical material available, one can say that the semantic structure of naming the time of life in Yaroslavl dialects contains its interpretation, firstly, as the present observed by the speaker directly, and secondly, as the past or the future associated with the present, and interrelated with each other. The present is reflected in the russian linguistic consciousness, imprinted in the vocabulary and phraseology of native dialects, most often as a constantly alternating and replacing each other cycles: periods of household work, phenological seasons. As a

result, on the basis of the collected lexical corpus the structure of the semantic space «time of life» was determined and certain features of its lexical expression were established. In this way some significant elements of the russian temporal picture of the world and the ways of their linguistic manifestation in dialects were reconstructed.

Key words: russian dialectology; Yaroslavl regional dictionary; time designations; nomination principles; semantic typology; «naive» / linguistic picture of the world

For citation: Kondratenko M. M. Peculiarities of naming the time of life in russian dialects. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2022;(3):60–66. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-3-30-60-66>. <https://elibrary.ru/RISLYE>

Постановка проблемы

Осмысление понятия «время» как основополагающего в духовной культуре человечества является, пожалуй, одной из самых древних научных проблем, до сих пор сохраняющих свою актуальность. Уже в античности феномен времени стал важнейшим объектом исследований, в частности в трудах Аристотеля, отмечавшего в качестве значимого признака времени – движение в его непрерывности и цикличности [Аристотель, 1975, с. 164–165]. Категория времени занимала значительное место в трудах И. Ньютона, выделявшего такие разновидности времени, как абсолютное и относительное [Ньютон, 1989, с. 30]; Г. В. Лейбница, писавшего о его бесконечности, вечности и величине [Лейбниц, 1982, т. 1, с. 262, с. 483–484]; И. Канта, констатирующего субъективный характер восприятия времени [Кант, 2015, с. 39–40]. В XX веке научная трактовка времени также становилась задачей исследований для многих ученых, например Р. Карнапа, постулировавшего невозможность воздействия человека на время [Карнап, 1971, с. 135].

Однако не меньший интерес вызывает лингвистическая интерпретация понятия «время», прежде всего с точки зрения языковой сегментации (выделения объектов номинации и их фрагментов) и семантической мотивации наименований (их внутренней формы, в том числе используемой системы образов для реализации значения). Как утверждал М. Хайдеггер, «человек, задумав всмотреться в то, что есть, попадает к языку для того, чтобы удовлетворительным образом определить то, что ему видится» [Heidegger, 1985, s. 9, 10, 12].

Обращение к языку и его семантической сфере заслуживает особого внимания, так как язык аккумулирует в себе не индивидуальное, а коллективное видение понятия «время», характерное для народа или его отдельной этнографической группы.

Методы исследования

Для изучения понятия «время» с целью установить, как оно раскрывается в языке, имеет смысл обратиться к данным народных говоров, которые в отличие от литературного языка, испытывающего различные внешние культурные влияния, представляют картину непосредственного восприятия времени. В этом отношении был предпринят анализ диалектных лексем, локализованных главным образом в говорах Ярославской области (в границах до 1940 года, по материалам Ярославского областного словаря [ЯОС, т. 1–10, 1981–1991]), а также в некоторых других севернорусских говорах; частично привлекались южнорусские диалектизмы. На основе этого корпуса лексики выявлялась структура выбранного для исследования семантического пространства «время жизни» и устанавливались основные принципы номинации. Таким образом реконструировались значимые элементы русской темпоральной картины мира и способы их языковой манифестации в диалектах.

Результаты исследования

Во временной последовательности выделяют периоды, совпадающие с настоящим (то есть современным для живущих сейчас), а также предшествующие ему или следующие за ним; традиционно эти периоды называются настоящим, прошлым и будущим.

Обозначения настоящего. Время жизни – это то, что происходит сейчас. Другого «сейчас» не существует. Поэтому время жизни – это прежде всего настоящее. Его основная функция – придание циклическому времени, его повторяющимся периодам линейного направления.

Срок жизни интересен тем, что он соотносится с понятием времени как такового и непосредственно воспринимается как единственно возможная форма его существования. Л. Раденкович в своей статье сообщает, что, согласно одному преданию, для шахтера, заблудившегося в шахте (его водил

горный дух по яме девять лет, после чего горняк вышел из рудника слепым), время перестает существовать – значит, он пребывает на том свете [Раденкович, 2007, с. 263]. Значение времени жизни говорящего проявляется еще и в том, что это реальная точка отсчета, с которой в дальнейшем соотносятся прошлое и будущее.

Как показывает диалектный материал, важнейшей составной частью обозначений времени жизни, или настоящего, являются наименования циклически повторяющихся сельскохозяйственных и фенологических сезонов, то есть определенной поры, периода, который подходит для той или иной деятельности. Как всякий благоприятный (неблагоприятный) период, пора имеет свои границы, в том числе и точку завершения, по достижении которой она заканчивается или переходит в другое качественное состояние.

Пора, согласно словарю В. И. Даля – это «время, срок, удобное к чему время» [Даль, Т. 3, 1882, с. 319]. Кроме того, пора – это период времени, качество которого определяется иными, не деятельностью аспектами жизни человека: наличием некоего субъекта, объекта или атрибута, свойственного этому периоду и семантически мотивирующего наименование, то есть время определенных природных явлений, политических событий и т. п.

Восприятие времени как поры, подходящей ситуации для чего-либо в ярославских (как и других славянских говорах), если не доминирует, то является очень существенным для его интерпретации, что проявляется в соответствующих номинациях, например в устойчивом выражении *корова на времени* ‘в последний период перед отелом’, в котором лексема с категориальным значением ‘время’ в действительности обозначает лишь один его специфический период, фиксируемой человеком [ЯОС, т. 6, с. 76].

Среди временных циклов настоящего можно выделить ограниченные: а) рамками суток/рабочего дня и б) календарного года.

В семантическом микрополе, представляющем различные интервалы времени в рамках рабочего дня выделяются, в частности, следующие семемы: ‘рабочее время утром, пока не спадет роса’ – \diamond *за росу* [ЯОС, т. 4, с. 52]; ‘часть рабочего дня до завтрака’ – \diamond *до чаю* [ЯОС, т. 4, с. 7]; другими маркируемыми интервалами времени днем являются: ‘время дневной дойки коров’ – *наполдень, наполдни* [ЯОС, т. 6, с. 107].

В ярославских говорах к подобным обозначениям интервалов времени, сопоставимых с эта-

пами работы, относятся, кроме того: \diamond *ранний уповод* [ЯОС, т. 8, с. 120] (*уповод* – ‘часть рабочего дня от отдыха до отдыха, в течение которого выполняется определенная работа’; рабочий день при этом делится на два, три или четыре уповода) [ЯОС, т. 10, с. 16], *утренник* [ЯОС, т. 10, с. 23], *роса* [ЯОС, т. 8, с. 136] в значении ‘часть дня до завтрака’; \diamond *до обед* [ЯОС, т. 4, с. 7], \diamond *утренний уповод* [ЯОС, т. 10, с. 22–23], \diamond *обеденный уповод* [ЯОС, т. 7, с. 8] ‘часть дня до обеда’. Этот промежуток времени может раскрываться в ярославских говорах как прием работы: \diamond *вечерний уповод* [ЯОС, т. 3, с. 13], \diamond *поздний уповод* [ЯОС, т. 8, с. 43], \diamond *последний уповод* [ЯОС, т. 8, с. 71], \diamond *третий уповод* ‘часть дня от обеда до ужина’ [ЯОС, т. 9, с. 117]; *вечерня* ‘время работы на пашне после полудня’ [ЯОС, т. 3, с. 13].

Интервалы времени вечером представлены в ярославских говорах в меньшей степени: \diamond *вечерняя роса* ‘время после ужина’ [ЯОС, т. 3, с. 13]; \diamond *после скотины* ‘время поздно вечером (после возвращения скота с пастбища)’ [ЯОС, т. 8, с. 71]; *подрок* ‘время косьбы вечером’ [ЯОС, т. 8, с. 34].

Кроме того, собранный материал позволяет говорить о запечатленном в народной лексике восприятии календарного года как последовательности различных периодов времени, соответствующих определенным видам сельскохозяйственных работ, например ‘время, когда рубят капусту’ – *капустница* [ЯОС, т. 5, с. 19].

Обычно указание на вид трудовой деятельности и ее фазу сочетаются в семантике слова, однако иногда лексема передает только значение фазы, как в ярославском примере *нива* (1) ‘окончание жатвы’ и 2) ‘окончание какой-либо большой работы, дела’: *завтра у нас нива на сенокосе* [ЯОС, т. 6, с. 146].

В говорах Ярославской области с обозначением фаз трудовой деятельности связаны такие наименования, как *замолот, замолотки, замолотное* ‘первый день молотбы, начало которого сопровождается званым обедом’ [ЯОС, т. 4, с. 86]; *домолотки* (от глагола со значением ‘молотить’) ‘последний этап молотбы, ее окончание, обычно завершавшееся праздником’ [ЯОС, т. 4, с. 13–14]; *докопки* ‘окончание уборки картофеля с полей и праздник по этому поводу’ [ЯОС, т. 4, с. 10]; *засевка* ‘начало сева, первый посев, сопровождающийся традиционным обедом; праздник перед посевом’ [ЯОС, т. 4, с. 100].

(эта семантическая модель повторяется и в других славянских говорах, в частности в северо-западных белорусских: *дамалоткі* ‘завершение молотбы’ [СБГ, т. 2, с. 19]; *дакопкі* ‘окончание выкапывания картофеля’ [СБГ, т. 2, с. 16]; *за-сеўка, засеўкі* ‘начало сева’ [СБГ, т. 2, с. 251]).

Подобные наименования, благодаря их широкой представленности в родственных и генетически удаленных языках, могут служить основанием для работ в русле семантической типологии, основанной на совпадениях или различиях структуры лексического значения, или состава его сем, выявляемых в результате компонентного анализа. Так, для ярославской лексемы *полднище* ‘время дневной дойки коров’ [ЯОС, т. 8, с. 49]; представлено максимальное для этой группы слов количество возможных семантических компонентов: ‘время работы’, ‘часть рабочего времени’, ‘днем’, ‘дойка коров’. Совпадения этих компонентов позволяют увидеть следы общих этапов познавательной деятельности человека даже в лексемах с различным фонетическим обликом.

С номинацией разновидностей сельскохозяйственных работ связаны такие опорные точки отсчета народной хронологии, как *докоски* ‘праздник по случаю завершения сенокоса’ в ярославских говорах [ЯОС, т. 4, с. 10]; название июля *сенозорник* [ЯОС, т. 9, с. 27] раскрывает его как период уборки сена.

Для некоторых циклических периодов хозяйственной деятельности могут использоваться заимствования. Так, в Медвежьегорском районе Карелии отмечена вепская по происхождению (с точки зрения С. А. Мызникова [Мызников, 2003, с. 383]) лексема *вейга* ‘время дня, наиболее удачное для лова рыбы’ (*примечают, что рыба лучше всего по вейгам идет, это в семь утра, значит, в два часа и в пять вечера, вейга — так время называется*). Такие заимствованные языковые единицы чаще всего характеризуются достаточно «узким» значением и связаны с локальными видами трудовой деятельности.

В лексике ярославских говоров происходящие события могут стратифицироваться, кроме того, в рамках определенного фенологического сезона, времени года или определенного месяца: ‘осенью, до выпадения снега’ – \diamond *по голу (сено-то это надо перевозить по голу)* [ЯОС, т. 8, с. 11]; ‘начало зимы’ – *зализье*, доп. сема – ‘первый снег, первые морозы’ [ЯОС, т. 4, с. 72]).

В рамках того или иного времени года также выделяются некоторые периоды по определен-

ной характеристике состояния природы: ‘период времени зимой, когда стоят сильные морозы’ – *трещанка (скоро трещанка начнется)* [ЯОС, т. 9, с. 118]; *полёва, полевница* ‘оттаивание земли весной, период потепления’ (*уже полёва началась, скоро пахать начнем*) [ЯОС, т. 8, с. 50]. Подобные мотивационные признаки могут лежать в основе наименований некоторых месяцев года: ‘май’ – *росеник* [ЯОС, т. 8, с. 136]; ‘октябрь’ – *грязник* [ЯОС, т. 3, с. 113].

Таким образом, наиболее частотным обозначением настоящего в жизни человека являются наименования повторяющихся циклов трудовой деятельности и наблюдаемых говорящим явлений природы.

Прошлое и будущее. Их взаимосвязь. Прошлое и будущее существуют в сознании человека и не наблюдаются непосредственно. Прошлое в номинации дифференцируется сильнее, чем будущее. Следует также отметить, что предшествование намеченному сроку чаще, с точки зрения народной аксиологии, оценивается положительно (при условии выполнения поставленной цели, то есть достижения ее заранее), что проявляется, например, в значении лексемы *загодя* в русских говорах – ‘заранее’.

Среди характерных периодов и интервалов времени, стратифицирующихся в прошлом, в говорах Ярославской области можно отметить такие, как ‘три года назад’ – \diamond *в третьем годе* [ЯОС, т. 2, с. 38]; ‘в позапрошлом году’ – *позалетось* [ЯОС, т. 8, с. 43]; ‘позапрошлым летом’ – *по тот год* [ЯОС, т. 8, с. 11]; ‘прошлой, минувшей весной’ – *вёснись* [ЯОС, т. 3, с. 8–9]; ‘прошлым летом’ – *лони* [ЯОС, т. 6, с. 11]; ‘прошлой осенью’ – *осенесь* [ЯОС, т. 7, с. 56]; ‘прошлой зимой’ – *зимусь* [ЯОС, т. 4, с. 122]; ‘недавно’ – *бывалышни* [ЯОС, т. 2, с. 34]. К этой же группе наименований можно отнести отрезки времени в рамках нескольких дней по отношению к моменту речи: ‘на днях, недавно’ – *ободнясь* [ЯОС, т. 7, с. 16]; ‘прошлой ночью’ – \diamond *по ту ночь* [ЯОС, т. 8, с. 11]; ‘вчера вечером’ – *вечера, вечере* [ЯОС, т. 8, с. 12]; ‘некоторое время тому назад’ – *даве* [ЯОС, т. 3, с. 119].

Периоды времени, стратифицируемые в будущем отличаются меньшим количественным составом: ‘будущий, следующий год’ – \diamond *ленной год* [ЯОС, т. 5, с. 126]; \diamond *ин(ный) год (на ин год останется)* [ЯОС, т. 4, с. 142]; ‘в следующем году’ – *напрок (напрок в школу пойдем)* [ЯОС, т. 6, с. 108].

Сама внутренняя форма слова *прошлое* указывает на то, что это нечто ушедшее. Однако лексический материал представляет нам два вида прошлого: с одной стороны, это события, навсегда удаленные от говорящего, с другой – это одна из метафор циклических событий, которая не исчезает, но периодически повторяется и во многом определяет представления говорящего о будущем.

Так, время в его обозначениях в качестве родового понятия может быть представлено как бесконечность, что выражается в наличии общего фрагмента семантической сферы когнатов праславянского **věkъ*. В севернорусских говорах *век* – это ‘срок жизни’, но, помимо этого, ‘никогда’ и ‘издавна’ [СРНГ, т. 4, с. 99–100]).

Традиционно постулируемое деление временной последовательности на прошлое, настоящее и будущее на самом деле не отличается четкими границами. Прошлое переходит в настоящее, создает его и исчезает в нем, а настоящее существует, порождая будущее. Однако, представляя будущее, говорящий переносит моменты прошлого по другую сторону от актуальной точки отсчета на оси времени. В говорах Брянской области отмечена лексема *абратна* в значении ‘опять’: *абратна снег буде* [Расторгуев, 1973, с. 30]. Повторение события, относящееся к будущему, здесь воспринимается как движение назад.

В какой-то степени прошлое представляется нам началом потока линейного времени, а будущее – тем его концом, который доступен сознанию говорящих, в известной мере ограниченному рамками рациональной возможности восприятия действительности человеком. Поэтому для характеристики будущего важно исследование семантики «конца». Собранный материал демонстрирует многообразные способы обозначения окончания, завершения тех или иных времен, в том числе времени жизни.

В этом отношении стоит обратить внимание на еще одно зафиксированное значение лексемы *век* (помимо значения, свойственного литературному языку), а именно: ‘конец чего-нибудь’ (*и веку ему не буде* [Расторгуев, 1973, с. 63]).

Характерной особенностью народного восприятия времени, запечатленного в народных говорах, является отсутствие прерывности и линейной последовательности между прошлым, настоящим и будущим, между ними существует тесная связь, реализуемая в семантической сфере словарного состава и устойчивых выражений. В этом отношении особый интерес вызывают лек-

семы, семантика которых синтезирует в себе представление о времени как о едином пространстве, фрагменты которого, скорее, дополняют друг друга, а не противопоставляются. В частности, это может выражаться в сочетании значений, отсылающих нас то в прошлое, то в будущее: так, в ярославских говорах лексема *напередки* обладает значениями как ‘в будущем’, так и ‘сперва, сначала’ (то есть, фактически – в прошлом) [ЯОС, т. 6, с. 108].

И. М. Тронский, в свете задач реконструкции общеиндоевропейского глагольного строя, писал: «Будущее как объективная понятийная категория предполагает уже развитое представление о закономерности мира. Пока этого нет, люди говорят о будущем как о сфере своих ожиданий, предположений, пожеланий и т. д., и для его выражения служат модальные категории» [Тронский, 1967, с. 92]. То есть в представлениях о будущем запечатлен опыт жизни в прошлом. Именно этот феномен, возможно, отражается и в лексике, обозначающей одновременно прошлое и будущее.

Таким образом, можно говорить о времени жизни как о некоем едином пространстве, содержащем, с одной стороны – повторяющиеся циклы, с другой – линейную последовательность с отмеченными на ней пунктами, удаленными в той или иной степени от настоящего, от «сейчас».

Связь с категориями пространства представляется одним из важнейших способов раскрытия понятия времени. С. М. Толстая отмечала невозможность «глубокого раскрытия этих концептов без соотнесения их друг с другом, без понимания внутренней связи пространства и времени ... мы говорим о времени на языке пространства ... при этом пространство – всего лишь локус, в котором разворачивается жизнь природы и человека, оно «вместилище» жизни, тогда как время – это сама жизнь, однако ее течение уподобляется движению предмета (человека) в пространстве» [Толстая, 2011, с. 8].

Похожую точку зрения на особенности восприятия времени и пространства в традиционной культуре высказывал А. Я. Гуревич: «время, как и пространство, может быть добрым и злым, благоприятным для одних видов деятельности и опасным, враждебным для других» [Гуревич, 1984, с. 46].

Однако преимущественно субъективный характер восприятия и презентации в языке времени (по сравнению с аналогичными процессами

по когнитивному освоению пространства) приводит к более многочисленным и качественно разнообразным способам его «наивной» классификации.

Пространственные характеристики часто используются для определения меры времени, например: *по край свету* – ‘очень давно’ (*это было по край свету, и никто уж не помнит теперь*) [ЯОС, т. 8, с. 11]. Так, лексема *выход*, которая обозначает, согласно Большому академическому словарю русского языка, действие по глаголу *выходить* [БАС, т. 3, с. 627] и соотносится прежде всего с физическим пространством в разных его проявлениях, отмечена в ряде говоров современных Ярославской и Костромской областей в значениях ‘время, период’ и ‘смерть’: *я не прежнего выхода, трещит в избе подоконный угол – к выходу* (к смерти) [ЯОС, т. 3, с. 60; СРНГ, т. 6, с. 52]. Здесь можно вспомнить, что «именно смертность всего живого определяет отношение человека к жизни» [Жельвис, 2012, с. 168]. Другими словами, понятие смерти как границы времени жизни, а также способы его репрезентации в языке/диалекте являются крайне важными для оценки системы обозначений времени изучаемого идиома.

В архангельских говорах полисемичная лексема *выход* обозначает, помимо окончания жизни вне брака также ‘истечение срока или конец существования чего-либо’ [Арх., 1998, с. 358]. Лексемы, производные от *-вход-* обозначают, наоборот проникновение во временное пространство. Так, в пермских и вятских говорах зафиксировано следующее высказывание: *настоящего пона у нас нет, а служит входящий* (то есть временный) [СРНГ, т. 5, с. 240]. Другими словами, в диалектной лексике наблюдается восприятие времени жизни как своеобразного пространства, в которое можно входить и которое можно покидать.

Выводы

Анализируя состав языковых единиц, репрезентирующих время жизни в лексике русских народных говоров, можно прийти к выводу, что оно представлено настоящим, складывающемся прежде всего из сменяющих друг друга циклов хозяйственной деятельности, а также отображением в языке наблюдаемых природных явлений. Это настоящее воспринимается как преходящее, конечное пространство, в которое можно войти и из которого – выйти. Вместе с тем время жизни осознается не только как актуальное «сейчас»,

обладающее концом существования, но и как фрагмент абсолютного времени, находящийся в вечном временном пространстве, включающем в себя также прошлое и будущее. Языковые данные указывают на различные варианты интерпретации актуальности и вечности. Лингвистический материал свидетельствует о спиралевидной модели связи в сознании ограниченного во времени и бесконечного, то есть настоящего и связанных с ним прошлого и будущего.

Библиографический список

1. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 1 / ред. В. Ф. Асмус. Москва : Мысль, 1975. 550 с.
2. Арх. – Архангельский областной словарь. Вып. 8. Москва : Изд-во МГУ, 1993. 432 с.
3. БАС – Большой академический словарь русского языка. Т. 3 / ред. К. С. Горбачевич. Санкт-Петербург : Наука, 2005. 664 с.
4. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. Изд. 2. Москва : Искусство, 1984. 350 с.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3 Санкт-Петербург, Москва : издание М. О. Вольфа, 1882. 576 с.
6. Жельвис В. И. Смерть в немецких эвфемизмах // Ярославский педагогический вестник. Гуманитарные науки: научный журнал. Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2012. № 4. Том I (Гуманитарные науки). С. 168–174.
7. Кант И. Критика чистого разума. Москва : Эксмо, 2015. 880 с.
8. Карнап Р. Философские основания физики. Москва : Прогресс, 1971. 391 с.
9. Лейбниц Г. В. Сочинения в четырех томах. Т. I / ред. и сост. В. В. Соколов; перевод Я. М. Боровского и др. Москва : Мысль, 1982. 636 с.
10. Мызников С. А. Русские говоры Обонежья. Ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения. Санкт-Петербург : Наука, 2003. 540 с.
11. Ньютон И. Математические начала натуральной философии. Москва : «Наука», 1989. 690 с.
12. Раденкович Л. «Беркман» и другие духовладельители земных недр у славян // Восток и Запад в балканской картине мира. Памяти Владимира Николаевича Топорова. Москва : «Индрик», 2007. 352 с.
13. Расторгуев П. А. Словарь народных говоров Западной Брянщины (Материалы для истории словарного состава говоров) / ред. Е. М. Романович. Минск : Наука и техника, 1973. 296 с.
14. СБГ – Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча в 5 т. Мінск : Вышэйшая школа, 1981-1986.
15. СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Т. 1 / гл. ред. А. С. Герд. Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 1994. 512 с.
16. СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1–52. Санкт-Петербург : Наука, 1965–2021.

17. Толстая С. М. Пространство и время в этнолингвистической перспективе // Пространство и время в языке и культуре / отв. редактор С. М. Толстая. Москва : Индрик, 2011. 368 с.

18. Тронский И. М. Общеευропейское языковое состояние (вопросы реконструкции). Ленинград : «Наука», 1967. 104 с.

19. ЯОС Ярославский областной словарь в 10 т. Ярославль : Издательство ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 1981–1991.

20. Heidegger Martin Die Sprache // Gesamtausgabe. I Abteilung: Veröffentlichte Schriften 1910–1976. Band 12. Unterwegs zur Sprache. Frankfurt am Main : Vittorio Klostermann GmbH, 1985. 262 S.

Reference list

1. Aristotel'. Sochinenija v chetyreh tomah. T. 1 = Aristotle. Works in four volumes. V. 1 / red. V. F. Asmus. Moskva : Mysl', 1975. 550 s.

2. Arh. – Arhangel'skij oblastnoj slovar' = Arkh. – Arkhangelsk regional dictionary. Vyp. 8. Moskva : Izd-vo MGU, 1993. 432 s.

3. BAS – Bol'shoj akademicheskij slovar' russkogo jazyka = BAD – The Big Academic Dictionary of the Russian language. T. 3 / red. K. S. Gorbachevich. Sankt-Peterburg : Nauka, 2005. 664 s.

4. Gurevich A. Ja. Kategorii srednevekovoj kul'tury = Medieval culture categories. Izd. 2. Moskva : Iskustvo, 1984. 350 s.

5. Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka = Explanatory dictionary of the Great Russian language. T. 3 Sankt-Peterburg, Moskva : izdanie M. O. Vol'fa, 1882. 576 s.

6. Zhel'vis V. I. Smert' v nemeckih jevfemizmah = Death in German euphemisms // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. Gumanitarnye nauki: nauchnyj zhurnal. Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU, 2012. № 4. Tom I (Gumanitarnye nauki). S. 168–174.

7. Kant I. Kritika chistogo razuma = The Critique of Pure Reason. Moskva : Jeksmo, 2015. 880 s.

8. Karnap R. Filosofskie osnovanija fiziki = Philosophical foundations of physics. Moskva : Progress, 1971. 391 s.

9. Lejbnic G. V. Sochinenija v chetyreh tomah = Works in four volumes. T. I. / red. i sost. V. V. Sokolov; perevod Ja. M. Borovskogo i dr. Moskva : Mysl', 1982. 636 s.

10. Myznikov S. A. Russkie govory Obonezh'ja. Areal'no-jetimologicheskoe issledovanie leksiki pribaltiysko-finskogo proishozhdenija = Russian dialects of Obonezh'ye. Areal etymological Baltic-Finnish vocabulary studies. Sankt-Peterburg : Nauka, 2003. 540 s.

11. N'juton I. Matematicheskie nachala natural'noj filozofii = Mathematical Principles of Natural Philosophy. Moskva : «Nauka», 1989. 690 s.

12. Radenkovich L. «Berkman» i drugie duhivlastiteli zemnyh nedr u slavjan = «Berkman» and other Slavic spirits ruling the earth's depths // Vostok i Zapad v balkanskoj kartine mira. Pamjati Vladimira Nikolaevicha Toporova. Moskva : «Indrik», 2007. 352 s.

13. Rastorguev P. A. Slovar' narodnyh govorov Zapadnoj Brjanshhiny (Materialy dlja istorii slovarnogo sostava govorov) = Dictionary of popular dialects of the Western Bryansk region (Materials for the history of dialectal vocabulary) / red. E. M. Romanovich. Minsk : Nauka i tehnika, 1973. 296 s.

14. SBG – Složnik belaruskich gavorak paŭnochnazahodnjaj Belarusi i jae pagranichcha v 5 t. Minsk : Vyshhejschaja shkola, 1981–1986.

15. SRGK – Slovar' russkich govorov Karelii i sopredel'nyh oblastej = DRDK – Dictionary of Russian dialects in Karelia and neighboring regions. T. 1 / gl. red. A. S. Gerd. Sankt-Peterburg : Izd-vo SPbGU, 1994. 512 s.

16. SRNG – Slovar' russkich narodnyh govorov = DRFD – Dictionary of Russian folk dialects. Vyp. 1–52. Sankt-Peterburg : Nauka, 1965–2021.

17. Tolstaja S. M. Prostranstvo i vremja v jetnolingvističeskoj perspektive = Space and time in ethnolinguistic prospect // Prostranstvo i vremja v jazyke i kul'ture / отв. редактор С. М. Толстая. Moskva : Indrik, 2011. 368 s.

18. Tronskij I. M. Obshheevropejskoe jazykovoe sostojanie (voprosy rekonstrukcii) = The Pan-European linguistic state (Reconstruction issues). Leningrad : «Nauka», 1967. 104 s.

19. ЯОС – Ярославский областной словарь в 10 т. = YRD – Jaroslavl regional dictionary. Jaroslavl' : Izdatel'stvo JaGPU im. K.D. Ushinskogo, 1981–1991.

20. Heidegger Martin Die Sprache // Gesamtausgabe. I Abteilung: Veröffentlichte Schriften 1910–1976. Band 12. Unterwegs zur Sprache. Frankfurt am Main : Vittorio Klostermann GmbH, 1985. 262 S.

Статья поступила в редакцию 21.05.2022; одобрена после рецензирования 26.06.2022; принята к публикации 23.08.2022.

The article was submitted on 21.05.2022; approved after reviewing 26.06.2022; accepted for publication on 23.08.2022.

Научная статья

УДК 811.161.1'373.211 +811.161.1'373.46 +81'276.6:81

DOI: 10.20323/2499-9679-2022-3-30-67-75

EDN: RLQZRC

Современная ономастическая терминология: проблема понимания и перспективы развития

Елена Андреевна Казнина

Аспирант кафедры русского языка ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
kaznina.elena@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8607-4814>

Аннотация. В статье анализируются ономастические термины, которые используются в разных странах при описании городского онимического пространства. На современном этапе развития ономастики лингвисты столкнулись с проблемой понимания текстов, поскольку существующая терминология на разных языках не унифицирована. Соотнести термины различных национальных систем не всегда возможно из-за разницы объёма понятия. Автор отмечает, что попытки упорядочить существующие терминологические системы предпринимались венгерскими, немецкими, русским и белорусским ономотологами, однако полностью устранить разночтения не удаётся. Это обусловлено тем, что учёные, говорящие на одном языке, не всегда могут найти единое решение, работы зарубежных коллег не всегда известны. При описании внутригородских объектов ономотологами используются такие термины, как *урбаноним*, *годоним*, *агороним*, *эккезионим*, *эргоним*, *ойкодомоним* и др. При трактовке этих терминов лингвистами европейских стран обнаруживаются существенные различия, в их работах встречаются разнообразные описательные эквиваленты. Автор статьи отмечает черты, которые свойственны англоязычной, русской, венгерской, болгарской и другим терминологическим системам. Несмотря на существующую базу терминов Международного совета по ономастическим наукам (International Council of Onomastic Sciences), единого списка терминов создать не удалось, поэтому решение этой проблемы остается актуальным. В статье подводятся некоторые итоги исследований разных терминологических аппаратов, что может быть актуально при дальнейших попытках привести к единообразию отечественную и международную ономастическую терминологию.

Ключевые слова: ономастика; топонимика; ономастическая терминология; оним; имя собственное; урбаноним; годоним; агороним; эргоним; экклезионим; ойкодомоним; ICOS

Для цитирования: Казнина Е. А. Современная ономастическая терминология: проблема понимания и перспективы развития // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 3 (30). С. 67–75. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-3-30-67-75>. <https://elibrary.ru/RLQZRC>

Original article

Modern onomastic terminology: the problem of understanding and prospects of development

Elena A. Kaznina

Postgraduate student of the Russian language department, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1
kaznina.elena@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8607-4814>

Abstract. This article deals with onomastic terms that are used in different countries to describe urban space. At this stage in the development of onomastics, linguists are faced with the problem of understanding texts, because the existing terminology in different languages is not unified. It is not always possible to correlate the terms of different national systems due to the difference in the scope of the concept. The author writes about the attempts to streamline the terminological system that were made by Hungarian, German, Russian, Belarusian onomatologists, but it is not possible to completely eliminate discrepancies. This is connected to the fact that scientists who speak the same language cannot find a common solution, and the works of foreign colleagues are not always familiar to them. *Urbanonym*, *odonym*, *agoronym*, *ekkesionym*, *ergonym*, *oikodomonym* are used by onomatologists to describe objects in a town or a city. There are significant differences in the way European linguists interpret these terms, and there are various descriptive equivalents in their works. The author notes the features that are common to the English, Russian, Hungarian, Bulgarian and other terminological systems. Despite the existing database of Key Onomastic Terms by the International Council

of Onomastic Sciences, no unified list of terms has been created, so the solution of this problem remains relevant. The article summarizes some results of studying different terminological apparatuses, which may be relevant in further attempts to bring russian and international onomastic terminology to uniformity.

Key words: onomastics; toponymy; onomastic terminology; onym; proper name; urbanonym; odonym; agoronym; ergonym; ekklesionym; oikodomonym

For citation: Kaznina E. A. Modern onomastic terminplogy: the problem of understanding and prospects of development. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2022;(3):67–75. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-3-30-67-75>. <https://elibrary.ru/RLQZRC>

Введение

Ономастика – современная лингвистическая наука, активно развивающаяся в настоящее время во многих странах мира. Исследования ученых, как правило, связаны с анализом набора онимических единиц, объединенных закреплением на отдельной локальной территории, функционированием в определенном временной период и используемых в различных ситуациях общения. Несмотря на схожесть применяемых при изучении имен собственных методологических приемов, ониматологи из разных стран часто расходятся в использовании терминологии, ее понимании. По этой причине оптимизация и уточнение существующих терминов является актуальной задачей современной науки.

При написании совместных работ или выступлении на международных конференциях ученые часто сталкиваются с тем, что термины и их понимание довольно часто расходятся в работах коллег из разных стран. Т. Фаркаш отмечает, что подходящая терминология в определенной области – это предпосылка эффективного профессионального общения и прогресса в науке на национальном и международном уровнях [Farkas, 2014, с. 14]. По мнению Е. Шохенмайера, ониматологами проделана большая работа по теоретической и прикладной ономастике, однако зачастую лингвисты не знакомы с работами друг друга, поэтому для достижения понимания между учеными со всего мира должно быть организовано тесное сотрудничество для обмена мнениями по вопросам терминологии [Shokhenmayer, 2014, с. 8]. Актуальность подобной работы подтверждается ростом числа публикаций, посвященных данному вопросу. Так, в России в течение последнего десятилетия к вопросам ономастической терминологии обращались Т. В. Шмелева [Шмелева, 2013], Г. Б. Мадиева и В. И. Супрун [Мадиева, 2017], А. М. Мезенко [Мезенко, 2022], Р. В. Разумов [Разумов, 2015(а); 2015(б)], Р. В. Разумов и С. О. Горяев [Разумов, 2019].

Целью настоящей статьи является анализ су-

ществующих российских и зарубежных терминов, используемых при описании городского онимического пространства, новых подходов к пониманию специфики имени собственного. Обращение к данному вопросу обусловлено ростом интереса ученых из разных стран к изучению лингвистического ландшафта (linguistic landscape) населенного пункта. Данный термин, активно используемый в социолингвистике, семиотике и политической лингвистике, включает названия дорожных знаков, рекламных баннеров, названия улиц, мест, вывесок магазинов и правительственных зданий определённой территории, региона или городской агломерации [Puzey, 2018, с. 396].

История вопроса

Первоначально российская и международная ономастическая терминология складывалась во многом стихийно на основе элементов, заимствованных из греческого и латинского языков. С ростом числа исследований возникла потребность в унификации терминов, что и происходило как в отдельных странах, так и в рамках стран, имеющих тесные активные научные контакты. Так, Т. Фаркаш отмечает, что первыми появились словари на немецком (Witkowski, 1964), украинском (Нимчук, 1966) и сербском (Петр, 1969) языках [Farkas, 2017, с. 65]. На основе анализа работ ученых из славянских стран были созданы своды славянской ономастической терминологии: «Základní soustava a terminologie slovanské onomastiky» (Общеславянский терминологический ономастический словарь) [ZSTSO, 1973] и «Основен систем и терминологија на словенската ономастика» (Основная система и терминология славянской ономастики) [ОСТСО, 1983]. На основе данных работ появились справочники отдельных стран. Так, в СССР Н. В. Подольской в 1978 году был издан «Словарь русской ономастической терминологии» [Подольская, 1978], получивший спустя 10 лет второе дополненное и переработанное издание.

В настоящее время вопросы нормализации

международной ономастической терминологии обсуждаются в рамках Международного совета по ономастическим наукам (International Council of Onomastic Sciences, далее – ICOS). ICOS был подготовлен «Список ключевых ономастических терминов» [ICOS List], содержащий ограниченное количество базовых понятий, необходимых для изучения различных разрядов имен собственных. Недостатки данного перечня активно обсуждаются не только в российской [Разумов, 2019], но и зарубежной науке [Valentova, 2020; Shokhermayer, 2014]. Так, И. Валентова проводит сравнение словацкой терминологии и терминологии ICOS. Автор отмечает, что формирование словацкой ономастики происходило в два этапа: первый этап – в 1960–1980-е, второй этап – с 1990-х гг. по настоящее время [Valentova, 2020, с. 292]. И. Валентова видит необходимость в систематизации и упорядочении терминологии, так как из-за появления большого количества работ по ономастике начинают стихийно появляться новые понятия. Связано это с отсутствием унифицированного терминологического аппарата и желанием лингвистов проявить творческий подход при описании определенных явлений. И. Валентова подготовила список терминов для Международного совета по ономастическим наукам, который был одобрен Словацкой ономастической комиссией.

Количество созданных к настоящему моменту работ позволяет дать оценку ономастической терминологии и выявить основные проблемы, требующие решения для осуществления адекватной коммуникации ученых из разных стран.

Понятие имени собственного

Анализ изученной литературы показал, что понимание границ имени собственного различно в лингвистических традициях разных стран.

Традиционное понимание имени собственного отражено в «Словаре русской ономастической терминологии» Н. В. Подольской: «Оним (*онома, собственное имя*) – слово или словосочетание, которое служит для выделения именуемого им объекта среди других объектов: его индивидуализации и идентификации; в том числе антропоним, топоним, зооним, фитоним, анемоним, хромоним, астроним, космоним, теоним, идеоним, хрематоним, которые составляют различные разряды онимов» [Подольская, 1988, с. 91]. В настоящее время многие ученые считают, что это определение следует дополнить, так как имена собственные могут быть выражены не только

словом или словосочетанием, но и предложением [Мезенко, 2022, с. 198].

В. Бланар сравнивает разные точки зрения на изучение имен собственных и отмечает, что некоторые воспринимают онимы как знаки, которые понятны всем (Крипке (Kripke), Милл (Mill) и др.), для других же это слова с особым значением, большим, чем у апеллятива (Есперсен (J. O. Jespersen), Хансак (Hansack) [Blanar, 2009, с. 95].

В. Ван Лангендонк и М. Ван де Велде проводят анализ некоторых взглядов на определение имени собственного и приходят к следующему выводу: имена собственные в английском языке отличаются от нарицательных тем, что они способны использоваться как определяющий элемент, например, *Fido the dog*, где Fido – имя собственное [Van Langendonck 2018, с. 21]. Лингвисты отмечают похожую ситуацию для всех индоевропейских языков. В рассуждениях об имени как наиболее типичной номинальной категории выделяют такую характерную черту онимов, как наличие немаркированного признака [Van Langendonck, 2018, с. 21]. По мнению ученых, имя собственное не дает характеристику объекту, оно отталкивается от признаков называемого предмета, но не указывает на них, являясь чистым знаком. В. Ван Лангендонк и М. Ван де Велде приводят мнение Дж. М. Андерсона, что имена собственные из-за своей функции выступают как индексальные знаки и сближаются с местоимениями [Van Langendonck, 2018, с. 21].

Датский лингвист В. Далберг считает, что в рамках ономастики имена собственные имеют особое значение. Ученый отмечает, что их необходимо отличать апеллятивов, которые могут переходить в онимы. Автор полагает, что после перехода в имена собственные, слово какое-то время может являться и апеллятивом.

Х. Моченбахер пишет о том, что имя собственное часто сравнивается с нарицательными именами существительными и личными местоимениями, поскольку имеет с ними общие характеристики [Motschenbacher, 2020, с. 90]. Автор считает важным отличать понятия *proper nouns* (собственные имена существительные) от *proper names* (имена собственные). Первые слова призваны называть определенные объекты – людей, города или страны, они формируются из одного слова с заглавной буквы, в то время, как вторые включают в себя одиночные имена собственные (*London*), комбинации имен собственных (*London Heathrow*), измененные имена собственные

(*Greater London*), комбинацию нарицательного существительного и имени собственного (*London Bridge*), именную фразу с именем собственным (*Tower of London*), описательные фразы без каких-либо имен собственных (*Tower Bridge*) [Motschenbacher, 2020, с. 90]. Таким образом, в зависимости от выбранной точки зрения мы можем трактовать по-разному онимы, называющие класс объектов. На наш взгляд, такое разделение на подгруппы может использовать при рассмотрении способов образования имен собственных с точки зрения грамматики, потому что при углубленном изучении семантики это может мешать. Сам автор отмечает, что самое главное противопоставление заключается в использовании имен собственных либо в единственном, либо во множественном числе, а также их функции выделять отдельные предметы из класса подобных [Motschenbacher, 2020, с. 91]. Сходство с местоимениями, по мнению Х. Моченбахера, наблюдается в том, что функция имен собственных отсылает к объекту, а не описывает его [Motschenbacher, 2020, с. 90].

Таким образом, изучение имен собственных должно проводиться с целью выявления определенных критериев, которые отличают их от другой лексики.

Современная урбанонимическая терминология и проблема ее унификации

Каждый язык уникален, имеет своеобразный лексический состав, формирующийся под влиянием истории и культуры народа. Аналогичную картину мы наблюдаем и в сфере имен собственных, которые функционируют в языке.

Родовым для системы внутригородских онимов является термин *топоним*, который входит в систему ономастических терминов многих стран. Так, Ф.-А. Урсини пишет о топонимах (*toponyms*) как «элементах лексики, которые функционируют как названия для места» [Ursini, 2020, с. 1]. В англоязычных исследованиях для подобных имен собственных используется термин *place-name* (имя собственное места) [см., например: Dalberg, 2008]. В качестве синонима к термину *топоним* могут использоваться различные описательные обороты. Например, М. Рутковский употребляет термин *geographical name* (географическое название) [Rutkowski, 2019, с. 262]. Он указывает на то, что имена собственные становятся «инструментом власти символов»; воплощают различные ценности, которые отражаются в имени собственном.

Наиболее крупным разрядом топонимов, функционирующим в онимическом пространстве города, являются *хоронимы* – «Класс топонима. Собственное имя любой территории, области, района, в том числе х.<ороним> административный, городской, природный» [Подольская, 1988, с. 145]. В терминологии, предложенной ICOS, встречается данный термин, но соотносится он с английским *choronym* частично, под ним понимается имя собственное более крупной географической или административной единицы земли [ICOS List]. В определении не отражено, что он может использоваться при описании районов города. В некоторой степени *choronym* ICOS соотносится с термином *settlement name* («название поселения»). К. Хаф дает следующее определение последнему: это прототип топонима, обозначающий районы, где люди живут вместе в сообществах [Hough, 2018, с. 87]. Различие в этих терминах очевидно, несмотря на похожие характеристики.

Термин *урбаноним* является ключевым при описании онимического пространства города в отечественной ономастике. Его определение находим в «Словаре русской ономастической терминологии» Н. В. Подольской: «Урбаноним – Вид топонима. Собст.<венное> имя любого внутригородского топографического объекта, в том числе агороним, годоним, название отдельного здания, хороним городской» [Подольская, 1978, с. 154]. Из словарной статьи можно сделать вывод о гиперо-гипонимических отношениях термина, имеющих подразряды онима. Российские ономатологи характеризуют урбаноним примерно одинаково, допуская небольшие модификации. Так, Г. Б. Мадиева и В. И. Супрун определяют урбаноним как «название внутригородского объекта, способное выполнять адресную функцию» [Мадиева, 2017, с. 116].

Термин *урбаноним* встречается и в работах ученых из других стран. М. Рутковский использует его в составном термине *урбанонимическое пространство* (*urban space*) [Rutkowski, 2019, с. 264]. Для обозначения городского пространства автор использует описательное выражение *public space place names* («названия общественных мест»), к которым по большей части отнесены названия улиц. Ф.-А. Урсини относит к *урбанонимам* (*urbanonyms*) – названия мест, составляющих «части» городского ландшафта, а также определяет их как подтип топонима [Ursini, 2020].

В зарубежной, прежде всего англоязычной

ономастике в работах ученых встречается описательный оборот *street name* ('название улицы'), который также выступает в качестве термина [см., например: Dalberg, 2008, с. 52; Rutkowski, 2019, с. 267]. При описании пространства города ученые используют термины *toponym* ('топоним') или *place-name* ('название места') [см., например: Ainiāla, 2018, с. 371]. Наши наблюдения подтверждают вывод Р. В. Разумова и С. О. Горяева о том, что «понятие урбанонима не сформировано в западноевропейской ономастике» [Разумов, 2019, с. 141].

Для обозначения названий линейных объектов города в российской ономастике применяется термин *годоним* – «Вид урбанонима. Название линейного объекта в городе, в т. ч. проспекта, улицы, линии, переулка, проезда, бульвара, набережной» [Подольская, 1988, с. 52]. Это определение дополнено Т. В. Шмелевой, которая внесла некоторые уточнения: «<...> тупика, шоссе в его городской протяженности» [Шмелева, 2013, с. 145]. Данный термин встречается во многих работах российских ономатологов, однако понимается он по-разному. Л. В. Егорова при анализе данного термина выделила три основных значения. Ряд лингвистов (Н. В. Подольская, А. Ю. Асанов, Е. Н. Бекасова, И. Б. Горланова, Н. Ю. Забелин, Ю. Г. Пушкарёва и др.) понимают *годоним* как «вид урбанонима; название линейного объекта в городе, в том числе проспекта, улицы, линии, переулка, проезда, бульвара, набережной» [Егорова, 2018, с. 225]. Другие ученые включают в него и названия точечных объектов, несмотря на наличие термина *агороним* (С. В. Ганова, Т. А. Голикова, Л. Н. Рабаданова и др.). Третья точка зрения связана с широким толкованием *годонима* – «название адресного объекта (улицы, переулка, площади, бульвара и т.п.) в городе и населённом пункте сельского типа» [Егорова, 2018, с. 225]. На наш взгляд, логичным будет использовать термин *годоним* для обозначения имен собственных любых линейных объектов, расположенных внутри населенного пункта. Для обозначения названий точечных адресных объектов следует употреблять термин *агороним* – «Вид урбанонима. Название городской площади, рынка» [Подольская, 1988, с. 27]. Г. Б. Мадиева и В. И. Супрун называют *годонимы* и *агоронимы* ядерными урбанонимами.

В зарубежной ономастике термин *годоним* также используется. Б. Нитлинг употребляет термин *odonum* (одоним) для обозначения названий улиц, однако в самом исследовании приме-

няет термин *street name* ('название улицы') [Neethling, 2018, с. 144]. Р. В. Разумов и С. О. Горяев указывают, что в практике русской ономастики термин *годоним* передается иначе из-за разночтения, вызванного «традиционной передачей в латинском корня греческого ὁδός 'дорога' как *hod-*» [Разумов, 2019, с. 138].

Ф.-А. Урсини использует для названий улиц термин *годонимы* (*hodonyms*) в понимании, близком тому, которое принято в работах русских и белорусских ономатологов. Однако для названий площадей автор использует иной термин – *дромоним* [Ursini, 2020, с. 2], значение которого не соотносится с отечественной традицией. Н. В. Подольская определяет *дромоним* как «собственное имя любого пути сообщения: наземного, водного, подземного, воздушного» [Подольская, 1988, с. 57]. Отличие состоит еще и в том, что в работе А.-Ф. Урсини термин используется для номинации площадей – точечных внутригородских объектов, а у Н. В. Подольской это названия путей сообщения, которые не являются частью городского ландшафта.

Особый пласт городских онимов образуют названия зданий и культовых сооружений. Т. В. Шмелева указывает на их важную характеристику – фиксацию в официальных документах [Шмелева, 2020, с. 32]. Подобные имена собственные обозначают точечные внутригородские объекты, поэтому они являются подразрядами урбанонимов.

Для обозначения названий культовых сооружений в русской ономастике используется термин *экклезионим* – «Класс топонима. Собственное имя места совершения обряда, места поклонения любой религии; в том числе название церкви, часовни, креста, отдельно стоящего алтаря, священных камня, источника, дерева» [Подольская, 1988, с. 149]. В рассмотренных нами работах не встречаются упоминания о культовых сооружениях. Исключением является статья М. Влаховой-Ангеловой, в которой описывается болгарская ономастика начала XXI века. По мнению автора, изучение экклезионимов можно считать особым аспектом топонимических исследований [Vlahova-Angelova, 2020, с. 30]. Рассмотрение названий культовых сооружений происходит отдельно от других типов географических названий, что обусловлено их специфическими характеристиками.

В русскоязычной традиции используется термин *ойкодомоним*, который Н. В. Подольская определяет как «имена собственные зданий»

[Подольская, 1988, с. 88]. Р. В. Разумов отмечает, что нельзя относить к данному разряду собственных имен *эргонима*, называющие организацию, так как *ойкодомоним* – наименование здания [Разумов, 2015(6)]. Р. В. Разумов и С. О. Горяев отмечают, что в Списке ключевых ономастических терминов ICOS для обозначения названий здания используется термин *ойконим* ('название дома или иного здания'), который в перечнях на французском, английском и немецком языках заменен описательными конструкциями (англ. *settlement name*, нем. *siedlungsname*, фр. *nom d'habitat*). Подобное толкование термина *ойконим* противоречит славянской традиции, в которой принято иное его понимание: «собственное имя всех видов населенных пунктов (городов, поселков, деревень, хуторов, ферм, ранчо, жилищ и др.» [Разумов, 2019, с. 139].

Еще одним спорным аспектом является понимание термина *эргоним* – «Разряд онима. Собственное имя делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка» [Подольская, 1988, с. 151]. В этом определении отсутствуют характеристики, позволяющие отнести подобные онимы к урбанонимам, однако эргонимы в устной речи способны выполнять адресную функцию, которая для них является второстепенной.

В зарубежной ономастике термин *эргоним* практически не используется. Вместо него употребляются местные аналоги. Так, Т. Фаркаш отмечает различие в определении *торгового имени* в английском языке, где используются два термина: *brand name* ('имя бренда') и *trade name* ('торговая марка'), причем оба названия на русский могут переводиться как *торговая марка* [Farkas, 2014; Farkas, 2017]. П. Сjöblom четко разграничивает понятия *brand name* – это объединенное название для *company names* ('названий компаний'), *product names* ('названий продуктов') и *trademarks* ('товарных знаков') [Sjöblom, 2018, с. 454]. Термин *trademark* соотносится с *trade name* ('торговой маркой') – «официально зарегистрированный или иным образом защищенный знак, относящийся к продукту или группе продуктов специального производства» [Sjöblom, 2018, с. 454]. Отдельно существует термин *company name* (название компании) – это «выражение, которое относится к определенному бизнесу, идентифицирует компанию и ее деятельность и отличает их от других компаний» [Sjöblom, 2018, с. 454]. Он имеет си-

нонимы *business name* ('название бизнеса') или *firm name* ('название фирмы'). Все эти термины объединяются под *commercial names* ('коммерческим названием'). П. Сjöblom упоминает термин *ergonym* (эргоним), предложенный в немецкой ономастике Г. Бауэром. Под этим термином объединяется широкий круг объектов, созданных и именуемых человеком. Отмечается, что нет никакой разницы между коммерческими и некоммерческими названиями [Sjöblom, 2018, с. 454].

Вероятно, разночтение в определении эргонима, связано с тем, что изучению этого пласта имен собственных не уделялось достаточного внимания. Актуальной задачей остается определение объема понятия *эргонима* и исследование особенностей их употребления в городском онимическом пространстве.

Заключение

Г. Б. Мадиева и И. В. Супрун отметили, что «наука должна развиваться прежде всего интенсивным путем, применяя новые подходы к анализу материала, создавая новые методы и приемы лингвистического (ономастического) поиска, сопровождая эти поиски развитием терминологии» [Мадиева, 2017, с. 118]. Это утверждение соотносится с нашими выводами, основанными на проведенном анализе текстов, посвященных внутригородским названиям. На наш взгляд, современная ономастика должна обратиться к следующему ряду вопросов, которые остаются открытыми и требуют решения в будущем:

1) необходимо разработать словарь русской ономастической терминологии, указать в нем наиболее распространенные зарубежные аналоги русских терминов;

2) на основе корней из латинского и греческого языков разработать единую международную систему базовых ономастических терминов для разных категорий имён собственных с развернутыми комментариями;

3) определить гиперо-гипонимические отношения между существующими терминами, что необходимо для осуществления анализа ономастических систем;

4) создать национальную и международную библиографические базы данных научных работ по определенным темам, чтобы ономастологии разных стран могли соотносить свои достижения с работами коллег.

Работы по ономастике, проанализированные в настоящей статье, позволяют сделать вывод о

том, что лингвисты разных стран понимают, какие проблемы необходимо устранить при оптимизации терминологии. Это означает, что необходим координатор, способный организовать подобную совместную работу. Несмотря на наличие списка базовых терминов ICOS, необходимо продолжить работу по его оптимизации, систематизации существующих терминов как отдельных стран, так и ономастики в целом.

Библиографический список

- Егорова Л. В. К вопросу изучения топонимов в современной парадигме лингвистических исследований // Вестник Чувашиского университета : Филологические науки. Языкознание. 2018. № 2. С. 224–233.
- Мадиева Г. Б. Система современной русской урбанонимической терминологии / Г. Б. Мадиева, В. И. Супрун // Вопросы ономастики, 2017. Т. 14. № 2. С. 115–125.
- Мезенко А., Генкин В., Деревяго А. Теория имени собственного : учебное пособие. Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2022. 202 с.
- Мезенко А. М. Урбанонимия Белоруссии. Минск : Университетское, 1991. 167 с.
- ОСТСО – Основы систем и терминология на словенската ономастика / hg. von B. Vidoeski. Скопје : Македонска Академија на науките и уметностите : Меѓународен комитет на славистите : Комисија за словенска ономастика, 1983. 412 с.
- Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. Москва : Наука, 1978. 199 с.
- Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. Москва : Наука, 1988. 192 с.
- Разумов Р. В. Об упорядочении ономастической терминологии в области урбанонимии // Верхневолжский филологический вестник. 2015(а). № 2. С. 14–19.
- Разумов Р. В. Ойкодомонимы как разновидность городских топонимов / Имя собственное в жизни и литературе // Материалы IX Международных Святогорских ономастических и IX Международных Михайловских литературно-онوماстических чтений. Киев : Издательский дом Дм. Бураго, 2015(б). С. 115–123.
- Разумов Р. В. Урбанонимическая терминология : системы и проблемы / Р. В. Разумов, С. О. Горяев // Научный диалог. 2019. № 9. С. 130–145.
- Супранская А. В. Общая теория имени собственного. Москва : Наука, 1973. 366 с.
- Супрун В. И. Урбанонимы Элисты как лингвокультурный феномен // In Nōminum Spatio : Материалы I Междунар. ономастических чтений им. Е.С. Отина (16–18 октября 2015 г.). Донецк : Издание Фонда «Азбука», 2016. С. 108–118.
- Шимкевич Н. В. Внутренняя политика государства как фактор формирования эргонимии // Политическая лингвистика. Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2014. № 1. С. 212–217.
- Шмелева Т. В. Ономастика : учебное пособие. Славянск-на-Кубани : Издательский центр филиала ФГБОУ ВПО «КубГУ», 2013. 161 с.
- Шмелева Т. В. Великий Новгород: ономастический портрет: научная монография / Т. В. Шмелева; сост. приложения И. В. Василенко. Великий Новгород : ТПК «Печатный Двор», 2020. 288 с.
- Щербак А. С. Процессы номинации в русской урбанонимике // Вестник ТГУ Серия: Гуманитарные науки. Язык. Познание. Культура. 2015. Т. 20. № 10. С. 194–199.
- Anjala T. Names in Society / The Oxford Handbook of Names and Naming. Oxford : Oxford University Press, 2018. Pp. 371–381.
- Blonar V. Proper Names in the Light of Theoretical Onomastics. Matica slovenská, 2009.
- Brink S. Transferred Names and Analogy in Name-formation / The Oxford Handbook of Names and Naming. Oxford : Oxford University Press, 2018. Pp. 158–168.
- Dalberg V. Names and place : Ten essays on the dynamics of place-names // Departement of Scandinavian Research : Name Research Section. Copenhagen, 2008.
- ZSTSO – Základní soustava a terminologie slovanské onomastiky. Grundsystem und Terminologie der slawischen Onomastik. Věnováno VII. mezinárodnímu sjezdu slavistů. Gewidmet dem VII. internationalen Slawistenkongress // Zpravodaj Místopisné Komise ČSAV. Roč. XIV. Č. 1. Praha, 1973.
- Farkas T. Onomastic Terminology in Hungarian – Situation, Problems and Needs // Names in daily life. Proceedings of the XXIV ICOS International Congress of Onomastic Sciences, 2014. Pp. 14–20.
- Frakas T. Terminological studies in International and Hungarian Onomastics / Uppsala–Budapest: International Council of Onomastic Sciences, 2017. Pp. 65–84.
- Hough C. Introduction / The Oxford Handbook of Names and Naming. Oxford : Oxford University Press, 2018. Pp. 3–13.
- Hough C. Settlement Names / The Oxford Handbook of Names and Naming. Oxford : Oxford University Press, 2018. Pp. 87–103.
- ICOS List of Key Onomastic Terms. Available at: <https://icosweb.net/publications/%20onomastic-terminology/>
- Motschenbacher H. Corpus Linguistic Onomastics: A Plea for a CorpusBased Investigation of Names // Names(A Journal of Onomastics), 2020. Pp. 88–103.
- Neethling B. Street Names : A Changing Urban Landscape / The Oxford Handbook of Names and Naming. Oxford : Oxford University Press, 2018. Pp. 144–157.
- Puzey G. Linguistic Landscape / The Oxford Handbook of Names and Naming. Oxford : Oxford University Press, 2018. Pp. 395–411.
- Rutkowski M. Urban toponymy and collective memory : a case of law-enforced decommunization of street names in Poland // Lege artis. Language yesterday,

today, tomorrow. The journal of University of SS Cyril and Methodius in Trnava. Trnava: University of SS Cyril and Methodius in Trnava, 2019. Vol. IV. No. 2.

31. Shokhermayer E. Terminological discrepancy of modified proper names between English, French, German and Russian / Names in daily life. Proceedings of the XXIV ICOS International Congress of Onomastic Sciences, 2014. Pp. 81–91.

32. Sjöblom P. Commercial Names / The Oxford Handbook of Names and Naming. Oxford : Oxford University Press, 2018. Pp. 453–466.

33. Taylor S. Methodologies in Place-name Research / The Oxford Handbook of Names and Naming. Oxford : Oxford University Press, 2018. Pp. 69–86.

34. Ursini F-A. Urbanonyms and Their Linguistic Properties in Italian / F-A Ursini, H. Long // Names (A Journal of Onomastics), 2020. Pp. 1–15.

35. Valentova I. Slovak and ICOS onomastic terminologies // Journal of the International Council of Onomastic Sciences. Onoma 55. 2020. Pp. 289–310.

36. Van Langendonck W. Names and Grammar / W. Van Langendonck, M. Van de Velde // The Oxford Handbook of Names and Naming. Oxford : Oxford University Press, 2018. Pp. 17–38.

37. Vlahova-Angelova M. Bulgarian onomastics in the 21st century / Studia Linguistica Universitatis Iagellonicae Cracoviensis, 2020. Pp. 27–38.

Reference list

1. Egorova L. V. K voprosu izuchenija godonimov v sovremennoj paradigme lingvisticheskikh issledovanij = On the study of hodonyms in the modern paradigm of linguistic research // Vestnik Chuvashskogo universiteta : Filologicheskie nauki. Jazykoznanie. 2018. № 2. S. 224–233.

2. Madieva G. B. Sistema sovremennoj russkoj urbanonimicheskoi terminologii = The system of modern Russian urbanonymic terminology / G. B. Madieva, V. I. Suprun // Voprosy onomastiki, 2017. T. 14. № 2. S. 115–125.

3. Mezenko A., Genkin V., Derevjago A. Teorija imeni sobstvennogo = Theory of proper nouns : uchebnoe posobie. Vitebsk : VGU imeni P. M. Masherova, 2022. 202 s.

4. Mezenko A. M. Urbanonimija Belorussii = Belorussian urbanonymy. Minsk : Universitetskoe, 1991. 167 s.

5. OSTSO – Osnoven sistem i terminologija na slovenskata onomastika = BSTSO – Basic system and terminology of Slovenian onomastics / hg. von B. Vidoeski. Skopje : Makedonska Akademija na naukite i umetnostite : Meunaroden komitet na slavistite : Komisja za slovenska onomastika, 1983. 412 s.

6. Podol'skaja N. V. Slovar' russkoj onomasticheskoi terminologii = The dictionary of Russian onomastic terminology. Moskva : Nauka, 1978. 199s.

7. Podol'skaja N. V. Slovar' russkoj onomasticheskoi terminologii = The dictionary of Russian onomastic terminology. Moskva : Nauka, 1988. 192 s.

8. Razumov R. V. Ob uporyadochenii onomasticheskoi terminologii v oblasti urbanonimii = On streamlining on-

omastic terminology in the field of urbanonymy // Verhnevolszhskij filologicheskij vestnik. 2015(a). № 2. S. 14–19.

9. Razumov R. V. Ojkodomonimy kak raznovidnost' gorodskih onimov / Imja sobstvennoe v zhizni i literatura = Oikodomonyms as a variety of urban onyms / Proper names in life and literature // Materialy IX Mezhdunarodnyh Svjatogorskih onomasticheskikh i IX Mezhdunarodnyh Mihajlovskih literaturno-onomasticheskikh chtenij. Kiev : Izdatel'skij dom Dm. Burago, 2015(b). S. 115–123.

10. Razumov R. V. Urbanonimicheskaja terminologija : sistemy i problemy = Urbanonymic terminology: systems and problems / R. V. Razumov, S. O. Gorjaev // Nauchnyj dialog. 2019. № 9. S. 130–145.

11. Superanskaja A. V. Obshhaja teorija imeni sobstvennogo = A general theory of proper names. Moskva : Nauka, 1973. 366 s.

12. Suprun V. I. Urbanonimy Jelisty kak lingvokul'turnyj fenomen = Elista urbanonyms as a linguistic and cultural phenomenon // In Nominum Spatio : Materialy I Mezhdunar. onomasticheskikh chtenij im. E.S. Otina (16–18 oktjabrja 2015 g.). Doneck : Izdanie Fonda «Azbuka», 2016. S. 108–118.

13. Shimkevich N. V. Vnutrennjaja politika gosudarstva kak faktor formirovanija jergonimii = Home policy of the state as a factor in the formation of ergonymy // Politicheskaja lingvistika. Ekaterinburg : Ural'skij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet, 2014. № 1. S. 212–217.

14. Shmeleva T. V. Onomastika = Onomastics: uchebnoe posobie. Slavjansk-na-Kubani : Izdatel'skij centr filiala FGBOU VPO «KubGU», 2013. 161 s.

15. Shmeleva T. V. Velikij Novgorod: onomasticheskij portret = Veliky Novgorod: an onomastic portrait : nauchnaja monografija / sost. prilozhenija I. V. Vasilenko. Velikij Novgorod : TPK «Pechatnyj Dvor», 2020. 288 s.

16. Shherbak A. S. Processy nominacii v russkoj urbanonimikon = Naming processes in the Russian urbanonymicon // Vestnik TGU Serija: Gumanitarnye nauki. Jazyk. Poznanie. Kul'tura. 2015. T. 20. № 10. S. 194–199.

17. Aniala T. Names in Society / The Oxford Handbook of Names and Naming. Oxford : Oxford University Press, 2018. Pp. 371–381.

18. Blonar V. Proper Names in the Light of Theoretical Onomastics. Matica slovenská, 2009.

19. Brink S. Transferred Names and Analogy in Name-formation / The Oxford Handbook of Names and Naming. Oxford : Oxford University Press, 2018. Pp. 158–168.

20. Dalberg V. Names and place : Ten essays on the dynamics of place-names // Departement of Scandinavian Research : Name Research Section. Copenhagen, 2008.

21. ZSTSO – Základní soustava a terminologie slovanské onomastiky. Grundsystem und Terminologie der slawischen Onomastik. Věnováno VII. mezinárodnímu sjezdu slavistů. Gewidmet dem VII. internationalen

Slawistenkongress // Zpravodaj Mistopisné Komise ČSAV. Roč. XIV. Č. 1. Praha, 1973.

22. Farkas T. Onomastic Terminology in Hungarian – Situation, Problems and Needs // Names in daily life. Proceedings of the XXIV ICOS International Congress of Onomastic Sciences, 2014. Pp. 14–20

23. Frakas T. Terminological studies in International and Hungarian Onomastics / Uppsala–Budapest: International Council of Onomastic Sciences, 2017. Pp. 65–84.

24. Hough C. Introduction / The Oxford Handbook of Names and Naming. Oxford : Oxford University Press, 2018. Pp. 3–13.

25. Hough C. Settlement Names / The Oxford Handbook of Names and Naming. Oxford : Oxford University Press, 2018. Pp. 87–103.

26. ICOS List of Key Onomastic Terms. Available at: <https://icosweb.net/publications/%20onomastic-terminology/>

27. Motschenbacher H. Corpus Linguistic Onomastics: A Plea for a CorpusBased Investigation of Names // Names(A Journal of Onomastics), 2020. Pp. 88–103.

28. Neethling B. Street Names : A Changing Urban Landscape / The Oxford Handbook of Names and Naming. Oxford : Oxford University Press, 2018. Pp. 144–157.

29. Puzey G. Linguistic Landscape / The Oxford Handbook of Names and Naming. Oxford : Oxford University Press, 2018. Pp. 395–411.

30. Rutkowski M. Urban toponymy and collective memory : a case of law-enforced decommunization of

street names in Poland // Lege artis. Language yesterday, today, tomorrow. The journal of University of SS Cyril and Methodius in Trnava. Trnava: University of SS Cyril and Methodius in Trnava, 2019. Vol. IV. No. 2.

31. Shokhermayer E. Terminological discrepancy of modified proper names between English, French, German and Russian / Names in daily life. Proceedings of the XXIV ICOS International Congress of Onomastic Sciences, 2014. Pp. 81–91.

32. Sjöblom P. Commercial Names / The Oxford Handbook of Names and Naming. Oxford : Oxford University Press, 2018. Pp. 453–466.

33. Taylor S. Methodologies in Place-name Research / The Oxford Handbook of Names and Naming. Oxford : Oxford University Press, 2018. Pp. 69–86.

34. Ursini F-A. Urbanonyms and Their Linguistic Properties in Italian / F-A Ursini, H. Long // Names (A Journal of Onomastics), 2020. Pp. 1–15.

35. Valentova I. Slovak and ICOS onomastic terminologies // Journal of the International Council of Onomastic Sciences. Onoma 55. 2020. Pp. 289–310.

36. Van Langendonck W. Names and Grammar / W. Van Langendonck, M. Van de Velde // The Oxford Handbook of Names and Naming. Oxford : Oxford University Press, 2018. Pp. 17–38.

37. Vlahova-Angelova M. Bulgarian onomastics in the 21st century / Studia Linguistica Universitatis Iagellonicae Cracoviensis, 2020. Pp. 27–38.

Статья поступила в редакцию 15.05.2022; одобрена после рецензирования 16.06.2022; принята к публикации 23.08.2022.

The article was submitted on 15.05.2022; approved after reviewing 16.06.2022; accepted for publication on 23.08.2022.

Научная статья

УДК 811.161.1

DOI: 10.20323/2499-9679-2022-3-30-76-83

EDN: RLRXVY

Лексема «кукла» в поэтическом дискурсе Серебряного века

Анна Ангелина Олеговна Будник

Аспирант кафедры русского языка и стилистики ФГБОУ ВО «Литературный институт имени А. М. Горького». 123104, г. Москва, Тверской бульвар, д. 25

an.budnik@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5025-7803>

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению лексико-семантических символических расширений значения слова «кукла» в стихотворных текстах наиболее значимых поэтов Серебряного века: М. Цветаевой «Только девочка» (1909 г.), «Скучные игры» (1909–1920 гг.), К. Случевского «Кукла» (точная дата неизвестна), В. Брюсова «Девочка с куклой» (1912 г.), И. Анненского «Старые эстонки» (1906 г.), «То было на Валлен-Коски» (1909 г.), К. Бальмонта «Кукольный театр» (1903 г.), Г. Иванова «Я не хочу быть куклой восковой» (1926 г.).

Новизна и актуальность данной работы определяется тем, что в ней впервые рассматривается лексема *кукла* в поэзии Серебряного века с позиций лингвистической поэтики и стилистики.

Лексема *кукла* в поэтическом дискурсе Серебряного века реализована не только в прямом, но и в переносном метафорическом значении: она является символом или парафразом *человека*. Её «олицетворённость» становится вариативной: *кукла* может выступать в качестве объекта – игрушки, или в качестве субъекта.

Исследование показало, что лексема *кукла* в поэтическом дискурсе Серебряного века не только расширяет свою семантику от детской игрушки, традиционной бытовой детали до выражения многообразных состояний и эмоций лирического субъекта, преимущественно негативных, но даже становится символом смерти.

Ключевые слова: кукла; лексическая семантика; поэтический дискурс; Серебряный век; лингвистическая стилистика; лингвистическая поэтика; русский язык

Для цитирования: Будник А. А. О. Лексема «кукла» в поэтическом дискурсе Серебряного века // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 3 (30). С. 76–83. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-3-30-76-83>. <https://elibrary.ru/RLRXVY>

Original article

The Doll in the Silver Age poetic discourse

Anna Angelina O. Budnik

Postgraduate student of the Russian language and stylistics department, Maxim Gorky Literature Institute. 123104, Moscow, Tverskoy Boulevard, 25

an.budnik@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5025-7803>

Abstract. This article is devoted to considering lexical and semantic symbolic extensions of the «doll» meaning in the poetic texts of the most significant Silver Age poets: M. Tsvetaeva «Only a Girl» (1909), «Boring Games» (1909–1920), K. Sluchevskiy's «A Doll» (exact date unknown), V. Bryusov's «A Girl with a Doll» (1912), I. Annenskiy's «Old Estonian Women» (1906), «That was on Wallen-Koski» (1909), K. Balmont's «A Puppet Theatre» (1903), G. Ivanov's «I Don't Want to Be a Wax Puppet» (1926).

The novelty and relevance of this work is determined by the fact that this is the first consideration of the lexeme *doll* in the Silver Age poetry from the standpoint of linguistic poetics and stylistics.

The doll in the Silver Age poetic discourse is realized not only in a direct, but also in a figurative metaphorical meaning: it is a symbol or a paraphrase of a *human*. Its «personification» becomes variable: the doll can act as an object, or as a subject. The research shows that the lexeme *doll* in the poetic discourse of the Silver Age not only extends its semantics from a child's toy, a traditional household detail, to express the lyrical subject's manifold states and emotions, mostly negative, but also becomes a symbol of death.

Key words: doll; lexical semantics; poetic discourse; Silver Age; linguistic stylistics; linguistic poetics; Russian language

For citation: Budnik A. A. O. The Doll in the Silver Age poetic discourse. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2022;(3):76–83. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-3-30-76-83>. <https://elibrary.ru/RLRXVY>

Введение

В современной науке о языке становится всё более актуальным исследование дискурса как комплексной языковой единицы, расположенной выше уровня текста, однако значительно более сложно организованной, чем нижестоящие единицы и включающей в себя социальные, психологические, кинетические, этнографические аспекты построения и восприятия речи [Григорьева, 2007, с. 46–57]. Исследования в этой области позволяют говорить о существовании особого поэтического дискурса, выделенного для анализа художественных стихотворных текстов [см., например, Карасик. 2002, с. 477; Фатеева, 2017, с. 360; Феценко, 2018, с. 226–237]. Одним из ведущих специалистов, занимавшихся изучением лингвистической поэтики, был российско-американский исследователь Р. О. Якобсон, который подробно рассматривает поэтическую функцию языка в своей работе «Поэтика и лингвистика». По Якобсону, эта функция, не ограничиваясь исключительно стихотворным полем, отвечает за углубление фундаментальной дихотомии знаков и объектов, а также за усиление «осязаемости» (*palpability*) в сообщении [Jacobson, 1981, с. 28]. Ричард Д. Кёртон объясняет специфические свойства поэзии прежде всего её ритмическими особенностями, которые связывают поэтический дискурс одновременно с природой и её ритмами и с многовековой культурной традицией [Cureton, 1997, с. 10–15].

Можно говорить и о существовании поэтического дискурса Серебряного века как особого речевого воплощения в культуре и литературе. Так, Р. Тур утверждает, что в силу своих структурных, семантических и фонетических особенностей организация поэтического текста настолько отличается от обычной речи, что создаёт у читателя своеобразное, мистическое впечатление [Tsur, 2010, с. 18–19].

Новизна данной работы определяется тем, что в ней впервые рассматривается лексема *кукла* в поэтическом дискурсе Серебряного века с позиции лингвистической семантики и лингвистической поэтики.

Кукла, представляющая собой модель человека, предназначенную для игрового, творческого или ритуального взаимодействия с ней, существовала и продолжает существовать не только как главная детская игрушка, но и как особенный атрибут в многочисленных культурах и самых разнообразных исторических эпохах. Она может

олицетворять ребёнка в контексте детской игры, быть воплощением конкретного персонажа в театрализованных представлениях и даже соответствовать реально существующему человеку в условиях магических практик разных народов (кукла Вуду, кукла-оберег и т. д.) [Березняк, 2009, с. 167–172; Каравашкина, 2012, с. 125–129]. Кукла и в наши дни играет важную роль: это и детская игрушка, в том числе обучающая, и модель человека, с которой взаимодействует каждый ребёнок.

Учитывая, что художественные тексты определённого периода всегда отражают современные им семантику, стилистические коннотации и употребление в языке в целом того или иного слова-понятия, интересно рассмотреть лексему *кукла* в стихотворных текстах Серебряного века в лингвистическом аспекте. Это и является целью данной статьи. Для достижения этой цели были отобраны поэтические тексты, в которых *кукла* описана наиболее подробно, те стихотворения, в которых *кукла* является центральным или композиционно значимым компонентом языковой организации; с помощью традиционных научных методов проанализировано слово (понятие / образ) *кукла* в отобранных поэтических текстах; выявлены и изучены особенности поэтической семантики в отношении лексемы *кукла* в поэтическом дискурсе Серебряного века.

Теоретическая значимость работы следует из её актуальности и новизны и определяется новыми знаниями о поэтическом языке Серебряного века, а также разработкой научной сферы, посвящённой исследованию *куклы* [см., напр., Tiffany, 2000, с. 11–23]. Практическая значимость заключается в возможности использования материалов статьи в преподавательской и лексикографической практике.

Методы и подходы исследования

Главной целью статьи является выявление и рассмотрение особенностей употребления лексемы *кукла* в поэтическом дискурсе Серебряного века, развитие у этого слова новой семантики и оригинальных символических стилистических коннотаций. Поэтому в качестве основных были избраны методы описания, лексико-семантического и стилистического анализа; для сбора в поэтических текстах необходимого языкового материала использовался метод полной выборки.

Результаты исследования

Вопрос о хронологических рамках Серебряного века остаётся спорным: если его началом принято считать рубеж 1880–90-х годов, то окончанием данного периода некоторые исследователи называют начало Гражданской войны, другие – смерть Александра Блока [Литературная энциклопедия..., 2001, с. 1600] и расстрел Николая Гумилёва [Литературная энциклопедия..., 2001, с. 1600]. В данной работе принимается точка зрения, согласно которой конец Серебряного века приходится на рубеж 1920–30-х годов и связан с самоубийством Владимира Маяковского [Литература и язык..., 2006, с. 984].

Серебряный век известен многообразием поэтических направлений, среди которых представлены символизм, акмеизм, футуризм, имажинизм и др [Strakhovsky, 1959, с. 61–63]. Кроме того, некоторых поэтов Серебряного века (например, Марину Цветаеву, чьи стихи будут рассмотрены далее) сложно четко отнести к одному из литературных направлений [Скатов, 2005, с. 619–623]. В связи с этим необходимым уточнением для настоящей работы будет следующее: при анализе лексико-семантических единиц в отношении *куклы* в поэтическом дискурсе Серебряного века следует учитывать не только личную авторскую, но и связанную с литературным направлением обусловленность. Так, многие поэты-символисты увлекались мистицизмом и многократно прибегали к образам мистического в своих произведениях, особое внимание уделяя неразрывности любви и смерти [Shamina, 2016, с. 163]. Этим может быть обусловлен и интерес к кукле – знаку, соединяющемуся в нашем сознании с такими категориями, как беспомощность, хрупкость, фальшивость, лживость, двойничество и др.

Для решения поставленной цели были выбраны восемь стихотворных текстов: «Только девочка» (Марина Цветаева, 1909 г.), «Скучные игры» (Марина Цветаева, 1909–1920 гг., точная дата неизвестна), «Кукла» (Константин Случевский, точная дата неизвестна), «Девочка с куклой» (Валерий Брюсов, 1912 г.), «Старые эстонки» (Иннокентий Анненский, 1906 г.), «То было на Валлен-Коски» (Иннокентий Анненский, 1909 г.), «Кукольный театр» (Константин Бальмонт, 1903 г.), «Я не хочу быть куклой восковой» (Георгий Иванов, 1926 г.).

К наиболее традиционному для русской поэзии словесному образу *куклы* [Стукалова, 2016, с. 613–627] прибегает в своей поэтике Марина Цветаева. В её стихотворениях *кукла* не приобре-

тает символического или метафорического значения. Лексема *кукла* номинирует соответствующий ей конкретный предмет. *Кукла* предстаёт детской игрушкой, олицетворяющей ребёнка, которую лирический субъект (термин А. Белого [Белый, 1988, с. 169]) (девочка в одном случае и девушка, называющая себя девочкой, чтобы обозначить свою «детскость», – в другом) использует для игры в дочки-матери:

*Мечтать о замке золотом,
Качать, кружить, трясти
Сначала куклу, а потом
Не куклу, а почти.*

(«Только девочка», 1909 г.) [Цветаева, 1994, с. 143].

*Глупую куклу со стула
Я подняла и одела.
Куклу я на пол швырнула:
В маму играть – надоело!*

(«Скучные игры», 1909–1920 гг., точная дата написания неизвестна) [Цветаева, 1994, с. 113].

В первом примере очевидно проведение параллели между *куклой* и *ребёнком*: Цветаева заменяет слово *ребёнок* парафразом «не кукла, а почти»; она включает *куклу* в лексико-семантические поля «детство», «материнство»; *девочка* в стихотворении предстаёт будущей матерью.

В стихотворении «Скучные игры» можно видеть корреляцию между материнством (пусть и игровым) и *куклой*. Кроме того, укажем, что в данном случае *кукла* определена как «глупая». С одной стороны, это определение отражает отношение лирического субъекта к *кукле* – он не хочет *играть в маму*, становиться матерью и, как следствие, экстраполирует свои эмоции на предполагаемого «ребёнка», то есть *куклу*; с другой стороны, данная характеристика раскрывает иной аспект *куклы*: она – это только модель человека, пустая, лишённая сознания. Таким образом, *кукла* становится синонимом *бессознательности, искусственности, духовной пустоты*. Подобная реализация *куклы*, как и представление о ней как об игрушке, характерна и для более ранних периодов русской литературы [Стукалова, 2016, с. 613–627]. Однако отрицание лирической героиней традиционно женских обязанностей характерно уже именно для поэтического дискурса Цветаевой, отвергающей навязываемые обществом гендерные роли, её склонности сме-

шивать маскулинные и фемининные черты, создавая андрогинные образы [см., напр., Gove, 1977, p. 235; Kroth, 1979, p. 567–569].

Куклу в качестве детской игрушки, а, следовательно, в пределах лексико-семантического поля «детство», рассматривает и Константин Случевский в стихотворении «Кукла» (точная дата написания неизвестна):

*Куклу бросил ребенок. Кукла быстро свалилась,
Стукнулась глухо о землю и навзничь упала...
Бедная кукла! Ты так неподвижно лежала
Скорбной фигуркой своей, так покорно сломилась,
Руки раскинула, ясные очи закрыла...
На человека ты, кукла, вполне походила!*
[Случевский, 1906, с. 183]

Связь с материнством в данном произведении не устанавливается, и кукла становится синонимом не *ребёнка*, но *человека*. Сравнение проводится автором эксплицитно: «На человека ты, кукла, вполне походила!»

Ещё одним доказательством тому служит обращение к кукле – таким образом она одушевляется, становится субъектом. Но границы между понятиями остаются чёткими, кукла к человеку не приравнивается, автор не называет человека куклой. В контексте сравнения важно отметить жертвенные качества куклы: *бедная кукла, скорбной фигуркой, покорно сломилась*, которые автор, видимо, переносит и на своё представление о человеке. Кукла бездейственна, не имеет собственной воли, подчиняется внешним обстоятельствам, не обладает возможностью им сопротивляться. Кукла в данном тексте ассоциируется со слабостью, несамостоятельностью, но вместе с тем вызывает особые чувства сожаления и сострадания к ней. Можно предположить, что через схожий с человеком словесный образ куклы Константин Случевский передаёт своё восприятие человека и отношение к нему.

В стихотворении старшего символиста Валерия Брюсова «Девочка с куклой» (1912 г.) кукла также представлена как детская игрушка, предназначенная для девочки (при этом корреляция между игрой и материнством в тексте не подчёркивается): «Что же ты сделала, девочка милая, // С фарфоровой куклой своей?» [Брюсов, 1973, с. 168]. Во многом представление о кукле Валерия Брюсова близко представлению о кукле Марины Цветаевой. В стихотворении не просле-

живается сравнение куклы и человека, однако можно говорить о характере этого сравнения: «Глаза открывала и закрывала она, // Папа-мама могла говорить» [Брюсов, 1973, с. 168]. В этих строках кукла одушевляется лишь частично; на семантическом уровне расширяется значение, а на грамматическом – кукла становится подлежащим, субъектом, способным к действию. Так же, как и в стихотворении «Кукла» Случевского, в этом тексте кукла наделяется такими качествами, как отсутствие собственной воли, подчинение обладателю (ребёнку): «Когда было скучно, её колотила я», «А теперь совсем безмолвно стала она», «Девочка милая, сама ты разбила её» [Брюсов, 1973, с. 168]. Кукла страдает от внешнего воздействия (как и у К. Случевского), становится жертвой. Разница состоит в том, что у Валерия Брюсова источником насилия в отношении куклы становится конкретный человек, а не обезличенная фигура общества или судьбы, как в стихотворении «Кукла» Случевского. У Брюсова кукла ассоциируется с объектом немотивированной жестокости. При этом жестокость девочки подчёркивается с помощью слова *нежная*, которое строит в тексте рядом со словом «девочка». В произведении Брюсова кукла приобретает хрупкость: она становится *фарфоровой*, в ней *появляется трещина*, она *может разбиться*. Эта хрупкость влечёт за собой возможность лёгкой утраты, недолговечности (что также ассоциируется с человеком) – после поломки куклу уже нельзя восстановить:

*– Хочу, чтоб была она снова, как прежняя,
Такой, как прежде, совсем.
– Девочка милая, сама ты разбила ее.
Теперь куклы прежней – нет...*
[Брюсов, 1973, с. 168].

С утратой и жестокостью ассоциируется кукла и в стихотворении «Старые эстонки» (1906 г.) символиста Иннокентия Анненского. Заглавные героини его текста полны скорби и отчаяния, они травмированы:

«Вот вошли, – приседают так строго», «Их одежда темна и убога», «от тягостной жути», «Что в сердцах похоронено веры...», и т. д., но поэт называет их *куклами*:

*Иль от ветру глаза ваши пухлы,
Точно почки берез на могилах...
Вы молчите, печальные куклы,
Сыновей ваших... я ж не казнил их...*
[Анненский, 1990, с. 203–204].

В этом тексте кукла олицетворяет существо, внешне выглядящее как человек, но больше похожее на мертвеца, что подчеркивается словами *жуть, могилы*. Кроме того, кукла вновь приобретает значение «жертвы»: *«Сколько раз я просил их: «Забудьте...» // И читал их немое: «Не можем». // Как земля, эти лица не скажут, // Что в сердцах похоронено веры...»* [Анненский, 1990, с. 203–204]. Эта жертва вызывает сострадание: *«Я, напротив, я очень жалел их», «Ты жалел их... На что ж твоя жалость»* [Анненский, 1990, с. 203–204].

В другом стихотворении Иннокентия Анненского «То было на Валлен-Коски» (1909 г.) кукла становится центральным образом. В целом ее семантика совпадает с общей позицией в реализации лексемы кукла в поэтическом дискурсе Серебряного века – кукла связана с характеристикой беспомощности («Разбухшая кукла ныряла // Послушно в седой водопад»), страдания и немотивированной жестокости: *«В утеху нам куклу бросали // В то утро в четвёртый раз», «Спасенье её неизменно // Для новых и новых мук», лексема синонимична слову жертва, поэтому вызывает сочувствие: «Комедия эта была мне // В то серое утро тяжка», «Что сердцу обида куклы // Обиды своей жалчей»* [Анненский, 1988, с. 67].

Но вместе с тем лексема кукла обретает и новые семантические оттенки. Кукла в стихотворении имеет свою волю и стремление сопротивляться: *«И долго кружилась сначала, // Всё будто рвалась назад»* [Анненский, 1988, с. 67], что придает её характеристике желание вольности и приближает к представлению о живом человеке, ещё не мёртвом внутри. Как пишет С. Карлинский, Анненский, несмотря на трагизм и мрачность ситуации, никогда не упускает жизнь из поля зрения [Karlinsky, 2013, с. 90]. С семантической точки зрения, степень «олицетворённой» куклы повышается по сравнению с другими текстами, рассмотренными ранее. Грамматически же кукла одушевлена полностью и выступает в качестве субъекта. Тем не менее, «спасение» куклы ведёт к новым мукам, поэтому представление о ней продолжает оставаться связанным с отчаянием и зависимостью от внешних сил, которые в тексте И. Анненского воплощены в бросающих куклу в воду героях и которым не даётся никаких определений, они остаются безличными и, как следствие, ассоциируются с тёмными силами судьбы. Анненский проводит параллель не просто между куклой и человеком как таковым, а

между куклой и лирическим субъектом, что является традицией [Николюкин, 2001, с. 1600]. Поэт связывает куклу с одиночеством и находит в её одиночестве отражение своего:

*И в сердце сознание глубоко,
Что с ним родился только страх,
Что в мире оно одиноко,
Как старая кукла в волнах...*
[Анненский, 1988, с. 67].

В конце стихотворения, когда автор сравнивает и связывает понятия старости и одиночества, кукла становится *старой* (в год написания «То было на Валлен-Коски», в 1909 г., Анненскому 54 года и в этом же году он умрёт [Никонов, 1962, с. 966–971]).

Стихотворение ещё одного символиста Константина Бальмонта «Кукольный театр» (1903 г), как видно из названия, полностью посвящено кукам-марионеткам, продолжает эту же «гофмановскую» традицию пугающего образа куклы в поэзии Серебряного века. Интерес к творчеству Гофмана в эпоху Серебряного века с особенной силой проявляется у символистов, так как многое в их художественной системе и поэтическом языке совпадало с проблематикой и сопровождающими её особыми художественными приёмами немецкого романтика. Александр Блок отмечал, что «символизм связан с романтизмом глубже всех остальных течений» [Блок, 1961–1963, с. 370].

Через идейно-тематическое наследие Гофмана символистам удалось осмыслить и выразить не только отношения человека с самим собой в условиях современного ему мира, но и новые тенденции, этому миру свойственные. Как и Гофман, одной из таких тенденций символисты назвали процесс механизации человека, утрату человеком души и превращение его в куклу, марионетку [Королёва, 2021, с. 270]. В «гофманской» традиции Серебряного века кукла ассоциируется с понятиями «автоматизации», «искусственности», «бездуховности», «равнодушия», «внутренней пустоты», «социальной нормативности», «подчинённости» и становится синонимом человека, обладающего этими перечисленными характеристиками.

У Константина Бальмонта все эти ассоциации находят самое прямое языковое воплощение: *«Их каждый взгляд рассчитанно-правдив, // Их каждый шаг правдоподобно-меток»* (автоматизация), *«Чувствительность проворством заме-*

нив» (искусственность, равнодушие), «*Их modus operandi прозорлив*» (автоматизация, бездуховность), «*Они играют в жизнь, в мечту, в любовь, // Без воплей, без стихов, и без вещанья*» (искусственность, внутренняя пустота), «*Так веселы и вместе с тем бездушны*» (бездуховность), «*Художественным замыслам послушны, // Осуществляют формулы страстей, // К добру и злу, как боги, равнодушны*» (автоматизация, равнодушие) и т. д.; примеры можно найти почти в каждой строке [Бальмонт, 1903, с. 249]. Кроме того, Бальмонт выделяет ещё одну характеристику куклы, как представляется, также являющуюся следствием влияния Гофмана – это вторичность (у немецкого романтика была развита идея двойничества, двоемирия [Королёва, 2021, с. 270–281]):

*Я в кукольном театре. Предо мной,
Как тени от качающихся веток,
Исполненные прелестью двойной,
Меняются толпы марионеток.*
[Бальмонт, 1903, с. 249]

Также автор связывает куклу с понятиями *безмолвности, немоты и тишины, бездействия*: «*Они полны немого обаянья*», «*Понявши всё изящество молчанья*», «*В волшебном царстве мёртвой тишины*», «*Смущённое жестокой тишиной*» [Бальмонт, 1903, с. 249].

Наиболее четко ассоциируется кукла со смертью у Георгия Иванова в его стихотворении «Я не хочу быть куклой восковой» (1926 г). Автор проводит параллель между куклой и трупом, человеком, мёртвым уже не только метафорически:

*Я не хочу быть куклой восковой,
Добычей плесени, червей и тленья,
Я не хочу могильною травой
Из мрака пробиваться сквозь камень.*
[Иванов, 1994, с. 509]

В контексте с лексемой кукла в его произведении появляются такие слова, как *плесень, черви, тленье, могильная, мрак, камень, кладбище, могила*. Таким образом, кукла попадает в лексико-семантическое поле «смерть». Такая прямолинейность обусловлена ещё и тем, что Георгий Иванов принадлежит к акмеистам, стремившимся использовать слово в его прямом или, во всяком случае, не символическом значении. Кукла у Георгия Иванова обретает характеристику *восковая*. Это определение можно воспринимать

и как буквальное – воск был в 19 веке едва ли не самым популярным материалом для изготовления кукол [см., напр., Hall, G. Stanley, 1897, с. 8] – но и как эпитет. В последнем случае оно оказывается связанным не только с представлением о мёртвом теле, но и с понятием недолговечности (что близко к характеристике хрупкости у Валерия Брюсова), поскольку воск – мягкий, легко поддающийся повреждению материал. Хотелось бы отметить, что автор текста наследует традицию отождествления куклы и лирического субъекта, реализуя его предельно эксплицитно в первой же строке.

Заключение

В ходе исследования были отобраны стихотворения знаковых для поэтического дискурса Серебряного века авторов, стихи, в которых употреблялась лексема *кукла*, с целью изучения лексемы кукла с лингвистических позиций. Можно сделать вывод, что кукла реализована как в своём прямом значении «детская игрушка», так и в переносном метафорическом: в таком случае кукла чаще всего становится синонимична *человеку*. Поскольку кукла является поэтической метафорой, символом или парафразом человека, её «олицетворённость» варьируется от стихотворения к стихотворению: то кукла выступает в качестве объекта – игрушки, то – в качестве субъекта.

Контекст разобранных стихотворений вводит лексему кукла в лексико-семантические поля «детство» и «материнство», что вполне ожидаемо, но часто она оказывается в поле «смерти». Кукла ассоциируется с такими значениями и понятиями, как, во-первых, «беспомощность», «безвольность», «подчинённость», «молчаливость», «немота», «травмированность», «состояние жертвы», «объект немотивированной жестокости»; во-вторых, «хрупкость», «недолговечность» и «поломка»; в-третьих, «внутренняя пустота», «бездуховность», «равнодушие», «искусственность», «автоматизация», «внутренняя смерть»; в-четвертых, «отчаяние», «уединение», «изоляция». Кукла в рассмотренных текстах развивает семантику «беспомощности», «жестокости», «недолговечности» и «смерти».

Таким образом, кукла в поэтическом дискурсе Серебряного века не только расширяет свою семантику от детской игрушки, традиционной бытовой детали до выражения многообразных состояний и эмоций (преимущественно негативных) лирического субъекта, но даже становится символом смерти.

Библиографический список

1. Анненский И. Ф. Избранные произведения. Ленинград : Художественная литература, 1988. С. 67.
2. Анненский И. Ф. Стихотворения и трагедии. Ленинград : Советский писатель, 1990. С. 203–204.
3. Бальмонт К. Д. Будем как Солнце. Москва : Изд. Скорпион, 1903. С. 249.
4. Белый А. Стихотворения: [репринтное воспроизведение сборника 1923 года]. Москва : Книга, 1988. С. 169.
5. Березняк Н. А. Образ человека в когнитивном и семантическом аспектах категории сравнения // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2009. № 118. С. 167–172.
6. Блок А. А. Собрание сочинений: в 8 т. Москва : Худож. лит., 1961–1963. Т. 6. 556 с.
7. Брюсов В. Собрание сочинений в семи томах. Том 2. Стихотворения 1909–1917. Москва : Художественная литература, 1973. С. 168.
8. Григорьева В. С. Когнитивно-прагматические аспекты конструирования дискурса // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. №2. С. 46–57.
9. Иванов Г. Собрание сочинений в трёх томах. Том 1. Стихотворения. Москва : Согласие, 1994. С. 509.
10. Каравашкина М. Е. Народная игрушка как образ идеального мира. // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2012; № 2 (26). С. 125–129.
11. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепт, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.
12. Королёва В. В. «Гофмановский текст русской литературы» в творчестве русских символистов // Томск. Вестник Томского Государственного университета. Филология. 2021. № 71. С. 270–281
13. Никонов В. А. Анненский // Краткая литературная энциклопедия / гл. ред. А. А. Сурков. Москва : Сов. энцикл., 1962–1978. Т. 1: Аарне — Гаврилов. 1962. Стб. 237.
14. «Серебряный век» // Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия / под редакцией проф. Горкина А. П. Москва : Росмэн, 2006. 984 с.
15. «Серебряный век» // Литературная энциклопедия терминов и понятий / глав. ред. и состав. А. Н. Николюкин. Москва : Интелвак, 2001. 1600 с.
16. Скотов Н. Н. Цветаева Марина Ивановна // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги. (П-Я). ИРЛИ РАН, Олма-Пресс, 2005. Т. 3. С. 619–623.
17. Случевский К. Собрание сочинений в шести томах. Санкт-Петербург : Издание А. Ф. Маркса, 1906. Том 1. Стихотворения. С. 183.
18. Стукалова О. В. Игрушка в русской классической поэзии. Москва : Humanity space International almanac VOL. 5, No 4, 2016. С. 613–627.
19. Фатеева Н. А. Поэзия как филологический дискурс. 2-е изд. Москва : Издательский дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2017. 360 с.
20. Фещенко В. В. Эмиль Бенвенист – теоретик поэтического дискурса // Критика и семиотика. 2018. № 2. С. 226–237.
21. Цветаева М. Собрание сочинений в 7 т. Москва : Эллис Лак, 1994. Том 1. Стихотворения 1906–1920 годов. С. 113; 143.
22. Cureton R. Linguistics, Stylistics, and Poetics. Language and Literature. No 22. 1997. Pp. 1–43.
23. Gove A. F. The Feminine Stereotype and Beyond: Role Conflict and Resolution in the Poetics of Marina Tsvetaeva. Slavic Review, 36(2), 1977. Pp. 231–255.
24. Hall G. S., Ellis A. Caswell. The Study of Dolls. New York, NY : E.L. Kellogg & Co, 1897. 78 p.
25. Jakobson R. Linguistics and Poetics. Poetry of Grammar and Grammar of Poetry. Vol. 3 of Selected Writings. 7 Vols. The Hague : Mouton, 1981. Pp. 18–51.
26. Karlinsky S. «Annensky's Materiality». Freedom from Violence and Lies: Essays on Russian Poetry and Music, edited by Robert P. Hughes et al., Academic Studies Press, 2013. Pp. 86–96.
27. Kroth A. M. Androgyny as an Exemplary Feature of Marina Tsvetaeva's Dichotomous Poetic Vision. Slavic Review, 38(4), 1979. Pp. 563–582.
28. Shamina V. «Mystic Motifs in Silver Age Poetry and Prose». In Ghosts – or the (Nearly) Invisible: Spectral Phenomena in Literature and the Media, edited by Maria Fleischhack and Elmar Schenkel // Peter Lang AG, 2016. Pp. 161–69.
29. Strakhovsky L. I. The Silver Age of Russian Poetry: Symbolism and Acmeism, Canadian Slavonic Papers, No 4:1, 1959. Pp. 61–87.
30. Tiffany D. Toy Medium. Materialism and Modern Lyric. University of California Press, 2000. 351 p.
31. Tsur R. The poetic function and aesthetic qualities: Cognitive poetics and the Jakobsonian model // Acta Linguistica Hafniensia. No 42. Pp. 2–19.

Reference list

1. Annenskij I. F. Izbrannye proizvedenija = Selected works. Leningrad : Hudozhestvennaja literatura, 1988. S. 67.
2. Annenskij I. F. Stihotvorenija i tragedii = Poems and tragedies. Leningrad : Sovetskij pisatel', 1990. S. 203–204.
3. Bal'mont K. D. Budem kak Solnce = We'll be like the sun. Moskva : Izd. Skorpiion, 1903. S. 249.
4. Belyj A. Stihotvorenija: [reprintnoe vosproizvedenie sbornika 1923 goda] = Poems: [reprint of the 1923 collection]. Moskva : Kniga, 1988. S. 169.
5. Bereznjak N. A. Obraz cheloveka v kognitivnom i semanticheskom aspektah kategorii sravnenija = Human image in the cognitive and semantic aspects of the category of comparison // Izvestija RGPU im. A.I. Gercena. 2009. № 118. S. 167–172.
6. Blok A. A. Sobranie sochinenij: v 8 t. = Collected works: in 8 vols. Moskva : Hudozh. lit., 1961–1963. T. 6. 556 s.
7. Brjusov V. Sobranie sochinenij v semi tomah. Tom 2. Stihotvorenija 1909–1917 = Collected works in

seven volumes. Volume 2. Poems 1909–1917. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1973. S. 168.

8. Grigor'eva V. S. Kognitivno-pragmaticheskie aspekty konstruirovaniya diskursa = Cognitive and pragmatic aspects of discourse construction // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. 2007. № 2. S. 46–57.

9. Ivanov G. Sobranie sochinenij v trjoh tomah. Tom 1. Stihotvorenija = Collected works in three volumes. Volume 1. Poems. Moskva : Soglasie, 1994. S. 509.

10. Karavashkina M. E. Narodnaja igrushka kak obraz ideal'nogo mira = A folk toy as an image of an ideal world // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Serija: Social'nye nauki. 2012; № 2 (26). S. 125–129.

11. Karasik V. I. Jazykovoju krug: lichnost', koncept, diskurs = The language circle: personality, concept, and discourse. Volgograd : Peremena, 2002. 477 s.

12. Koroljova V. V. «Gofmanovskij tekst russkoj literatury» v tvorchestve russkih simbolistov = «Hoffmann's text of Russian literature» in the works of Russian Symbolists. Tomsk. Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo universiteta. Filologija. 2021; № 71. C. 270–281

13. Nikonov V. A. Annenskij = Annensky // Kratkaja literaturnaja jenciklopedija / gl. red. A. A. Surkov. Moskva : Sov. jencikl., 1962–1978. T. 1. Aarne — Gavrilo. 1962. Stb. 237.

14. «Serebrjanyj vek» = The Silver Age // Literatura i jazyk. Sovremennaja illjustrirovannaja jenciklopedija / pod redakciej prof. Gorkina A. P. Moskva : Rosmjen, 2006. 984 s.

15. «Serebrjanyj vek» = The Silver Age // Literaturnaja jenciklopedija terminov i ponjatij / glav. red. i sostav. A. N. Nikoljukin. Moskva : Intelvak, 2001. 1600 s.

16. Skatov N. N. Cvetaeva Marina Ivanovna = Tsvetaeva Marine Ivanovna // Russkaja literatura XX veka. Prozaiki, poety, dramaturgi. (P-Ja). IRLI RAN, Olma-Press, 2005. T. 3. S. 619–623.

17. Sluchevskij K. Sobranie sochinenij v shesti tomah. Tom 1. Stihotvorenija = Collected works in six volumes. Volume 1. Poems // Sankt-Peterburg : Izdanie A. F. Marksa, 1906. S. 183.

18. Stukalova O. V. Igrushka v russkoj klassicheskoj poezii = The toy in Russian classical poetry. Moskva :

Humanity space International almanac VOL. 5, No 4, 2016. S. 613–627.

19. Fateeva N. A. Pojezija kak filologicheskij diskurs = Poetry as a philological discourse. 2-e izd. Moskva : Izdatel'skij dom JaSK: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2017. 360 s.

20. Feshhenko V. V. Jemil' Benvenist – teoretik pojeticheskogo diskursa = Emile Benveniste – a theorist of poetic discourse // Kritika i semiotika. 2018. № 2. S. 226–237.

21. Cvetaeva M. Sobranie sochinenij v 7 t. = Collected works in 7 vols. Moskva : Jellis Lak, 1994. Tom 1. Stihotvorenija 1906–1920 godov. S. 113; 143.

22. Cureton R. Linguistics, Stylistics, and Poetics. Language and Literature. No 22. 1997. Pp. 1–43.

23. Gove A. F. The Feminine Stereotype and Beyond: Role Conflict and Resolution in the Poetics of Marina Tsvetaeva. Slavic Review, 36(2), 1977. Pp. 231–255.

24. Hall G. S., Ellis A. Caswell. The Study of Dolls. New York, NY : E.L. Kellogg & Co, 1897. 78 p.

25. Jakobson R. Linguistics and Poetics. Poetry of Grammar and Grammar of Poetry. Vol. 3 of Selected Writings. 7 Vols. The Hague: Mouton, 1981. Pp. 18–51.

26. Karlinsky S. «Annensky's Materiality». Freedom from Violence and Lies: Essays on Russian Poetry and Music, edited by Robert P. Hughes et al., Academic Studies Press, 2013. Pp. 86–96.

27. Kroth A. M. Androgyny as an Exemplary Feature of Marina Tsvetaeva's Dichotomous Poetic Vision. Slavic Review, 38(4), 1979. Pp. 563–582.

28. Shamina V. «Mystic Motifs in Silver Age Poetry and Prose». In Ghosts – or the (Nearly) Invisible: Spectral Phenomena in Literature and the Media, edited by Maria Fleischhack and Elmar Schenkel // Peter Lang AG, 2016. Pp. 161–69.

29. Strakhovsky L. I. The Silver Age of Russian Poetry: Symbolism and Acmeism, Canadian Slavonic Papers, No 4:1, 1959. Pp. 61–87.

30. Tiffany D. Toy Medium. Materialism and Modern Lyric. University of California Press, 2000. 351 p.

31. Tsur R. The poetic function and aesthetic qualities: Cognitive poetics and the Jakobsonian model // Acta Linguistica Hafniensia. No 42. Pp. 2–19.

Статья поступила в редакцию 03.05.2022; одобрена после рецензирования 06.06.2022; принята к публикации 23.08.2022.

The article was submitted on 03.05.2022; approved after reviewing 06.06.2022; accepted for publication on 23.08.2022.

Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Научная статья

УДК 81-11

DOI: 10.20323/2499-9679-2022-3-30-84-90

EDN: RNDDIS

Феномен А. В. Таппе и учебники русского языка для немцев

Олег Владимирович Лукин

Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и немецкого языка ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1

oloukine@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9101-9134>

Аннотация. Статья посвящена А. В. Таппе, составителю «Нового теоретического и практического курса русского языка для немцев» (нем. Neue theoretisch-praktische russische Sprachlehre für Deutsche), многочисленных хрестоматий, книг для чтения по русской истории, написанных на немецком языке и предназначенных для школьного обучения детей российских немцев. В работе с позиций нарративной лингвистической историографии анализируются особенности жизни и творческой деятельности пастора, доктора философии и доктора теологии, приведшие его к созданию одного из самых востребованных учебных комплектов по русскому языку для российских немцев. Лингвистический феномен творчества А. В. Таппе, по мнению автора статьи, заключается в следовании основным трендам современных ему исследований в области русского языка и применении их в своей практической деятельности. Творческое использование грамматик и учебников русского языка М. В. Ломоносова, Я. М. Родде, И. А. Гейма, П. И. Соколова, Санкт-Петербургской Академии, И. М. Борна, Н. И. Греча и И. С. Фатера в известной мере поставило А. В. Таппе в один ряд с этими авторами. Учебное пособие А. В. Таппе «История России по Карамзину» (нем. Geschichte Russlands, nach Karamsin) было составлено на немецком языке как книга для чтения и предназначалась для обучения русскому языку детей российских немцев. Издание на основе имеющихся авторитетных научных и учебных описаний собственного учебного комплекта, состоящего из учебника, хрестоматии и книги для чтения по истории России, представляет собой, по мнению автора статьи, необычный феномен в истории лингвистики.

Ключевые слова: нарративная лингвистическая историография; грамматика русского языка; А. В. Таппе; Н. М. Карамзин

Для цитирования: Лукин О. В. Феномен А. В. Таппе и учебники русского языка для немцев // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 3 (30). С. 84–90. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-3-30-84-90>. <https://elibrary.ru/RNDDIS>

Theoretical, applied, comparative and contrastive linguistics

Original article

The phenomenon of A. W. Tappe and russian language textbooks for the germans

Oleg V. Lukin

Doctor of philological sciences, professor, head of the department of language theory and the german language, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1

oloukine@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9101-9134>

Abstract. The article is devoted to A. W. Tappe who compiled the New theoretical and practical course of the russian language for the germans (German: Neue theoretisch-praktische russische Sprachlehre für Deutsche), as well as numerous anthologies, books for reading on russian history written in german and intended for school education of russian germans' children. The article analyzes the life and creative work of A. W. Tappe from the standpoint of narrative linguistic historiography. A. W. Tappe was a pastor, doctor of philosophy and theology, and created one of the most popular russian language teaching aid for russian germans. According to the author of the article, the linguistic and historio-

graphic phenomenon of A. W. Tappe consists in his following the main trends of his contemporary researches in the field of the Russian language and applying them in his practical work. The scientist's creative use of the Russian language grammars and textbooks written by M. V. Lomonosov, Ya. M. Rodde, J. A. Geim, P. I. Sokolov, the St. Petersburg Academy, I. M. Born, N. I. Grech and J. S. Vater placed A. W. Tappe on a par with these authors. The History of Russia by Karamzin translated in German by A. W. Tappe (German: Geschichte Russlands, nach Karamsin) was compiled as a book for reading in history and for teaching Russian to Russian Germans' children. The author claims that creating a complete teaching aid, based on the available authoritative scientific and educational materials, consisting of a textbook, an anthology, a book for reading on Russian history is an unusual phenomenon in the history of linguistics.

Key words: narrative linguistic historiography; grammar of the Russian language; A. W. Tappe; N. M. Karamzin

For citation: Lukin O. V. The phenomenon of A. W. Tappe and Russian language textbooks for the Germans. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2022;(3):84–90. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-3-30-84-90>. <https://elibrary.ru/RNDDIS>

Введение

В истории языкознания, как и в истории других отраслей человеческого знания, да, собственно, и всей истории человечества есть личности, которые становятся особенно интересными для исследователей именно в силу своей «типичности», приверженности ведущим направлениям в развитии чего бы то ни было. Порой в силу самых разных причин они на какое-то время становятся довольно знаменитыми, а затем на долгое время оказываются в забвении. Найти таких личностей, вывести их из многовекового забвения и с учетом современных достижений науки оценить их вклад в развитие науки – небезынтесная и вполне амбициозная исследовательская задача.

Как известно, немцы, в большом количестве переселившиеся в XVIII–XIX вв. в Российскую империю, принесли на новую родину многое из своего жизненного уклада, в том числе и традицию обязательного всеобщего образования. Как отмечает И. В. Черказьянова, «... дальнейшее развитие немецкой школы на российской земле, ее интеграция в систему российского образования не изменили основного принципа: посещение школы было обязательным как для мальчиков, так и для девочек. Обязательность обучения было прямым следствием конфессиональности школы...» [Черказьянова, 2008, с. 39] (см. также [Ермолов, 2009]).

На этом фоне исключительно актуальным стало составление учебников, грамматик, хрестоматий и других учебных пособий по русскому языку – языку титульной нации Российской империи – для школьного обучения немецких детей. Именно этим вызван значительный всплеск выпуска грамматик и учебников русского языка для немцев, написанных чаще всего на немецком языке.

В своей работе «Краткая летопись граммати-

ческой деятельности в России» российский военный инженер, писатель, филолог, педагог и автор грамматик русского языка для русских учащихся и пособий для преподавателей русского языка В. А. Половцов (11.[23].09.1803 – 22.09.[4.10]1866) перечисляет грамматики русского языка, в том числе, и написанные немцами, классифицируя их по годам правления Российских императоров.

Самой первой из них была грамматика русского языка, написанная на латыни в 1696 г. немецким филологом Г. В. Лудольфом (нем. Heinrich Wilhelm Ludolf, 20.12.1655 – 25.01.1712) и опубликованная при Петре Первом. В годы правления Екатерины Второй была издана русская грамматика (нем. *Russische Sprachlehre*) (1764–1765) немецкого историка, публицист и статистика, состоявшего в 1761–1767 гг. на русской службе в Санкт-Петербурге А. Л. Шлөцера (нем. August Ludwig (von) Schlözer, 5.07.1735 – 9.09.1809). Чуть позднее, в 1773 году в Риге вышло в свет первое издание «Российской грамматики» на немецком языке переводчика Рижского магистрата Я. Родде (нем. Jakob Rodde, рус. Яков Матвеевич Родде, 1725 – 29.05.1789). В 1789 году был опубликован учебник русского языка для немцев «*Russische Sprachlehre für Deutsche*» ординарного профессора Московского университета И. А. Гейма (нем. von Heim Bernhard Andreas, также Johann Heum, рус. Бернгард Андреас Гейм, также Гейм Иван Андреевич, 1759 – 28.10.1821). Впоследствии грамматики Родде и Гейма неоднократно переиздавались.

В 1808 году в Лейпциге была издана «Русская грамматика» профессора восточных языков университета Галле, потом Кенигсберга, известного индоевропеиста И. С. Фатера (нем. Johann Severin Vater, 27.05.1771–16.03.1826) (см. нашу статью [Лукин 2021]). И наконец, в 1810 году в Санкт-Петербурге появилось первое издание «Российской грамматики для немцев» А. В. Тап-

пе, которому и посвящено наше исследование [Половцов, 1847].

Методы исследования

При работе над статьей нами был использован метод нарративной лингвисториографии, включающий в себя:

1. изучение и анализ биографической литературы;
2. изучение и анализ тестов грамматик;
3. изучение и анализ лингвисториографической литературы.

Результаты исследования

1. Страницы жизни А. В. Таппе

Дитрих Август Вильгельм Таппе (рус. Август Вильгельмович Таппе, нем. Dietrich August Wilhelm Philipp von Tarpe) родился 9 февраля 1778 г. в купеческой семье в нижнесаксонском городке Айнбеке (биографические данные приводим по: [Goldbach, 1831], [Recke, 1832], [Половцов, 1912], [Хексельшнайдер, 1999]). Начальное образование он получил в школе Айнбека, среднее – в гимназии Хильдесхайма. Затем молодой человек изучал философию в Эрфуртском университете, где получил свою первую ученую степень – доктора философии. Затем в Гёттингенском университете А. В. Таппе изучал теологию. По окончании университета в 1802 г. он стал домашним учителем в лифляндском местечке Зельтингхоф (ныне Зелтини, латыш. Zeltiņi, Zeltiņš, устар. мыза Сельгинхофъ, мыза Зельтинггоф). В 1805 г. он получил должность старшего преподавателя филологии и протестантского вероисповедания во вновь открытой губернской гимназии в Выборге. Там же он стал заместителем директора, затем директором и начал публиковать свои первые научные труды по теологии, этике и антропологии.

Около 1806 г. А. В. Таппе стал изучать русский язык. В 1810 г. его пригласили на должность старшего преподавателя нравственности, истории и антропологии в петербургское немецкое училище Святого Петра (Петришуле), главное учебное заведение для российских немцев в столице империи. В 1815 г. он защитил диссертацию при Дерптском университете и был удостоен ученой степени доктора теологии. Педагогические и научные заслуги А. В. Таппе были отмечены Российской империей: он стал титулярным советником, став таким образом российским дворянином и получив право перед своей

фамилией ставить *von*. 19 апреля 1819 г. он был награжден орденом св. Анны третьей степени за «педагогические успехи» и за издание «отличнейших сочинений и полезных учебных книг» [Хексельшнайдер, 1999, с. 349].

Однако в том же 1819 году А. В. Таппе оставил русскую службу в чине титулярного советника и вернулся в Германию, где в должности профессора преподавал нравственность, немецкий язык и отечественную историю при королевской лесной академии в саксонском городе Тарандте (нем. Tharandt) недалеко от Дрездена. В этой должности он оставался до своей смерти 3 апреля 1830 г.

2. Круг интересов и творческое наследие А. В. Таппе

О многообразии творческих интересов А. В. Таппе и признании их научным сообществом Германии и России свидетельствует хотя бы перечисление его званий, приведенное на форзаце последнего прижизненного издания «Нового теоретического и практического курса русского языка для немцев»: «Доктор теологии и философии, профессор естественной истории, морали и наук о языке в Тарандте, кавалер ордена Святой Анны, член Королевской Академии Наук в Эрфурте, Императорских минералогических обществ в Санкт-Петербурге и Великогерцогских Саксонско-Веймарских обществ в Йене, Курляндского общества литературы и искусства в Митау, археологии в Галле и естественно-научного общества в Лейпциге» [Тарпе, 1826].

Творческое наследие А. В. Таппе весьма многообразно. Особую известность ему принесли учебные пособия по русскому языку для российских немцев, написанные на немецком языке. Это, прежде всего, «Новый теоретический и практический курс русского языка для немцев с многочисленными примерами, в качестве заданий для перевода с немецкого языка на русский и с русского на немецкий, в соответствии с основными учениями грамматики, вместе с очерком истории России до ...» (нем. Neue theoretisch-praktische russische Sprachlehre für Deutsche mit vielen Beispielen, als Aufgaben zum Uebersetzen aus dem Deutschen in das Russische und aus dem Russischen in das Deutsche, nach den Hauptlehren der Grammatik, nebst einem Abrisse der Geschichte Rußlands bis ...) (вместо многоточия стоял год издания книги – О. Л.), выдержавший семь переизданий семь изданий с 1810 по 1835 гг. [Тарпе, 1826]. Книга имела отдельное приложение – «Первую русскую грамматиче-

скую хрестоматию» (нем. Erstes russisches grammatisches Lesebuch über die Formenlehre, oder: Russische Uebersetzungen der deutschen Aufgaben nach den Hauptlehren der Grammatik in der Sprachlehre), также выдержавшее семь изданий [Tappe, 1835].

Другим важным учебным изданием, подготовленным А. В. Таппе, стала «История России по Карамзину» (нем. Geschichte Russlands, nach Karamsin) [Tappe, 1831]. С. И. Маловичко и В. Ф. Марухин считают появление произведения великого русского историка «одним из первых национально-государственных нарративов в Европе», который «способствовал корректировке основных конструкций русской истории», что «... привело к формированию русского исторического мастер-нарратива, который укреплялся, в том числе, историческими произведениями, подражавшими ставшей популярной «Истории» Карамзина» [Маловичко, Марухин, 2017, с. 289]. Одним из таких произведений и является книга А. В. Таппе. Она была составлена на русском, немецком и французском языках. Однако русская и французская версии представляют собой сокращенное изложение произведения великого историка, тогда как немецкая называется «Russisches historisches Lesebuch, aus Karamsins Geschichte Russlands» (букв. Русская книга для чтения по истории, из Российской истории Карамзина) [Маловичко, Марухин, 2020, с. 192]. Очевидно, она также была предназначена для обучения русскому языку детей российских немцев, в то время как русская и французская версии такой цели явно не преследовали ввиду статуса этих языков в Российской империи XIX века.

Как отмечает Э. Хексельшнайдер, названные учебные пособия «представляли собой учебники нового типа с ясной и легко усвояемой методикой. Книги А. В. Таппе быстро разошлись, сделав автора одним из первопроходцев в деле преподавания русского языка немцам» [Хексельшнайдер, 1999, с. 348], о чем сам автор писал: «Тысячи северных немцев, начиная с 1810 г., обязаны этим сочинениям о русском языке своими должностями, честью и куском хлеба и несут с помощью этого языка с успехом немецкие науку, искусство, прилежание, понимание и воспитание в самые отдаленные земли» (цит. по [Хексельшнайдер, 1999, с. 348].)

В этом контексте понятно, почему Т. М. Григорьева и Е. О. Ершова назвали его «... миссионером русского языка и российской истории, по-

скольку его труды на немецком языке, адресованные желающим овладеть русским языком, включали практически весь спектр методических руководств: *хрестоматии, сборники практических упражнений, пособия по теоретической грамматике, словари, лексиконы, книги для чтения*» [Григорьева, Ершов, 2010, с. 198].

Кроме перечисленных работ перу А. В. Таппе принадлежат две диссертации, несколько книг по вопросам нравственности и антропологии, а также другие работы.

3. Грамматика А. В. Таппе и ее источники

Ответ на вопрос об оригинальности его главного произведения по русскому языку («Новый теоретический и практический курс русского языка для немцев с многочисленными примерами, в качестве заданий для перевода с немецкого языка на русский и с русского на немецкий, в соответствии с основными учениями грамматики, вместе с очерком истории России до ...») вполне однозначно дает сам автор – и в его названии (ср. «...в соответствии с основными учениями грамматики...») и в предисловии. Так, в предисловии к пятому изданию, перепечатанному и в шестом, и в последнем, седьмом изданиях, А. В. Таппе поясняет: «Что Ломоносов, Родде, Гейм, Соколов, Санкт-Петербургская Академия, а еще в последнее время Борн, Греч и Фатер сделали в теоретическом плане для русской грамматики, составитель пытался использовать, представить с краткостью и легкостью, объяснить и дополнить собственными и новыми взглядами, насколько это ему удастся» [Tappe, 1826, S. IV] (впрочем, год спустя сам Н. И. Греч обращает внимание на этот же факт: «Автор сей книги принес великую пользу иностранцам, облегчив изучение Русского языка выбором и удобным расположением правил и примеров; но мы не могли ничем из оной заимствоваться, ибо все правила оной взяты из других Грамматик» [Греч, 1827, с. 52]).

Разумеется, грамматики русского языка М. В. Ломоносова, Санкт-Петербургской Академии, Н. И. Греча (см. [Лукин 2020]) и И. С. Фатера значительно известнее грамматик других авторов. Однако, в этом списке мы находим и другие работы. Это, прежде всего, «Russische Sprachlehre» Я. Родде [Rodde, 1789] и «Russische Sprachlehre für Deutsche» И. А. Гейма [Heym, 1789].

Упомянутый в учебнике И. М. Борн (рус. Иван Мартынович Борн, нем. Johann Georg

Born, 20.09.1778 – 13.09.1851) был автором «Краткого руководства к российской словесности», изданного в 1808 году [Борн, 1808]. С 1803 по 1809 гг. он преподавал русский язык в Главном немецком училище Св. Петра в Санкт-Петербурге (то есть непосредственно перед самим Таппе, а его преемником в этой должности был не кто иной как Н. И. Греч). И. М. Борн был также основателем Вольного общества любителей словесности, наук и художеств, писателем и поэтом.

«Начальные основания российской грамматики в пользу учащегося в Гимназии при Императорской Академии наук юношества составленные», принадлежит перу члена Российской академии и ее неперемного секретаря П. И. Соколова (24.06.1764 – 02.01.1835) [Соколов, 1788] (первое издание грамматики вышло в 1788, пятое – в 1808 году). Эту грамматику О. Л. Арискина называет «... одной из тех лингвистических работ, которыми завершился ломоносовский этап в изучении морфемики и словообразования и языковых единиц в целом» [Арискина, 2010, с. 22].

Заключение

Оценивая вклад А. В. Таппе в историю языкознания, в первую очередь, в историю грамматического описания русского языка следует отметить, что его учебники русского языка для немецких учащихся ни в коей мере не были собственно оригинальными сочинениями автора. Однако упрекать его в плагиате и / или компиляции в полной мере также не стоит.

Учебники А. В. Таппе – это плод многолетнего труда педагога, методиста, коим он был на протяжении многих десятилетий. Задача его состояла не в том, чтобы найти что-то новое в русской грамматике, предложить свое видение грамматических феноменов русского языка, а в том, чтобы на основе имеющихся авторитетных научных и учебных описаний составить свой удобный в практической деятельности учебный комплект, состоящий из учебника, хрестоматии и книги для чтения по истории России.

И этот замысел ему, несомненно, удался, о чем свидетельствуют восторженные отзывы о его работах как российских, так и немецких современников.

Библиографический список

1. Арискина О. Л. Замечания П. И. Соколова о морфемики и словообразовании // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 29 (210). Филология. Искусствоведение. Вып. 47. С. 20–23.
2. Борн И. М. Краткое руководство к российской словесности. Санкт-Петербург : Печатано в типографии Ф. Дрехслера, 1808. XII, 162 с.
3. Григорьева Т. М., Ершова Е. О. Дитрих Август Вильгельм Таппе: миссионер русского языка и российской истории // Филология и человек. Барнаул, 2010. № 3. С. 198–204.
4. Ермолов В. А. Особенности системы образования в национальных школах Российской империи: немецкие школы // Общество. Среда. Развитие. 2009, № 3. С. 81–88.
5. Лукин О. В. Русские грамматики Н. И. Греча и их немецкие источники // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 2 (21). С. 158–163.
6. Лукин О. В. Адмирал Шишков, генерал Ахвердов, майор Щуплепников и «Русская грамматика» И. С. Фатера // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 2 (25). С. 86–91.
7. Маловичко С. И., Марухин В. Ф. Учебная книга по русской истории в системе презентации национально-государственной истории российской империи конца XVIII – 40 гг. XIX века // Преподаватель XXI век. 2017. № 4. С. 282–299.
8. Маловичко С. И., Марухин В. Ф. Практики саморепрезентации национальной истории: учебная книга и национально-государственный нарратив // Прошлое для настоящего: История-память и нарративы национальной идентичности: коллективная монография / под общ. ред. Л. П. Репиной. Москва : Аквилон, 2020. С. 184–213.
9. Половцов А. А. (ред.) Таппе, Август Вильгельмович // Половцов А. А. (ред.) Русский биографический словарь. Т. 20. Санкт-Петербург : Типография Товарищества «Общественная Польза», 1912. С. 291–292.
10. Половцов В. А. Краткая летопись грамматической деятельности в России. Санкт-Петербург : В типографии военно-учебных заведений, 1847. 79 с.
11. Хексельшнайдер Э. Август Вильгельм Таппе – популяризатор Н. М. Карамзина // XVIII век. Сборник 21. Памяти Павла Наумовича Беркова (1896–1969). Санкт-Петербург : «Наука», 1999. С. 347–357.
12. Соколов П. И. Начальные основания российской грамматики в пользу учащегося в Гимназии при Императорской Академии наук юношества составленные. Санкт-Петербург : Типография при Императорской Академии наук, 1788. 148 с.
13. Черказьянова И. В. История школы российских немцев XIX – начала XX века в терминах и понятиях // Вестник Челябинского государственного университета. Серия 1: История. 2008. Выпуск 25, № 18 (119). С. 39–46.
14. Heym J. Russische Sprachlehre für Deutsche / Von Johann Heym, Russisch-Kayserlichem Collegien-Assessor und Professor bey der Moskowschen Universität. Moskwa [Moskva]: In der Universitäts

Buchdruckerey: Bey N. v. Nowikow, 1789. XII, 248, 68, [3] S.

15. Goldbach C. von Vorrede // Tappe A. W. Geschichte Russlands nach Karamsin. Aus der Urschrift deutsch bearbeitet, und mit vielen Anmerkungen als Erläuterungen und Zusätzen, begleitet. Zweiter Theil. Von Dimitri Donskoi bis auf Johann IV. Dresden und Leipzig: In der Arnoldischen Buchhandlung, 1831. S. III–VI.

16. Recke, J. F. v. Tappe (Dietrich August Wilhelm) // Allgemeines Schriftsteller- und Gelehrtenlexikon der Provinzen Livland, Esthland und Kurland / Bearb. von J. F. v. Recke, K. E. Napiersky. Mitau: Steffenhagen und Sohn, 1832. Bd. 4. S. 345–347.

17. Rodde J. Russische Sprachlehre / Verfasset von Jacob Rodde, Secretair und Translateur eines hochedlen Rathes der Russischkaiserlichen Stadt Riga. Riga: Bey Johann Friedrich Hartknoch, 1789. 24, 431, [1] S.

18. Tappe A. W. Erstes russisches grammatisches Lesebuch über die Formenlehre, oder: Russische Uebersetzungen der deutschen Aufgaben nach den Hauptlehren der Grammatik in der Sprachlehre: Zur siebenten Auflage der Russischen Sprachlehre für Deutsche gehörig. St. Petersburg, gedruckt bei Karl Kray, und zu haben bei Asmus Simonsen und Comp. im Sareptaischen Hause. Riga: bei I. Deubner, Riga und Dorpat: bei E. Frangen, Mitau: bei G. A. Reyher, Dresden und Leipzig: bei Arnold. 1835. 32 S.

19. Tappe A. W. Geschichte Russlands nach Karamsin. Aus der Urschrift deutsch bearbeitet, und mit vielen Anmerkungen als Erläuterungen und Zusätzen, begleitet. Zweiter Theil. Von Dimitri Donskoi bis auf Johann IV. Dresden und Leipzig: In der Arnoldischen Buchhandlung, 1831. VI, 298 S.

20. Tappe A. W. Neue theoretisch-praktische russische Sprachlehre für Deutsche mit vielen Beispielen, als Aufgaben zum Uebersetzen aus dem Deutschen in das Russische und aus dem Russischen in das Deutsche, nach den Hauptlehren der Grammatik, nebst einem Abrisse der Geschichte Rußlands bis 1826, von August Wilhelm Tappe, Doctor der Theologie und Philosophie, Professor der Naturgeschichte, Moral und Sprachwissenschaften in Tharant, Ritter des St. Annen-Ordens, Mitglieder der Königlichen Akademie der Wissenschaften in Erfurt, der Kaiserlichen mineralogischen Gesellschaften zu St. Petersburg und der Großherzoglich Sachsen-Weimarschen zu Jena, der Kurländischen Gesellschaft für Litteratur und Kunst in Mitau, der Alterthumskunde in Halle und der naturforschenden Gesellschaft in Leipzig. Sechste verbesserte und vermehrte Auflage. St. Petersburg: Gedruckt bey Karl Kray, bey Asmus Simonsen und Comp. im Sareptaischen Hause, Riga: bey Deubner, Dresden und Leipzig: bey Arnold, 1826. VIII, 337 S.

Reference list

1. Ariskina O. L. Zamechanija P. I. Sokolova o morfemike i slovoobrazovanii = P. I. Sokolov's notes on morphemes and word formation // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. № 29

(210). Filologija. Iskusstvovedenie. Vyp. 47. S. 20–23.

2. Born I. M. Kratkoe rukovodstvo k rossijskoj slovesnosti = A concise guide to Russian literature. Sankt-Peterburg : Pechatano v tipografii F. Drehslera, 1808. XII, 162 c.

3. Grigor'eva T. M., Ershova E. O. Ditrih Avgust Vil'gel'm Tappe: missioner russkogo jazyka i rossijskoj istorii = Dietrich August Wilhelm Tappe: missionary for the Russian language and Russian history // Filologija i chelovek. Barnaul, 2010. № 3. S. 198–204.

4. Ermolov V. A. Osobennosti sistemy obrazovanija v nacional'nyh shkolah Rossijskoj imperii: nemeckie shkoly = Specific features of the education system in ethnic schools of the Russian Empire: German schools // Obshhestvo. Sreda. Razvitie. 2009, № 3. S. 81–88.

5. Lukin O. V. Russkie grammatiki N. I. Grecha i ih nemeckie istochniki = N. I. Grech's Russian grammars and their German sources // Verhnevolszhskij filologicheskij vestnik. 2020. № 2 (21). S. 158–163.

6. Lukin O. V. Admiral Shishkov, general Ahverdov, major Shhulepnikov i «Russkaja grammatika» I. S. Fatera = Admiral Shishkov, General Akhverdov, Major Shhulepnikov, and I. S. Vater's Russian Grammar // Verhnevolszhskij filologicheskij vestnik. 2021. № 2 (25). S. 86–91.

7. Malovichko S. I., Maruhin V. F. Uchebnaja kniga po russkoj istorii v sisteme prezentacii nacional'no-gosudarstvennoj istorii rossijskoj imperii konca XVIII – 40 gg. XIX veka = A textbook on Russian history in the system of presentation of the Russian Empire's national state history of the late XVIII – 40s of the XIX century // Prepodavatel' XXI vek. 2017. № 4. S. 282–299.

8. Malovichko S. I., Maruhin V. F. Praktiki samoprezentacii nacional'noj istorii: uchebnaja kniga i nacional'no-gosudarstvennyj narrativ = Practices of national history self-presentation: the textbook and the national state narrative // Proshloe dlja nastojashhego: Istoriya-pamjat' i narrativy nacional'noj identichnosti: kolektivnaja monografija / pod obshh. red. L. P. Repinoj. Moskva : Akvilon, 2020. S. 184–213.

9. Polovcov A. A. (red.) Tappe, Avgust Vil'gel'movich = Tappe, August Wilhelmovich // Polovcov A. A. (red.) Russkij biograficheskij slovar'. T. 20. Sankt-Peterburg : Tipografija Tovarishhestva «Obshhestvennaja Pol'za», 1912. C. 291–292.

10. Polovcov V. A. Kratkaja letopis' grammaticheskogo dejatel'nosti v Rossii = A concise chronicle of grammatical activity in Russia. Sankt-Peterburg : V tipografii voenno-uchebnyh zavedenij, 1847. 79 s.

11. Heksel'shnajder Je. Avgust Vil'gel'm Tappe – popularizator N. M. Karamzina = August Wilhelm Tappe, a popularizer of N. M. Karamzin // XVIII vek. Sbornik 21. Pamjati Pavla Naumovicha Berkova (1896–1969). Sankt-Peterburg : «Nauka», 1999. S. 347–357.

12. Sokolov P. I. Nachal'nye osnovanija rossijskoj grammatiki v pol'zu uchashhagosja v Gimnazii pri Imperatorskoj Akademii nauk junoshestva soctavlenija = Basic principles of Russian Grammar compiled for the

benefit of the youth studying in the Grammar School at the Imperial Academy of Sciences. Sankt-Peterburg : Tipografija pri Imperatorskoj Akademii nauk, 1788. 148 s.

13. Cherkaz'janova I. V. Istorija shkoly rossijskich nemcev XIX – nachala HH veka v terminah i ponjatijah = History of the Russian German School in the XIX and early XX centuries in terms and concepts // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 1: Istorija. 2008. Vypusk 25, № 18 (119). S. 39–46.

14. Heym J. Russische Sprachlehre für Deutsche / Von Johann Heym, Russisch-Kayserlichem Collegien-Assessor und Professor bey der Moskowischen Universität. Moskwa [Moskva]: In der Universitäts Buchdruckerey: Bey N. v. Nowikow, 1789. XII, 248, 68, [3] S.

15. Goldbach C. von Vorrede // Tappe A.W. Geschichte Russlands nach Karamsin. Aus der Urschrift deutsch bearbeitet, und mit vielen Anmerkungen als Erläuterungen und Zusätzen, begleitet. Zweiter Theil. Von Dimitri Donskoi bis auf Johann IV. Dresden und Leipzig: In der Arnoldischen Buchhandlung, 1831. S. III–VI.

16. Recke, J. F. v. Tappe (Dietrich August Wilhelm) // Allgemeines Schriftsteller- und Gelehrtenlexikon der Provinzen Livland, Esthland und Kurland / Bearb. von J. F. v. Recke, K. E. Napiersky. Mitau: Steffenhagen und Sohn, 1832. Bd. 4. S. 345–347.

17. Rodde J. Russische Sprachlehre / Verfasset von Jacob Rodde, Secretair und Translateur eines hochedlen Raths der Russischkaiserlichen Stadt Riga. Riga: Bey Johann Friedrich Hartknoch, 1789. 24, 431, [1] S.

18. Tappe A. W. Erstes russisches grammatisches Lesebuch über die Formenlehre, oder: Russische Uebersetzungen der deutschen Aufgaben nach den Hauptlehren der Grammatik in der Sprachlehre: Zur siebenten

Auflage der Russischen Sprachlehre für Deutsche gehörig. St. Petersburg, gedruckt bei Karl Kray, und zu haben bei Asmus Simonsen und Comp. im Sareptaischen Hause. Riga: bei I. Deubner, Riga und Dorpat: bei E. Frangen, Mitau: bei G. A. Reyher, Dresden und Leipzig: bei Arnold. 1835. 32 S.

19. Tappe A. W. Geschichte Russlands nach Karamsin. Aus der Urschrift deutsch bearbeitet, und mit vielen Anmerkungen als Erläuterungen und Zusätzen, begleitet. Zweiter Theil. Von Dimitri Donskoi bis auf Johann IV. Dresden und Leipzig: In der Arnoldischen Buchhandlung, 1831. VI, 298 S.

20. Tappe A. W. Neue theoretisch-praktische russische Sprachlehre für Deutsche mit vielen Beispielen, als Aufgaben zum Uebersetzen aus dem Deutschen in das Russische und aus dem Russischen in das Deutsche, nach den Hauptlehren der Grammatik, nebst einem Abrisse der Geschichte Rußlands bis 1826, von August Wilhelm Tappe, Doctor der Theologie und Philosophie, Professor der Naturgeschichte, Moral und Sprachwissenschaften in Tharant, Ritter des St. Annen-Ordens, Mitglie der Königlichen Akademie der Wissenschaften in Erfurt, der Kaiserlichen mineralogischen Gesellschaften zu St. Petersburg und der Großherzoglich Sachsen-Weimarschen zu Jena, der Kurländischen Gesellschaft für Litteratur und Kunst in Mitau, der Alterthumskunde in Halle und der naturforschenden Gesellschaft in Leipzig. Sechste verbesserte und vermehrte Auflage. St. Petersburg: Gedruckt bey Karl Kray, bey Asmus Simonsen und Comp. im Sareptaischen Hause, Riga: bey Deubner, Dresden und Leipzig: bey Arnold, 1826. VIII, 337 S.

Статья поступила в редакцию 13.05.2022; одобрена после рецензирования 26.06.2022; принята к публикации 23.08.2022.

The article was submitted on 13.05.2022; approved after reviewing 26.06.2022; accepted for publication on 23.08.2022.

Научная статья

УДК 81-22

DOI: 10.20323/2499-9679-2022-3-30-91-97

EDN: TJQLMP

Основные теоретические вопросы языковой специфики научного текста

Зоя Алексеевна Кратнова

Аспирант кафедры теории языка и немецкого языка ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского». 150000 г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
zais.87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4675-0582>

Аннотация. Данная статья посвящена проблемам изучения научного текста, его морфологических и синтаксических особенностей. Благодаря современным технологиям стало возможным осуществлять поиск и обмен научной информацией по всему миру, что говорит об открытости и доступности научной литературы в настоящие дни. Рассматриваемый жанр диссертации относится к письменной научной коммуникации. Основой научной речи является научное знание, зафиксированное в форме текста. Научный стиль речи имеет свои специфические лингвистические особенности, которые проявляются на разных языковых уровнях, а именно морфологическом, синтаксическом, лексическом, стилистическом. В статье рассматривается понятие научного текста, определяются основные морфосинтаксические особенности выбранных текстов диссертаций на русском языке за последнее десятилетие (2011–2021 гг.). Проводится анализ вышеупомянутых текстов на морфологическом и на синтаксическом уровнях. Представлены результаты проведенного исследования. Данное исследование подтверждает, что научный стиль речи отличается использованием терминов, включает суждения и умозаключения, соединенные между собой в соответствии с законами логики, наличием строгой аргументации, строгой структурированностью, объективностью изложения. Делаются выводы относительно преобладания на морфологическом уровне существительных с абстрактным значением, существительных женского рода, широкого использования относительных прилагательных. Прослеживается тенденция к употреблению глаголов несовершенного вида во вневременном значении третьего лица единственного и множественного числа. В синтаксисе частотны неопределенно-личные и безличные предложения, а также сложные построения предложений. Выявлена тенденция к использованию простых, сложноподчиненных, смешанных сложных предложений.

Ключевые слова: научный текст; диссертационные исследования; морфологические особенности; синтаксические особенности; русский язык; научный стиль речи; анализ

Для цитирования: Кратнова З. А. Основные теоретические вопросы языковой специфики научного текста // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 3 (30). С. 91–97. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-3-30-91-97>. <https://elibrary.ru/TJQLMP>

Original article

Language specifics of the scientific text

Zoya A. Kratnova

Postgraduate student, the department of language theory and the german language, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1
zais.87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4675-0582>

Abstract. This article focuses on the problems of studying the scientific text, its morphological and syntactic features. Thanks to modern technologies, it has become possible to search and exchange scientific information around the world, which indicates the openness and accessibility of scientific literature today. The genre of the dissertation under consideration refers to written scientific communication. The basis of scientific speech is scientific knowledge, fixed in the form of a text. The scientific style of speech has its own specific linguistic features, which are manifested at different linguistic levels, namely morphological, syntactic, lexical, stylistic. The article considers the concept of scientific text, defines the main morphosyntactic features of selected dissertation texts for the last decade of 2011–2021. The above mentioned texts are analyzed on the morphological and syntactic levels. The article presents the results of the study which confirm that the scientific style of speech is characterized by the use of terms, includes judgments and in-

ferences connected with each other in accordance with the laws of logic, the presence of strong argumentation, strict structure, objectivity of presentation. Conclusions are made regarding the predominance at the morphological level of nouns with an abstract meaning, feminine nouns, and the widespread use of relative adjectives. There is a tendency to use verbs of imperfect form in the timeless meaning of the third person singular and plural. In syntax, indeterminate-personal and impersonal sentences, as well as complex constructions of sentences, are frequent. A tendency to use simple, complex, mixed complex sentences has been revealed.

Key words: scientific text; dissertation studies; morphological features; syntactic features; russian language; scientific speech style; analysis

For citation: Kratnova Z. A. Language specifics of the scientific text. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2022;(3):91–97. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-3-30-91-97>. <https://elibrary.ru/TJQLMP>

Введение

Основной целью данного исследования является определение морфосинтаксических особенностей русскоязычного научного текста на материале анализа русскоязычных кандидатских и докторских диссертационных исследований последнего десятилетия с 2011 по 2021 гг. по специальностям 10.02.04 Германские языки, 10.02.05 Романские языки, 10.02.19 Теория языка, 10.02.20 Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание, 10.02.22 Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, 10.02.01 Русский язык.

Теоретической основой данного исследования послужили лингвистические концепции понимания научного текста Т. В. Дроздовой, И. Р. Гальперина, З. Я. Тураевой и др., закономерности функционирования языка в научном стиле речи, отраженные в работах М. Н. Кожинной, М. П. Котюровой, Н. И. Колесниковой, Л. Г. Роговой, Н. Ф. Сафьяновой, Т. Е. Аросеевой, М. П. Сенкевич, И. В. Богатыревой и других.

Благодаря современным технологиям стало возможным осуществлять поиск и обмен научной информацией по всему миру, что говорит об открытости и доступности научной литературы в настоящие дни.

Информативная функция научного текста находит отражение в его жанровых особенностях: выделяют научную (монографии, статьи, диссертации, рефераты), а также учебную и справочную литературу. Несмотря на различие в содержании и предназначении жанров, они объединены природой научного мышления: его основная форма – понятие, а языковое выражение мысли – суждения, выводы, следующие один за другим в строгой логической последовательности. Это определяет такие особенности научного стиля, как отвлеченность и обобщенность. В текстах данного стиля структурно выражена логичность изложения.

Рассматриваемый жанр диссертации относится к письменной научной коммуникации, соответ-

ственно основой научной речи является научное знание, зафиксированное в форме текста. Знание является не набором случайных фактов, а набором сведений, объединенных в логическую, стройную систему в процессе познания [Баженова, Котюрова, 2017, с. 145].

Несмотря на огромное количество существующих определений научного текста, выделим одно, на наш взгляд наиболее подходящее: «Научный текст – это единство содержания, формы, средства выражения мысли. Научный текст относится к функциональному стилю речи литературного языка, с рядом особенностей: предварительное обдумывание высказывания, монологический характер, строгий отбор языковых средств, тяготение к нормированной речи» [Котюрова, 2019, с. 16].

Так, научный стиль речи отличается следующими характеристиками: отвлеченностью, обобщенностью, точностью, сухостью, строгостью, подчеркнутой логичностью [Котюрова, 2019, с. 19]. Обобщенность и отвлеченность речи, являющиеся определяющими для научных текстов, вытекают из назначения науки – изучение свойств феноменального мира, формирование системы знаний, выводов, законов об окружающем нас мире.

Обзор научных работ по теме исследования

Научный стиль речи имеет свои специфические лингвистические особенности, которые проявляются на разных языковых уровнях, а именно морфологическом, синтаксическом, лексическом, стилистическом. Проблемами научного стиля речи занимались такие ученые как М. П. Котюрова (Стилистика научной речи, Культура научной речи) [Котюрова, 1996, 2008, 2019], Н. И. Колесникова (Что важно знать о языке и стиле научных текстов, Развитие письменной научной речи: образовательные уровни «Лицей-вуз», Культура научной и деловой речи) [Колесникова, 2021, 2022], Л. Г. Рогова, Н. Ф. Сафьянова, Т. Е. Аросеева (Пособие по научному стилю речи) [Аросеева,

2017], *М. П. Сенкевич* (Стилистика научной речи и литературное редактирование научных произведений) [Сенкевич, 1984], *И. В. Богатырева* (Пособие по научному стилю речи) [Богатырева, 1986], *О. А. Стычева* (Научный стиль речи: вопросы дидактического обеспечения, Научный стиль и профессиональная компетенция) [Стычева, 2012], и другие. В своих работах *М. П. Котюрова* повествует о смысловой структуре научного текста, рассматривает научный текст как объект редактирования, ставит цели и решает задачи стилистики научной речи [Котюрова, 1996, 2008, 2019]. *Н. И. Колесникова* рассматривает научный текст в контексте обучения студентов написанию научных статей, диссертаций, квалификационных работ, рассматривает типичные ошибки, которые встречаются в работах студентов и предлагает пути решения проблем [Колесникова, 2021, 2022]. *Л. Г. Рогова, Н. Ф. Сафьянова, Т. Е. Аросеева* в своих трудах делают упор на развитие навыков устной научной речи и обучение чтению технических научных текстов с последующим конспектированием прочитанного [Аросеева, 2017]. В предлагаемом *М. П. Сенкевич* пособии для студентов редакторских факультетов полиграфических институтов и факультетов журналистики государственных университетов проводится лингвистический анализ лексико-фразеологического и морфолого-синтаксического состава научных произведений, выявлены нормы и закономерности языка и стиля научной литературы, особенности функционального стиля науки и техники как одного из наиболее замкнутых подязыков (подсистем) русского литературного языка; описана стилистика научной речи; рассмотрены вопросы литературного редактирования научных произведений [Сенкевич, 1984]. *О. А. Стычева* повествует о научном стиле речи с точки зрения обучения школьников и студентов с акцентом на повышении требований к уровню лингвистической подготовки специалистов [Стычева, 2012]. *И. В. Богатырева* говорит о правильной подаче материала при написании научных работ, выделяет специфические черты научного стиля речи [Богатырева, 1986].

Морфологические и синтаксические особенности текстов диссертаций

Опираясь на работы вышеперечисленных авторов и проанализировав научный стиль речи на материале пятидесяти текстов русскоязычных диссертаций, можно выделить основные особенности на морфологическом и синтаксическом

уровнях. Преобладание отглагольных имен существительных, родительного падежа, настоящего времени в глагольных формах, использование безличных форм глагола – на морфологическом уровне. На синтаксическом уровне – использование безличных конструкций, простых и сложноподчиненных предложений. Высокую частотность имеет употребление повествовательных предложений с использованием союзов, лексических повторов, личных и указательных местоимений в качестве средств связи в предложении.

Морфологические особенности

На морфологическом уровне об употреблении существительных можно сказать, что активно используются существительные с абстрактным значением с преобладанием форм женского и среднего родов, редко используются аббревиатуры и сложносокращенные слова (МАПРЯЛ, НГЛУ, ПЯ, ИЯ, ЛЕ). Абстрактность и общность научной речи выражается в использовании существительных среднего рода. Например: *движение, количество, явление, отношение, действие, обстоятельство, резюмирование, свойство, формирование, изменение, распределение, состояние, усиление, влияние, значение, дискурс, определение и т. д.* Среди существительных мужского и женского рода мы выделили большое количество следующей абстрактной лексики: *надеж, идиостиль, опыт, процесс, вопрос, объём, характер, период, дискурс, метод, результат и т. д.; часть, дескрипция, номинация, категоризация, визуализация, референция, репрезентация, черты, форма, сила, величина, база, структура, значимость, культура, модальность, актуализация, обработка, активность, возможность, лексикализация, грамматикализация, прагматикализация, генерализация, конкретизация, ирония, потребность, поэтика, эстетика, классификация и т. д.* Абстрактные существительные здесь, как правило, не метафоризованы и выступают в качестве терминов (*диалогичность, дискурс, частотность, динамичность, периферия, категоризация, визуализация, референция*). Отметим, что существительные женского рода наиболее частотны. Из 55 проанализированных текстов диссертаций 50 % существительных были женского рода, 32 % пришлось на существительные среднего рода и 18 % – существительные мужского рода.

В анализируемых текстах диссертации было обнаружено широкое использование относительных прилагательных (*объективный, субъективный, возвышенный, интеллектуальный, философ-*

ский, научный, когнитивный, дискурсивный, контекстуальный, диалогический, изоморфный, гендерный, онтолингвистический, грамматический, междисциплинарный), сложные формы сравнительной и превосходной степеней сравнения (не столь разнонаправлены, наиболее употребительными, наименее эффективными, более активное). Простые формы степеней сравнения имен прилагательных употребляются реже.

Глаголы зачастую употребляются во вневременном значении. Прослеживается тенденция к употреблению глаголов несовершенного вида (*влечет, подчеркивает, говорит, предстают, заключает, содержит, приносит, доказывает, цель заключается, вопрос ставится, парадигма рассматривается, анализируется специфика, это происходит, он показывает, управляет, стереотипность проявляется*). Преимущественно использование глаголов третьего лица единственного и множественного числа (*является, обоснована, определены, находится, применены, привлекает, представляют, синтезируют, существует, разыгрывается, прослеживается, нашли подтверждение, может быть изучена*), либо деепричастных оборотов первого лица единственного числа без основного местоимения (*учитывая, полагая, анализируя, доказывая, опираясь, прослеживая, включаясь*). В сослагательном наклонении глаголы встречаются довольно редко. Глаголов в повелительном наклонении обнаружено не было.

В материалах диссертаций нам встретилось большое количество глаголов с ослабленными лексико-грамматическими значениями времени, лиц и чисел, например, идентичные конструкции: *производится анализ – осуществляется анализ – анализируется; мы можем сделать вывод – исходя из вышесказанного, делаем вывод – приходим к выводу*. В синтаксисе это явление отражено в так называемых неопределенно-личных предложениях, которые позволяют заменить безличные предложения (*сравните синонимичные выражения: мы приходим к выводу, что понимание сопряжено с объяснением / вывод таков – понимание сопряжено с объяснением / можно сделать вывод о том, что понимание сопряжено с объяснением*).

Повествуя об особенностях грамматики текста диссертационных исследований можно говорить о своеобразии грамматической структуры научного стиля. Научная речь довольно часто имеет именной характер, поэтому встречается большое количество существительных и прилагательных по отношению к глаголу и глагольным формам.

Например, рассматривается пример влияния мировоззренческих форм познания на становление и развитие гуманитарных знаний; или параграф посвящен рассмотрению формирования классических черт методов гуманитарных наук и анализу дискуссии о различии черт гуманитарных наук. Причастия, отглагольные прилагательные и существительные активно заменяют глагольные формы, например: *анализировать – проанализировав, развивать – развитие, рассмотреть – рассмотрение, формировать – формирование, решить – решение и т. д.*

Обобщенным характером обладают местоимения как личные, так и притяжательные и употребляются, в основном, в формах первого лица множественного числа: *мы выяснили, мы доказали, мы пришли к выводу, мы исследовали, если мы исключаем..., то получаем...; мы приходим к результату... и т. д.* или же третьего лица единственного и множественного числа: *они проанализировали, он олицетворяет, они внесли, оно не представляет собой, он призывает*. Но зачастую во всех этих случаях наряду с возможностью использования местоимения множественного числа первого лица «мы» вероятнее будет упущение этого местоимения с заменой на неопределенно-личную конструкцию: *если исключить, чтобы заменить, для анализа необходимо, можно говорить, необходимо отметить, и т. д.* или же замена местоименной конструкции с помощью страдательного залога: *здесь рассматриваются, формулируются выводы, намечаются перспективы, изучение представляется актуальным, обосновывается актуальность, определен объект, изложены цель и задачи и т. д.* В форме первого лица единственного числа местоимений не выявлено, так как это не является характерным признаком научного стиля речи. Для выражения логической связи в предложении употребимы указательные местоимения: *эти ученые, этот метод, эта проблема, это и послужило*.

Часто встречаются предложно-именные словосочетания: *в результате, в действительности, в виде, с помощью, с точки зрения, в свою очередь, в качестве и другие*; сказуемые именного типа: *приведем примеры, дать оценку*; определения: *определение, данное лингвистами; ученые, проанализировав данные, пришли к выводу...; безличные или неопределенно-личные предложения, вводные слова и вводные конструкции: возможно, очевидно, логично и другие*.

Естественным является то, что в диссертациях используется большое количество терминов: *ка-*

тегори́зация, визуализация, референция, репрезентация, модальность, актуализация, лексикализация, грамматикализация, прагматикализация, генерализация, конкретизация, ирония, поэтика, эстетика, дискурс.

Синтаксические особенности

На синтаксическом уровне языка научного познания характерными особенностями являются сложные построения предложений для передачи системы научных понятий, установления отношений внутри предложения между видовыми и родовыми понятиями, между причиной и следствием, между доказательствами и выводами. Частотны использования предложений с однородными членами, связующими и обобщающими словами при них: *диалог существует как бытийственный и познавательный акт; текст выступает не как данность, а как феномен культуры; дисциплина содержит ряд приемов интерпретации и понимания; не только фактуальный, но и ценностный аспект.*

Прямой порядок слов в предложениях способствует ясности и точности формулировок. При этом инверсия при расположении членов предложения может служить логическим усилением, выделением той или иной части высказывания, а потому возможны отклонения от стилистически нейтрального порядка.

Особое значение имеет логичное построение мысли, что помогает подчеркнуть логическую сторону речи. Этой же цели служит и умелое объединение отдельных предложений в сложное синтаксическое целое (сверхфразовое единство). Последовательность в развитии мысли отражает вводные слова и фразы: *во-первых, во-вторых, наконец, так, например, все-таки.* При этом синтаксису научной речи не свойственны соединительные конструкции, которые лишают высказывание целостности.

Важно отметить, что гармония, последовательность, упорядоченность синтаксических конструкций присущи всем жанрам научных работ, в том числе диссертационным исследованиям. Для диссертаций характерно использование большого количества страдательных конструкций: *формулируются выводы, намечаются перспективы, изучение представляется актуальным, обосновывается актуальность, определен объект, изложены цель и задачи и т. д.;* безличных и неопределенно-личных конструкций: *если исключить, чтобы доказать, для этого необходимо сделать, можно говорить, необходимо отметить, и т. д.*

Обязателен правильный порядок слов. Наряду с простыми предложениями довольно широко представлены следующие типы предложений – сложноподчиненные, сложносочиненные и смешанные сложные предложения.

Сложноподчиненные: *Необходимо отметить, что темпоральные ремарки, указывающие на события, наиболее часто встречаются в его поздних произведениях, выступая их неотъемлемой структурной единицей;*

Мы приходим к выводу, что изучение художественных произведений в свете жанровой специфики представляется актуальным и плодотворным в работе с региональным литературным материалом.

Сложносочиненные: *В романских языках и диалектах постглагольное отрицание имеет широкое распространение: оно присутствует в языках регионов от Южной Франции до Северной Италии.* Отметим, что в ходе исследования сложносочиненных предложений было выявлено довольно небольшое количество.

Смешанные сложные предложения: *Механизм расширения семиосферы (приращения числа её текстов) может описываться в рамках теории семиозиса через отношения знака к референту, где референт есть некоторый исходный текст, или прототекст, а знак – его текстовое отображение, метатекст;*

Адресант актуализирует акт рассуждения, содержащий информацию, достаточную для введения из нее необходимой смысловой составляющей: *объясняемое подводится под известное общее положение (описание) или опирается на утверждение о каузальной связи.*

Основные результаты исследования

Итак, научный стиль речи должен обладать однозначным использованием понятий, широким спектром суждений и умозаключений, соединенных между собой в соответствии с законами логики, наличием строгой аргументации, строгой структурированностью, объективностью изложения. Научный стиль имеет свои специфические лингвистические особенности, которые проявляются на разных языковых уровнях. Анализу были подвергнуты морфологический и синтаксический уровни.

В ходе анализа было установлено преобладание на морфологическом уровне существительных с абстрактным значением, при этом существительные женского рода наиболее частотны. Было обнаружено широкое использование отно-

сительных прилагательных, встречались сложные формы сравнительной и превосходной степеней сравнения. Простые формы степеней сравнения имен прилагательных обнаружены не были. Прослеживается тенденция к употреблению глаголов несовершенного вида во вневременном значении третьего лица единственного и множественного числа, также встречаются деепричастные обороты первого лица единственного числа без основного местоимения. В материалах диссертаций встретилось большое количество глаголов с ослабленными лексико-грамматическими значениями времени, лиц и чисел. В синтаксисе это явление отражено в неопределенно-личных и безличных предложениях. Личные и притяжательные местоимения употребляются в формах первого лица множественного числа, реже в форме третьего лица единственного числа. Часто встречаются предложно-именные словосочетания, вводные слова и вводные конструкции. На синтаксическом уровне характерными особенностями для текстов диссертационных исследований являются сложные построения предложений, частотны использования простых, сложноподчиненных, сложных предложений смешанного типа.

Библиографический список

1. Аросеева Т. Е. Научный стиль речи. Технический профиль / Т. Е. Аросеева, Л. Г. Рогова, Н. Ф. Сафьянова. Москва : Русский язык. Курсы, 2017. 312 с.
2. Баженова Е. А., Котюрова М. П. Научный текст в глобальном научном дискурсе XXI века // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9. Вып. 4. С. 143–147.
3. Богатырева И. В. Пособие по научному стилю речи: Филол. профиль. Для подгот. фак. вузов СССР. 2-е изд., переработ. Москва : Рс. яз., 1986.
4. Богин В. Г. Типология понимания текста. Калинин : Калининск. гос. ун-т., 1986. 87 с.
5. Ваников Ю. В. Типы научных и технических текстов и их лингвистические особенности. Москва : Всесоюзный центр переводов, 1985. Ч. 2. 62 с.
6. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. Москва : Наука, 1981. 139 с.
7. Костомаров В. Г. Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики. Москва : Гардарики, 2005. 287 с.
8. Котюрова М. П. Выражение эпистемической ситуации в периферийных текстах целого произведения // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. / под ред. М. Н. Кожинной. В 3-х т. Т. II. Стилистика научного текста (общие параметры). Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1996. Ч. 1. С. 341–370.
9. Котюрова М. П. Культура научной речи: текст и его редактирование: учеб. пособие / М. П. Котюрова, Е. А. Баженова. 2-е пер. изд., перераб. и доп. Москва : Флинта: Наука, 2008. 280 с.
10. Котюрова М. П. Современный научный текст (сквозь призму дискурсивных изменений): монография / М. П. Котюрова, Н. В. Соловьева. Москва : ФЛИНТА, 2019. 263 с.
11. Кубрякова Е. С. В генезисе языка, или Размышления об абстрактных именах // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 3. С. 5–14.
12. Левицкий Ю. А. Основы теории синтаксиса. Пермь : Изд-во Пермского гос. ун-та, 2003. 419 с.
13. Литовский Е. Ф. Проблемы формирования письменной речи. Челябинск : Челяб. гос. ун-т. 2000. 201 с.
14. Николенко О. В. Семантическое варьирование сложноподчиненных предложений с однородным соподчинением придаточных частей в русском языке. РГПУ, 2007. 158 с.
15. Николина Н. А. Филологический анализ текста. Москва : Академия, 2003. 256 с.
16. Сенкевич М. П. Стилистика научной речи и литературное редактирование научных произведений: [Учеб. пособие для вузов по спец. «Журналистика»]. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Высш. шк., 1984. 319 с.
17. Стычева О. А. Научный стиль речи: вопросы дидактического обеспечения // Мир науки, культуры, образования, № 3. Южно-Казахстанский гос. педагогический институт. 2012. С. 150–152.
18. Чернявская В. Е. Научный текст и его филологическая интерпретация. Санкт-Петербург : СПбГУЭФ, 2002. 88 с.
19. Kolesnikova N. I. Difficulties in teaching and learning scientific genres / N. I. Kolesnikova, Y. V. Ridnaya. Text: electronic // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences (EpSBS). 2021. Vol. 118: International conference on language and technology in the interdisciplinary paradigm (LATIP 2021), Novosibirsk–Irkutsk, 1–3 Apr. 2021. P. 447–451. URL: https://www.europeanproceedings.com/files/data/article/10088/15668/article_10088_15668_pdf_100.pdf (access date: 06.12.2021).
20. Kolesnikova N. I. The Integrated Model as a Basis for Teaching Academic Writing in Context of Globalization / N. I. Kolesnikova, Y. V. Ridnaya. DOI 10.1007/978-3-030-89477-1_54. Text: direct // Lecture Notes in Networks and Systems. Vol. 342: Science and Global Challenges of the 21st Century. 2022. P. 560–569.
21. Zashikhina I. Academic writing in the modern university curriculum. European Proceedings of Social and Behavioral Sciences. 116. 1012–1021.

Reference list

1. Aroseeva T. E. Nauchnyj stil' rechi. Tehnicheskij profil' = Scientific style of speech. Technical profile / T. E. Aroseeva, L. G. Rogova, N. F. Safjanova. Moskva : Russkij jazyk. Kursy, 2017. 312 s.
2. Bazhenova E. A., Kotjurova M. P. Nauchnyj tekst v global'nom nauchnom diskurse XXI veka = Scientific text in the global scientific discourse of the XXI century //

Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubeznaja filologija. 2017. T. 9. Vyp. 4. S. 143–147.

3. Bogatyreva I. V. Posobie po nauchnomu stilju rechi: Filol. profil'. Dlja podgot. fak. vuzov SSSR = Handbook on scientific style of speech: Philol. profile. For preparatory faculties of the USSR universities. 2-e izd., pererabot. Moskva : Ps. jaz., 1986.

4. Bogin V. G. Tipologija ponimaniya teksta = The typology of text understanding. Kalinin : Kalininsk. gos. un-t., 1986. 87 s.

5. Vannikov Ju. V. Tipy nauchnyh i tehniceskikh tekstov i ih lingvisticheskie osobennosti = Types of scientific and technical texts and their linguistic features. Moskva : Vsesojuznyj centr perevodov, 1985. Ch. 2. 62 s.

6. Gal'perin I. R. Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya = Text as an object of linguistic research. Moskva : Nauka, 1981. 139 s.

7. Kostomarov V. G. Nash jazyk v dejstvii: Oчерki sovremennoj russkoj stilistiki = Our language in action: Essays on contemporary Russian stylistics. Moskva : Gardariki, 2005. 287 s.

8. Kotjurova M. P. Vyrazhenie jepistemicheskoi situacii v periferijnyh tekstah celogo proizvedeniya = Expressing the epistemic situation in the peripheral texts of the work as a whole // Oчерki istorii nauchnogo stilja russkogo literaturnogo jazyka XVIII–XX vv. / pod red. M. N. Kozhinoj. V 3-h t. T. II. Stilistika nauchnogo teksta (obshhie parametry). Perm' : Izd-vo Perm. un-ta, 1996. Ch. 1. S. 341–370.

9. Kotjurova M. P. Kul'tura nauchnoj rechi: tekst i ego redaktirovanie = Scientific speech culture: the text and its editing : ucheb. posobie / M. P. Kotjurova, E. A. Bazhenova. 2 Per. izd., pererab. i dop. Moskva : Flinta: Nauka, 2008. 280 s.

10. Kotjurova M. P. Sovremennyj nauchnyj tekst (skvoz' prizmu diskursivnyh izmenenij) = Modern scientific text (through the prism of discursive change) : monografija / M. P. Kotjurova, N. V. Solov'eva. Moskva : FLINTA, 2019. 263 s.

11. Kubrjakova E. S. V genezise jazyka, ili Razmyshlenija ob abstraktnykh imenah = In the language genesis, or Reflections on abstract nouns // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. 2006. № 3. S. 5–14.

12. Levickij Ju. A. Osnovy teorii sintaksisa = The basics of the syntax theory. Perm' : Izd-vo Permskogo gos. un-ta, 2003. 419 s.

Статья поступила в редакцию 21.05.2022; одобрена после рецензирования 27.06.2022; принята к публикации 23.08.2022.

The article was submitted on 21.05.2022; approved after reviewing 27.06.2022; accepted for publication on 23.08.2022.

13. Litovskij E. F. Problemy formirovaniya pis'mennoj rechi = Problems of written speech formation. Cheljabinsk : Cheljab. gos. un-t. 2000. 201 s.

14. Nikolenko O. V. Semanticheskoe var'irovanie slozhnopodchinennyh predlozhenij s odnorodnym sopodchineniem pridatochnykh chastej v russkom jazyke = Semantic variation of complex sentences with homogeneous collateral subordination of clauses in Russian. RGPU, 2007. 158 s.

15. Nikolina N. A. Filologicheskij analiz teksta = Philological text analysis. Moskva : Akademija, 2003. 256 s.

16. Senkevich M. P. Stilistika nauchnoj rechi i literaturnoe redaktirovanie nauchnyh proizvedenij = Stylistics of scientific speech and literary editing of scientific works : [Ucheb. posobie dlja vuzov po spec. «Zhurnalistika»]. 2-e izd., ispr. i dop. Moskva : Vyssh. shk., 1984. 319 s.

17. Stycheva O. A. Nauchnyj stil' rechi: voprosy didakticheskogo obespecheniya = Scientific style of speech: issues of didactic support // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya, № 3. Juzhno-Kazahstanskij gos. pedagogicheskij institut. 2012. S. 150–152.

18. Chernjavskaia V. E. Nauchnyj tekst i ego filologicheskaja interpretacija = Scientific text and its philological interpretation. Sankt-Peterburg : SPbGUJeF, 2002. 88 s.

19. Kolesnikova N. I. Difficulties in teaching and learning scientific genres / N. I. Kolesnikova, Y. V. Ridnaya. Text: electronic // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences (EpSBS). 2021. Vol. 118: International conference on language and technology in the interdisciplinary paradigm (LATIP 2021), Novosibirsk–Irkutsk, 1–3 Apr. 2021. P. 447–451. URL: https://www.europeanproceedings.com/files/data/article/10088/15668/article_10088_15668_pdf_100.pdf (access date: 06.12.2021).

20. Kolesnikova N. I. The Integrated Model as a Basis for Teaching Academic Writing in Context of Globalization / N. I. Kolesnikova, Y. V. Ridnaya. DOI 10.1007/978-3-030-89477-1_54. Text : direct // Lecture Notes in Networks and Systems. Vol. 342: Science and Global Challenges of the 21st Century. 2022. P. 560–569.

21. Zashikhina I. Academic writing in the modern university curriculum. European Proceedings of Social and Behavioral Sciences. 116. 1012–1021.

Научная статья

УДК 81'272

DOI: 10.20323/2499-9679-2022-3-30-98-105

EDN: TQTESC

Ассоциативная синестемия как активатор образного мышления лиц с нарушениями зрения (на примере аудиодескрипции)

Алексей Иванович Горожанов^{1✉}, Кристина Александровна Губанова²

¹Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры грамматики и истории немецкого языка факультета немецкого языка, заведующий лабораторией фундаментальных и прикладных проблем виртуального образования ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет». 119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38/1

²Бакалавр лингвистики, специалист по учебно-методической работе лаборатории фундаментальных и прикладных проблем виртуального образования ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет». 119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38/1

¹a_gorozhanov@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0003-2280-1282>

²kristinagubanova@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2620-5234>

Аннотация. Статья посвящена исследованию восприятия стандартного и когнитивного подхода к тифлокомментированию (аудиодескрипции) лицами с нарушениями зрения. Тифлокомментирование (аудиодескрипция) рассматривается как звуковое описание визуальной информации, непонятной незрячему (слабовидящему) без дополнительного словесного комментария. В центре внимания авторов находится роль ассоциативной синестемии в активации образного мышления и улучшении понимания атмосферы аудиовизуального произведения. Цель исследования состоит в подтверждении или опровержении гипотезы о необходимости использования ассоциативных фонем при создании тифлокомментария (аудиодескрипции) для подсознательной настройки реципиента на определенные сенсорные ожидания без нарушения объективности описания и его интерпретации. Для достижения поставленной цели был проведен трехэтапный эксперимент, направленный на рассмотрение тифлокомментирования (аудиодескрипции) в качестве объекта лингвистического исследования; анализ особенностей восприятия ассоциативных фонем слепыми (слабовидящими) реципиентами и взаимовлияния составляющих тифлокомментирования (аудиодескрипции). Основными методами являются метод свободного ассоциативного эксперимента и метод субъективного шкалирования. Общее число задействованных респондентов составило 50 незрячих (слабовидящих) человек среднего возраста, не владеющих иностранными языками. Результаты исследования показывают высокие положительные оценочные показатели у аудиокomentариев, в которых были использованы фонетически мотивированные звуковые единицы. Авторы статьи приходят к выводу о том, что для активации образного мышления и улучшения понимания при разработке тифлокомментариев (аудиодескрипций) для лиц с нарушениями зрения может быть задействована ассоциативная синестемия.

Ключевые слова: тифлокомментирование (аудиодескрипция); слепые (слабовидящие); фоносемантика; звуко-символизм; синестезия; ассоциативные фонемы; образное мышление

Для цитирования: Горожанов А. И., Губанова К. А. Ассоциативная синестемия как активатор образного мышления лиц с нарушениями зрения (на примере аудиодескрипции) // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 3 (30). С. 98–105. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-3-30-98-105>. <https://elibrary.ru/TQTESC>

Original article

Associative synesthesia as an imaginative thinking activator of visually impaired people (based on audio description)

Alexey I. Gorozhanov^{1✉}, Kristina A. Gubanova²

¹Doctor of philological sciences, associate professor, professor of the german language grammar and history department, head of the laboratory of fundamental and applied problems in virtual education, Moscow state linguistic university. 119034, Moscow, Ostozhenka st., 38/1

²Bachelor of linguistics, specialist in educational and methodological work, the laboratory of fundamental and applied problems in virtual education, Moscow state linguistic university

¹a_gorozhanov@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0003-2280-1282>

²kristinagubanova@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2620-5234>

Abstract. The article investigates the perception of the standard and cognitive approach to audio description by visually impaired people. Audio description is considered as a sound description of visual information that is incomprehensible to the blind (visually impaired) without additional verbal commentary. The authors focus on the role of associative synesthesia in activating figurative thinking and improving understanding of the atmosphere of an audiovisual work. The aim of the study is to confirm or refute the hypothesis about the need to use associative phonesthemes when creating an audio description to subconsciously tune the recipient to certain sensory expectations without violating the objectivity of the description and its interpretation. To achieve this goal, a three-stage experiment was carried out, aimed at considering audio description as an object of linguistic research; the analysis of special perception of associative phonesthemes by blind (visually impaired) recipients and the interaction of the audio description components. The main methods are the free associative experiment and the subjective scaling. The total number of respondents involved was 50 blind (visually impaired) people of middle age who do not speak foreign languages. The results of the study show high positive ratings for audio comments in which phonetically motivated sound units were used. The authors of the article come to the conclusion that associative synesthesia can be involved in the development of audio descriptions for people with visual impairments to activate figurative thinking and improve understanding.

Key words: audio description; the blind (visually impaired); phonosemantics; sound symbolism; synesthesia; associative phonesthemes; figurative thinking

For citation: Gorozhanov A. I., Gubanova K. A. Associative synesthesia as an imaginative thinking activator of visually impaired people (based on audio description). *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2022;(3):98–105. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-3-30-98-105>. <https://elibrary.ru/TQTESC>

Введение

Способы создания безбарьерного общества для незрячих (слабовидящих) находятся в стадии активной разработки в связи с осуществлением государственной программы Российской Федерации «Доступная среда» в части Федерального проекта «Информационная доступность». п. 1 «Обеспечение условий доступности приоритетных объектов и услуг в приоритетных сферах жизнедеятельности инвалидов и других маломобильных групп населения, а также информационной доступности» [Паспорт п 1.1 2010]. В социальной сфере актуальным направлением развития является новая отрасль перевода – *тифлокомментирование* (в американской традиции *аудиодескрипция*) [Гусейнова, 2021, с. 42], перспективное и востребованное как в России [Ваньшин, Ваньшина, 2011; Борщевский, 2018; Борщевский, 2019; Козуляев, 2019], так и за рубежом [Benecke, 2014; Matamala, 2007; Snyder, 2004; Orero, 2005; Jerzakowska, 2018].

Мы будем придерживаться определения Б. Бенеке, согласно которому тифлокомментирование (аудиодескрипция) – это «звуковое описание визуальной информации, непонятной незрячему (слабовидящему) без дополнительного словесного комментария» [Benecke, 2014, р. 1]. Стоит отметить, что для незрячих (слабовидящих) людей слуховой канал, по которому происходит восприятие тифлокомментирования (аудиодескрипции), играет значительную роль в познании

мира, так как с помощью акустических параметров незрячий (слабовидящий) может определять отличительные характеристики предмета [Kermauner, 2021, р. 603]. При формировании перцептивных свойств аудиовизуального произведения для незрячего (слабовидящего) человека, пожалуй, большее значение имеет *звукосимволизм* – ассоциация фонем и стимулов, содержащих определённые перцептивные и / или семантические элементы [Шляхова, Ташкинова, 2019, с. 9].

Цель настоящего исследования заключается в изучении зависимости оценки текстов аудиодескрипции от степени употребления звукосимволических языковых единиц. В соответствии с заявленной целью ставятся следующие задачи:

1. рассмотреть аудиодескрипцию в качестве объекта лингвистического исследования;
2. экспериментальным путем установить особенности восприятия ассоциативных фонем слепыми (слабовидящими) реципиентами;
3. провести анализ взаимовлияния составляющих аудиодескрипции в процессе их восприятия слепыми (слабовидящими) реципиентами.

Гипотеза исследования заключается в следующем: при создании звукового описания употребление слов, которые отличаются преобладанием тех или иных ассоциативных фонем, может помочь настроить определённые сенсорные ожидания в сознании. При этом объективность аудиодескрипции не будет нарушена, так как незрячий (слабовидящий) реципиент интер-

претирует информацию, основываясь на собственных ощущениях.

Методологическая база исследования

В области фоносемантики решение таких фундаментальных проблем современной лингвистики, как специфика восприятия звуко-символических свойств звучащей речи, проблема мотивированности языковой формы и проблема автономности либо взаимообусловленности языковых подсистем исследовались в трудах [Воронин, 1982; Горелов, 1974; Гурджиева, 1973; Журавлев, 1981; Левицкий, 2009], служащих базой для многих работ и получивших развитие в области лингвистики [Slavova, Andonov, 2022; Winter, Perlman, 2021; Slavova, 2020; Slavova, 2019], психологии [Pexman, 2020; Agrawal, 2020; Vainio, Vainio, 2021], литературоведения [Hösle, 2022] и социологии [Cuskley, Dingemanse, Kirby, Leeuwen, 2019].

Способность звуков вызывать определённые ассоциации во многом объясняется проявлением *синестемии* – «различного рода взаимодействия между ощущениями разных модальностей (реже – между ощущениями одной модальности) и ощущениями и эмоциями, результатом которых на первосигнальном уровне является перенос качества ощущения (либо перенос нервных импульсов), на второсигнальном же уровне – перенос значения, в том числе перенос значения в звуко-символическом слове» [Воронин, 1982, с. 77]. Звуковой символизм тесно связан с оппозицией «произвольность – мотивированность» на уровне подсознания. На этом основании выделяют две разновидности синестемии:

1. метафорическая синестемия (затрагивает лексико-семантический уровень);
2. ассоциативная синестемия (затрагивает фоносемантический уровень) [Воронин, 1982, с. 77].

На фоносемантическом уровне носителями символических значений могут быть звукотип (фонема), фонетический признак и единица, которую можно обозначить как звуко-символический комплекс (фонестема) [Левицкий, 2009, с. 69]. Вызванные фонетическим стимулом ассоциации возникают по следующей схеме «звук – действие, сопровождаемое звуком – результат, процесс, вид действия», что обеспечивает объективную конкретизацию предмета описания в сознании [Шляхова, Шестакова, 2013]. Так, наличие синестемических языковых единиц в звучащем тексте определяет его принадлежность к

категории текстов с эстетической направленностью за счёт расширения возможностей собственной интерпретации.

По мнению теоретиков и практиков в области тифлокомментирования [Snyder, 2014; Fix, 2005] текст тифлокомментария (аудиоописания) относится к текстам с эстетической направленностью ввиду строгой необходимости выполнения двух функций: *фатической* (поддержание ощущения непрерывного контакта во время коммуникации) и *поэтической* (компенсация эстетического наслаждения от созерцания образа посредством корректного использования воспринимаемых на слух вербальных и невербальных кодов) [Pujol, 2007]. Выбор использованных в аудиоописании вербальных и невербальных кодов зависит от подхода дескриптора к созданию описания. Принято выделять следующие подходы:

1. традиционный (денотативное описание объективной реальности);
2. когнитивный (сочетание денотативной информации с вербальным выражением когнитивных процессов);
3. креативный (описание, основанное на личной интерпретации дескриптора) [Bardini, 2016].

Сложности в выборе подхода обусловили появление эмпирических исследований, направленных на анализ восприятия различных категорий аудиоописания [Wendorff, Pawlowska, 2021; Chottin, Thompson, 2021; Hadley, Rieger, 2021; Carlucci, Seibel, 2020; Hutchinson, Eardley, 2019]. Настоящее исследование посвящено функциональной нагрузке ассоциативных фонем для незрячих (слабовидящих) в процессе восприятия тифлокомментария (аудиоописания). Мы предполагаем, что звуко-символизм будет являться активатором образного мышления, что поможет незрячему (слабовидящему) реципиенту не только воспринять аудиовизуальное произведение так, как задумал автор, но и глубже погрузиться в атмосферу.

Ход исследования

Структура экспериментального исследования представлена тремя соотносимыми между собой этапами. Основными методами являются метод свободного ассоциативного эксперимента и метод субъективного шкалирования. Экспериментальное исследование было проведено с участием группы незрячих (слабовидящих) респондентов. Общее число задействованных респондентов составило 50 незрячих (слабовидящих) человек

среднего возраста, не владеющих иностранными языками.

На первом этапе было проведено устное анкетирование по методу семантического дифференциала (СД). Участникам были предложены анкет-

ты из 12 пунктов, каждый из которых включал в себя по четыре пятибалльные шкалы с сенсорным характером: «холодное-тёплое», «тёмное-светлое», «неприятное-приятное», «большое-маленькое» (Таблица 1).

Таблица 1

Пример опросника на первом этапе

Температура	холодное				тёплое
	5	4	3	2	1
Активность	тёмное				светлое
	5	4	3	2	1
Отношение	неприятное				приятное
	5	4	3	2	1
Размер	большое				маленькое
	5	4	3	2	1

В ходе эксперимента респонденты должны были прослушать ряд слов, содержащих в себе звуко-символические компоненты и оценить их по пунктам. Для чистоты эксперимента были взяты слова незнакомого респондентам немецкого языка. В качестве единиц анализа были выбраны слова с начальными компонентами /gr/, /kr/, /br/, /vr/, /pr/, /str/, /gl/, /kl/, /pl/, /fl/, /khl/, /schl/. Это обусловлено тем, что в индоевропейских языках звуко-символические комплексы, содержащие в качестве второго компонента фонемы /r/ и /l/ должны являться наиболее символически значимыми [Левицкий, 2009].

На втором этапе респондентам были предложены краткие отрывки из аудиодескрипции с звуко-символическим и нейтральным компонентом. Затем русские аналоги (Таблица 2).

Таблица 2

Пример опросника на втором этапе

Немецкий вариант	Русский аналог	Какой красочнее?
Der Käfer fällt von der Säule.	Жук падает на землю	
Der Käfer plumpst von der Säule	Жук плюхается на землю	

После прочтения экспериментатором немецких отрывков испытуемые должны были определить какое из них нейтральное, а какое нет, то есть по звукам, составляющим немецкое слово, угадать, что оно значит.

На третьем этапе экспериментаторами были составлены два русских описания к отрывку из мультипликационного фильма «Балто»: одно из них отличалось частотным содержанием слов со звуками, охарактеризованными как «холодный», «темный», «неприятный», «большой». Выбор сенсорных характеристик обусловлен сюжетом описываемого фрагмента (схватка волка с гризли в зимнем лесу); второе описание являлось нейтральным, то есть все звуки встречались примерно с одинаковой частотой (Таблица 3).

Таблица 3

Пример опросника на третьем этапе

Какое настроение передает описание? Какое описание Вам больше понравилось? Оцените прослушанные аудиообразцы по пятибалльной шкале					
АД 1	5	4	3	2	1
АД 2	5	4	3	2	1

Каждый респондент должен был прослушать составленные описания и оценить степень воздействия, устно аргументировав свою позицию, отвечая на заданные экспериментатором вопросы.

Результаты и дискуссия

На первом этапе обработки получены показатели по сенсорным шкалам, где отдельно были рассмотрены слова с фонемами /r/ и /l/. Средние оценки респондентов представлены в таблице 4.

Таблица 4

Средние оценки слов с выбранными звукосочетаниями по шкалам СД

Шкалы															
«холодное-тёплое»				«тёмное-светлое»				«неприятное-приятное»				«большое-маленькое»			
gr	5	gl	5	gr	5	gl	2	gr	5	gl	2	gr	5	gl	3
kr	4	kl	2	kr	2	kl	2	kr	3	kl	2	kr	4	kl	3
br	5	pl	4	br	5	pl	3	br	5	pl	3	br	5	pl	2
vr	3	fl	2	vr	3	fl	2	vr	3	fl	4	vr	3	fl	2
pr	3	khl	2	pr	4	khl	4	pr	4	khl	2	pr	3	khl	2
str	2	schl	2	str	5	schl	3	str	4	schl	2	str	5	schl	2

Полученные данные позволили нам сделать вывод, что самыми высокими показателями, которые могут быть охарактеризованы как «отрицательные» («холодное», «темное», «неприятное», «большое»), обладают слова, содержащие фонему /г/. Это обусловило стремление к частотному употреблению лексических единиц с данной фонемой при составлении звукосимволического аудиоописания видеофрагмента.

На втором и третьем этапе обработки получены показания по степени воздействия, где отдельно были рассмотрены оценки звукосимволической и нейтральной аудиодескрипции. Наиболее высокими положительными показателями в обоих случаях обладала аудиодескрипция, в которой были использованы фонетически мотивированные звуковые единицы. Респонденты аргументировали это тем, что ассоциации, возникающие при прослушивании немецких звукосимволических глаголов, практически всегда коррелировали с ассоциациями, вызванными их русскими аналогами.

В ходе третьего этапа было установлено, что 85 % респондентов оценили степень восприятия звукосимволической аудиодескрипции на 4–5 баллов, 15 % дали оценку в 3 балла. Нейтральное описание было оценено 70 % на 2–3 балла и 30 % на 4 балла. Участники эксперимента объясняли свой выбор тем, что первое описание наиболее точно передавало атмосферу, а подобранные лексические единицы позволяли прочувствовать объект описания.

Заключение

Для соблюдения баланса между оригинальным текстом и текстом комментария при разра-

ботке аудиоописания могут быть задействованы символически активные фонемы [Bottini, Barilari, Collignon, 2019]. Это положительно влияет на восприятие аудиодескрипции, так как активизирует образное мышление и улучшает понимание. Так, проведённое экспериментальное исследование даёт основание считать, что проблема взаимовлияния составляющих аудиодескрипции в процессе их восприятия слепыми (слабовидящими) реципиентами поставлена правомерно и позволяет строить иные гипотезы, верифицирующие первую.

Перспективой дальнейшего исследования является уточнение методологической целесообразности применения ассоциативной синестемии (звукосимволизма) в процессе разработки русскоязычной и иноязычной аудиодескрипции, а также составление корпусов текстов аудиодескрипции с целью проведения сопоставительных исследований их восприятия.

Библиографический список

1. Борщевский И. С. Аудиодескрипция (тифлокомментирование) как вид перевода // Филология и лингвистика. 2018. № 3 (09). С. 48–52.
2. Борщевский И. С. Проблема выбора слова в интерсемиотическом переводе на примере аудиодескрипции (тифлокомментирования) // Филология и лингвистика. 2019. № 1(10). С. 30–36.
3. Ваньшин С. Н., Ваньшина О. П. Тифлокомментирование, или словесное описание для слепых: инструктивно-методическое пособие. Москва: Логосвс, 2011. 62 с.
4. Воронин С. В. Основы фоносемантики. Москва: ЛЕНАНД, 2009. 248 с.
5. Горелов И. Н., Седов К. Ф. Основы психолингвистики. Москва: Лабиринт, 1998. 256 с.

6. Гурджиева Е. А. Элементарный звуковой символизм: (Статистическое исследование). Москва, 1973. 212 с.
7. Гусейнова И. А. Лингвистическая школа перевода Московского государственного лингвистического университета на рубеже XX–XXI веков // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2021. № 1(838). С. 39–52.
8. Журавлев А. П. Звук и смысл. Москва: Просвещение, 1991. 160 с.
9. Козуляев А. В. Интегративная модель обучения аудиовизуальному переводу: английский язык. Москва, 2019. 228 с.
10. Левицкий В. В. Звуковой символизм: мифы и реальность: монография. Черновцы: Рута, 2009. 186 с.
11. Паспорт государственной программы (комплексной программы) Российской Федерации «Доступная среда» (утв. решением Правительства Российской Федерации, Распоряжение № 2181-р от 26.11.2012).
12. Шляхова С. С., Ташкинова В. А. Звукосимволизм как NBIC-технологии: прагматика звукосимволизма гласных и согласных // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2019. № 3. С. 8–19.
13. Шляхова С. С., Шестакова О. В. Звукоизобразительная природа немецкой терминологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 8-2(26). С. 208–211.
14. Agrawal P. K. Psychological model of phonosemantics // Journal of Psycholinguistic Research. 2020. № 49(3). P. 453–474.
15. Benecke B. Audiodeskription als partielle Translation. Modell und Methode. Berlin: LIT-Verlag, 2014. 197 p.
16. Bottini R., Barilari M., Collignon O. Sound symbolism in sighted and blind. The role of vision and orthography in sound-shape correspondences // Cognition. 2020. № 185. P. 62–70.
17. Carlucci L., Seibel C. El discurso especializado en el museo inclusivo: lectura fácil versus audiodescripción. // Monografías De Traducción e Interpretación (MonTI). 2020. № 12. P. 262–294.
18. Chottin M., Thompson H. «Blindness gain» as worldmaking: Audio description as a new «partage du sensible» // Esprit Createur. 2021. № 61(4). P. 32–44.
19. Cuskley C., Dingemanse M., Kirby S., van Leeuwen T. M. Cross-modal associations and synesthesia: Categorical perception and structure in vowel–color mappings in a large online sample // Behavior Research Methods. 2019. № 51(4). P. 1651–1675.
20. Fix U. Hörfilm. Bildkompensation durch Sprache // Philologische Studien und Quellen. 2005. № 189. P. 7–11.
21. Hadley B., Rieger J. Co-designing choice: Objectivity, aesthetics and agency in audio-description // Museum Management and Curatorship. 2021. № 36(2). P. 189–203.
22. Hutchinson R. S., Eardley A. F. Museum audio description: the problem of textual fidelity // Perspectives: Studies in Translatology. 2019. № 27(1). P. 42–57.
23. Hösl V. How can one paint with language. forms of painting with language in poetry // Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik. 2020. № 50(4). P. 673–699.
24. Jerzakowska B. Audiodeskrypcja malarstwa – wyznaczniki gatunku i ich realizacji tekstowe / Beata Jerzakowska. Poland, 2018. 453 p.
25. Kermauner A. Art paintings accessible to the blind // Nova Pristnost. 2021. № 19(3). P. 599–612.
26. Matamala A. La audiodescripción en directo // Traducción y accesibilidad: la subtitulación para sordos y la audiodescripción para ciegos. 2007. P. 121–132.
27. Orero P. Professional recognition, practice and standards in Spain // Translation Watch Quarterly. 2005. № 1. P. 7–18.
28. Pexman P. M. How does meaning come to mind? Four broad principles of semantic processing // Canadian Journal of Experimental Psychology. 2020. № 74(4). P. 275–283.
29. Pujol J. Audio description or Audio narration? That is the Question // MuTra: сайт. 2007. URL: http://www.euroconferences.info/2007_abstracts.php (дата обращения: 14.07.2022).
30. Slavova V. Towards emotion recognition in texts – A sound-symbolic experiment. // International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education. 2019. № 7(2). P. 41–51.
31. Slavova V. Emotional valence coded in the phonemic content – statistical evidence based on corpus analysis // Cybernetics and Information Technologies. 2020. № 20(2). P. 3–21.
32. Slavova V., Andonov F. Bad news or good news when recognizing emotional valence using phonemic content // Materials of the 21st International Symposium INFOTEH-JAHORINA, INFOTEH, 16-18 March 2022. Bosnia and Herzegovina : Jahorina, 2022.
33. Snyder J. The Visual Made Verbal. A Comprehensive Training Manual and Guide to the History and Application of Audio Description. Arlington : American Council of the Blind, 2014. 160 p.
34. Vainio L., Vainio M. Sound-action symbolism // Frontiers in Psychology. 2021. № 12. P. 1–13.
35. Winter B., Perlman M. Size sound symbolism in the english lexicon // Glossa. 2021. № 6(1). P. 1–13.

Reference list

1. Borshhevskij I. S. Audiodeskripcija (tiflokommentirovanie) kak vid perevoda = Audio description as a type of translation // Filologija i lingvistika. 2018. № 3 (09). S. 48–52.
2. Borshhevskij I. S. Problema vybora slova v intersemioticheskom perevode na primere audiodeskripcii

(tiflokommentirovaniya) = The problem of choosing a word in inter-semiotic translation in audio descriptions // *Filologija i lingvistika*. 2019. № 1(10). S. 30–36.

3. Van'shin S. N., Van'shina O. P. Tiflokommentirovanie, ili slovesnoe opisaniye dlja slepyh = Audio description, or verbal description for the blind: instruktivno-metodicheskoe posobie. Moskva: Logosvos, 2011. 62 s.

4. Voronin S. V. Osnovy fonosemantiki = The basics of phonosemantics. Moskva: LENAND, 2009. 248 s.

5. Gorelov I. N., Sedov K. F. Osnovy psiholingvistiki = The basic psycholinguistics. Moskva: Labirint, 1998. 256 s.

6. Gurdzhieva E. A. Jelementarnyj zvukovoj simbolizm: (Statisticheskoe issledovanie) = Elementary sound symbolism: (A statistical study). Moskva, 1973. 212 s.

7. Gusejnova I. A. Lingvisticheskaja shkola perevoda Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta na rubezhe XX–XXI vekov = The Linguistic School of Translation, Moscow State Linguistic University, at the turn of XX–XXI centuries // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki*. 2021. № 1(838). S. 39–52.

8. Zhuravlev A. P. Zvuk i smysl = Sound and meaning. Moskva: Prosveshhenie, 1991. 160 s.

9. Kozuljaev A. V. Integrativnaja model' obuchenija audiovizual'nomu perevodu: anglijskij jazyk = An integrative model for teaching audiovisual translation: the English language. Moskva, 2019. 228 s.

10. Levickij V. V. Zvukovoj simbolizm: mify i real'nost' = Sound symbolism: myths and reality: monografija. Chernovcy: Ruta, 2009. 186 s.

11. Pasport gosudarstvennoj programmy (kompleksnoj programmy) Rossijskoj Federacii «Dostupnaja sreda» (utv. resheniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii, Rasporjazhenie № 2181-r ot 26.11.2012) = The passport of the state program (complex program) of the Russian Federation «Accessible Environment» (approved by the Government of the Russian Federation, Order № 2181-r of 26.11.2012).

12. Shljahova S. S., Tashkinova V. A. Zvukosimbolizm kak NBIC-tehnologii: pragmatika zvukosimbolizma glasnyh i soglasnyh = Sound-symbolism as NBIC technologies: the pragmatics of vowel and consonant sound-symbolism // *Vestnik Permskogo nacional'nogo issledovatel'skogo politehnicheskogo universiteta. Problemy jazykoznanija i pedagogiki*. 2019. № 3. S. 8–19.

13. Shljahova S. S., Shestakova O. V. Zvukoizobrazitel'naja priroda nemeckoj terminologii = The sound-descriptive nature of German terminology // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2013. № 8-2(26). S. 208–211.

14. Agrawal P. K. Psychological model of phonosemantics // *Journal of Psycholinguistic Research*. 2020. № 49(3). P. 453–474.

15. Benecke B. Audiodeskription als partielle Translation. Modell und Methode. Berlin: LIT-Verlag, 2014. 197 p.

16. Bottini R., Barilari M., Collignon O. Sound symbolism in sighted and blind. The role of vision and orthography in sound-shape correspondences // *Cognition*. 2020. № 185. P. 62–70.

17. Carlucci L., Seibel C. El discurso especializado en el museo inclusivo: lectura fácil versus audiodescripción. // *Monografias De Traducción e Interpretación (MonTI)*. 2020. № 12. P. 262–294.

18. Chottin M., Thompson H. «Blindness gain» as worldmaking: Audio description as a new «partage du sensible» // *Esprit Createur*. 2021. № 61(4). P. 32–44.

19. Cuskley C., Dingemanse M., Kirby S., van Leeuwen T. M. Cross-modal associations and synesthesia: Categorical perception and structure in vowel-color mappings in a large online sample // *Behavior Research Methods*. 2019. № 51(4). P. 1651–1675.

20. Fix U. Hörfilm. Bildkompensation durch Sprache // *Philologische Studien und Quellen*. 2005. № 189. P. 7–11.

21. Hadley B., Rieger J. Co-designing choice: Objectivity, aesthetics and agency in audio-description // *Museum Management and Curatorship*. 2021. № 36(2). P. 189–203.

22. Hutchinson R. S., Eardley A. F. Museum audio description: the problem of textual fidelity // *Perspectives: Studies in Translatology*. 2019. № 27(1). P. 42–57.

23. Hösl V. How can one paint with language. forms of painting with language in poetry // *Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik*. 2020. № 50(4). P. 673–699.

24. Jerzakowska B. Audiodeskrypcja malarstwa – wyznaczniki gatunku i ich realizacje tekstowe / Beata Jerzakowska. Poland, 2018. 453 p.

25. Kermauner A. Art paintings accessible to the blind // *Nova Prisutnost*. 2021. № 19(3). P. 599–612.

26. Matamala A. La audiodescripción en directo // *Traducción y accesibilidad: la subtitulación para sordos y la audiodescripción para ciegos*. 2007. P. 121–132.

27. Orero P. Professional recognition, practice and standards in Spain // *Translation Watch Quarterly*. 2005. № 1. P. 7–18.

28. Pexman P. M. How does meaning come to mind? Four broad principles of semantic processing // *Canadian Journal of Experimental Psychology*. 2020. № 74(4). P. 275–283.

29. Pujol J. Audio description or Audio narration? That is the Question // *MuTra: sajt*. 2007. URL: http://www.euroconferences.info/2007_abstracts.php (data obrashhenija: 14.07.2022).

30. Slavova V. Towards emotion recognition in texts – A sound-symbolic experiment. // *International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education*. 2019. № 7(2). P. 41–51.

31. Slavova V. Emotional valence coded in the phonemic content – statistical evidence based on corpus analysis // *Cybernetics and Information Technologies*. 2020. № 20(2). P. 3–21.

32. Slavova V., Andonov F. Bad news or good news when recognizing emotional valence using phonemic content // Materials of the 21st International Symposium INFOTEH-JAHORINA, INFOTEH, 16-18 March 2022. Bosnia and Herzegovina: Jahorina, 2022.

33. Snyder J. The Visual Made Verbal. A Comprehensive Training Manual and Guide to the History and

Application of Audio Description. Arlington: American Council of the Blind, 2014. 160 p.

34. Vainio L., Vainio M. Sound-action symbolism // *Frontiers in Psychology*. 2021. № 12. P. 1–13.

35. Winter B., Perlman M. Size sound symbolism in the english lexicon // *Glossa*. 2021. № 6(1). P. 1–13.

Статья поступила в редакцию 22.05.2022; одобрена после рецензирования 23.06.2022; принята к публикации 23.08.2022.

The article was submitted on 22.05.2022; approved after reviewing 23.06.2022; accepted for publication on 23.08.2022.

Научная статья
УДК 81'42; 81'22
DOI: 10.20323/2499-9679-2022-3-30-106-114
EDN: TRBGIZ

Образность в китайских чэньюях о каллиграфии

Алевтина Николаевна Сперанская

Кандидат филологических наук, доцент института иностранных языков и литератур Ланьчжоуского университета, КНР. 730000, г. Ланьчжоу, ул. Южный Тяньшуй, № 222, КНР
alsperanskaya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0712-1337>

Аннотация. Чэньюй – один из типов фразеологических единиц в китайской фразеологии, который используется как гипероним. Статья посвящена описанию метафорических образов в чэньюях о каллиграфии, в которых иероглифы, их внешний вид и способ написания, получают вторичную номинацию. Так как фразеологизмы функционируют как воспроизводимые метафорические, преимущественно экспрессивные единицы вторичного наименования, то образность – одна из важнейших характеристик фразеологических единиц. Национальная специфика образов в чэньюях о каллиграфии заключается в использовании природного кода как основного образного ресурса. В большинстве чэньюев проявляется зоонимический код, включая орнитологический, а также метеорологический и не представлен растительный код. Зоонимический код включает как мифических животных, так и реальных. Самым частотным и семантически нагруженным является образ дракона, который репрезентирует разные виды каллиграфии. Образы змеи и дракона наряду с положительно оцениваемым смыслом выражают значение 'небрежная скоропись'. Данные зоонимы объединяет сема гибкости, то есть красивой формы. Реальные животные, участвующие во вторичной номинации, либо использованы как образное выражение семантического значения неудержимой стремительности (лев, рысак, скакун), извилистых движений (змея) и силы (тигр), либо выполняют мнемоническую функцию. В орнитологическом коде представлены две мифические птицы – феникс и луань, образно-ассоциативное осмысление которых связано с коннотацией блестящей каллиграфии. Метеорологический код связан с атмосферными явлениями и реализуется через лексемы *облака, вода, роса, ветер, гроза*. Их образное переосмысление создает позитивные коннотации: подвижное и легкое письмо, свободный и быстрый почерк, превосходная и изящная каллиграфия. Единично встречается в чэньюях о каллиграфии наименование предмета, то есть вещная метафора. Автор подытоживает свои наблюдения, создав группы в зависимости от значений чэньюев, с указанием тех компонентов, которые стали метафорическим выражением смысла.

Ключевые слова: чэньюй; каллиграфия; фразеология; метафора; культурный код; китайская лингвокультура; лингвокультурология

Для цитирования: Сперанская А. Н. Образность в китайских чэньюях о каллиграфии // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 3 (30). С. 106–114. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-3-30-106-114>. <https://elibrary.ru/TRBGIZ>

Original article

Imagery in chinese chengyu on calligraphy

Alevtina N. Speranskaya

Candidate of philological sciences, associate professor, Institute of foreign languages and literatures, Lanzhou University, PRC. 730000, Lanzhou, South Tianshui st., No. 222. E-mail: alsperanskaya@yandex.ru
alsperanskaya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0712-1337>

Abstract. Chengyu is a types of chinese phraseological units, which is used as a hyperonym. The article deals with the description of metaphorical images in chengyus on calligraphy, in which hieroglyphs, their appearance and the way of writing, receive a secondary nomination. Since phraseological units function as reproducible, metaphorical, mostly expressive units of secondary nomination, imagery is one of the most important characteristics of phraseological units. The national specificity of imagery in chengyus on calligraphy lies in the use of natural code as the main imaginative resource. Most chengyus contain the zoonymic code, including the ornithological one, as well as the meteorological code, while the plant code is not represented. The zoonymic code includes both mythical and real animals. The most

frequent and semantically loaded image is that of the dragon, which represents different types of calligraphy. The images of a snake and a dragon, along with a positively assessed connotation, express the meaning of ‘careless shorthand’. Real animals involved in the secondary nomination are either used as a figurative expression of the semantic meaning of irrepressible impetuosity (lion, trotter, racehorse), sinuous movements (snake) and strength (tiger), or perform a mnemonic function. The ornithological code involves two mythical birds – phoenix and luan, whose figurative-associative meaning bears the connotation of brilliant calligraphy. The meteorological code is connected with atmospheric phenomena and is realized through the lexemes *clouds, water, dew, wind* and *thunderstorm*. Their figurative interpretation creates the following positive connotations: moving and easy writing, free and quick handwriting, excellent and graceful calligraphy. The chengyus on calligraphy display only few names of objects, i.e. metaphors for things. The author summarizes the findings by classifying chengyus into groups according to their meanings, indicating those components that have become metaphorical expressions.

Key words: chengyu; calligraphy; phraseology; metaphor; cultural code; chinese linguoculture; lingual and culture studies

For citation: Speranskaya A. N. Imagery in chinese chengyu on calligraphy. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2022;(3):106–114. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-3-30-106-114>. <https://elibrary.ru/TRBGIZ>

Введение

Изучение национальных особенностей языковой картины мира как одного из предметов изучения сопоставительной лингвистики всегда привлекало исследователей во многом благодаря тому, что имеет как теоретическую ценность, так и возможность практического применения, например, в преподавании иностранных языков. Что касается материала-источника сравнения, то тут, несомненно, лидируют пословицы и поговорки, которые могут быть объединены общим термином паремия («народный речевой жанр малой формы, характеризующийся устойчивостью, клишированностью, и включающий пословицу, поговорку, загадку, примету, поверье, пожелание и пр.» [Никитина, 1996, с. 102–103]). Особое внимание к паремиям обусловлено тем, что в фольклорных текстах вообще и в паремийных в частности из-за их свойства аккумулировать и транслировать культурный опыт наиболее отчетливо отражается национально-культурная специфика. Оттого в лингвокультурологии (лингвострановедении) паремиологический фонд является одной из основных единиц: паремии «...приобрели символическое, эталонное, образно-метафорическое значение в культуре и... обобщают результаты собственно человеческого сознания – архетипического и прототипического» [Маслова, 2014, с. 79].

Данная статья продолжает начатую автором работу по анализу китайских устойчивых языковых единиц – чэньюев, объединенных темой каллиграфии [Сперанская, 2021]. Тема вызвала интерес, и в недавно опубликованной статье [Прудникова, Яковлева, 2022] авторы также рассмотрели чэньюи об изящном и плохом почерке, но оставили за рамками своего анализа часть

идиом. Поэтому дальнейшая разработка темы позволила поставить вопрос о подробном рассмотрении образной системы чэньюев, семантически связанных с каллиграфией.

Несколько предварительных замечаний. Термины китайской фразеологии лишь условно соотносятся с принятыми в отечественном языкознании. В лингвистических работах приводится следующая типология китайских фразеологических единиц: чэньюй (идиома), яньюй (пословица); суюй (поговорка), сехоуэй (недоговорка-иносказание), гуаньюньюй (фразеологическое сочетание) [Арекеева, 2020]. Чэньюй не всегда народное суждение в чистом виде, источником их возникновения могли быть фразы из философских трактатов, исторических преданий, притч и пр., ставшие широко распространенными и общеизвестными. Чэньюи, «как правило, отражают реалии китайской действительности, относящиеся к истории Китая, его литературе, философии, этике и эстетике. С познавательной точки зрения чэньюй представляет собой важный и интересный феномен, являясь, по сути, артефактом китайской культуры» [Чэнь, 2013, с. 69]. Уместным представляется использовать «чэньюй» (成语 – *готовое выражение*) как гипероним, который объединяет разнородные устойчивые языковые единицы их свойствами: клишированность, сжатость, общедоступность, широкое бытование «в народе». По свойствам, бытованию и значимости чэньюй можно соотнести с русскими пословицами и поговорками, то есть паремиями, а тематическая группа чэньюев может быть названа паремиконом (см. о термине: [Сперанская, 2011]).

Итак, объект нашего рассмотрения – чэньюи о каллиграфии, или *каллиграфический паремикон*. Предмет – образы, метафорическая репре-

зентация которых представлена в данных идиомах. Цель – изучение национальной специфики образной системы китайского каллиграфического паремикона.

Так как фразеологизмы функционируют как воспроизводимые метафорические, преимущественно экспрессивные единицы вторичного наименования, то образность – одна из важнейших характеристик фразеологических единиц [Голикова, 2021]. «Под фразеологическим образом следует понимать возникший в результате переносно-образной интерпретации компонентов исходной единицы смысл, который закрепляет миропонимание носителей языка» [Хайруллина, 2015, с. 6131]. Продуктивной для нашего анализа является мысль В. Н. Телия, что через сакральные тексты, фразеологизмы, паремии и метафоры в языке проявляются культурные коды, так как именно эти единицы обладают способностью становиться символами или использоваться во вторичной номинации [Телия, 1996, с. 224]. Уточним, что под культурным кодом «подразумеваются средства языка, вербализующие картину мира во вторичном семиозисе» и что «коды культуры реализуются с помощью механизма метафоризации» [Лю, 2016, с. 26], и поставим перед собой задачу описать метафорические образы чуньюев о каллиграфии, в которых иероглифы, их внешний вид и способ написания, получают вторичную номинацию.

Материал для анализа взят из источников, указанных в списке. В статье сначала приводится перевод чуньюя (в ломаных скобках указаны подразумевающиеся компоненты), далее – текст на китайском и на пиньине и затем – словарное толкование.

Методы и принципы исследования

Методом сплошной выборки сформирован корпус китайских чуньюев на тему каллиграфии и проведен анализ значения слов в контексте конкретного чуньюя. Трудность для понимания заключается, во-первых, в идиоматичности текста, когда смысл высказывания не является суммой лексических значений входящих в него слов, и во-вторых, в использовании, так называемого, старого стиля – языка науки, литературы, политики и администрации, который существенно расходился с разговорным китайским. Поэтому в фразеологических словарях китайских идиом составители приводят краткое содержание истории, которая стала первоисточником возникновения чуньюя и наиболее наглядно демонстриру-

ет его смысл, верное его понимание и правильное применение [Сунь, 2017]. «Особенность чуньюев – их письменное происхождение. Все они являются собой фрагменты философских или художественных текстов, ставших, благодаря изысканности и отточенности своей формы и своей идиоматики, самостоятельными единицами китайского языка и китайской культуры. Их изначально письменная природа налагает свой особый отпечаток и на лексико-грамматическую форму этих единиц – все они в той или иной мере архаичны. Это дает основание считать, что фразеологизмы-чуньюи входят в число составляющих культурного блока 雅, в отличие от 俗» [Готлиб, Му, 2019, с. 10]. Оппозиция 雅 / 俗, о которой пишет автор, известна как оппозиция культурный / непросвещенный; классический / вульгарный.

Когнитивный анализ позволил выявить значение чуньюя и выделить главные смысловые компоненты. Далее были задействованы описательный метод, наблюдение и интерпретация.

Обсуждение и основные результаты

Обращение к каллиграфическому паремикону можно предуведомить следующим замечанием. Среди самых известных классических стилей каллиграфии есть два, по-разному связанных с метафорическим переносом. В первом случае свое название стиль получил по внешнему сходству. Речь идет о деловом, или конторском письме лишу (隶书, lìshū). «Композиция иероглифа была чуть вытянутой <по горизонтали>, линии – плавными и непринужденными» [Ван, 2017, с. 35–36]. «С использованием кисти каллиграфы начинают варьировать толщину линий при письме. Для лишу характерна черта «цаньтоу-яньвэй» (蚕头燕尾; cán tóu yàn wěi) – «голова шелковичного червя – хвост дикого гуся» – так обычно стилизовали акцентированную горизонталь в составе иероглифа» [О стилях китайской каллиграфии].

Во втором случае скорописное безотрывное письмо цаошу (草书, cǎoshū) часто переводят как *травяное письмо* из-за многозначности иероглифа 草. Одно из его значений – «быстрый, небрежный, неаккуратный», второе – «трава». Казалось бы, в названии стиля цаошу нет метафорического переосмысления, а задействована лишь омонимия, однако нельзя исключать и образности, так как внешний вид этого стиля напоминает спутанную и развевающуюся на ветру траву. Кроме того, хо-

рошо известно, что китайские каллиграфы создают свои авторские художественные стили, например, бамбуковая и головастиковая каллиграфия [Что мы знаем о китайской каллиграфии]. Таким образом, у нас есть некоторые основания предположить, что для репрезентации каллиграфического письма в китайской культуре используются зоонимический и растительный коды. Обратимся к текстам чэньюев.

Образы животных

Наиболее часто в чэньюях о каллиграфии в качестве единиц вторичной номинации встречаются образы животных, то есть большой смысловой нагрузкой наделен именно зоонимический код. Сравнение с животными – весьма распространенный способ выражения оценки или категоризации явлений. Фразеологизмы, в состав которых входят наименования животных, «составляют значительный пласт фразеологического фонда русского языка, уступая в количественном отношении только соматическим фразеологическим единицам» [Жуков В. П., Жуков А. В., 2006, с. 216].

В зоонимический код китайского каллиграфического паремикона вошли: *дракон, змея, тигр, лев, лошадь (скаун, рысак)*, а также при описании конкретного стиля использованы номены *шелковичный червь, хвост крысы и хвост гуся*. Авторы сопоставительной работы «Зоофразеологизмы и зоолексемы как экспликативные языковой картины мира русского и китайского языков» отмечают, что «в зависимости от особенностей национального менталитета в основу семантического значения, придаваемого образу животного, могут лечь те или иные повадки животного» [Булгакова, Красноборова, 2016, с. 162]. Рассмотрим сематические особенности значений зоолексем в идиомах о каллиграфии.

Один из наиболее важных образов китайской культуры – дракон. Это мифологическое существо не только олицетворяет «лучшие качества человека – красоту, мудрость, силу, доброту, благородство» [Лю, 2026, с. 26] или символизирует благополучие во всех делах, а также олицетворяет собой Китай: *На древнем Востоке есть дракон, а его имя – Китай* (遥远的东方有一条龙, 他的名字就叫中国)

[Цзюй, 2018, с. 560]. Следовательно, присутствие в чэньюях данного компонента говорит о высокой значимости текста за счет культурных коннотаций этого образа.

В чэньюях о каллиграфии *дракон* репрезенти-

рует разные «виды» каллиграфии. Например, скоропись, летящий стиль которой описан через извивающиеся движения: *Взмах кисти – словно извивание дракона и змеи* (笔走龙蛇; bǐ zǒu lóng shé) – о свободной манере скорописи, легком и непринужденном стиле. В этом чэньюе образы двух животных, мифического и реального, объединяет сема извилистости, которая и служит базовым признаком для создания метафоры. Внешний облик китайского дракона европейцу напомним скорее змею. Один из стилей китайской каллиграфии носит название «драконы и змеи», и для его репрезентации использована метафора полета дракона: *Полет дракона и движения змеи* (龙蛇飞动; lóng shé fēi dòng) – о живом и энергичном иероглифическом почерке. Умение дракона летать, парить в небе стало базой для создания образа, которой присутствует в чэньюе: *Плывущие облака и вспугнутые драконы* (游云惊龙; yóu yún jīng lóng) – о талантливом и смелом каллиграфическом почерке, изящном почерке.

В чэньюе о сильном и уверенном стиле в каллиграфии дракон воплощает идею силы: *Скачущий дракон и затаившийся тигр* (龙跳虎卧; lóng tiào hǔ wò).

Также дракон входит в чэньюю о высоком мастерстве человека, который искусно владеет каллиграфией: *«Писать очень хорошо»: как рисовать дракона <одной> линией* (龙伸螭屈; lóng shēn huò qū).

В целом для образа дракона в каллиграфическом паремиконе характерен положительный коннотативный смысл. Лишь одна идиома с компонентом дракон имеет два различных значения: *Полёт дракона и танец феникса* (龙飞凤舞; lóng fēi fēng wǔ) – а) о блестящей каллиграфии; б) о небрежном скорописном размашистом почерке.

Лексема змея входит в чэньюи, которые репрезентируют либо скоропись: *Испуганные змеи уползают в траву* (惊蛇入草; jīng shé rù cǎo) – о выдающемся мастерстве скорописной каллиграфии; либо неопрятный почерк: *«След» весеннего (дождевого) червя и осенней змеи* (春蚓秋蛇; chūn yǐn qiū shé). Метафорический перенос в обеих идиомах осуществлен по-разному: предметом сравнения в первом случае является гибкое тело змеи и скорость её передвижения, во втором – неаккуратный змеиный след на осенней грязи.

Данные чэньюи закрепили в образной системе китайских идиом беглое скорописное безотрывное письмо, его плавность изгибов и волнистость искривлений.

Образы змеи и дракона в рассмотренных чэньюях наделены разноплановой семантикой: наряду с положительно оцениваемым смыслом 'легкий, свободный, энергичный стиль', они выражают значение 'небрежная скоропись'. Данные зоонимы объединяет сема гибкости, образно-ассоциативное осмысление которой позволяет сравнить написанное, то есть каллиграфию с этими животными. При таком их внешнем сходстве дракон и змея могут быть противопоставлены как члены оппозиции верх / низ. В чэньюях дракон занимает более престижное пространство – верх, что выражается лексемой «полет», а змея – низ, а именно землю (на ней змея оставляет след) или ее растительный покров – траву.

В чэньюях о каллиграфии компоненты дракон и змея встречаются примерно одинаковое количество раз, и при этом частично совпадают смысловая нагрузка и коннотации этих образов. Однако за пределами данной тематической группы семантико-коннотативные особенности дракона и змеи существенно различаются. Китайский фразеологический образ змеи связан с такими негативными коннотациями, как «зло, опасность, подлость, обманчивая внешность, ложь, вредитель... Положительных коннотаций гораздо меньше: красота формы и не агрессивность» [Образ змеи ... 2015, с. 1351]. Количественный подсчет чэньюев также покажет разницу в функционировании данных лексем: в словаре [Готлиб, Му, 2019] насчитывается 48 идиом с компонентом дракон и 236 – с компонентом змея (в каллиграфическом паремиконе идиом с компонентом змея – 4). Следовательно, можно говорить о специфике фразеологической репрезентации каллиграфии. Она заключается в осмыслении образов дракона и змеи как животных, которые имеют красивую форму и могут стремительно передвигаться. Находясь в одном тексте, эти образы репрезентируют скоропись и энергичный стиль. В целом, в каллиграфическом паремиконе дракон и змея имеют близкие по значению смыслы и коннотации.

Ещё один стиль, выражающийся в стремительной манере написания, представлен в чэньюе: *Разъярённый лев* <рвёт скалы>, *жаждущий рысак* <мчится к источнику> (怒猊渴驥; nù ní kě jì) – стремительный, неудержимый; о манере письма, почерке каллиграфа. Два образа,

благодаря ассоциативным связям с силой и скоростью, по-разному характеризуют данный стиль: разъяренный лев репрезентирует силу нажатия кисти (от чего зависит внешний вид черты), а жаждущий напиться рысак – скорость написания. Тот же образ лошади, которую мучит жажда, присутствует в чэньюе: <Как> скакун, мучимый жаждой, мчится к роднику (渴驥奔泉; kě jì bēn quán) – неудержимый напор в достижении насущной цели; неудержимое желание; стремительная сила; могучая каллиграфия. Адъектив *могучая* содержит сему 'исключительная по силе проявления', которая соотносится со значением предыдущей идиомы. Наконец, последняя идиома из группы чэньюев о напористом стиле письма, который связан с образным осмыслением сильного нажатия при написании, это идиома: *Сила <кисти> проникает <даже> сквозь бумагу* (力透纸背; lì tòu zhǐ bèi) – о почерке каллиграфа в значении: выразительный, с большой силой.

Таким образом, *лев, рысак, скакун* попадают в каллиграфический паремикон как образное выражение скорости написания, силы нажатия и общего впечатления от энергичных движений, которые выполняет каллиграф.

Образ лошади присутствует в чэньюе об отработке навыка каллиграфического письма: *Слова бояться практики, лошади бояться верховой езды* (字怕练, 马怕骑; zì pà liàn, mǎ pà qí), точное значение которого – 'если вы хотите писать красиво, вам нужно тренироваться, если вы хотите ездить верхом, вам тоже нужно упражняться'. В идиоме связанными оказываются овладение каллиграфией и умение ездить верхом.

В двух следующих чэньюях для метафорического обозначения характерных особенностей начертания иероглифа использованы не зоонимы *шелковичный червь* (тутовый шелкопряд), *мышь* (крыса) и *гусь* а их части тела: *голова* и *хвост*. Один из стилей каллиграфии, созданный создан Янь Чжэнь-цином в эпоху Тан, получил название *Голова шелковичного червя и хвост мыши* (крысы) (蚕头鼠尾; cán tóu shǔ wěi). Кроме этого стиля, как было сказано ранее, при описании письма лишу (lìshū) используется образное сравнение горизонтальной черты в составе иероглифа: *Голова шелковичного червя – хвост дикого гуся* (蚕头燕尾; cán tóu yàn wěi). Особенность этих идиом в том, что зоокомпоненты в них служат своеобразным приемом мнемотехники для за-

крепления в памяти пишущего облика черты, для чего в идиомах использован метафорический перенос по внешнему сходству.

Образы птиц

Частью зоонимического кода каллиграфического паремикона является орнитологический, в котором представлены две мифические птицы: феникс (фэнхуан, 凤凰; fènghuáng) и луань (луань-няо, 鸾鸟; luánniǎo). В древнекитайской мифологии «образ пары фениксов луань-фэн стал символом неразлучной и гармоничной супружеской четы, а также корифеев, героев, лучших людей и их творений» [Духовная культура Китая ... , 2007, с. 505], поэтому в значении ‘шедевр каллиграфии’ используется чэньюй: *Луань реет в небесах, а феникс нашёл себе пристанище* (鸾飘凤泊; luán piāo fèng bó).

Идиома о блестящей каллиграфии или небрежном скорописном размашистом почерке *Полёт дракона и танец феникса* (龙飞凤舞; long fēi fēng wǔ) была рассмотрена ранее, но сейчас есть возможность уточнить многозначность ее содержания следующим комментарием. Многозначность идиомы создается благодаря сопутствующей фениксу положительной коннотации с высокой оценкой всего, что с этим образом связано, и благодаря тому, что, как сказано выше, образ дракона в каллиграфическом паремиконе может воплощать идею небрежной скорописи. Поэтому идиома, в которой присутствуют одновременно компоненты дракон и феникс, включает оба смысла.

Образы, связанные с атмосферными явлениями

Следующий метафорически насыщенный код, который может быть назван метеорологическим, связан с атмосферными явлениями. Он реализуется через лексемы *облака, вода, роса, ветер, гроза*. Эти образы используются для передачи разных особенностей каллиграфического почерка. Превосходная каллиграфия ассоциируется с облаками и дымом: *Чернила падают на бумагу так же разнообразно, как облака и дым* (落纸云烟; luò zhǐ yún yān). В чэньюе о подвижном, легком письме *Хорошая каллиграфия течет гладко как* *плывущие облака и текучая вода* (行云流水; xíng yún liú shuǐ) у компонентов облака и вода присутствует признак для создания соответствующего коннотативного смысла –

плыть, течь. Компоненты, репрезентирующие свободный и быстрый почерк, – ветер и гроза: *Написать с сильными ветрами и грозами* (下笔风雷; xià bǐ fēng léi). Изящный почерк получил метафорическое выражение в образах росы и жемчуга: *Чудесная роса и чистый жемчуг* (仙露明珠; xiān lù míng zhū).

Чэньюй а) о талантливом и смелом каллиграфическом почерке и б) об изящном почерке включает образы дракона и облаков, за счет которых и создается многозначность: *Плывущие облака и вспугнутые драконы* (游云惊龙; yóu yún jīng lóng).

Другие образы

Единично встречается в чэньюях о каллиграфии наименование предмета, то есть вещная метафора. В идиоме *Как заколка в виде цветка в волосах красавицы* (美女簪花; měi nǚ zān huā) сравнение используется для выражения значений: а) красивый человек и б) красивая каллиграфия.

Наконец, последний образ, который создан с помощью эпитетов *железный* и *серебряный*. Семантика и коннотации первого эпитета – чеканный рисунок, грубоватые и отчетливые штрихи; второго – знаки, написанные изящным почерком. В чэньюе образно переосмыслены черты, из которых состоит иероглиф – простые, ломаные и с крюком: *Как из железа – черты (линии), из серебра – штрихи (крючки)* (铁画银钩; tiě huà yín gōu) – о шедевре каллиграфии, о превосходном почерке, искусном письме; грубоватые и отчетливые штрихи. Железные черты (линии) репрезентируют отчетливость, чеканность исполнения, а серебряные штрихи (крючки) – превосходный почерк и искусное письмо, которые в результате создают великолепную каллиграфию.

Система образов

Подытожим свои наблюдения группировкой значений чэньюев о каллиграфии с указанием тех компонентов, которые стали метафорическим выражением смысла:

а) блестящая каллиграфия – *дракон, феникс, луань*; превосходная – *облака, дым*; шедевр каллиграфии – *луань, феникс, серебряные крючки*; красивая каллиграфия – *заколка-цветок*;

б) сильное, энергичное письмо – *лев, тигр, дракон, змея, рысак, скакун*; мощное – *дракон, лев*;

с) изящный почерк – *роса, жемчуг, серебряные крючки*;

д) смелый, талантливый почерк – *облака, дракон*;

е) легкое письмо – *вода, облака*;

ф) свободное, быстрое – *ветер, гроза*;

г) скоропись – *дракон, змея*.

Как видим, основное содержание китайских идиом о каллиграфии – описание образцового письма. Отрицательное коннотативное значение выражено с помощью зоолексем и эпитета:

а) плохая каллиграфия – *дождевой червь, змея*;

б) небрежная скоропись – *дракон, феникс*;

с) грубоватые и отчетливые штрихи – *железные черты*.

Нельзя не обратить внимания на часто встречающуюся в чэньюях парность образов: дракон и феникс, дракон и змея, облака и драконы, облака и вода, облака и дым, ветры и грозы, роса и жемчуг, змея и червь, лев и рысак и пр. Причем парные компоненты могут быть близки по общему семантическому признаку и коннотативному смыслу (одна группа образов) или же могут быть маркерами, характеризующими разные каллиграфические стили (вторая группа). Причина появления третьей группы парных объединений – их «естественное» совместное существование: линии и крючки (в иероглифе), феникс и луань (в древних китайских источниках птица луань считалась самкой феникса).

Добавим замечание том, что существует аналогичная парность в том, как называются два жанра традиционной китайской живописи: шаньшуй (山水, shānshuǐ – горы и воды) и хуаняо (花鳥, huā niǎo – цветы и птицы). Аналогия возникла неслучайно, так как искусство каллиграфии и создание художественного полотна близки по характеру и многим свойствам: в этих видах изобразительного искусства результат создается кистью и тушью и иероглифы не столько пишут, сколько рисуют. Очевидно, что объяснение этой особенности выходит за рамки фразеологии.

Заключение

В чэньюях, семантически связанных с каллиграфией, в подавляющем большинстве текстов проявляется зоонимический, включая орнитологический, код, а также метеорологический и не представлен растительный код. Общность их в том, что они относятся к миру природы. Национальную специфику использования природного

кода в качестве образного ресурса, который реализован в каллиграфическом паремиконе, можно увидеть в следующем.

Зоонимический код включает как мифических животных, так и реальных. Состав и тех, и других интересен по нескольким причинам. В диссертационном исследовании, посвященном фразеобразующему потенциалу зоонимической лексики в русском и китайском языках, названы мифические животные (дракон, чилинь и феникс), среди которых нет птицы луань [Хао, 2009, с. 20]. Поэтому то, что луань представлена в идиоме о каллиграфии, позволяет говорить о высоком культурном статусе искусства письма за счет устойчивых позитивных коннотаций, связанных с мифической птицей, и за счет ее ярко выраженной эмоциональной нагрузки с эмотивной семой 'шедевр'.

Второе наблюдение заключается в том, что из 48 идиом с компонентом дракон (по данным словаря [Готлиб, Му, 2019], который содержит 3500 фразеологизмов) в каллиграфический паремикон входит шесть единиц, а из 34 идиом с компонентом феникс – две. Включение этих образов в каллиграфический паремикон можно трактовать как ещё один способ создания особо значимого семантико-коннотативного образа каллиграфического письма.

Реальные животные, участвующие во вторичной номинации в чэньюях о каллиграфии, либо использованы как образное выражение семантического значения неудержимой стремительности (лев, рысак, скакун), извилистых движений (змея) и силы (тигр), либо выполняют мнемоническую функцию.

Образно-ассоциативное переосмысление атмосферных явлений в чэньюях о каллиграфии создает только позитивные коннотации: подвижное и легкое письмо, свободный и быстрый почерк, превосходная и изящная каллиграфия.

Библиографический список

1. Арекеева Ю. Е. Чэньюй в системе китайской фразеологии и паремиологии // Евразийский гуманитарный журнал. 2020. № 1. С. 21–29.
2. БКРС – Большой китайско-русский словарь. URL: <https://bkrs.info> (дата обращения: 19.01.2022).
3. Булгакова О. А., Красноборова О. А. Зоофразеологизмы и зоолексемы как экспликативные языковые картины мира русского и китайского языков // Вестник КемГУ. 2016. №1 (65). С. 160–166.
4. Ван Н. История китайских иероглифов. Москва: Шанс, 2017. 191 с.

5. Голикова М. М. Современные проблемы осмысления фразеологического образа // *Russian linguistic bulletin*. 2021. № 4 (28) С. 97–103.
6. Готлиб О. М., Му Х. Китайско-русский фразеологический словарь. Около 3500 выражений. 2-е изд., стереот. Иркутск : ИГУ, 2019. 596 с.
7. Десять чэньюев, которые обязательно нужно знать. URL: bkrs.info/Forum/attachment.php?aid=3114 (дата обращения 11.03.22).
8. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. Т. 2. Мифология. Религия / ред. М. Л. Титаренко, Б. Л. Рифтин, А. И. Кобзев [и др.]. Москва : Вост. лит., 2007. 869 с.
9. Жуков В. П., Жуков А. В. Русская фразеология: учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Высшая школа, 2006. 408 с.
10. Китайские идиомы чэньюй. Белый камень. Студия восточной живописи. URL: <http://belykamen.by/index.php/chengyu> (дата обращения 21.03.22).
11. Лю Сини. Зоонимический код культуры в преподавании русского языка китайской аудитории // Педагогическое образование в России. 2016. № 10. С. 25–30.
12. Маслова В. А. Лингвокультурология как наука о наиболее культурноносных языковых сущностях // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2014. № 16. С. 78–90.
13. Никитина С. Е., Васильева Н. В. Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. Принципы составления и избранные словарные статьи. Москва : Институт языкознания, 1996. 172 с.
14. О стилях китайской каллиграфии. URL: https://mos.gallery/blog/o_stilyakh_kitajskoj_kalligrafii (дата обращения 02.04.2022).
15. Образ змеи сквозь призму китайских и русских фразеологизмов / Е. С. Бородин, Л. И. Хафизова, Л. М. Болсуновская, Е. С. Суван-оол // Молодой ученый. 2015. № 9 (89). С. 1350–1352.
16. Прудникова О. С., Яковлева Е. С. Искусство каллиграфии в чэньюй // Язык. Образование. Культура: сборник научных трудов по материалам XVI Международной научно-практической электронной конференции, 23–26 мая 2022 г. Курск : КГМУ, 2022. С. 88–93.
17. Сперанская А. Н. Далековский паремикон о речи // Язык и социальная действительность: Научный журнал. Красноярск, 2011. № 2. С. 31–42.
18. Сперанская А. Н. Письмо и каллиграфия в паремиях: русско-китайские сопоставления // VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал. 2021. № 2(2). С. 33–45.
19. Сунь Ч. Китайские идиомы / пер. с кит. А. С. Жмак. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Шанс, 2017. 279 с.
20. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. Москва : Языки русской культуры, 1996. 288 с.
21. Хайруллина Р. Х. Фразеологический образ: ментальная природа и лингвистическое выражение // Фундаментальные исследования. 2015. № 2-27. С. 6129–6132.
22. Хао Х. Фразеобразующий потенциал зоонимической лексики в русском и китайском языках. Уфа. 2009. 25 с.
23. Цзюй Ч. Различия и интеграция символических значений животных в китайской и российской национальной культурной традиции (на примере пословиц и поговорок) // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 5 (72). С. 559–561.
24. Что мы знаем о китайской каллиграфии // URL: <https://www.livemaster.ru/topic/3009479-chto-my-znaem-o-kitajskoj-kalligrafii> (дата обращения 01.04.2022).
25. Чэнь Ш. Китайские идиомы (чэньюй成语) как компонент содержания межкультурной компетенции // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013, № 3 (23). С. 69–75.

Reference list

1. Arekeeva Ju. E. Chjen#juj v sisteme kitajskoj frazeologii i paremiologii = Chengyu in the system of Chinese phraseology and paremiology // *Evrazijskij humanitarnyj zhurnal*. 2020. № 1. S. 21–29.
2. BKRS – Bol'shoj kitajsko-russkij slovar' = BCRD – The Big Chinese-Russian Dictionary. URL: <https://bkrs.info> (data obrashhenija: 19.01.2022).
3. Bulgakova O. A., Krasnoborova O. A. Zoofrazeologizmy i zooleksemy kak jeksplikatory jazykovoj kartiny mira russkogo i kitajskogo jazykov = Zoophraseology and zoolexemes as linguistic explicators of the worldview in the Russian and Chinese languages // *Vestnik KemGU*. 2016. №1 (65). S. 160–166.
4. Van N. Istorija kitajskih ieroglifov = The history of Chinese hieroglyphs. Moskva : Shans, 2017. 191 s.
5. Golikova M. M. Sovremennye problemy osmyslenija frazeologicheskogo obraza = Modern problems of understanding the phraseological image // *Russian linguistic bulletin*. 2021. № 4 (28) S. 97–103.
6. Gotlib O. M., Mu H. Kitajsko-russkij frazeologicheskiy slovar'. Okolo 3500 vyrazhenij = Chinese-Russian Phraseological Dictionary. About 3500 expressions. 2-e izd., stereot. Irkutsk : IGU, 2019. 596 s.
7. Desjat' chjen#juev, kotorye objazatel'no nuzhno znat' = Ten Chengyus that one must know. URL: bkrs.info/Forum/attachment.php?aid=3114 (data obrashhenija 11.03.22).
8. Duhovnaja kul'tura Kitaja: jenciklopedija: v 5 t. T. 2. Mifologija. Religija = Chinese Spiritual Culture: Encyclopedia: in 5 vols. V. 2. Mythology. Religion / red. M. L. Titarenko, B. L. Riftin, A. I. Kobzev [i dr.]. Moskva : Vost. lit., 2007. 869 s.

9. Zhukov V. P., Zhukov A. V. Russkaja frazeologija = Russian phraseology : ucheb. posobie. 2-e izd., ispr. i dop. Moskva : Vysshaja shkola, 2006. 408 s.
10. Kitajskie idiomy chjen#juj. Belyj kamen'. Studija vostochnoj zhivopisi = Chinese chengyu idioms. White stone. The Oriental painting studio. URL: <http://belykamen.by/index.php/chengyu> (data obrashhenija 21.03.22).
11. Lju Sini. Zoonimicheskij kod kul'tury v prepodavanii russkogo jazyka kitajskoj auditorii = Zoonymic cultural code in teaching the Russian language to the Chinese students // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. 2016. № 10. S. 25–30.
12. Maslova V. A. Lingvokul'turologija kak nauka o naibolee kul'turonosnyh jazykovyh sushhnostjah = Linguistic and cultural studies as the science of the most culturally significant linguistic entities // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki. 2014. № 16. S. 78–90.
13. Nikitina S. E., Vasil'eva N. V. Jeksperimental'nyj sistemnyj tolkovyj slovar' stilisticheskikh terminov. Principy sostavlenija i izbrannye slovarnye stat'i = Experimental systematic explanatory dictionary of stylistic terms. Principles of compilation and selected dictionary entries. Moskva : Institut jazykoznanija, 1996. 172 s.
14. O stiljah kitajskoj kalligrafii = On the styles of Chinese calligraphy. URL: https://mos.gallery/blog/o_stilyakh_kitajskoj_kalligrafii (data obrashhenija 02.04.2022).
15. Obraz zmei skvoz' prizmu kitajskih i russkikh frazeologizmov = The image of the snake through the prism of Chinese and Russian phraseology / E. S. Borodina, L. I. Hafizova, L. M. Bolsunovskaja, E. S. Suvan-ool // Molodoj uchenyj. 2015. № 9 (89). S. 1350–1352.
16. Prudnikova O. S., Jakovleva E. S. Iskusstvo kalligrafii v chjen#juj = The art of calligraphy in Chengyu // Jazyk. Obrazovanie. Kul'tura: sbornik nauchnyh trudov po materialam HVI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy jelektronnoj konferencii, 23–26 maja 2022 g. Kursk : KGMU, 2022. S. 88–93.
17. Speranskaja A. N. Dalevskij paremikon o rechi = Dal's paroemias about speech // Jazyk i social'naja dejstvitel'nost': Nauchnyj zhurnal. Krasnojarsk, 2011. № 2. S. 31–42.
18. Speranskaja A. N. Pis'mo i kalligrafija v paremijah: russko-kitajskie sopostavlenija = Writing and calligraphy in paroemias: Russian-Chinese comparisons // VERBA. Severo-Zapadnyj lingvisticheskij zhurnal. 2021. № 2(2). S. 33–45.
19. Sun' Ch. Kitajskie idiomy = Chinese idioms / per. s kit. A. S. Zhmak. 2-e izd., ispr. i dop. Moskva : Shans, 2017. 279 s.
20. Telija V. N. Russkaja frazeologija. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty = Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects. Moskva : Jazyki russkoj kul'tury, 1996. 288 s.
21. Hajrullina R. H. Frazeologicheskij obraz: mental'naja priroda i lingvisticheskoe vyrazhenie = The phraseological image: mental nature and linguistic expression // Fundamental'nye issledovanija. 2015. № 2-27. C. 6129–6132.
22. Hao H. Frazeoobrazujushhij potencial zoonimicheskoi leksiki v russkom i kitajskom jazykah = The phraseological potential of the zoonymic lexicon in the Russian and Chinese languages. Ufa. 2009. 25 s.
23. Czuj Ch. Razlichija i integracija simvolicheskikh znachenij zhivotnyh v kitajskoj i rossijskoj nacional'noj kul'turnoj tradicii (na primere poslovic i pogovorok) = Differences and integration of animals' symbolic meanings in Chinese and Russian national cultural traditions (based on proverbs and sayings) // Mir nauki, kul'tury, obrazovanija. 2018. № 5 (72). C. 559–561.
24. Chto my znaem o kitajskoj kalligrafii = What we know about Chinese calligraphy // URL: <https://www.livemaster.ru/topic/3009479-chto-my-znaem-o-kitajskoj-kalligrafii> (data obrashhenija 01.04.2022).
25. Chjen' Sh. Kitajskie idiomy (chjen#juj) kak komponent sodержanija mezhkul'turnoj kompetencii = Chinese idioms (Chengyu) as a component of intercultural competence // Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija. 2013, № 3 (23). S. 69–75.

Статья поступила в редакцию 14.05.2022; одобрена после рецензирования 16.06.2022; принята к публикации 23.08.2022.

The article was submitted on 14.05.2022; approved after reviewing 16.06.2022; accepted for publication on 23.08.2022.

Научная статья

УДК 81

DOI: 10.20323/2499-9679-2022-3-30-115-120

EDN: UCPZCK

Фразеомоделирование в свете взаимодействия языка и культуры

Алия Абдирамановна Ергазина

Кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков и литературы Актюбинского университета им. С. Баишева. 030000, Казахстан, Актюбе, ул. Бр. Жубановых, д. 302 А
yergazina1@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9698-0143>

Аннотация. Язык, как и прочие феномены, занимающие важное место в человеческом общении, подвергается постоянному развитию, которое происходит под воздействием внутренних и внешних факторов. Процесс естественного развития языка лёг в основу эволюции человека, поскольку он подарил ему уникальную из способностей – отражать окружающую действительность.

Актуальность данного исследования опирается на возрастающую в современном мире необходимость осмысления основных принципов взаимодействия языка и культуры в области фразеомоделирования.

Объектом данного исследования является ряд особенностей, проявляющихся в процессе фразеомоделирования, рассматриваемого в ракурсе тесного взаимодействия языков и культур.

Предметом данного исследования послужат фразеологизмы, взятые для рассмотрения из области лингвокультуры русского и казахского народов, а также англосаксов, фигурирующие в лексиконе представителей вышеуказанных наций в течение последних двухсот лет.

Целью настоящего исследования служит лингвокультурологический анализ фразеологических единиц, доказывающий их связь с мировидением и культурными установками определенного этноса.

Результаты проведенного исследования, нашедшего отражения в данной статье представлены в научной новизне исследования, заключающегося в осуществлении анализа ФЕ, представленных в русском, казахском и английском языках, с позиции их моделирования в свете взаимодействия языка и культуры стран, в которых русский, казахский и английский языки являются основными на протяжении последних двухсот лет.

Выявлено, что образная основа каждого фразеологизма раскрывается путем параллельного анализа имеющих к нему прямое отношение этнологических реалий, а также особых черт, присущих той или иной культуре.

Ключевые слова: фразеологическая единица; фразеологизм; идиома; моделирование ФЕ; лингвокультурологические аспекты

Для цитирования: Ергазина А. А. Фразеомоделирование в свете взаимодействия языка и культуры // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 3 (30). С. 115–120. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-3-30-115-120>. <https://elibrary.ru/UCPZCK>

Original article

Phrase modeling in the light of the interaction of language and culture

Aliya A. Ergasina

Candidate of pedagogical sciences, associate professor, professor of the department of foreign languages and literature, Aktobe university named after S. Baishev. 030000, Kazakhstan, Aktobe, Br. Zhubanov st., 302 A
yergazina1@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9698-0143>

Abstract. Language, like other phenomena that occupy an important place in human communication, is subject to constant development, which occurs under the influence of internal and external factors. The process of the natural development of language formed the basis of human evolution, since it gave a person a unique ability – to reflect the surrounding reality.

The relevance of this study is based on the growing need in the modern world to comprehend the basic principles of the interaction of language and culture in the field of phrase modeling.

The object of this study is a number of features that manifest themselves in the process of phrase modeling, considered from the perspective of close interaction between languages and cultures.

The subject of this study will be phraseological units taken for consideration from the field of linguistic culture of the Russian and Kazakh peoples, as well as the Anglo-Saxons, appearing in the lexicon of the representatives of the above nations over the past two hundred years.

The purpose of this study is the linguoculturological analysis of phraseological units, proving their connection with the worldview and cultural attitudes of a certain ethnic group.

The results of the study, which is reflected in this article, are presented in the scientific novelty of the study, which consists in the analysis of phraseological units presented in Russian, Kazakh and English from the standpoint of their modeling in the light of the interaction of the language and culture of countries in which Russian, Kazakh and English languages are major over the past two hundred years.

It is revealed that the figurative basis of each phraseological unit is revealed through a parallel analysis of the ethnological realities that are directly related to it, as well as special features inherent in a particular culture.

Key words: phraseological units (PU); set phrases; idioms; PU modeling; linguoculturological aspects

For citation: Ergasina A. A. Phrase modeling in the light of the interaction of language and culture. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2022;(3):115–120. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-3-30-115-120>. <https://elibrary.ru/UCPZCK>

Введение

К одной из серьезных проблем в области языкознания и лингвокультурологии сегодня можно отнести загруженность и перенасыщение практически каждого мирового языка чрезмерным количеством заимствованных слов и выражений, включая слова-паразиты и нецензурные выражения [Болотнова, 2019, с. 127]. Наряду с данным явлением молодые люди, относящиеся к возрастной категории 18–25 лет, а также представители подростковой среды демонстрируют существенную ограниченность словарного запаса. Засоренность языков стран постсоветского пространства подтверждается и засильем иностранных слов, значение которых не всегда понятно [Алиференко, 2010, с. 83].

Особенно остро проблема встает на территории стран СНГ, где историческое развитие культур и наций осуществлялось в рамках общей программы, по сей день формирующей мировоззрение граждан. Такие сферы, как телевидение, социальные сети, радио, информационные каналы различного направления всё чаще и настойчивее внедряют в устную и письменную речь слоганы и узконаправленную формальную лексику, снижая уровень грамотности [Петрякова, 2018]. Красивый и чистый литературный язык, некогда наполненный правильно выстраиваемыми предложениями, мудрыми изречениями, паремиями и фразеологическими оборотами, утрачивает свою актуальность, уходя в прошлое, что катастрофически замедляет развитие личностных качеств индивидов, становящихся неспособными к воспроизведению мыслительного процесса на уровне устной речи [Самотик, 2022, с. 194].

Грамотная речь, в недалеком прошлом насаждаемая филологами и лингвистами, кажущаяся сегодня вычурной и излишне напыщенной, подошла к той точке своего развития, когда, по мне-

нию многих специалистов, вопрос её восстановления приобрел форму продолжительного процесса. «Лечению» подлежит не только общий подход к изучению родного языка носителями, но и его фразеологический состав, поскольку фразеологические единицы (ФЕ), в первую очередь, способны воплощаться в определенных формах культуры и действовать как субъект языка.

Немаловажным вопросом в свете проблемы данного исследования остается использование ФЕ в дискурсивных практиках в рамках культурологии, так как именно в центре этой науки находится язык, рассматриваемый для каждой отдельной личности как фактор практической жизнедеятельности, так как персональный словарный запас каждого индивида отражает его жизненную философию [Береговская, 2004, с. 218–219].

Данное исследование опирается на возрастающую в современном мире необходимость осмысления основных принципов взаимодействия языка и культуры в области фразеомоделирования.

Целью настоящего исследования служит лингвокультурологический анализ фразеологических единиц, доказывающий их связь с мировидением и культурными установками определенного этноса.

Научная новизна исследования заключается в осуществлении анализа ФЕ, представленных в русском, казахском и английском языках с позиции их моделирования в свете взаимодействия языка и культуры стран, в которых русский, казахский и английский языки являются основными на протяжении последних двухсот лет.

Объекты и методы исследования

Автором были применены методы анализа и синтеза, аналогии и моделирования, метод обобщения, систематизации и описания.

Объектом данного исследования является ряд особенностей, проявляющихся в процессе фразеомоделирования, рассматриваемого в ракурсе тесного взаимодействия языков и культур. Предметом данного исследования послужат фразеологизмы, взятые для рассмотрения из области лингвокультуры русского и казахского народов, а также англосаксов, фигурирующие в лексиконе представителей вышеназванных наций в течение последних двухсот лет.

Результаты исследования

Грамотная, развитая, полноценная устная и письменная речь возможны лишь при соблюдении установленных норм языка. Поставленная устная речь, богатая правильно используемыми речевыми оборотами, эпитетами, сравнениями, метафорами и фразеологическими единицами развивается в процессе её глубокого познания представителями нации в рамках национальной культуры. Так, в 2007 году в Казахстане был запущен культурный проект под названием «Триединство языков народов Казахстана», положивший начало новой языковой политики в стране [Трехязычие в Казахстане..., 2015, с. 83–85].

Лингвистическая наука всегда уделяла внимание вопросу взаимодействия языков народов, проживающих в пределах одной страны, поскольку язык каждой этнической группы, являясь частью её культуры как формы сознания, будучи рассматриваемом в данном ракурсе, в обязательном порядке приобретает кумулятивную функцию, поскольку окружающая действительность приобретает определенные формы в сознании человека, опираясь на бытующие стереотипы. В языковой картине мира, отражающей специфику жизни того или иного народа, особую роль играют фразеологические единицы, в чьем образном содержании заключено мировидение культурно-национального характера.

В лингвокультурологии уникальность каждого фразеологизма рассматривается исключительно в поле его употребления, так как ФЕ, в первую очередь, представляет собой «устойчивое» образование [Кунин, 2005, с. 219], значение которого может переосмысливаться со временем.

Таким образом можно утверждать, что данная «устойчивость» обеспечивается фиксированной структурой, в которой отражена та или иная культура. Не теряя данной «устойчивости» фразеологические единицы переходят к потомкам. В дополнение к вышесказанному, следует отметить, что данная «устойчивость» в некоторых случаях мешает осознать смысл ФЕ и при необходимости выполнить ее перевод [Попова, 2015, с. 64–65].

Образность, экспрессивность и оценочность значения любой ФЕ представляет собой достаточно серьезное направление в анализе фразеологического состава языка, который представляет собой «зеркало», отражающее лингвокультурологическую общность, идентифицирующую национальное самосознание [Bakhtin's Theory, 2010, с. 19].

Фразеологизмы становятся более понятными в ракурсе познания определенной информации из области страноведения и истории, так как каждая ФЕ, безусловно, отражает и культуру этноса, развивавшуюся в определенных условиях.

При переводе ФЕ на другой язык могут возникать определенные трудности, вызванные строением её внутренней формы или, так называемого наглядного образа, содержащего значимую культурную информацию, понять которую может помочь понимание этнореалий, сопровождаемое лингвокультурологическим анализом [Арнольд, 2017]. Так, важнейшим помощником становится кругозор пользователей, позволяющий отыскать аналог того или иного фразеологизма, взятого из другого языка, в своем языке [Беляевская, 2011].

Рассмотрим несколько примеров ФЕ в русском языке, которые имеют практически прямые аналоги в казахском и английском языках (табл. 1).

Таблица 1

Фразеологические единицы русского языка, имеющие аналоги в казахском и английском языках

ФЕ в русском языке	Аналог на казахском языке с переводом	Аналог на английском языке
Они стоят друг друга = Одного поля ягоды = Той же масти = Два сапога пара	Ағама жеңгем, апама жездем сай = Моему старшему брату пара моя невестка, моей сестре – зять.	To cut from the same cloth = Вырезать из той же ткани = To deserve each other = Заслужить друг друга = To share common traits Разделять общие черты
Лить слёзы в три ручья	Ағыл-тегіл (еңіреп көз жасын көл қып) жылау = слезы бегут из глаз без остановки	To shed bitter tears = Проливать горькие слезы = To bawl one's eyes out = Убить глаза слезами
Как на иголках = как на вулкане = быть крайне обеспокоенным = не находить себе места = метаться как тигр в клетке	Адасқан қаздай = Как заблудившийся гусь	To have no place in the world= Не иметь места в мире = To be beside oneself with worry = Пребывать в состоянии беспокойства
Душа не лежит (к чему-то) = Испытывать отвращение, не выносить чего-либо	Азар да безер болу = Душа не принимает	to take a scunner = испытывать отвращение
Ясно как Божий день	Айдан (айдай) анық (ашық, айқын) = Луна ясная (открытая)	Clear as day = Ясный как день = Sure as eggs is eggs = Абсолютно верно, как то, что яйца – это яйца
Как в воду глядел Происходить по предсказанному	Айтқаныңыз айдай келді = Предсказанное является как луна	He/she must have second sight = У него/неё должно быть есть второе зрение
Как сыр в масле кататься	Ақ май аузынан ағу = Масло вытекает изо рта	To live in clover = Жить в клевере
Не укладывается в голове	Ақылға сыймау = В уме не помещается	It's just unbelievable! Это просто невероятно!

Не все ФЕ, как известно, могут иметь аналог в других языках. Приведем несколько примеров фразеологизмов, распространенных в казахской лингвокультуре, которые не имеют аналога в русском и английском языках. К ним можно отнести

те, в основу которых, в основном, были положены ассоциации, связанные с передвижением (ногами) человека, чертами его характера, особенностями быта и уклада жизни (табл. 2).

Таблица 2

ФЕ казахского языка, не имеющие аналогов в русском и английском языках

Фе в казахском языке	Перевод
Аяғына тұсау тұсу (салу) / Аяғы тұсалу	Быть помолвленным. Букв.: На ноги надеть путы.
Аяғына шаң жұқпау	Непоседливый, самый быстроногий. Букв.: Пыли не приставать к ногам.
Аяғы сұйылып кету	Не получить результата. Букв.: Концу стать жидким.
Аяғы аспаннан салбырап түскен жоқ	Обыкновенный, нормальный. Букв.: Не с небес он спустился.
Ашық ауыз	Ротозей, раззява. Букв.: Открытый рот.
Аштан өліп, көштен қалмау	Не отставать от других. Букв.: Не умирать с голоду и не отставать от кочёвки.
Аш құлақтан тыныш (тиыш) құлақ / Аш тамағым, тыныш құлағым	Во избежание неприятностей. Букв.: Пусть буду голоден, но уши будут спокойны.
Ауыл итінің құйрығы қайқы	Всюду быть первым, ни в чём никому не уступать. Букв.: Говорящему не давать слова, идущему не уступать дорогу

Относительно данных идиом следует сказать, что отсутствие их аналогов в английском и русском языках обосновано особым укладом жизни кочевников (номадов), к которым относился в недавнем прошлом и казахский народ [Куанышбаева, 2016]. Зародившись более ста лет назад, данные идиомы используются и сегодня, оставаясь актуальными, сохраняя самобытность казахского народа, украшая речь, передавая потомкам жемчужины казахской лингвокультуры.

Следовательно, смысл данных и подобных идиом будет передаваться носителям английского и русского языком посредством пояснительного перевода [Слепович, 2014]. Совершенно в другом ракурсе предстаёт языковая пара «русский-английский» язык при передаче смысла русских фразеологических оборотов англоговорящим оппонентам, а также наоборот. На сегодняшний день практически каждому русскому фразеологизму подобран его английский эквивалент, и в тех случаях, когда это сделать невозможно, применяется пояснительный перевод.

Заключение

Образная основа каждого фразеологизма раскрывается путем параллельного анализа имеющих к нему прямое отношение этнологических реалий, а также особых черт, присущих той или иной культуре. Целесообразным остается и лингвокультурологический анализ ФЕ, безусловно, помогающий осуществить проникновение в национальный характер этноса. Идиоматические или образные выражения способны хранить наследие культуры народов, населяющих нашу планету [Влавацкая, 2019]. Они хранят в себе определенные символы и стереотипы, необходимые для дальнейшей культурной идентификации. Фразеологизмы, как маркированные образчики культуры, существующие внутри языка, способны раскрыть глубину каждой отдельной лингвокультуры [Гончарова, 2021].

Библиографический список

1. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка. 6-е изд., стер. Москва : ФЛИНТА, 2020. 288 с.
2. Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка : учеб. пособие. 2-е изд., перераб. Москва : ФЛИНТА : Наука, 2012. 376 с.
3. Беляевская Е. Г., Маляр Т. Н. Принципы минимизации интерференции родного языка при обучении иностранному языку (концептуальные структуры странства и времени в английском и русском языках). Москва : ИПК МГЛУ, 2011. 375 с.
4. Болотнова Н. С. Современный русский язык: Лексикология. Фразеология. Лексикография : контрольно-тренировочные задания : учеб. пособие / А. В. Болотнов, Н. С. Болотнова. 5-е изд., стер. Москва : ФЛИНТА, 2019. 224 с.
5. Василенко А. П. и др. Концептуальная сфера художественной литературы в русской и английской картине мира. Опцион. 2018. № 85. 989 с.
6. Влавацкая М. В. Основы лексикологии для студентов-филологов (на материале английского и русского языков) : учебное пособие. Новосибирск : Новосибирский государственный технический университет, 2019. 312 с.
7. Гончарова Т. В. Речевая культура личности : практикум. Москва : Флинта, 2011. 240 с.
8. Попова З. Д. Язык и национальная картина мира / З. Д. Попова, И. А. Стернин. Изд. 4-е, стер. Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2015. 101 с.
9. Куанышбаева Г. Б. Особенности фразеологических оборотов казахского языка. Молодой ученый. № 12 (116). 2016. 1348 с.
10. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка: Уч. пос. для институтов и фак. иностр. яз. 3-е изд., стереотип. Дубна : Феникс+, 2005. 488 с.
11. Самотик Л. Г. Лексика современного русского языка : учебное пособие. 4-е изд., испр. Москва : ФЛИНТА, 2022. 500 с.
12. Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках / Э.М. Береговская [и др.]. Москва : Языки славянских культур, 2004. 338 с.
13. Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. Москва : Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
14. Analyzing Discourse: Textual Analysis for Social Research. London, New York, Publ. Routledge, Fan Z., Fang Y. 2014. 270 p.
15. Bakhtin's Theory of the Literary Chronotope: Reflections, Applications, Perspectives / Bemong Nele, Borghart Pieter, Michel de Dobbeleer (eds.). Gent, Academia Press, 2010. 213 p.
16. De Bot K., Lowie W., Thorne S. L., Verspoor M. 2019. Dynamic systems theory as a comprehensive theory of second language development. Contemporary approaches to second language acquisition. Eds. M. García Mayo del Pilar, M. Junkal Gutierrez Mangado & M. Martínez Adrián. Amsterdam, John Benjamins Publishing Company, 156 p.
17. Diessel H. 2020. A Dynamic Network Approach to the Study of Syntax. Frontiers in Psychology, 11. DOI: 10.3389/fpsyg.2020.604853. Available at: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2020.604853/full> (accessed: 11.08.2022).
18. Frank Joseph. The Mantle of the Prophet, 1871–1881. Princeton : Princeton U. P., 2003.

19. PRT Edelman Affiliate. 2001–2022. URL: [https://prt.ru/\(датаобращения: 08.08.2022\)](https://prt.ru/(датаобращения: 08.08.2022)).

20. Textual Patterns: Key words and corpus analysis in language education. Philadelphia, Publ. John Benjamins, 203 p. Yang Y. 2009.

Reference list

1. Alefirenko N. F. Lingvokul'turologija: cennostno-smyslovoe prostranstvo jazyka = Linguistics and culture: the value-semantic space of the language. 6-e izd., ster. Moskva : FLINTA, 2020. 288 s.

2. Arnol'd I. V. Leksikologija sovremennogo anglijskogo jazyka : ucheb. posobie = Lexicology of modern English: textbook. Allowance. 2-e izd., pererab. Moskva : FLINTA : Nauka, 2012. 376 s.

3. Beljaevskaja E. G., Maljar T. N. Principy minimizacii interferencii rodnogo jazyka pri obuche-nii inostrannomu jazyku (konceptual'nye struktury prostranstva i vremeni v anglijskom i russkom jazykah) = Principles of minimizing the inter-ference of the native language in teaching a foreign language (conceptual structures of space and time in English and Russian). Moskva : IPK MGLU, 2011. 375 s.

4. Bolotnova N. S. Sovremennyy russkij jazyk: Leksikologija. Frazeologija. Leksikografija : kontrol'no-trenirovochnye zadaniya = Modern Russian language: Lexicology. Phraseology. Lexicography: control and training tasks : ucheb. posobie / A. V. Bolotnov, N. S. Bolotnova. 5-e izd., ster. Moskva : FLINTA, 2019 . 224 s.

5. Vasilenko A. P. i dr. Konceptual'naja sfera hudozhestvennoj literatury v russkoj i anglijskoj kartine mira = Conceptual sphere of fiction in the Russian and English worldview. Opcion. 2018. № 85. 989 s.

6. Vlavackaja M. V. Osnovy leksikologii dlja studentov-filologov (na materiale anglijskogo i russkogo jazykov) = Fundamentals of lexicology for students of philology (based on English and Russian languages) : uchebnoe posobie. Novosibirsk : Novosibirskij gosudarst-vennyj tehničeskij universitet, 2019. 312 c.

7. Goncharova T. V. Rečevaja kul'tura lichnosti = Speech culture of personality : praktikum. Moskva : Flinta, 2011. 240 s.

8. Popova Z. D. Jazyk i nacional'naja kartina mira = Language and national picture of the world / Z. D. Popova, I. A. Sternin. Izd. 4-e, ster. Moskva ; Berlin : Direkt-Media, 2015. 101 s.

9. Kuanyshbaeva G. B. Osobennosti frazeologičeskikh oborotov kazahskogo jazyka = Features of phra-

seological units of the Kazakh lan-guage. Molodoj učenij. № 12 (116). 2016. 1348 s.

10. Kunin A. V. Kurs frazeologii sovremennogo anglijskogo jazyka: Uch. pos. dlja institutov i fak. inostr. jaz. = Phraseology course of modern English: Uch. settlement for institutes and faculty. foreign lang. 3-e izd., stereotip. Dubna : Feniks+, 2005. 488 s.

11. Samotik L. G. Leksika sovremennogo russkogo jazyka = Vocabulary of the modern Russian language : uchebnoe posobie. 4-e izd., ispr. Moskva : FLINTA, 2022. 500 s.

12. Kul'turnye sloi vo frazeologizmah i diskursivnyh praktikah = Cultural layers in phrase-ological units and discursive practices / Je. M. Beregovskaja [i dr.]. Moskva : Jazyki slavjanskih kul'tur, 2004. 338 c.

13. Telija V. N. Russkaja frazeologija: semantičeskij, pragmatičeskij i lingvokul'turologičeskij aspekty = Russian phraseology: semantic, pragmatic and linguoculturological aspects. Moskva : Shkola «Jazyki russkoj kul'tury», 1996. 288 s.

14. Analyzing Discourse: Textual Analysis for Social Research. London, New York, Publ. Routledge, Fan Z., Fang Y. 2014. 270 p.

15. Bakhtin's Theory of the Literary Chronotope: Reflections, Applications, Perspectives / Bemong Nele, Borghart Pieter, Michel de Dobbeleer (eds.). Gent, Academia Press, 2010. 213 p.

16. De Bot K., Lowie W., Thorne S. L., Verspoor M. 2019. Dynamic systems theory as a comprehensive theory of second language development. Contemporary approaches to second language acquisition. Eds. M. García Mayo del Pilar, M. Junkal Gutierrez Mangado & M. Martínez Adrián. Amsterdam, John Benjamins Publishing Company, 156 p.

17. Diessel H. 2020. A Dynamic Network Approach to the Study of Syntax. Frontiers in Psychology, 11. DOI: 10.3389/fpsyg.2020.604853. Available at: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2020.604853/full> (accessed: 11.08.2022).

18. Frank Joseph. The Mantle of the Prophet, 1871–1881. Princeton : Princeton U. P., 2003.

19. PRT Edelman Affiliate. 2001–2022. URL: [https://prt.ru/\(dataobrashhenija: 08.08.2022\)](https://prt.ru/(dataobrashhenija: 08.08.2022)).

20. Textual Patterns: Key words and corpus analysis in language education. Philadelphia, Publ. John Benjamin, 203 p. Yang Y. 2009.

Статья поступила в редакцию 11.05.2022; одобрена после рецензирования 26.05.2022; принята к публикации 23.08.2022.

The article was submitted on 11.05.2022; approved after reviewing 26.05.2022; accepted for publication on 23.08.2022.

Языки народов зарубежных стран (германские языки)

Научная статья

УДК 81'373

DOI: 10.20323/2499-9679-2022-3-30-121-128

EDN: UEBNXI

Функционально-прагматический аспект английских фразеологизмов с этнонимами

Светлана Юрьевна Павлина

Кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики английского языка и перевода ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова». 603105, г. Нижний Новгород, ул. Минина, д. 31а

Pavlina.Svetlana@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8304-795X>

Аннотация. Статья посвящена определению того, как реализуется прагматический потенциал фразеологических единиц, содержащих номинации определенной этнической группы, в современном англоязычном медийном дискурсе. Выдвигается гипотеза, согласно которой идиомы, выражающие этнические стереотипы, не вписываются в современную парадигму социальных отношений, что накладывает ограничения на сферу их функционирования. Исследуется семантика этнонимосодержащих идиом английского языка, выделяются их основные классы: выражающие этностереотипы и содержащие негативную оценку фразеологические единицы (ФЕ); не выражающие стереотипное представление об этносе и не содержащие эмоциональную оценку фразеологизмы; не содержащие этностереотипов, но выражающие оценку ФЕ. Функционирование фразеологизмов выборки в современном медиадискурсе изучается на основе контекстов, выделенных из статей британской газеты the Guardian. Анализ использования ФЕ с компонентом этнонимом позволяет утверждать, что идиомы, выражающие негативные стереотипные представления об этнических группах, исключаются из современного англоязычного медийного дискурса, поскольку они нарушают принципы инклюзивности и толерантности. Выявленные в текстах статей этнонимосодержащие ФЕ становятся основой для языковой игры, построенной на контрасте прямого и переносного значений. В основе этого лежит так называемая модель двойного пути, согласно которой устойчивые выражения, включающие конвенциональные идиомы, извлекаются из памяти реципиента быстрее, чем вновь создаваемые свободные сочетания. Кроме того установлено, что при контекстуальном употреблении может происходить переосмысление значения этнонима, в результате связь с обозначаемой общностью утрачивается. Исследование показывает, что, будучи образными номинациями, идиомы, содержащие этнонимы, могут служить сферой-источником для создания новых метафорических образов.

Ключевые слова: этноним; медийный дискурс; культурный стереотип; языковая игра; фразеологизм; толерантность

Для цитирования: Павлина С. Ю. Функционально-прагматический аспект английских фразеологизмов с этнонимами // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 3 (30). С. 121–128. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-3-30-121-128>. <https://elibrary.ru/UEBNXI>

Languages of foreign countries (germanic languages)

Original article

Functional and pragmatic perspectives on the english phraseological units with incorporated ethnonyms

Svetlana Y. Pavlina

Candidate of philological sciences, associate professor, department of theory and practice of english and translation, Nizhny Novgorod Dobrolyubov state linguistic university. 603105, Nizhny Novgorod, Minin st., 31a

Pavlina.Svetlana@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8304-795X>

Abstract. The article examines the way the english phraseological units containing ethnonyms function in modern media discourse. The research tests the hypothesis, according to which idioms with embedded ethnonyms do not fit the modern social paradigm, which entails some usage limitations. The semantic properties of such conventional idioms are investigated and, as a result, the following classes are established: phraseological units that contain ethnic stereotypes and possess negative connotation; idioms that are not connotative and do not express any ethnic stereotypes; phraseological units that do not express ethnic stereotypes but are marked by some negative connotation. The analysis of functioning of idioms with incorporated ethnonyms reveals that the english units expressing negative stereotypical views on ethnic groups are excluded from modern media discourse because they do not fit the reigning paradigm of inclusiveness and tolerance. In media texts, phraseological expressions with ethnonyms are involved in play on words based on their literal and figurative meanings. The activation of each meaning is described as a dual route model: the computation of idiomatic expressions goes faster than that of novel phrases as they are easy to retrieve from the memory. The analysis also reveals that the contextual usage of sample idioms entails some transformations of their meaning and the loss of connection with the primarily denoted ethnic group.

Key words: ethnonym; media discourse; cultural stereotype; word play; phraseological unit; tolerance

For citation: Pavlina S. Yu. Functional and pragmatic perspectives on the english phraseological units with incorporated ethnonyms. *Verhnevolski philological bulletin*. 2022;(3):121–128. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-3-30-121-128>. <https://elibrary.ru/UEBNXI>

Введение

Взаимоотношение языка и культуры становится центральным компонентом лингвистических исследований, проводимых в последние десятилетия [Карасик, 2013, Карасик, 2000]. Одним из проявлений такой связи является отражение в языке таких комплексных явлений как этническая и расовая принадлежность [Красных, 2002]. Языковые единицы, служащие обозначением этнической группы, именуются этнонимами. В них находит свое отражение картина мира, свойственная тому или иному лингвокультурному сообществу. Природа этнонимов и их лингвистический статус до сих пор не получили однозначного отражения в лингвистических исследованиях. В частности, нет единого мнения о том, являются ли этнонимы именами собственными, или же их следует относить к разряду имен нарицательных. Другим аспектом, требующим уточнения служит референтная отнесенность данной группы языковых единиц. Поскольку термин этноним восходит к греческим словам *éthnos* «народ» и *ónoma* «имя», ряд исследователей включают в разряд этнонимов не только наименования этнических групп, но и номинации людей, проживающих на определенной территории. Однако, более корректным представляется отнесение наименований жителей определенной местности к разряду котайконимов или в иных терминах демонимов [Chesnokova & Radović, 2020].

Отдельный раздел этнонимических исследований посвящен функционированию этнонимов в составе фразеологизмов. Данные лексические единицы вовлекаются в процесс метафоризации и становятся частью конвенциональных идиом.

Под идиомами в настоящей работе понимаются устойчивые сочетания, которые характеризуются структурной и семантической целостностью, а также использованием компонентов в переносном значении [Arnold, 1986, Tabossi at all, 2009, Grunt & Bauer, 2004]. Одним из главных свойств идиом является невозможность извлечь их значение из суммы прямых значений отдельных лексем, входящих в их состав. Зарубежные лингвисты относят к основным критериям идиом их институциональный характер, понимая под этим степень узнаваемости той или иной единицы в определенном языковом сообществе. Идиомы относятся к общепринятым и широко известным номинациям, что позволяет считать их институциональными [Fernando, 1996, Moon, 1998, Grunt & Bauer, 2004]. В другой терминологии, которая будет принята за основу в данной работе, устойчивые, общепринятые фразеологические единицы (ФЕ) именуются конвенциональными идиомами [Dobrovolskiy & Piirainen, 2006].

В этнонимосодержащих фразеологизмах находят отражение стереотипы, связанные с восприятием группы чужих [Пищальникова, 2020, Соболева, 2008]. Как правило, подобное стереотипное представление является оценочно маркированным, поскольку обобщенные характеристики, приписываемые чужим, размещаются на определенной шкале ценностей [Голубовская, 2012, Golubovskaya, 2015]. Национально-культурные стереотипы, запечатленные в конвенциональных фразеологических единицах, отражают взгляды, свойственные определенной эпохе. Связь образных фразеологизмов с культурой имеет некоторую особенность: данные языковые единицы часто связаны с явлениями прошлого, а не настоящего [Boers at all, 2004,

Deignan, 2003]. Совершенно очевидно, что представления о том, что считается приемлемым и неприемлемым в том или ином социуме, не являются статичными. В том числе это касается национально-культурных стереотипов. Одним из социальных явлений, оказавших мощное воздействие на лексический состав английского языка, является движение за гражданские права в США. Данное социальное явление привело к табуированию номинаций, которые до некоторых пор воспринимались как нейтральные. Совершенно очевидно, что идея использования стереотипов по отношению к тому или иному этносу не вписывается в современную парадигму социальных отношений. В эпоху доминирования политкорректности и инклюзивности меняется отношение и к использованию фразеологизмов с инкорпорированными этнонимами. Данные наблюдения позволяют сформулировать следующую гипотезу исследования: Идиомы, выражающие этнические стереотипы, вступают в конфликт с современной парадигмой социальных отношений, что накладывает ограничения на сферу их функционирования.

Для проверки гипотезы была предпринята попытка провести анализ фразеологизмов английского языка, содержащих этнонимы, изучив примеры их функционирования в современном медиадискурсе.

Методология исследования

На основе сплошной выборки из словарей Oxford Dictionary of Idioms, The American Heritage Dictionary of Idioms и The American Heritage Dictionary of the English Language были выделены 112 конвенциональных фразеологизмов с такими этнонимическими номинациями как Tartar, Dutch, Russian, Greek, Irish, Chinese, Indian, Ethiopian, Mexican. Применение компонентного анализа позволило определить элементы их семантической структуры и выявить оценочно-нейтральные и эмоционально-оценочные номинации. На следующем этапе исследования были рассмотрены примеры употребления фразеологизмов выборки в британском медийном дискурсе, выделенные из статей газеты The Guardian (The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com> (дата обращения: 25.05.2022)). С использованием методов контекстуального и стилистического анализа были определены функционально-прагматические характеристики исследуемых языковых единиц и выявлена их соотносительность с парадигмой социальных отношений, домини-

рующей в настоящее время в англоязычном обществе.

Результаты и обсуждение

Рассмотрим семантические характеристики изучаемой группы фразеологических единиц. Исследование выборки проводилось с точки зрения того, выражают ли фразеологизмы стереотипные представления об этносе и являются ли они оценочными. В результате анализа дефиниций представляется возможным выделить три группы этнонимосодержащих ФЕ:

1. ФЕ содержат этностереотипы и выражают негативную оценку: *to catch a Tartar – to encounter a person who proves too strong for the assailant; Dutch blessing – scolding, Chinese ace – an inept pilot*. Негативная оценочность обусловлена тем, что особенности группы чужих воспринимаются как странные, непривычные и существенно отличные от того, что принято в группе своих. Так, например выражение *Chinese basket* обозначает *бросок в кольцо, совершаемый во время баскетбольного матча, когда мяч входит в корзину снизу, а не сверху, как того требуют правила*. Таким образом, совершить бросок по-китайски значит нарушить правила, сделать что-либо с отступлением от привычного порядка вещей, что позволяет говорить о пейоративной окраске данного фразеологизма.

2. ФЕ не содержат этностереотипов, не являются оценочными: *Can an Ethiopian change his skin or a leopard its spots?* Данное выражение соотносится с Библией, и его полная версия выглядит следующим образом: *Can an Ethiopian change his skin or a leopard its spots? Neither can you do good who are accustomed to doing evil*. Этноним *эффион* используется как риторическое средство для выражения идеи о качестве, которое является неотъемлемым и не может быть изменено ни при каких обстоятельствах, а значит, эмоциональная оценка в данном случае отсутствует.

3. Стереотипы не выражены, однако фразеологизмы содержат оценку: *Russian roulette* означает *an act of bravado consisting of spinning the cylinder of a revolver loaded with one cartridge, pointing the muzzle at one's own head, and pulling the trigger* (безрассудный трюк, состоящий в том, что человек испытывает судьбу, приставив к виску револьвер и вращая барабан, заряженный единственным патроном). Фразеологизм используется в отношении любого безрассудного действия, таящего угрозу для жизни. Источником идиомы

считается трюк, некогда практиковавшийся русскими офицерами, однако качество, которое приписывается, в данном случае не проецируется на этническую группу в целом. Таким образом, будучи негативно оценочным, фразеологизм не выражает этнических стереотипов.

Мысль о том, что язык и культура взаимосвязаны, лежит в основе современной лингвистики. Нормы и ценности, разделяемые обществом в определенный период, подвергаются переосмыслению, что находит свое отражение в языке. В своей работе *Политическая корректность, инклюзивный язык и свобода слова: динамика понятий* О. А. Леонтович вскрывает новейшие тенденции реализации политкорректности в социуме и демонстрирует то, как отражается в английском языке смена культурных норм и ценностных ориентаций [Леонтович, 2021]. Такими трансформациями являются стремление к отказу от стереотипов, а также изменение концептуализации расы. Все это наводит на мысль о том, что новые социальные условия накладывают определенные ограничения на использование в публичном дискурсе конвенциональных фразеологизмов, выражающих этнические стереотипы.

В средствах массовой информации широко обсуждается вопрос проявлений расизма в языке. Иногда стремление к политкорректности заходит слишком далеко и под запрет попадают любые идиоматические выражения, содержащие этнонимы, даже если они не являются оценочными и не направлены против какой-либо этнической группы. Одним из примеров может служить фразеологизм *Too many chiefs and not enough Indians*, который в настоящее время воспринимается неоднозначно. Противники использования этого фразеологизма считают, что термин *Indian* связан с временами, когда коренное население истреблялось во время покорения Дикого Запада. По этой причине *Indian* рассматривается как пренебрежительная номинация, которую следует заменить на инклюзивное выражение *Native American*.

В то же самое время The American Heritage Dictionary содержит справку, согласно которой прилагательное *Indian* в отличие от *Negro* не признается оскорбительным в подавляющем большинстве случаев и продолжает служить номинацией коренного населения США, термин применяется в том числе самими представителями этноса (American Heritage Dictionary: 832). Совершенно очевидно, что этноним *Indian* не имеет негативной коннотации, что позволяет ис-

пользовать его наряду с инклюзивной номинацией *Native American*.

Для выявления современных тенденций в использовании образных этнонимосодержащих фразеологизмов было проанализировано их функционирование в британском медийном дискурсе. Вначале исследовались контексты с идиомами, выражающими этнические стереотипы, затем анализу подверглись случаи контекстуального употребления фразеологизмов выборки, в которых нет оценочности и которые не содержат информации об этнических стереотипах, наконец, рассматривались этнонимосодержащие оценочные идиомы, не выражающие стереотипов.

Первый класс фразеологизмов представлен такими выражениями как *Dutch uncle* – суровый и прямолинейный человек, *to get one's Irish up* – разозлиться, утратить контроль над собой, *French furlough* – дезертирство и др.

Рассмотрим случаи употребления конвенциональной идиомы *Dutch feast* имеющей значение *вечеринка, в ходе которой хозяин напивается первым*. Фразеологизм *Dutch feast* содержит достаточно устаревшее представление о голландцах. Анализ контекстов показал, что образное значение данной номинации не актуализируется в медиатекстах выборки. Однако выражение *Dutch feast* используется в прямом значении в гастрономическом дискурсе. Статья под названием *A Dutch feast for the Queen's Day* посвящена описанию того, как повара-энтузиасты организовали прием для друзей, который совпал по времени с голландским праздником *Queen's Day*, поэтому все блюда были выполнены в оранжевых тонах. Когда читатель знакомится с заголовком статьи *Dutch feast*, образное значение приходит на ум первым. Как показывают многочисленные исследования в области психолингвистики, процесс извлечения из памяти идиоматических выражений, которые являются клишированными, происходит быстрее, чем извлечение смысла из вновь создаваемых свободных сочетаний [Tabossi, Fanari & Wolf, 2009, Carrol & Littlemore, 2020, Carrol & Conklin, 2014]. Подобный механизм восприятия идиом носителями языка описывается как *модель двойного пути* (dual route model) [Carrol & Conklin, 2014]. Более быстрое извлечение из памяти клишированных выражений лежит в основе языковой игры, используемой в заголовке *A Dutch feast for the Queen's Day*. У читателя создается впечатление, что речь пойдет о вечеринке, которую испортило непомерное потребление алкоголя хозяином.

Однако повествование показывает обратное, то есть идиома в заголовке помогает заинтриговать читателя, создавая эффект обманутого ожидания. Таким образом, этнонимосодержащий фразеологизм выполняет важную прагматическую функцию, привлекая внимание адресата и обеспечивая основы для обыгрывания прямого и переносного значения выражения.

Конвенциональная идиома *Dutch treat* означает ситуацию, когда каждый из приглашенных оплачивает свой счет. В выборке не обнаружено использования идиомы в этом значении. В то же самое время в ряде контекстов обыгрываются прямое и переносное значения фразеологизма, как например, в статье *Dutch treat* речь идет о постановке оперы *Writing to Vermeer* (Письма к Вермееру) труппой из Нидерландов. Опера голландских авторов сравнивается в статье с гастрономическим наслаждением. Использование игры слов на основе прямого и метафорического значений ФЕ служит мощным экспрессивным средством и создает так называемый эффект отложенного ожидания. Дело в том, что при первом знакомстве с заголовком статьи, реципиент предполагает, что речь пойдет о пресловутой скупости голландцев. Однако, в тексте описывается изысканная музыкальная постановка, доставляющая слушателям эстетическое наслаждение. Таким образом, негативная оценочность, предлагаемая заголовком, меняется на положительную.

ФЕ *to go Dutch* означает приглашение в ресторан или кафе, когда каждый платит за себя. В идиоме содержится негативный подтекст, однако в настоящее время ее употребление едва ли ассоциируется со стереотипным представлением о голландской скупости, поскольку фраза стала клишированной и ее внутренняя форма затемнена. Однако при контекстуальном употреблении данного фразеологизма, авторы медиатекстов обыгрывают разные грани лексического значения фразеологизма. Так, например, статья *Going Dutch: why the country is leading the way on sustainable business* повествует о голландском опыте в области экологии, которому, по мнению авторов, должны следовать другие страны. Другая статья имеет заголовок *Go Dutch and save yourself £50,000*. В ней речь идет о британских студентах, которые обучаются в Нидерландах практически бесплатно. Идея получения высшего образования за пределами Великобритании с небольшими затратами выглядит привлекательной, и автор подчеркивает мысль о том, что быть эко-

номным не предосудительно.

Другой фразеологизм, содержащий негативную оценку голландцев, характеризует нацию как недостаточно храбрую: идиома *Dutch courage* имеет значение *храбрость во хмелю*. В заголовке статьи на спортивную тематику это выражение используется следующим образом: *Everton's fighting spirit boosted by a little Dutch courage*. На первый взгляд может показаться, что речь идет о том, как боевой дух команды поддерживался некоторым количеством спиртного, что вступает в противоречие с принятыми представлениями о правилах спортивных состязаний. Интрига заголовок создается использованием в одном предложении лексем, так или иначе соотносимых с темой алкоголя: *spirit* (дух, алкогольный напиток), *boost* (стимулировать), *Dutch courage* (храбрость во хмелю). Однако текст статьи высвечивает совершенно иной смысл высказывания, поскольку под голландской храбростью (*Dutch courage*) автор статьи подразумевает смелые действия игрока команды Эвертон, голландца Хейтинга. Таким образом, заголовок строится на прямом прочтении образной идиомы: *Боевой дух Эвертона был поддержан смелыми действиями голландца*.

Анализ показывает, что в британских медиатекстах идиомы, выражающие этнические стереотипы, используются в новом, нетрадиционном значении, воздействуя на воображение реципиентов за счет языковой игры, основанной на противопоставлении прямого и метафорического значений выражений.

Другой группой являются фразеологизмы, в которых этнические стереотипы не выражены. К ним относятся такие ФЕ как *Russian roulette* (русская рулетка, безрассудная бравада), *Mexican wave* (мексиканская волна – волнообразные движения футбольных болельщиков на стадионе), *Chinese whisper* (китайский шепот – передача информации от одного человека другому с небольшим искажением, эффект испорченного телефона), *too many chiefs and not enough Indians* (слишком много начальников и мало исполнителей), *Chinese puzzle* (китайская головоломка, сложная задача).

Анализ функционирования идиом с компонентом *Chinese* показывает, что в британском медиадискурсе их используют для описания ситуаций, связанных с различными аспектами китайской экономики, образования и культуры. Так, например, идиома *Chinese whisper* (эффект испорченного телефона) является немотивиро-

ванной, поскольку сложно установить связь между недостоверным изложением информации и номинацией этнической принадлежности. В статье, посвященной растущей популярности курсов по изучению китайского языка, *Chinese whisper* утрачивает свое фразеологическое значение и служит основой игры слов: компонент *Chinese* соотносится с китайским языком, а существительное *whisper* делает отсылку к практике использования языка, в частности к курсам китайского. Контекстуальное употребление ФЕ *Chinese puzzle* (китайская головоломка, запутанная ситуация) также демонстрирует модификации образного значения фразеологизма. В статье *Hinkley Point C: no easy solution to Theresa May's Chinese puzzle* речь идет о сложностях, с которыми предстоит столкнуться премьер-министру Терезе Мэй во время саммита G 20, причиной служит нарушение Великобританией сроков реализации энергетических проектов в Китае. Компонент *puzzle* приобретает значение *проблема, противостояние, конфликт*, номинация *Chinese* конкретизирует источник конфликта. В данном контексте фразеологизм подвергается декомпозиции, каждый элемент приобретает значение, отличное от того, что представлено в конвенциональном образном фразеологизме *Chinese puzzle*.

Наблюдения над функционированием этнонимосодержащих идиом выборки показывает, что этноним, участвующий в создании метафорического образа, часто приобретает символическое значение и связь с определенной этнической группой утрачивается. Примером тому может служить заголовок *Playing Russian roulette with a Mexican wave of capital crimes*, в котором совмещены сразу две конвенциональные идиомы с этнонимами. Фразеологизм *Mexican wave* описывает движения зрителей на стадионе, которые напоминают волну. Считается, что подобное поведение зрителей было впервые зафиксировано на чемпионате мира в Мехико 1986 года. Движения зрителей ассоциируются с движением воды, таким образом во фразеологизме содержится метафорическое преломление действительности. В контексте *Playing Russian roulette with a Mexican wave of capital crimes* движение зрителей, включенное в метафорический образ, служит источником новой метафоры. Идиома используется для описания ситуации, когда цепь событий невозможно изменить, когда возникает эффект домино. Конвенциональный фразеологизм *Mexican wave* не является оценочным. Однако в контексте он используется для описания деструктивного

эффекта и приобретает негативную коннотацию. Это происходит за счет проекции негативной оценочности, содержащейся в языковых единицах *Russian roulette* и *crimes*. Данный пример показывает, что, будучи образными номинациями, идиомы, содержащие этнонимы, могут служить сферой-источником для создания новых метафорических образов. Этноним *Mexican* не выражает какого-либо предвзятого отношения к этносу, поскольку явление, с которым связана идиома, в настоящее время не ассоциируется с мексиканцами, как этнической группой. Из этого следует, что современное употребление данной образной единицы не содержит отсылки к так называемой этимологической памяти фразеологизма.

Заключение

В результате проведенного исследования было выявлено следующее:

1. Фразеологизмы с этнонимическим компонентом разделяются на три группы: выражающие этностереотипы и содержащие негативную оценку; не выражающие стереотипное представление об этносе и не содержащие эмоциональную оценку; не содержащие этностереотипов, но выражающие оценку.

2. Фразеологизмы, в которых эксплицируются негативные стереотипные представления об этнических группах, исключаются из современного англоязычного медийного дискурса, поскольку они нарушают принципы инклюзивности и толерантности.

3. Фразеологические выражения с этнонимическим компонентом служат основой языковой игры и используются для создания эффекта обманутого ожидания. В основе этого лежит так называемая модель двойного пути, согласно которой устойчивые выражения, включающие конвенциональные идиомы, извлекаются из памяти реципиента быстрее, чем вновь создаваемые свободные сочетания.

4. Выявлена группа этнонимосодержащих фразеологизмов, в которых не эксплицируются оценочные стереотипы, а значит эти ФЕ не являются эмоционально оценочными. В медиатекстах они подвергаются модификации и развивают новые контекстуальные значения. В результате утрачивается связь с обозначаемой этнонимом общностью.

5. Конвенциональные идиомы с компонентом этнонимом являются эффективным риторическим инструментом, позволяющим лаконично и экспрессивно передать авторский замысел, не

нарушая норм политкорректности и инклюзивности.

Библиографический список

1. Голубовская Е. А. Особенности отражения этнических стереотипов в лексическом составе английского языка // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2012. № 4. С. 124–130.
2. Карасик В. И. Языковая матрица культуры. Москва : Гнозис, 2013.
3. Карасик В. И. Этнокультурные типы институционального дискурса // Этнокультурная специфика речевой деятельности. 2000. № 2000. С. 19–30.
4. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. Москва : Гнозис, 2002.
5. Леонтович О. А. Политическая корректность, инклюзивный язык и свобода слова: динамика понятий // Russian Journal of Linguistics. 2021. Т. 25. № 1. С. 194–220.
6. Пищальникова В. А. Этническая картина мира: проблемы терминологии описания // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020 (2). С. 6–11.
7. Соболева Е. Ю. Образ чужого во фразеологизмах американского варианта английского языка с компонентом этнонимом // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2008. № 6. С. 274–277.
8. Arnold I. V. The English Word. Moscow : Vyssaja Skola. 1986.
9. Boers F., Demecheleer M. & J. Eyckmans. Cross-cultural Variation as a Variable in Comprehending and Remembering Figurative Idioms. European Journal of English Studies. 2004. Vol. 8, No. 3, pp. 375–388.
10. Carrol G., Conklin K. Getting your wires crossed: Evidence for fast processing of L1 idioms in an L2. Bilingualism: Language and Cognition. 2014. 17. Pp 784–797 doi:10.1017/S1366728913000795
11. Carrol G., Littlemore J. Resolving figurative expressions during reading: The role of familiarity, transparency, and context. Discourse Processes, 2020. 1–18. <https://doi.org/10.1080/0163853X.2020.1729041>
12. Chesnokova Olga S., Marija Radović. Demonyms in the Pacific Alliance Countries: Morphological and Semantic Variation. Russian Journal of Linguistics, 2020. 24 (4). С. 1017–1048.
13. Deignan A. Metaphorical Expressions and Culture: an Indirect Link. Metaphor and Symbol 2003. 18. Pp. 255–72.
14. Dobrovol'skiy D., Piirainen E. Cultural Knowledge and Idioms. International Journal of English Studies, 2006. 6(1), 27–41.
15. Fernando C. Idioms and idiomaticity. Oxford: Oxford University Press. 1996.
16. Golubovskaya E. Verbal Representation of Ethnic Stereotypes about the Dutch in English (an Insight into Cross-cultural Perception via the Language). Journal of language and Education, 1(3). 2015. Pp. 39–51.

17. Grant L., Bauer L. Criteria for Re-defining Idioms: Are we Barking up the Wrong Tree? Applied Linguistics. 2004. 25(1). Pp. 38–61.

18. Moon R. Fixed expressions and idioms in English. A corpus-based approach. Oxford : Clarendon Press. 1998.

19. Oxford Dictionary of Idioms. Second Edition. Oxford : Oxford University Press, 2004.

20. Tabossi P., Fanari R., & Wolf K. Processing idiomatic expressions: Effects of semantic compositionality. Journal of Experimental Psychology. Learning, Memory, and Cognition. 2008. 34, 313–327.

21. Tabossi P., Fanari R., & Wolf K. Why are idioms recognized fast? Memory and Cognition. 2009, 37. Pp. 529–540.

22. The American Heritage Dictionary of Idioms. Christine Ammer. Houghton Mifflin Company, 1997. 729 p.

23. The American Heritage Dictionary of the English Language, Fourth Edition. Houghton Mifflin Company. 2000. 2074 p.

Reference list

1. Golubovskaja E. A. Osobennosti otrazhenija jetnicheskikh stereotipov v leksicheskom sostave anglijskogo jazyka = Specifics of reflecting ethnic stereotypes in the lexical structure of the English language // Uchenye zapiski Rossijskogo gosudarstvennogo social'nogo universiteta. 2012. № 4. S. 124–130.
2. Karasik V. I. Jazykovaja matrica kul'tury = The linguistic matrix of culture. Moskva : Gnozis, 2013.
3. Karasik V. I. Jetnokul'turnye tipy institucional'nogo diskursa = Ethnic cultural types of institutional discourse // Jetnokul'turnaja specifika rechevoj dejatel'nosti. 2000. № 2000. С. 19–30.
4. Krasnyh V. V. Jetnopsiholingvistika i lingvokul'turologija: Kurs lekcij = Ethnopsycholinguistics and linguocultural studies: A course of lectures. Moskva : Gnozis, 2002.
5. Leontovich O. A. Politicheskaja korrektnost', inkluzivnyj jazyk i svoboda slova: dinamika ponjatij = The dynamics of political correctness, inclusive language, and freedom of speech // Russian Journal of Linguistics. 2021. Т. 25. № 1. S. 194–220.
6. Pishchal'nikova V. A. Jetnicheskaja kartina mira: problemy terminologii opisanija = The ethnic picture of the world: problems of terminological description // Vestnik VGU. Serija: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija. 2020 (2). S. 6–11.
7. Soboлева E. Ju. Obraz chuzhogo vo frazeologizmah amerikanskogo varianta anglijskogo jazyka s komponentom jetnonimom = The image of the stranger in American English phraseology with the ethnonym component // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. 2008. № 6. S. 274–277.
8. Arnold I.V. The English Word. Moscow: Vyssaja Skola. 1986.

9. Boers F., Demecheleer M. & J. Eyckmans. Cross-cultural Variation as a Variable in Comprehending and Remembering Figurative Idioms. *European Journal of English Studies*. 2004. Vol. 8, No. 3, pp. 375-388.
10. Carrol G., Conklin K. Getting your wires crossed: Evidence for fast processing of L1 idioms in an L2. *Bilingualism: Language and Cognition*. 2014. 17. Pp 784-797 doi:10.1017/S1366728913000795
11. Carrol G., Littlemore J. Resolving figurative expressions during reading: The role of familiarity, transparency, and context. *Discourse Processes*, 2020. 1–18. <https://doi.org/10.1080/0163853X.2020.1729041>
12. Chesnokova, Olga S., Marija Radović. Demonyms in the Pacific Alliance Countries: Morphological and Semantic Variation. *Russian Journal of Linguistics*, 2020. 24 (4). S. 1017–1048.
13. Deignan A. Metaphorical Expressions and Culture: an Indirect Link. *Metaphor and Symbol* 2003. 18. Pp. 255–72.
14. Dobrovol'skiy D., Piirainen E. Cultural Knowledge and Idioms. *International Journal of English Studies*, 2006. 6(1), 27–41.
15. Fernando C. Idioms and idiomaticity. Oxford: Oxford University Press. 1996.
16. Golubovskaya E. Verbal Representation of Ethnical Stereotypes about the Dutch in English (an Insight into Cross-cultural Perception via the Language). *Journal of language and Education*, 1(3). 2015. Pp. 39–51.
17. Grant L., Bauer L. Criteria for Re-defining Idioms: Are we Barking up the Wrong Tree? *Applied Linguistics*. 2004. 25(1). Pp. 38–61.
18. Moon R. Fixed expressions and idioms in English. A corpus-based approach. Oxford : Clarendon Press. 1998.
19. Oxford Dictionary of Idioms. Second Edition. Oxford : Oxford University Press, 2004.
20. Tabossi P., Fanari R., & Wolf K. Processing idiomatic expressions: Effects of semantic compositionality. *Journal of Experimental Psychology. Learning, Memory, and Cognition*. 2008. 34, 313–327.
21. Tabossi P., Fanari R., & Wolf K. Why are idioms recognized fast? *Memory and Cognition*. 2009, 37. Pp. 529–540.
22. The American Heritage Dictionary of Idioms. Christine Ammer. Houghton Mifflin Company, 1997. 729 p.
23. The American Heritage Dictionary of the English Language, Fourth Edition. Houghton Mifflin Company. 2000. 2074 p.

Статья поступила в редакцию 12.05.2022; одобрена после рецензирования 22.06.2022; принята к публикации 23.08.2022.

The article was submitted on 12.05.2022; approved after reviewing 22.06.2022; accepted for publication on 23.08.2022.

Научная статья

УДК 81'374.3

DOI: 10.20323/2499-9679-2022-3-30-129-136

EDN: RSINJP

Английская сленговая лексикография: формирование, развитие, современное состояние

Екатерина Михайловна Григорьева

Кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной филологии ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет». 153025, г. Иваново, ул. Ермака, д. 39
grigoryeva.ekaterina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9682-9021>

Аннотация. В настоящее время проблемы английской специальной лексикографии интересуют большое количество исследователей. Отдельное место принадлежит английской сленговой лексикографии, истоки зарождения которой наблюдаются в XVI веке.

В статье рассматриваются различные определения термина «сленг», которые даются как отечественными, так и зарубежными лингвистами. Кроме того, целью настоящего исследования является проследить историю возникновения, развития и современного состояния английской сленговой лексикографии. В рамках исследования рассматриваются различные справочники сленга, среди которых «A New Dictionary of Terms, Ancient and Modern, of the Canting Crew» Б. Е. Джентельмана, «A Dictionary of Slang and Unconventional English» Э. Партриджа, «The Oxford Dictionary of Slang» Дж. Эйто, «Aussie Slang Dictionary» Л. Стюарт, «Urban Dictionary», «Anglotopia's Dictionary of British English British Slang from A to Zed» Дж. Томаса, «Pardon My French! Pocket Slang Dictionary: English-French/French-English» Дж. Пиларда и А. Стивенсон и некоторые другие издания.

Значительное внимание в данной работе уделено рассмотрению особенностей мега-, макро- и микроструктуры основных справочников сленга, опубликованных в различные временные периоды с целью проследить особенности регистрации сленговой лексики в данных словарных изданиях. Проанализированные справочники представлены как в печатном, так и в онлайн-форматах. В конце исследования резюмируются полученные в ходе работы данные.

Ключевые слова: сленг; сленговая лексикография; толковый словарь; мега- макро и микроструктура словаря

Для цитирования: Григорьева Е. М. Английская сленговая лексикография: формирование, развитие, современное состояние // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 3 (30). С. 129–136. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-3-30-129-136>. <https://elibrary.ru/RSINJP>

Original article

English slang lexicography: formation, development, current state

Ekaterina M. Grigorieva

Candidate of philological sciences, associate

professor, department of foreign philology, Ivanovo state university. 153025, Ivanovo, Ermak st., 39
grigoryeva.ekaterina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9682-9021>

Abstract. Nowadays, a large number of researchers are interested in the problems of english specialist lexicography. A special place belongs to the english slang lexicography, the origins of which date back to the XVI century.

The article considers various definitions of the term «slang», which are given by both russian and foreign linguists. In addition, the purpose of this study is to trace the origin, development, and current state of English slang lexicography. As part of the research, the author analyses slang dictionaries among which there are the following: «A New Dictionary of Terms, Ancient and Modern, of the Canting Crew» by B. E. Gentleman, «A Dictionary of Slang and Unconventional English» by E. Partridge, «The Oxford Dictionary of Slang» by J. Ayto, «Aussie Slang Dictionary» by L. Stewart, «Urban Dictionary», «Anglotopia's Dictionary of British English British Slang from A to Zed» by J. Thomas, «Pardon My French! Pocket Slang Dictionary: English-French/French-English» by G. Pilard and A. Stevenson, etc.

Considerable attention in the article is paid to the features of the mega-, macro- and microstructure of the main slang reference books published in different time periods in order to trace the peculiarities of slang vocabulary registering in

these dictionaries. The dictionaries under study are presented both in print and online formats. At the end of the research the data obtained are summarized.

Key words: slang; slang lexicography; explanatory dictionary; dictionary mega-, macro- and microstructure

For citation: Grigoryeva E. M. English slang lexicography: formation, development, current state. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2022;(3):129–136. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-3-30-129-136>. <https://elibrary.ru/RSINJP>

Введение

Лексикография или наука о составлении и изучении словарей, несомненно, является важной частью современного языкознания. Особое место по праву принадлежит специальным словарным изданиям, в которых зафиксирована лексика отдельных предметных областей, таких как экономика, психология, юриспруденция, искусство, наука и техника и др. Отдельную группу справочников составляют издания, в которых регистрируются различные слои лексики, различающиеся по ряду критериев: по смысловым отношениям (синонимы и антонимы), с точки зрения истории языка (архаизмы и неологизмы), по употреблению (общеупотребительная и ограниченная в употреблении (профессиональная, диалектная, жаргонная)).

Сленг всегда привлекал и продолжает привлекать исследователей, поскольку именно в сленговой лексике отражаются изменения, происходящие в обществе и в словарном составе языка. В связи с этим нельзя не отметить необходимость справочников, в которых зафиксирована подобная лексика.

В данной работе рассматриваются особенности становления и развития английской сленговой лексикографии на материале ряда словарных изданий, опубликованных в различные временные периоды. Также проводится лексикографический анализ представленных словарей.

Методы исследования

При проведении исследования были использованы следующие **методы**: теоретико-лингвистический анализ литературы, суть которого состоит в обзоре основных теоретических работ по сленгу, общим и частным проблемам лексикографии; метод лексикографического анализа словарей, включающий подробную характеристику мега-, макро- и микроструктуры рассматриваемых справочников; метод сплошной выборки, использованный при отборе лексических единиц для проведения лексикографического анализа.

Результаты исследования

Несомненно, сленг привлекал и привлекает исследователей. Однако до сих пор не существует единого определения данного термина. Рассмотрим некоторые из них, представленные отечественными и зарубежными исследователями. Прежде обратимся к исконным значениям термина «сленг».

Понятие «сленг» приобрело значение, в котором употребляется сейчас, во времена правления короля Великобритании и Ирландии Георга III (середина XVIII – начало XIX вв.). В XVI в. под сленгом подразумевался особый тип пушки, а начиная с 1610 г. лексема «сленг» использовалась для обозначения полосы земли [Décharné, 2017, p. 5].

Согласно В. А. Хомякову, сленг – относительно устойчивый для какого-то периода, широкоупотребительный, стилистически маркированный лексический пласт. Он является компонентом экспрессивного просторечия, входящего в литературный язык. Кроме того, он довольно неоднородный по своим истокам и степени приближения к литературному стандарту [Хомяков, 2009, с. 43–44].

По мнению О. С. Ахмановой, сленг представляет собой разговорный вариант профессиональной речи, а также элементы разговорного варианта профессиональной или социальной группы, которые во время процесса проникновения в литературный язык или вообще в речь людей, приобретают в этих разновидностях языка особую эмоционально-экспрессивную окраску (особую лингвостилистическую функцию) [Ахманова, 2004, с. 419].

По справедливому утверждению С. В. Венедиктова и Е. Е. Иванова, сленг – это динамичное, быстроразвивающееся и пополняющееся новыми лексическими единицами явление [Венедиктов, Иванов, 2021, с. 18].

Согласно Э. Парtridge, известному специалисту в области сленга, этот слой лексики представляет собой относительно устойчивый для определенного периода, а также широкоупотребительный, стилистически маркированный (сни-

женный) лексический пласт – компонент экспрессивного просторечия, входящего в литературный язык, который неоднороден по истокам и степени приближения к литературному стандарту [Partridge, 2015].

Несомненно, на развитие сленга влияют средства массовой информации: радио, интернет и телевидение. Как правило, сленг в СМИ представляет собой укороченные слова и сокращения, что свидетельствует о стремлении к тому, чтобы ускорить темп жизни [Готовчикова, 2018, с. 36].

Сленговая лексика выполняет различные функции в процессе коммуникации, в том числе демонстрирует лояльность говорящего к определенному направлению, принадлежность к коллективу, объединенному конкретной профессией, способствует установлению контакта и усиливает эффект коммуникации [Горелова, Круглова, 2022, с. 221].

Первые словари английского сленга появились еще в XVI в. Первый глоссарий воровского сленга (*cant*) был опубликован в 1566 г. и с тех пор сленговая лексикография активно развивается.

В 1566 г. Т. Харман опубликовал памфлет под названием «A Caveat or Warening for Commen Cursetors», к которому отдельно прикрепил список сленговых выражений (около 100 наименований). Читателям был очень интересен так называемый *cant*, с примерами которого они познакомились благодаря труду Т. Хармана. Впоследствии данный список слов был также опубликован в других изданиях. Традиция составления списков канта закончилась в 1725 г. [Adams, 2020, p. 75–76].

Далее рассмотрим основные справочники английского сленга, опубликованные начиная с конца XVII в. вплоть до настоящего времени.

В 1699 г. появился словарь «A New Dictionary of Terms, Ancient and Modern, of the Canting Crew» (автор Б. Е. Джентельман). Впоследствии словарь был переиздан под названием «The First English Dictionary of Slang». Данный справочник является важным изданием, в котором регистрацию получают именно сленговые выражения.

Следующим интересным объектом для исследования, опубликованным в 1859 г., становится справочник «The Slang Dictionary; or, The Vulgar Words, Street Phrases, and 'Fast' Expressions of High and Low Society: Many with Their Etymology, and a Few with Their History Traced», составленный издателем и лексикографом Джоном Кэмденом Хоттенем. Исходя из достаточно подробного и детального названия работы, мы

видим, что автор поставил перед собой задачу не просто зарегистрировать сленговую лексику в одном издании, но также предоставить этимологическую справку о зафиксированных входных единицах и информацию об истории появления и развития того или иного сленгового выражения. Данный словарь включает несколько групп сленга: криминальный, оборотный сленг (*back-slang*), рифмованный и другие виды сленга. Входные единицы представлены как отдельными лексемами, так и словосочетаниями. Входная единица выделена курсивом, что свидетельствует о зарождении первых попыток к формированию такого важного впоследствии раздела лексикографии как полиграфическая семиотика.

Такое явление как теория полиграфической семиотики, возникло в английской лексикографии в середине XX в. Ее достижения применяются активно и в новом тысячелетии не только при составлении печатных, но и электронных словарей и для создания дружелюбного интерфейса справочников английского языка нового поколения [Карпова, 2021, с. 210].

Макроструктура рассматриваемого словаря включает не только словарные статьи, но и главы, посвященные истории сленга и его различным группам.

Микроструктура словаря включает слово, дефиницию, а в отдельных случаях – информацию о происхождении и о том, когда лексема вошла в обиход:

ALMIGHTY DOLLAR, an American expression for the «power of money», first introduced by Washington Irving in 1837 [Hotten, 1864, p. 67].

В XX в. появляется большое количество сленговых выражений, в связи с чем возникает потребность в регистрации данных единиц в справочных изданиях. Особое место в английской сленговой лексикографии принадлежит словарю Э. Партриджа «A Dictionary of Slang and Unconventional English», который был впервые издан в 1937 г. и с тех пор претерпел несколько переизданий. При составлении справочника автор опирался на различные труды, в том числе на свои личные наблюдения за общим и специальным сленгом.

Мегаструктура данного словаря включает вводную часть, словник и приложение.

Макроструктура организована в алфавитном порядке от А до Z. Далее рассмотрим пример словарной статьи к лексеме *all-overish*.

all-overish. Having an indefinite feeling of general indisposition or uncase: from ca. 1840: coll.

Perhaps ex U.S., where it is recorded as early as 1833 (Thornton) [Partridge, 2006, p. 16].

Как видно из примера, словарная статья включает входную единицу, дефиницию, стилистическую помету, а также информацию о том, когда лексема вошла в обиход.

Характерной чертой второй половины XX в. является то, что публикуются специальные словари, посвященные сленгу. Позже, в связи с развитием средств массовой информации и процессом глобализации, сленг становится общедоступным, начинает проникать в литературный язык и оказывать на него влияние.

Одним из значимых словарей конца XX в. является справочник Дж. Грина «Cassell's Dictionary of Slang», опубликованный в 1998 г. Это словарь, предоставляющий подробную информацию об истории английского сленга. В нем зарегистрированы не только сленговые слова, используемые в настоящее время, но и лексемы, которые вышли из употребления [Green, 1998].

Интерес представляет еще один справочник, опубликованный в 1993 г. Это «Dictionary of Sexual Slang: Words, Phrases, and Idioms from AC/DC to Zig-zig» Алана Рихтера. Данный справочник включает более 2000 слов и фраз, дефиниции, а также информацию об этимологии. Словарь содержит лексемы со времен Шекспира до наших дней, включая иллюстративные примеры из разнообразных источников начиная от Чосера и заканчивая Мадонной [Richter, 1993].

Другими примерами словарей, опубликованными в конце XX в., становятся «The Standard Dictionary of English Slang» В. Т. Уенга (1977 г.), а также «Pardon My French! Pocket Slang Dictionary: English-French/French-English» Дж. Пиларда и А. Стивенсона (1998 г.), который представляет собой карманное издание французского и английского сленга и включает около 11 тысяч входных единиц [Pilard, Stevenson, 1998].

Таким образом, на рубеже XX–XXI вв. сленг постепенно приобретает более широкое распространение в мире и привлекает значительное внимание со стороны лексикографов. Появляется большое количество словарей различных типов. Особое внимание уделяется специальным справочникам, в частности, словарям сленга [Авербух, Карпова, 2009, с. 99].

Далее рассмотрим справочники сленга, опубликованные в XXI в. Важной работой этого временного рубежа является словарь известного английского лексикографа Дж. Эйто «The Oxford Dictionary of Slang», имеющий несколько пере-

изданий. Это один из наиболее известных и авторитетных справочников сленга.

Мегаструктура справочника включает вступление и словник. Макроструктура издания организована в алфавитном порядке.

Микроструктура издания состоит из входной единицы, дефиниции, грамматической пометы, иллюстративных примеров, чаще всего взятых из книг или статей с указанием автора, книги и года издания:

agricultural adjective Of a cricket stroke: ungraceful, clumsy. 1937–, TIMES... took an agricultural swing at Wardle and was bowled (1955) [From the unsophisticated stroke play associated with village cricket], [Ayto, 2010, p. 3].

Обратимся к еще одному объекту исследования, автором которого является М. Джоши. Это «Dictionary of Slang Words: Vocabulary Building», изданный в 2020 г. Макроструктура издания организована в тематическом порядке и включает сленговые выражения, принадлежащие к следующим группам: рифмованный сленг (Adam and Eve, air and graces), Интернет-сленг (abt, ATB, ATM), идиомы (cut a rug, cop it) и др.

Микроструктура включает входную единицу, краткую дефиницию, некоторые пометы (грамматическую, стилистическую, региональную и другие):

choice [n.] *British slang* something bad [Joshi, 2020, p. 15].

Кроме того, в настоящее время также появляются справочники сленга, которые содержат задания на проверку усвоения лексического материала. Этот факт свидетельствует об учебном характере подобных изданий. Одним из примеров такого словарного издания становится «Aussie Slang Dictionary+ other Aussie Words and Phrases» Л. Стюарт [Григорьева, 2017, с. 222].

Вышеуказанный словарь также становится ярким образцом отражения еще одной тенденции современного этапа английской сленговой лексикографии. Это появление словарей сленга конкретного определенного варианта английского языка, например австралийского. «Aussie Slang Dictionary» впервые был опубликован в 2002 г. В 2017 г. данный справочник был переиздан.

«Aussie Slang Dictionary» предназначен для широкого круга пользователей и представляет собой незаменимое руководство с точки зрения изучения сленга в живой речи жителей Австралии. Микроструктура включает входную единицу, дефиницию, иллюстративные примеры, которые позволяют понять функционирование лек-

семьи в речи:

aggro: aggressive. *He got aggro with me.* Also used as a noun: *she was really givin' me the aggro* [Stewart, 2017, p. 6].

Еще одним примером издания, посвященного сленгу конкретного варианта английского языка, становится опубликованный в 2003 г. словарь новозеландского сленга Д. Макгилла «The Reed Dictionary of New Zealand Slang». Справочник включает более трех тысяч сленговых выражений и высказываний, используемых жителями Новой Зеландии [McGill, 2003].

Следующим справочником сленга, носящим учебный характер, становится издание Дж. Болен «American English Slang: Dialogues, Phrases, Words and Expressions for English Learners» (2021). Это издание знакомит пользователя со списком сленговых выражений, используемых в США и Канаде, на телевидении, кино и в других сферах и предоставляет пользователю возможность посмотреть, как то или иное сленговое выражение используется в повседневной речи на примере работы с диалогами [Bolen, 2021].

В 2017 г. был опубликован словарь британского сленга, автором которого стал Дж. Томас. Это «Anglotopia's Dictionary of British English British Slang from A to Zed». Словарь представляет интерес как для лингвистов, так и для обычных пользователей. Мегаструктура издания включает предисловие, список входных единиц, организованных в алфавитном порядке, а также приложения. Макроструктура издания включает сленгизмы следующих тематических групп: британские оскорбления, лондонский сленг, кокни, сленг, используемый на телевидении, австралийский сленг и др. [Thomas, 2017].

В XXI в. также публикуются словари, посвященные отдельным тематическим группам сленга. Среди них справочник Г. Барретта «The Oxford Dictionary of American Political Slang», который включает более 600 сленговых выражений предметной области политика. Словарная статья в издании содержит входную единицу, грамматическую помету, дефиницию, иллюстративный пример с указанием автора, даты и источника:

friendly *n.* a political supporter (of a particular candidate).

1984 WINS Radio News (Sept. 3).

...He wants to kick off his reelection bid with an audience of known friendlies [Barrett, 2006, p. 111].

Словарь «Dictionary of Contemporary Slang» Т. Торна включает около 7 тысяч сленговых выражений таких тематических групп, как спорт,

современное общество, политика и др. Справочник основан на данных, собранных создателем словаря Т. Торном. Автор провел собственное исследование среди пользователей сленга, гуляя по улицам и кафе с целью зафиксировать сленговые выражения, употребляемые обычными пользователями. Словарная статья издания выглядит следующим образом:

addy *n.* an Internet address. The abbreviation used in Internet communication and text messaging [Thorne, 2014, p. 3].

Современный период английской сленговой лексикографии характеризуется появлением интернет-словарей. Одним из них становится «Urban Dictionary». «Urban Dictionary» – это краудсорсинговый веб-сайт, на котором появляются новые слова и их значения. Данный словарь появился в 1999 г. и с тех пор стал важным ресурсом в интернете [The Anatomy of the Urban Dictionary]. Особенностью этого онлайн-словаря становится тот факт, что обычные пользователи могут добавлять в него лексемы. С одной стороны, данный факт свидетельствует о том, что информация в словаре постоянно обновляется, но, с другой стороны, у этого явления есть определенные минусы. Основным недостатком состоит в том, что часто добавляемый в словарь материал является непроверенным профессиональными специалистами в области лексикографии.

Макроструктура словаря представляет собой поисковую строку, где пользователи могут набрать необходимую входную единицу и получить словарную статью. Интерфейс онлайн-словаря удобен и прост для понимания.

Микроструктура включает входную единицу, выделенную жирным шрифтом, дефиницию, иллюстративный пример, а также автора данной словарной статьи и дату ее публикации в словаре. Поскольку словарные статьи созданы не профессиональными лексикографами, а обычными пользователями, в них отсутствуют какие-либо пометы:

Tikbait

Something used as a clickbait in a video on the popular social platform TikTok. Popular “tickbait” imagery includes expensive things, food, the female body, and numerous others.

1. *Did you see that Denise's TikTok video got a million views?*

2. *Yeah, that...next to that lambo was great tikbait.*

by Young Floot Boy. January 14, 2021 [Urban Dictionary].

Другими словарями, опубликованными в XXI в., становятся следующие: Spears R. «NTC's Dictionary of American Slang and Colloquial Expressions» (2002), Ayers R. «Berkeley High School Slang Dictionary» (2003), Peckham A. «Mo' Urban Dictionary: Ridonkulous Street Slang Defined» (2009) и другие.

Таким образом, в XXI в. наблюдается ряд характерных черт в области английской сленговой лексикографии. Прежде всего, это тенденция к публикации справочников, посвященных сленгу отдельных вариантов английского языка (например, «Aussie Slang Dictionary»). Помимо этого, появляются словари, которые носят учебный характер и кроме фиксации сленговой лексики включают диалоги и упражнения на отработку словарного материала («American English Slang: Dialogues, Phrases, Words and Expressions for English Learners»). Публикуются словари сленга отдельных тематических областей («The Oxford Dictionary of American Political Slang»). Кроме того, наблюдается влияние современных информационно-коммуникационных технологий и современного темпа жизни на лексикографию в целом и лексикографию сленга в частности. В свет выходят интернет-словари сленга (например, «Urban Dictionary»), что обеспечивает доступ пользователей к таким изданиям и возможность отслеживать языковые изменения, появляющиеся в языке, в данном случае – на материале сленга.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование позволило проследить историю формирования и развития английской сленговой лексикографии.

XVI–XVII вв. становятся периодом, когда только зарождается интерес к регистрации сленговой лексики в словарях. Словарные издания, опубликованные в это время, в основном включают сленговую лексику криминального языка. Однако уже в этот период составители справочников стремятся подробно и детально отразить основную характеристику лексемы, добавляя в микроструктуру дефиницию, а также время возникновения слова.

Постепенно сленговая лексика начинает активнее проникать в речь пользователей, что не может не привлекать внимание как лексикологов, так и лексикографов, заинтересованных в регистрации широко употребляемой лексики в словарных изданиях. Происходит расширение микроструктуры словарей сленговой лексики,

которая включает входную единицу, дефиницию, иллюстративные примеры, а также различные пометы: грамматическую, этимологическую, стилистическую и др.

Для современного состояния английской сленговой лексикографии характерны такие черты, как учебный характер словарей, что проявляется во включении в справочник упражнений на проверку усвоения материала, диалогов и идиом. Кроме того, особый интерес представляют словари, в которых регистрируется сленг определенного варианта английского языка (например, канадского, австралийского и т. д.). Также публикуются справочники, в которых отражение находит сленг отдельной предметной области, например, политический сленг. Важно отметить, что современный мир цифровых технологий не мог не отразиться на лексикографии сленга, что привело к появлению интернет-словарей сленговой лексики.

Библиографический список

1. Авербух К. Я., Карпова О. М. Лексические и фразеологические аспекты перевода. Москва : Издательский центр «Академия», 2009. 176 с.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Москва : Едиториал УРСС, 2004. 569 с.
3. Венедиктов С. В., Иванов Е. Е. Лексикографическое описание сленга: практико-ориентированный подход в правоохранительной системе // Thesaurus: сборник научных трудов. 2021. Вып. IX. С. 14–21.
4. Горелова О. В., Круглова У. Р. Компьютерный сленг в современной Интернет-коммуникации // Современное педагогическое образование. 2022. № 1. С. 220–223.
5. Готовчикова А. Н. Молодежный сленг и способы его перевода на русский язык // Мир языков: ракурс и перспективы: сборник материалов IX Международной науч.-практ. конференции, Минск, 26 апреля 2018 г. 2018. Ч. 1. С. 29–37.
6. Григорьева Е. М. Словари австралийского сленга: история и современность // Вестник Брянского государственного университета. 2017. № 4 (34). С. 217–223.
7. Карпова О. М. Английская лексикография в цифровую эпоху // Современная германистика и западноевропейская литература: коллективная монография. Вып. 3. Москва : ФЛИНТА, 2021. С. 208–229.
8. Хомяков В. А. Введение в изучение сленга – основного компонента английского просторечия. Москва : ЛИБРОКОМ, 2009. 102 с.
9. Adams M. English Slang Dictionaries // The Cambridge Companion to English Dictionaries/ ed. by S. Ogilvie. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. P. 75–86.
10. Ayto J. The Oxford Dictionary of Slang. Oxford : Oxford University Press, 2010. 418 p.

11. Barrett G. The Oxford Dictionary of American Political Slang. Oxford : Oxford University Press, 2006. 302 p.
12. Bolen J. American English Slang: Dialogues, Phrases, Words and Expressions for English Learners. Seattle: Amazon, 2021. 64 p.
13. Décharné M. Vulgar Tongues: An Alternative History of English Slang. New York : Pegasus Books, 2017. 352 p.
14. Green J. Cassell's Dictionary of Slang. London : Cassell & Co, 1998. 1565 p.
15. Hotten J. C. The Slang Dictionary; or, The Vulgar Words, Street Phrases, and 'Fast' Expressions of High and Low Society: Many with Their Etymology, and a Few with Their History Traced. London : Piccadilly, 1864. 349 p.
URL: <https://archive.org/details/TheSlangDictionaryOrTheVulgarWords/page/n9/mode/2up?view=theater> (дата обращения: 30.06.2022).
16. Joshi M. Dictionary of Slang Words: Vocabulary Building. Amazon : Amazon Digital Services LLC – KDP Print US, 2020. 78 p.
17. McGill D. The Reed Dictionary of New Zealand Slang. Auckland : Reed, 2003. 239 p.
18. Partridge E. A Dictionary of Slang and Unconventional English. London; New York : Routledge, 2006. 975 p.
19. Partridge E. Slang Today and Yesterday. New York : Taylor & Francis, 2015. 488 p.
20. Pilard G., Stevenson A. Pardon My French! Pocket Slang Dictionary: English-French/French-English. London : Harrap, 1998. 252 p.
21. Richter A. Dictionary of Sexual Slang: Words, Phrases, and Idioms from AC/DC to Zig-zig. New York : Wiley, 1993. 272 p.
22. Stewart L. Aussie Slang Dictionary. Melbourne : Brolga Publishing, 2017. 184 p.
23. The Anatomy of the Urban Dictionary. URL: <https://www.technologyreview.com/2018/01/03/146467/the-anatomy-of-the-urban-dictionary/> (дата обращения: 11.06.2022).
24. Thomas J. Anglotopia's Dictionary of British English British Slang from A to Zed. Scotts Valley: Createspace Independent Publishing Platform, 2017. 212 p.
25. Thorne T. Dictionary of Contemporary Slang. London : Bloomsbury Publishing Plc, 2014. 512 p.
26. Gorelova O. V., Kruglova U. R. Komp'yuternyj sleng v sovremennoj Internet-kommunikacii = Computer slang in modern Internet communication // Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie. 2022. № 1. S. 220–223.
27. Gotovchikova A. N. Molodezhnyj sleng i sposoby ego perevoda na russkij jazyk = Youth slang and how to translate it into Russian // Mir jazykov: rakurs i perspektivy: sbornik materialov IX Mezhdunarodnoj nauch.-prakt. konferencii, Minsk, 26 aprlja 2018 g. 2018. Ch. 1. S. 29–37.
28. Grigor'eva E. M. Slovarei avstralijskogo slenga: istorija i sovremennost' = Dictionaries of Australian slang: history and modernity // Vestnik Brjanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. № 4 (34). S. 217–223.
29. Karpova O. M. Anglijskaja leksikografija v cifrovuju jepohu = English lexicography in the digital age // Sovremennaja germanistika i zapadnoevropejskaja literatura: kollektivnaja monografija. Vyp. 3. Moskva : FLINTA, 2021. S. 208–229.
30. Homjakov V. A. Vvedenie v izuchenie slenga – osnovnogo komponenta anglijskogo prostorechija = An introduction to slang studies, the basic component of English common speech. Moskva : LIBROKOM, 2009. 102 s.
31. Adams M. English Slang Dictionaries // The Cambridge Companion to English Dictionaries/ ed. by S. Ogilvie. Cambridge : Cambridge University Press, 2020. P. 75–86.
32. Ayto J. The Oxford Dictionary of Slang. Oxford : Oxford University Press, 2010. 418 p.
33. Barrett G. The Oxford Dictionary of American Political Slang. Oxford : Oxford University Press, 2006. 302 p.
34. Bolen J. American English Slang: Dialogues, Phrases, Words and Expressions for English Learners. Seattle: Amazon, 2021. 64 p.
35. Décharné M. Vulgar Tongues: An Alternative History of English Slang. New York: Pegasus Books, 2017. 352 p.
36. Green J. Cassell's Dictionary of Slang. London : Cassell & Co, 1998. 1565 p.
37. Hotten J. C. The Slang Dictionary; or, The Vulgar Words, Street Phrases, and 'Fast' Expressions of High and Low Society: Many with Their Etymology, and a Few with Their History Traced. London : Piccadilly, 1864. 349 p.
URL: <https://archive.org/details/TheSlangDictionaryOrTheVulgarWords/page/n9/mode/2up?view=theater> (data obrashhenija: 30.06.2022).
38. Joshi M. Dictionary of Slang Words: Vocabulary Building. Amazon : Amazon Digital Services LLC – KDP Print US, 2020. 78 p.
39. McGill D. The Reed Dictionary of New Zealand Slang. Auckland : Reed, 2003. 239 p.

Reference List

1. Averbuh K. Ja., Karpova O. M. Leksicheskie i frazeologicheskie aspekty perevoda = Lexical and phraseological aspects of translation. Moskva : Izdatel'skij centr «Akademija», 2009. 176 s.
2. Ahmanova O. S. Slovar' lingvisticheskikh terminov = The dictionary of linguistic terms. Moskva : Editorial URSS, 2004. 569 s.
3. Venediktov S. V., Ivanov E. E. Leksikograficheskoe opisanie slenga: praktiko-orientirovannyj podhod v pravoohranitel'noj sisteme = Slang lexicographic description: a practice-oriented approach in legal system // The-saurus: sbornik nauchnyh trudov. 2021. Vyp. IX. S. 14–21.

18. Partridge E. A Dictionary of Slang and Unconventional English. London; New York : Routledge, 2006. 975 p.
19. Partridge E. Slang Today and Yesterday. New York : Taylor & Francis, 2015. 488 p.
20. Pilard G., Stevenson A. Pardon My French! Pocket Slang Dictionary: English-French/French-English. London : Harrap, 1998. 252 p.
21. Richter A. Dictionary of Sexual Slang: Words, Phrases, and Idioms from AC/DC to Zig-zig. New York : Wiley, 1993. 272 p.
22. Stewart L. Aussie Slang Dictionary. Melbourne : Brolga Publishing, 2017. 184 p.
23. The Anatomy of the Urban Dictionary. URL: <https://www.technologyreview.com/2018/01/03/146467/the-anatomy-of-the-urban-dictionary/> (data obrashhenija: 11.06.2022).
24. Thomas J. Anglotopia's Dictionary of British English British Slang from A to Zed. Scotts Valley: Createspace Independent Publishing Platform, 2017. 212 p.
25. Thorne T. Dictionary of Contemporary Slang. London : Bloomsbury Publishing Plc, 2014. 512 p.

Статья поступила в редакцию 13.05.2022; одобрена после рецензирования 26.06.2022; принята к публикации 23.08.2022.

The article was submitted on 13.05.2022; approved after reviewing 26.06.2022; accepted for publication on 23.08.2022.

Научная статья

УДК 81'374.3

DOI: 10.20323/2499-9679-2022-3-30-137-145

EDN: RXBAGZ

Основы эффективного речевого взаимодействия в суде

Елена Геннадьевна Ильичева

Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». 410056, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1
eilyicheva3@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5804-4247>

Аннотация. Неотъемлемой частью речевого поведения представителей любой сферы профессионального общения являются методы коммуникативного воздействия говорящего на адресата. Судебный дискурс не является исключением в этом отношении. В статье судебный дискурс рассматривается как специализированный пласт речи, имеющий свои средства выражения. Особое внимание уделяется толкованию этого вопроса различными лингвистами, а также институциональным признакам судебного дискурса, его экстралингвистическим и лингвистическим характеристикам. Судебное разбирательство – это лучший способ извлечь всю необходимую и актуальную информацию для создания правдивой картины произошедшего. Соответственно, целью данной статьи является изучение судебного дискурса с точки зрения соответствия речевых стратегий, применяемых участниками судебного заседания, принципам кооперативной коммуникации. Задача данного исследования заключается в разработке рекомендаций для эффективного общения в суде. В результате исследования стенограмм судебных заседаний было выявлено, какие именно вопросы и ответы являются продуктивными либо непродуктивными, показано, каким образом следует юристам моделировать свою речь, чтобы получить доказательства и в итоге выиграть дело. Результаты исследования могут быть использованы для того, чтобы сделать общение в зале суда более грамотным и эффективным. Гибкость и динамичность в выборе и применении стратегий и тактик речевого поведения позволит повысить профессионализм специалистов в области права. Перспективным видится исследование других закономерностей построения судебного дискурса.

Ключевые слова: принцип кооперации; англоязычный судебный дискурс; тактики ведения допроса; продуктивные и непродуктивные вопросы

Для цитирования: Ильичева Е. Г. Основы эффективного речевого взаимодействия в суде // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 3 (30). С. 137–145. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-3-30-137-145>. <https://elibrary.ru/RXBAGZ>

Original article

On effective tactics of interrogation in court

Elena G. Ilyicheva

Candidate of philological sciences, associate professor of the foreign languages department, Saratov state academy of law. 410056, Saratov, Volskaya st., 1
eilyicheva3@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5804-4247>

Abstract. The methods of the speaker's communicative influence over the addressee make an integral part of professional verbal behavior, judicial discourse being no exception. The article considers judicial discourse as a specialized speech layer having its own means of expression. Particular attention is paid to the interpretation of this issue by different linguists, as well as to the institutional features of judicial discourse, its extra-linguistic and linguistic characteristics. Courtroom proceedings are the best way to extract all the relevant information to get the true picture of the reality. Thus, this article is aimed at studying judicial discourse in terms of the compliance of speech strategies used by court participants with the cooperation principles. The objective of this research is to develop recommendations for effective communication in court. The study of court transcripts has identified which questions and answers are productive or unproductive and has shown how lawyers should model their speech in order to obtain evidence and ultimately win the case. The results of the study can be used to make communication in the courtroom more competent and effective. Flexibility

and dynamism in the choice and application of speech strategies and tactics will enhance the professionalism of lawyers. Prospects for the research are seen in the study of other judicial discourse patterns.

Key words: cooperative principle; english judicial discourse; interrogation strategies; productive and unproductive questions

For citation: Ilyicheva E. G. On effective tactics of interrogation in court. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2022;(3):137–145. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-3-30-137-145>. <https://elibrary.ru/RXBAGZ>

Введение

Судебный дискурс, который представляет собой пример институционального дискурса [Хомутова, Шефер, 2019, с. 44, Синеокова, Филимонова, 2020, с. 166] – это вербально-знаковое выражение процесса коммуникации в ходе судебного процесса, который следует рассматривать в социально-историческом, национально-культурном, конкретном ситуативном контексте с учетом характеристик и намерений коммуникантов [Дубровская, 2010]. Такое гетерогенное явление как судебный дискурс описано с различных точек зрения как отечественными [Авакова, Будняя, 2020; Аринова 2020; Бондарев, 2020; Литвишко, 2020; Манукян, Гранкина, 2020; Шалова, 2020; Леонтьева, 2021; Хижняк, 2021; Volgina, 2022], так и зарубежными лингвистами [Rigney, 1999; Gibbons, 2003; Tracy, Robles, 2009; Jerson, 2017].

Несомненный интерес представляет опыт успешного ведения допроса, основанного на применении различных тактических приемов. В настоящей статье предпринимается попытка проанализировать некоторые существующие методики ведения допроса с лингвистической точки зрения, выявить их достоинства и недостатки и предложить рекомендации по ведению судебного допроса. Подчеркнем, что под успешным ведением допроса в суде мы подразумеваем дачу правдивых, исключающих двоякое толкование показаний при отсутствии давления на свидетелей, обвиняемых либо потерпевших со стороны адвокатов или судей. Акцент на легитимности и упорядоченности применяемых языковых средств позволяет сделать достаточно надежные выводы и составить рекомендации по определению и корректированию речевого поведения участников судебного процесса.

Материалы и метод

Данными для исследования послужили стенограммы судебных заседаний, где представителем одной из сторон являлись юристы фирмы Р. Миллера и Л. Зоис (Мэриленд,

США), специализирующейся на участии в делах по искам о причинении личного вреда, включая случаи дорожно-транспортных происшествий, неправомерной практики медицинских работников, причинения вреда вследствие использования недоброкачественной продукции, причинения смерти по неосторожности и др. [Miller, Zois, 2022]. Отметим, что свою деятельность данная юридическая фирма начала около 20 лет назад и функционирует до сих пор. Основанием для выбора материала отдельных кейсов стал тот факт, что использованные тактики допроса показали соблюдение или нарушение основных постулатов общения, что говорит об успешности либо провальной технике юристов. Функциональный подход основан в данной работе на текстовом анализе материала, который требует комплексного исследования как лексических, грамматических, синтаксических и стилистических средств, так и учета экстралингвистических факторов, например, коммуникативных ролей и целей коммуникантов, особенностей национального мышления, различий фоновых знаний и др.

Институциональные признаки судебного дискурса

Институциональность судебного дискурса определяется, с одной стороны, постоянной строгой системой профессионально-ориентированных знаков, то есть четкой принадлежностью к институту (в данном случае – права); а с другой стороны, тенденцией к изменению этой устойчивой системы в результате воздействия экстралингвистических факторов [Синеокова, Филимонова, 2020, с. 167]. Поскольку цель судебного дискурса состоит в защите прав личности и установлении истины, а также урегулировании конфликта в соответствии с действующим законодательством, а ценности судебного дискурса определены верховенством закона, в ходе судебного заседания нередко осуществляется не только собственно правовая, но и нравственная оценка ситуации.

В качестве начальной гипотезы примем позицию, что при ведении допроса в суде

должны соблюдаться определенные принципы общения, обусловленные как целями судебного дискурса в целом, так и принципами, лежащими в основе любого рода кооперативного общения. Соответственно, в ходе анализа нам надлежит выяснить, какие именно типы вопросов являются наиболее продуктивными в плане получения информации, необходимой для принятия судом решения, какие ответы дают наиболее исчерпывающую информацию участникам судебного заседания и в итоге сформировать некоторые рекомендации лингвистического характера, которые могли бы способствовать более продуктивному ведению допроса в суде.

Важно отметить, что для судебного дискурса характерна регламентация процессуальных действий, ритуализированность, статусно-ролевая определенность; «этикетизация», определяющая наличие регулируемых этикетных норм, принятых в профессиональной среде, трафаретность, которая позволяет однозначно идентифицировать тип дискурса и его связь с социальным институтом. Таким образом, вышеуказанные признаки говорят о том, что судебный дискурс несет в себе важнейшие черты институционального типа дискурса.

Мыслительная деятельность участников судебного процесса динамична, что и обуславливает изменение в ходе судебного допроса выбираемых ими стратегий и тактик речевого поведения. Часто более опытные юристы способны быстро сориентироваться и изменить тактику допроса, если возникает угроза дискредитации их клиента или есть причина считать, что допрашиваемое лицо может ввести участников суда в заблуждение.

Экстралингвистические характеристики судебного-процессуального дискурса

Несмотря на то, что допрос может проводиться на различных стадиях расследования и рассмотрения дела, допрос в суде не получил столь широкого внимания языковедов, как, например, допрос в полиции, который неоднократно был объектом анализа [Haworth, 2006; Ainsworth, 2008; Tracy, Robles, 2009]. Особое внимание часто привлекает факт неравного статуса участников коммуникации, поскольку техники, применяемые в ходе предварительного расследования, нацелены, прежде всего, на получение признания подозреваемого лица, и часто представители полиции оказывают психологическое давление

как на свидетелей, так и на обвиняемых. Следует также подчеркнуть наличие достаточно актуальной на сегодняшний день проблемы допроса уязвимых свидетелей, которые включают различные категории лиц, например, несовершеннолетних лиц [Brown, Lamb, 2015; Nathan, 2021]; лиц, самостоятельно обеспечивающих свою защиту [Greasen, 2019]; лиц, страдающих какими-либо физическими или умственными недостатками [Morrison, 2021]; лиц, которые в ходе совершения преступления подвергались насилию или считают, что в отношении них существует угроза применения насилия [Cotter, 2020; O'Malley, 2020] и др.

С одной стороны, строгая обстановка суда может вызвать чрезмерное психическое напряжение отдельных участников, заторможенность их психологической деятельности, снизить интеллектуальные, мотивационные и другие возможности [Василенко, 2020], с другой стороны, дискомфорт допрашиваемого может быть вызван давлением лиц, стремящихся получить информацию в желательной для них интерпретации [Потапов, 2020, с. 186]. Для упомянутых выше «уязвимых» лиц необходима дополнительная адаптация применяемых в суде тактик допроса [Equal Treatment, 2020], например, использование видеосвязи.

Лингвистические особенности судебного дискурса

Существуют и лингвистические факторы, отрицательно влияющие на восприятие непрофессиональных участников суда и впоследствии эффективность показаний. Чрезмерное использование пассивных конструкций, неправильное построение фраз, отсутствие связности и логичности [Tiersma, 1993], избыток или неоправданное использование технических и юридических терминов [Кубякин, 2020], сложные предложения [Dumas, 2006] препятствуют надлежащему речевому взаимодействию в зале суда.

Следует также учитывать, что при ответе на вопросы в судебном дискурсе, как и в других видах дискурса, нацеленных на получение результата, должен действовать один из основных принципов общения – принцип кооперации, сформулированный Г. П. Грайсом [Grice, 1975], который включает четыре категории: количества, качества, релевантности

и ясности. Категория количества связана с тем количеством информации, которое требуется передать и предписывает собеседникам сообщать ровно столько информации, сколько требуется для осуществления целей общения, не меньше и не больше. Категория релевантности требует придерживаться темы. Для соблюдения максимы ясности собеседникам надлежит избегать двусмысленности. Однако первостепенной является максима качества, которая требует предоставлять правдивые и обоснованные сведения. Мы задались целью определить, всегда ли кооперативному общению способствуют как вопросы, применяемые лицами, которые ведут допрос, так и ответы на заданные вопросы. В результате проведенного анализа будут сформулированы практические рекомендации, нацеленные на более эффективное ведение допроса в суде.

Рассматривая проблему допустимых и недопустимых вопросов в суде, чаще исследователи обращают внимание на этическую сторону вопроса. Однако пределы допустимости могут быть рассмотрены также и с лингвистической точки зрения. Так, в ходе судебного разбирательства могут быть использованы общеверификативные, или закрытые вопросы, требующие ответа «да-нет», частноверификативные вопросы, уточняющие вопросы, открытые вопросы, наводящие вопросы [Gous, Wheatcroft, 2020]. Эффективность указанных, а также некоторых других типов вопросов и ответов на них в нашем исследовании оценивается с точки зрения соблюдения принципов кооперативного общения.

Общеверификативные вопросы являются «закрытыми» вопросами, так как на них возможны лишь два ответа: подтверждение или отрицание содержащейся в вопросе гипотезы. Ср.: *Now, Ms. Sapp, you were involved in a car crash with Ms. Exline-Hassler on June 26, 2009, right?* – *Yes.* – *Do you admit responsibility for causing that car crash?* – *Objection, Your Honor.* Задавая общие вопросы, адвокат обвинения в первом случае указывает на фактические обстоятельства, что вполне законно, во втором случае – побуждает признать вину, что и вызывает возражение у другой стороны. Однако желание указать на отношение к ситуации аварии и понять, раскрывается ли подсудимая, очевидно. Тот факт, что судья несколько раз требует переформулировать вопрос, говорит о том, что вопросы были ненадлежащими, в том числе: *Ms. Sapp, is it your contention in this case that you're not responsible for caus-*

ing the car crash? или *Ms. Sapp, who caused the car crash?* Возражение оправдано также требованием равного обращения ко всем участникам судебного процесса [Criminal Procedure Rules, 2020; Equal Treatment, 2021], т.е. требованием отсутствия давления.

Часто для выражения эксплицитного подтверждения, либо эксплицитного отрицания достаточно ответа «*Yes*» или «*No*». Ср.: *And you were driving, right?* – *Yes.* – *And you were driving your mom's Honda Civic.* – *Yes.* – *And it happened between 5:30 and 6:00 pm?* – ***Approximately between there.*** – *And at the time you and your sister and your friends, you were on the way to the Outback Steakhouse in Frederic?* – *Yes...* – *And while you were driving the four of you were having a conversation in the car, correct?* – *Yes.* – *And you had a radio on, didn't ya'?* – ***Um, yes, but it wasn't turned on, like turned up very loud.*** Только два ответа содержат уточняющую информацию. Остальные построены с соблюдением принципов кооперативного общения.

Действительно, в речевом общении вообще, в судебном разбирательстве, в особенности, предпочтительнее использовать прямые ответы, поскольку их восприятие требует меньше умственных затрат со стороны реципиента, чего, как известно, требует сформулированная Дж. Личем максима такта: «Уменьшайте затраты других, увеличивайте собственные затраты» [Leech, 1983, p. 132]. Однако использование только «*Yes*» и «*No*» в ответе не всегда создает полную картину произошедшего, поэтому расширение ответа является необходимым. С другой стороны, грамотное построение прямого вопроса позволяет увидеть четкую и последовательную обстановку, что, несомненно, является важным для присяжных, которым проще воспринимать краткие ответы. Более вежливую окраску одиночным «*Yes*» и «*No*» придают обращения, разделительные вопросы, этикетные слова и фразы.

Часть ответов содержит добавочную информацию: *And when you saw her vehicle it was completely stopped, wasn't it?* – *I only saw her brake lights so I'm not positive whether she was completely stopped or just really slowed down, but by the time I saw her car it, like I knew I, I don't know she was completely stopped or if she was just slowly moving along.* Вероятно, виновница аварии выражает в ответе неуверенность в безопасности своего движения, указывая на плохие дорожные условия. На первый взгляд, подобные ответы информативно избыточны и нарушают максиму

краткости. Однако в целом ряде случаев они предвосхищают следующий вопрос.

В некоторых случаях наблюдаем не прямой ответ на вопрос. Для выведения прямого ответа требуются дополнительные логические операции. Ср.: *They took down the date and time correct? – I suppose, I → Yes, they took down the date and time correct.* И расширенные ответы, и не прямые ответы, которые могут быть однозначно поняты присутствующими в суде, нарушают максимы количества и релевантности, но, будучи достаточно содержательными и объясняя обстоятельства, являются допустимыми.

При ответе на вопрос могут использоваться усилительные слова, например, оценочного или модального характера (*certainly, never*) или эмфатический глагол «*do/did*». Ср.: *Yeah, I asked if you knew, if you knew. – Yes. – She knew. – I did, I do know.* Последнее положение требует некоторых комментариев. Наличие оценки в вопросах и ответах не характерно для речи в суде, так как суд заинтересован в фактах, а не в их интерпретации, а допрашиваемое лицо нарушает таким образом максиму качества. Недопустимыми являются вопросы, в которых уже описано возможное отношение свидетеля к происходящим событиям или вопросы, требующие оценочного ответа, например: *And at the scene she was nice to you, right? – Yes. – And to use the phrase she was kind of like a motherly comfort to your situation, because she could tell you were really upset. – Yes.* Такого рода «запрещенными» вопросами можно также считать вопросы, в которых у свидетеля просят высказать оценку. Часто ситуация усугубляется также фактором давления на свидетеля, потому что практически требуют того, чтобы он оценил ситуацию, а не дал показания по факту. Ср.: *Ms. Sapp, is it your contention in this case that you're not responsible for causing the car crash? – Objection again, Your Honor; Doctor, if something is a given that that surgery, in your opinion, will be needed in 10 years, are you today, based on what you know as a practicing physician who performs spinal surgery, are you able to give us an approximate estimate of the range of costs that you think that surgery will, will cost? – Objection.*

Соблюдение максим кооперативного общения обеспечивается, если свидетелю дается право самостоятельно описать ситуацию: *All right. So, then, uh, uh, a, tell us what happened. – Okay. Well, I was on 70 and everything was, I was going about 65 miles an hour, and everything was going, traffic was moving steadily. Um, I didn't really notice her*

car, I was probably like five or six car lengths behind her when I was travelling. – Mm-hmm. – on the highway, and I didn't notice her brake lights, um, like, I guess... – So, you were five or six car lengths behind the car in front of you... – Yes. – correct? Do you know for sure whether that was Ms. Exline-Hassler or some other car that you were travelling behind before anything happened? – No. Многословность и противоречивые сведения при ответе на первый открытый вопрос вынуждают адвоката задавать дальнейшие вопросы с целью уточнения ситуации. Здесь наблюдаем практически полное следование принципам Г. П. Грайса, за исключением выделенных фраз, которые нарушают принцип информативности, будучи оценочными.

Неприемлемыми, нарушающими максимы кооперативного общения следует также признать вопросы, дискредитирующие допрашиваемое лицо, и максима информативности нарушается адвокатом, который формулирует вопросы так, что свидетель может дать только положительный или отрицательный ответ [Gibbons, 2003]: *So, you know that's it's, it's harder to stop a car when it's wet, right? – Yes. – Takes longer? – Yes. – Gotta' hit the brakes earlier? – Yeah. – And you know the difference between guilty and not guilty, don't you? – Yes. – Not guilty means you didn't do it, right? – Yes. – Guilty means you did, right? – Objection.* Вопросы с прямым порядком слов делают ответ общеоценочным, кроме того, адвокат использует такие усилительные средства, как повторы, просторечную лексику, односоставное предложение, и, наконец, задает наводящие вопросы, не связанные с исследуемыми фактами дела, а прямо оказывающие давление на свидетеля. Сравните, например, два варианта: 1) *What did Marcy tell you? – She said Marvin had a gun* и 2) *Did Marcy tell you Marvin had a gun? – Yes, I guess so.* Второй тип вопроса следует считать наводящим и, следовательно, неприемлемым.

Такой же отрицательный результат имеют множественные вопросы, часто опрашиваемый не может сформулировать ответ адекватным образом: *Well, all right, then one of the things you pointed out is that they didn't put medications in here, right? I, I'm sorry, they didn't took, put allergies, maybe it's on the second page? – I have no idea what you are talking about.* Такое поведение свидетеля находится в полном соответствии с другой категорией принципа кооперации, а именно с категорией качества, один из постулатов которой гласит: «Не говори того, для чего у

тебя нет достаточно оснований». В следующем примере нарушаются несколько принципов кооперативного общения: задается несколько вопросов подряд, что затрудняет выбор свидетеля; они включают как оценочные высказывания, так и вопрос, требующий информативного ответа: *When you see him entered the room, it is not good? It is bad? Did you not shout? – I was not able to shout that time because he covered my mouth and at the same time holding my hand* [Цит. по Jerson, 2017, p. 74].

Выводы

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что даже в такой ритуализованной сфере речевого общения, как судебный процесс, принципы кооперативного общения могут нарушаться. Высокий процент нарушения постулатов категорий количества и способа, на наш взгляд, обусловлен двумя причинами. Во-первых, категории количества и способа, по мнению самого Г. П. Грайса, подчинены категории качества. Главное в процессе общения – выполнить постулаты категории качества, то есть не делать ложных утверждений и таких, для которых нет достаточно оснований. Во-вторых, принцип кооперации Г. П. Грайса не является единственным принципом, регулирующим речевое общение. Немаловажную роль играют социальные, эстетические и моральные постулаты. Не следует игнорировать и языковые конвенции, которые часто обладают не меньшим регулирующим влиянием на речевое поведение, чем коммуникативные, социальные, эстетические и моральные принципы.

Таким образом, продуктивные вопросы как надлежащий способ получения важных данных, относящихся к делу, включают следующие: открытые вопросы, на которые свидетель дает полный предельно правдивый и точный ответ; уточняющие вопросы, которые позволяют прояснить детали дела, а также уточняющие правильность предыдущих ответов; общие вопросы, требующие ответа типа «да / нет», которые используются для получения убедительных замечаний, которые устанавливают законный контекст. К непродуктивному типу относятся ненадлежащие закрытые вопросы, требующие ответа «да / нет», отвечая на которые свидетель дает очень ограниченное представление о деле; наводящие вопросы; множественные вопросы, которые вызывают затруднения у свидетеля в выборе очередности и приоритетности ответов; вопросы с принудительным выбором ответа, соответственно, ока-

зывающие давление на опрашиваемое лицо.

Овладение искусством ведения допроса требует от юриста или судьи грамотного подхода и способности варьировать свои стратегии в зависимости от обстановки. Необходимо избегать, во-первых, вопросов, оказывающих неправомерное психологическое воздействие на свидетеля или подсудимого, например, вопросов ограничительного характера, которые не дают возможности свободы выбора в описании ситуации или известных свидетелю фактов, во-вторых, вопросов, дискредитирующих свидетеля или вводящих его в заблуждение. Адвокат должен обратить внимание на подготовку своего свидетеля и позаботиться о том, чтобы манера ведения допроса помогала свидетелю дать правдивую и полную информацию.

Следует подчеркнуть, что взаимодействие в зале суда является широким полем для исследования, в ходе которого могут быть установлены закономерности построения судебного дискурса с учетом разнообразных внеязыковых факторов. Расширение материала исследования может внести некоторые коррективы в сделанные выводы.

Библиографический список

1. Авакова М. Л., Будняя О. Н. Метадискурсивные маркеры как средства реализации категории убеждения в англоязычном судебном дискурсе // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 4(83). С. 465–467.
2. Аринова Б. Н. Изучение лингвистических особенностей письменного судебного дискурса Великобритании: формальное и содержательное обоснование подхода // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Лингвистика. Челябинск, 2020. №3(17). С. 58–64.
3. Бондарев В. Г. Судебный дискурс: генезис и определение понятия / В. Г. Бондарев, Н. И. Башмакова, А. И. Снина // Конфликтология. 2020. Т. 15. № 1. С. 52–65.
4. Василенко М. А. Психологические особенности судейской деятельности на этапе подготовки и рассмотрения уголовных дел в суде // Аллея науки. 2020. Т. 2. № 6(45). С. 653–659.
5. Дубровская Т. В. Судебный дискурс: речевое поведение судьи (на материале русского и английского языков). Москва : Академия МНЭПУ, 2010. 351 с.
6. Кубякин А. Е. Профессиональная речь юриста // European science of the future: Сборник научных трудов по материалам V Международной научно-практической конференции, Смоленск, 27 января 2020 года. Смоленск : МНИЦ «Наукосфера», 2020. С. 87–90.
7. Леонтьева А. В. Полимодальная смена перспективы в судебном дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. №1 (843). С. 117–127.

8. Литвишко О. М. Синтаксические закономерности англоязычного юридического дискурса как средство реализации нормативно-регулятивной функции права // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. 2020. № 13. С. 124–132.
9. Манукян М. Р., Гранкина Р. М. Особенности интерпретации текстов процессуального содержания в судебном дискурсе (на материале английского языка // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. 2020. № 13. С. 194–200.
10. Потапов Д. П. Особенности проведения судебного допроса // Научный вестник Горно-Алтайского государственного университета. Горно-Алтайск : Горно-Алтайский государственный университет, 2020. С. 184–187.
11. Синеокова Т. Н., Филимонова О. В. Институциональные признаки судебного дискурса и его отличительные черты // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2020. № 3(38). С. 166–174.
12. Хижняк С. П. Варианты правовой картины мира в английском языке // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21. № 2. С. 145–149.
13. Хомутова Т. Н., Шефер Е. А. Юридический дискурс: проблемы и перспективы исследования // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 2019. Т. 16. № 3. С. 44–53.
14. Шалова Е. Н. Тексты судебных решений как особая форма реализации юридического дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. № 13 (842). С. 170–182.
15. Ainsworth J. «You have the right to remain silent... But you if you ask it just so»: the role of linguistic ideology in American police interrogation law // The International journal of Speech, Language and the Law. 2008. Vol. 15. No. 1. P. 1–21.
16. Brown D. A., Lamb M. E. Can Children Be Useful Witnesses? It Depends How They Are Questioned // Child Development Perspectives. 2015. Vol. 9. No. 4. P. 250–255.
17. Cotter B. Vulnerable Witnesses and Parties within Civil Proceedings. Current Position and Recommendations for Change. Civil Justice Council, 2020. 155 p.
18. Criminal Procedure Rules. Criminal Procedure Rule Committee, Ministry of Justice, 2020. URL: <https://www.gov.uk/guidance/rules-and-practice-directions-2020> (дата обращения: 1.07.2022).
19. Dumas B. Jury instructions // Encyclopedia of language and linguistics. Amsterdam, London: Elsevier, 2006. P. 143–148.
20. Equal Treatment Bench Book. Judicial College, 2020. URL: <https://www.judiciary.uk/wp-content/uploads/2020/05/ETBB-February-2018-amended-March-2020-17.09.20-1.pdf> (дата обращения: 10.07.2022).
21. Gibbons J. Forensic linguistics: An introduction to language in the justice system. Malden: Wiley-Blackwell, 2003. 344 p.
22. Gous G., Wheatcroft J. Directive Leading Questions and Preparation Technique Effects on Witness Accuracy. 2020. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/2158244019899053> (дата обращения: 10.07.2022).
23. Greacen J. M. Ensuring the right to be heard: guidance for trial judges in cases involving self-represented litigants. IAALS, University of Denver, 2019. 28 p.
24. Grice H. P. Logic and conversation // Syntax and semantics. New York: Academic Press. 1975. P. 41–58.
25. Haworth K. The dynamics of power and resistance in police interview discourse // Discourse and Society. 2006. Vol. 17. P. 739–759.
26. Jerson S. C. On Courtroom Questioning: A Forensic Linguistic Analysis // IOSR Journal Of Humanities And Social Science. 2017. Vol. 22. No. 11. P. 65–97.
27. Leech G. N. Principles of Pragmatics. London: Routledge, 1983. 264 p.
28. Miller and Zois: Attorneys-at-Law. URL: <https://www.millerandzois.com/our-team.html> (дата обращения: 1.07.2022).
29. Morrison J. Reported communication challenges for adult witnesses with intellectual disabilities giving evidence in court / J. Morrison, J. Bradshaw, G. Murphy // The International Journal of Evidence and Proof. 2021. Vol. 25(4). P. 243–263.
30. Nathan D. The Art of Prepping a Witness / D. Nathan, Morvillo E., Parker W., Stern R., Anderson E. // Litigation. 2021. Vol. 47. No. 3. URL: https://www.americanbar.org/groups/litigation/publication/s/litigation_journal/2020-21/spring/the-art-prepping-witness/ (дата обращения: 10.07.2022).
31. O'Malley T. Review of the protections for vulnerable witnesses in the investigation and prosecution of sexual offences. Department of Justice, 2020. 141 p.
32. Rigney A. C. Questioning in interpreted testimony // Forensic Linguistics. 1999. 6(1). P. 83–108.
33. Tiersma P.M. Reforming the language of jury instructions // Hofstra Law Review. 1993. Vol. 22. No. 1. P. 37–78.
34. Tracy K., Robles J. Questions, questioning, and institutional practices: an introduction // Discourse Studies. 2009. No. 11. P. 131–152.
35. Volgina E. V. Gender capacity of Anglo-American legal terminology // Language of Science and Professional Communication. 2022. No 1(6). P. 79–89.

Reference list

1. Avakova M. L., Budnjaja O. N. Metadiskursivnye markery kak sredstva realizacii kategorii ubezhdenija v anglojazыchnom sudebnom diskurse = Metadiscursive markers as a means to realize the category of persuasion in English judicial discourse // Mir nauki, kul'tury, obrazovanija. 2020. № 4(83). S. 465–467.
2. Arinova B. N. Izuchenie lingvisticheskikh osobennostej pis'mennogo sudebnogo diskursa Velikobritanii:

formal'noe i sodержatel'noe obosnovanie podhoda = Studying linguistic features of British written judicial discourse: a formal and semantic rationale for the approach // Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Lingvistika. Cheljabinsk, 2020. №3(17). S. 58–64.

3. Bondarev V. G. Sudebnyj diskurs: genezis i opredelenie ponjatija = Judicial discourse: genesis and definition of the concept / V. G. Bondarev, N. I. Bashmakova, A. I. Sinina // Konfliktologija. 2020. T. 15. № 1. S. 52–65.

4. Vasilenko M. A. Psihologicheskie osobennosti sudejskoj dejatel'nosti na jetape podgotovki i rassmotrenija ugovolnyh del v sude = Psychological features of judicial activity at the stage of preparation and trial of criminal cases in court // Alleja nauki. 2020. T. 2. № 6(45). S. 653–659.

5. Dubrovskaja T. V. Sudebnyj diskurs: rechevoe povedenie sud'i (na materiale russkogo i anglijskogo jazykov) = Judicial discourse: speech behavior of a judge in Russian and English. Moskva : Akademija MNJePU, 2010. 351 s.

6. Kubjakin A. E. Professional'naja rech' jurista = Professional legal speech // European science of the future: Sbornik nauchnyh trudov po materialam V Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Smolensk, 27 janvarja 2020 goda. Smolensk : MNIC «Naukosfera», 2020. S. 87–90.

7. Leont'eva A. V. Polimodal'naja smena perspektivy v sudebnom diskurse = A polymodal change of perspective in judicial discourse // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2021. №1 (843). S. 117–127.

8. Litvishko O. M. Sintaksicheskie zakonomernosti anglojazychnogo juridicheskogo diskursa kak sredstvo realizacii normativno-regulativnoj funkcii prava = Syntactic regularities of legal discourse in English as a means of implementing the normative and regulatory function of law // Professional'naja kommunikacija: aktual'nye voprosy lingvistiki i metodiki. 2020. № 13. S. 124–132.

9. Manukjan M. R., Grankina R. M. Osobennosti interpretacii tekstov processual'nogo sodержanija v sudebnom diskurse (na materiale anglijskogo jazyka) = Specifics of procedural text interpretation in judicial discourse in English // Professional'naja kommunikacija: aktual'nye voprosy lingvistiki i metodiki. 2020. № 13. S. 194–200.

10. Potapov D. P. Osobennosti provedenija sudebnogo doprosa = Specifics of court interrogation // Nauchnyj vestnik Gorno-Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. Gorno-Altajsk : Gorno-Altajskij gosudarstvennyj universitet, 2020. S. 184–187.

11. Sineokova T. N., Filimonova O. V. Institucional'nye priznaki sudebnogo diskursa i ego otlichitel'nye cherty = Institutional attributes of judicial discourse and its distinctive features // Teorija jazyka i mezhkul'turnaja kommunikacija. 2020. № 3(38). S. 166–174.

12. Hizhnjak S. P. Varianty pravovoj kartiny mira v anglijskom jazyke = Variants of the legal world picture in

the English language // Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija: Filologija. Zhurnalistika. 2021. T. 21. № 2. S. 145–149.

13. Homutova T. N., Shefer E. A. Juridicheskij diskurs: problemy i perspektivy issledovanija = Legal discourse: problems and prospects for research // Vestnik JuUrGU. Serija «Lingvistika». 2019. T. 16. № 3. S. 44–53.

14. Shalova E. N. Teksty sudebnyh reshenij kak osobaja forma realizacii juridicheskogo diskursa = Court judgment texts as a special form of legal discourse implementation // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2020. № 13 (842). S. 170–182.

15. Ainsworth J. «You have the right to remain silent... But you if you ask it just so»: the role of linguistic ideology in American police interrogation law // The International journal of Speech, Language and the Law. 2008. Vol. 15. No. 1. P. 1–21.

16. Brown D. A., Lamb M. E. Can Children Be Useful Witnesses? It Depends How They Are Questioned // Child Development Perspectives. 2015. Vol. 9. No. 4. P. 250–255.

17. Cotter V. Vulnerable Witnesses and Parties within Civil Proceedings. Current Position and Recommendations for Change. Civil Justice Council, 2020. 155 p.

18. Criminal Procedure Rules. Criminal Procedure Rule Committee, Ministry of Justice, 2020. URL: <https://www.gov.uk/guidance/rules-and-practice-directions-2020> (data obrashhenija: 1.07.2022).

19. Dumas B. Jury instructions // Encyclopedia of language and linguistics. Amsterdam, London: Elsevier, 2006. P. 143–148.

20. Equal Treatment Bench Book. Judicial College, 2020. URL: <https://www.judiciary.uk/wp-content/uploads/2020/05/ETBB-February-2018-amended-March-2020-17.09.20-1.pdf> (data obrashhenija: 10.07.2022).

21. Gibbons J. Forensic linguistics: An introduction to language in the justice system. Malden: Wiley-Blackwell, 2003. 344 p.

22. Gous G., Wheatcroft J. Directive Leading Questions and Preparation Technique Effects on Witness Accuracy. 2020. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/2158244019899053> (data obrashhenija: 10.07.2022).

23. Greacen J. M. Ensuring the right to be heard: guidance for trial judges in cases involving self-represented litigants. IAALS, University of Denver, 2019. 28 p.

24. Grice H. P. Logic and conversation // Syntax and semantics. New York: Academic Press. 1975. P. 41–58.

25. Haworth K. The dynamics of power and resistance in police interview discourse // Discourse and Society. 2006. Vol. 17. P. 739–759.

26. Jerson S. C. On Courtroom Questioning: A Forensic Linguistic Analysis // IOSR Journal Of Humanities And Social Science. 2017. Vol. 22. No. 11. P. 65–97.

27. Leech G. N. Principles of Pragmatics. London: Routledge, 1983. 264 p.
28. Miller and Zois: Attorneys-at-Law. URL: <https://www.millerandzois.com/our-team.html> (data obrashhenija: 1.07.2022).
29. Morrison J. Reported communication challenges for adult witnesses with intellectual disabilities giving evidence in court / J. Morrison, J. Bradshaw, G. Murphy // The International Journal of Evidence and Proof. 2021. Vol. 25(4). P. 243–263.
30. Nathan D. The Art of Prepping a Witness / D. Nathan, Morvillo E., Parker W., Stern R., Anderson E. // Litigation. 2021. Vol. 47. No. 3. URL: https://www.americanbar.org/groups/litigation/publications/litigation_journal/2020-21/spring/the-art-prepping-witness/ (data obrashhenija: 10.07.2022).
31. O'Malley T. Review of the protections for vulnerable witnesses in the investigation and prosecution of sexual offences. Department of Justice, 2020. 141 p.
32. Rigney A. C. Questioning in interpreted testimony // Forensic Linguistics. 1999. 6(1). P. 83–108.
33. Tiersma P.M. Reforming the language of jury instructions // Hofstra Law Review. 1993. Vol. 22. No. 1. P. 37–78.
34. Tracy K., Robles J. Questions, questioning, and institutional practices: an introduction // Discourse Studies. 2009. No. 11. P. 131–152.
35. Volgina E. V. Gender capacity of Anglo-American legal terminology // Language of Science and Professional Communication. 2022. No 1(6). P. 79–89.

Статья поступила в редакцию 21.05.2022; одобрена после рецензирования 22.06.2022; принята к публикации 23.08.2022.

The article was submitted on 21.05.2022; approved after reviewing 22.06.2022; accepted for publication on 23.08.2022.

Научная статья

УДК 81'26

DOI: 10.20323/2499-9679-2022-3-30-146-154

EDN: TWGAPD

Актуальные подходы к конструированию ономаσιологических словарей (на материале английского языка)

Инна Алексеевна Воронцова

Кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1

arinna1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5897-9299>

Аннотация. Настоящая статья посвящена одному из самых сложных в концептуальном и организационном отношении лексикографических типов – ономаσιологическому словарю (тезаурусу), представляющему собой множество смысловыражающих единиц языка с заданной в нем системой семантических отношений. Исследование выполнено на материале порядка 30 англоязычных ономаσιологических онлайн-словарей с применением метода теоретико-лингвистического анализа литературы, метода лексикографического анализа и метода сравнительно-сопоставительного анализа. Проведенное исследование позволило сформулировать основные принципы функционирования современных англоязычных ономаσιологических онлайн-словарей. Во-первых, в статье отмечается многообразие лексикографических форм ономаσιологического словаря с выделением идеографического, тематического, аналогического, ассоциативного и др. типов, композиционной доминантой которых являются гиперболическое дерево, ментальная карта или ассоциативная сеть. В зависимости от особенностей композиции, англоязычные ономаσιологические онлайн-словари в той или иной форме и степени репрезентируют гиперо-гипонимические, холонимо-меронимические, синонимико-антонимические, реже деривационные и синтагматические отношения единиц друг с другом. Во-вторых, отмечается устойчивое развитие ономаσιологических словарей как автономного типа и как фасета многофункциональных комбинированных словарей, сочетающих в себе толковый словарь, тезаурус, словарь коллокаций, автоматический переводчик и др. В-третьих, перемещаясь в цифровое поле, англоязычные ономаσιологические словари совершенствуются в технологическом отношении, приобретая опции, обеспечиваемые именно электронным (цифровым) форматом. Это трансформируемые ментальные карты слов, кастомизация режимов просмотра словарной статьи, многоязычные пользовательские профили, доступность обратной связи для пользователя словаря, ставшая классикой гипертекстовая разметка и др. Помимо базовых функций ономаσιологические онлайн-словари дают возможность проводить детальное сравнение лексических единиц друг с другом в семантико-функциональном аспекте, вычленять общие синонимы и антонимы, определять взаимозаменяемость единиц в контекстах, вести поиск фонетически близких слов, рифм и т. д. Следует признать, что ономаσιологические словари английского языка успешно функционируют в цифровой среде и динамично реагируют на вызовы времени.

Ключевые слова: ономаσιологический словарь; тезаурус; идеографический словарь; тематический словарь; аналогический словарь; ассоциативный словарь; интертекстуальный тезаурус; цифровая лексикография; онлайн-словарь

Для цитирования: Воронцова И. А. Актуальные подходы к конструированию ономаσιологических словарей (на материале английского языка) // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 3 (30). С. 146–154. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-3-30-146-154>. <https://elibrary.ru/TWGAPD>

Original article

Modern approaches to onomasiological dictionary construction in the english language

Inna A. Vorontsova

Candidate of philological sciences, associate professor, theory and practice of translation department, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1
arinna1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5897-9299>

Abstract. The study attempts to analyze one of the most conceptually complex lexicographic types – the onomasiological dictionary or thesaurus, which is defined as a set of language units with a system of semantic relations set in it. The research is based on about 30 online thesauri of English using the following methods: theoretical and linguistic analysis of literature, lexicographic analysis and dictionary criticism. The research allowed for a definition of the main principles underlying modern online thesauri of English. First, the author notes a considerable diversity of their forms distinguishing ideographic, thematic, analogical and associative thesauri whose composition is determined by a hyperbolic tree, a mental map or an associative network. Depending on the peculiarities of the thesaurus structure, the language units entering its corpus are in hyper-hyponymic, holonymic-meronymic, synonymic-antonymic, (more rarely) derivational and syntagmatic relations to each other. Second, there is a steady development of thesauri as stand-alone resources and as a facet of multifunctional integrated dictionaries, combining an explanatory dictionary, thesaurus, dictionary of collocations, translator etc. Third, moving to the digital field, English thesauri become more technologically advanced, acquiring options provided exclusively by the electronic (digital) format. These are transformable mental maps (mind-or thinkmaps), customization of vocabulary look-up modes, multilingual user profiles, availability of feedback for thesaurus users, hypertext markup etc. In addition to the basic functions, English online thesauri allow for a detailed comparison of lexical units in the semantic-functional aspect, identify shared synonyms and antonyms, determine the interchangeability of words in contexts, search for phonetically similar words, rhymes etc. It should be recognized that English thesauri function successfully in the context of electronic digital technology and react dynamically to the challenges of time.

Key words: onomasiological dictionary; thesaurus; ideographic dictionary; thematic dictionary; analogical dictionary; associative dictionary (thesaurus); intertextual thesaurus; digital lexicography; online dictionary

For citation: Vorontsova I. A. Modern approaches to onomasiological dictionary construction in the English language. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2022;(3):146–154. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-3-30-146-154>. <https://elibrary.ru/TWGAPD>

Введение

Практики современной лексикографии определяются стремительным наступлением цифровых технологий, меняющих как подходы к созданию словарных и справочных ресурсов, так и ментальность самих пользователей. Фундаментальными для лексикографии становятся вопросы оптимальной сортировки и организации материала в словаре – принимается во внимание факт их тотальной основанности на больших данных, поиска решений по презентации информации с учетом текущих потребностей пользователя, кастомизации и профилизации словарей. Ведется работа в области инклюзивной лексикографии – создаются словари (проекты) для людей с ограниченными возможностями здоровья (в частности, зрения), словари и переводчики для эмигрантов, словари, учитывающие потребности представителей субкультур и меньшинств и т. д. [An Overview of Digital Lexicography and Directions for its Future, 2019, с. 569–583]. Это, с одной стороны, ведет к активной интеграции в пределах одного ресурса кластеров лингвистической и экстралингвистической информации, универсализации ресурсов с расширением пользовательской аудитории, решающей различные лингвистические задачи, встраиванию функций, обеспечивающих адаптацию словаря к пользовательскому запросу и его интеллектуализацию (смартизацию), объединению в ресурсе лексикографического и металексикографического инструмен-

тария и др. [Воронцова, 2022, с. 186]. С другой стороны, развиваются словари и лексикографические формы, ориентированные на отдельные категории пользователей и служащие более однозначно определяемым целям. Настоящее исследование сосредоточено на анализе процессов и практик, наблюдаемых в области современной цифровой онимасиологической лексикографии.

Методы исследования

Методологическую базу исследования представляют метод теоретико-лингвистического анализа литературы, метод лексикографического анализа, разработанный отечественной школой лексикографии (Л. П. Ступин, О. М. Карпова и др.) и метод сравнительно-сопоставительного анализа, известный в мировой лексикографической практике как *dictionary criticism*. Исследование выполнено на материале около 30 англоязычных онимасиологических онлайн-словарей.

Теоретические основания исследования

Одним из наиболее востребованных концептуальных подходов к организации современных цифровых словарей является онимасиологический подход. Учитывая множественность толкований понятия «онимасиология», отметим, что отправной точкой в понимании онимасиологического подхода в данном исследовании является ставшее традиционным сопоставление онимасиологии и семасиологии, где семасиология изу-

чает значение в направлении от формы языкового знака – к концепту или концептам, которые он активизирует, а ономазиология рассматривает значение в обратном направлении: от концепта или концептов – к соответствующим языковым формам [Жаботинская, 2002, с. 115].

Ономазиологическая концепция словаря справедливо относится лексикографами к идее информационного кодирования: движение осуществляется от понятия (или значения) к слову, от сгенерированного содержания к форме его подачи, а не наоборот. О. Феррет и М. Зок отмечают, что к словарям такого типа обращаются в поисках синонимов, антонимов, гиперонимов, состоящих в отношениях парадигматики, или устойчивых выражений (фразеологизмов, коллокаций), рекуррентных свободных сочетаний и т. д., находящихся в отношениях синтагматики [Enhancing electronic dictionaries with an index based on associations, 2006, с. 281]. В любом случае речь идет о словаре, основанном на идее семантической сети, состоящей из узлов (*nodes* – слова и понятия) и связей (*links* – ассоциации). Поиск слова предполагает вхождение в сеть и следование по направляющим (связям), ведущим от исходного узла (идея, исходное понятие) к целевому (искомому) слову [Enhancing electronic dictionaries with an index based on associations, 2006, с. 282]. Ономазиологические словари, в сущности, реализуют концепцию тезауруса – «множества смысловыражающих единиц языка с заданной в нем системой семантических отношений» [Осокина, 2015, с. 22].

Современные лингвистические исследования, основанные как на осмыслении тезауруса-идеального конструкта, так и на анализе существующих лексикографических практик, таким образом, указывают на объединение в концепции тезауруса трех базовых типов отношений, существующих между языковыми знаками – парадигматических, эпидигматических и синтагматических [Бажутина, 2021; Лесников, 2020; Степыкин, 2021a; Степыкин 2021б; Enhancing electronic dictionaries with an index based on associations, 2006 и др.]. Реализация отношений первых двух типов представлена в классических образцах словарей-тезаурусов – идеографическом, тематическом, аналогическом, представляющих собой семантические сети дефинициального плана, раскрывающие гиперо-гипонимические, холоним-меронимические, синонимико-антонимические, деривационные и т. п. типы смысловых связей [Михалев, 2016; Lagutina N. et

al., 2015; Sierra, 2000 и др.]. Одновременно в научной литературе отстаивается идея рассмотрения тезауруса как семантической сети, строящейся с учетом традиции употребления слов носителями языка, ибо, по мнению исследователей, значение слова формируется только в результате накопления знаний о множестве контекстов употребления данного слова в речи. В этом смысле не слово, а словосочетание удовлетворяет статусу единицы языкового тезауруса, так как именно путем усвоения сочетаний слов происходит накопление знания и его закрепление в высказываниях на определенном языке [Осокина, 2016, с. 191–198]. Это вызывает к жизни конструирование интертекстуальных [Осокина, 2016] и ассоциативных [Степыкин, 2021a; Степыкин 2021б; Степыкин, Миронова, 2020; Fuzzy simulation of historical associative thesaurus, 2019 и др.] тезаурусов (будет справедливо отметить, что смысловые связи, устанавливаемые между входными единицами ассоциативных словарей, отличаются большим разнообразием, включая также и различные вариации парадигматических и эпидигматических отношений).

Результаты исследования

Ономазиологический подход реализован в современных англоязычных цифровых словарях как доминантный (словарь является ономазиологическим – идеографический или аналогический тезаурус, тематический, в том числе визуальный, словарь, ассоциативный словарь, реверсивный (обратный) словарь, лексикографический сервис типа (*Princeton*) *WordNet* и т. п.) или комплементарный (ономазиологический (тезаурусный) факсет встроен в толковый словарь, лексикографический агрегатор, инструмент корпусного запроса (типа *Sketch Engine*), корпус). При этом репрезентативность типов смысловых связей, устанавливаемых между единицами, варьируется.

Идеографический словарь представлен в цифровом пространстве англоязычной лексикографии двумя типами ресурсов. Во-первых, это идеографические словари, макроструктура которых иерархически организуется в соответствии с синоптической картой, наложенной на лексический состав, образующий корпус словаря [Воронцова, 2002, с. 1–7]. Словари такого типа организованы в виде гиперболического дерева и повторяют идеи, воплощенные в тезаурусе П. М. Роже, обеспечивая движение по вертикали и позволяя смоделировать целостный фрагмент лексической системы языка и исследовать близ-

кие в смысловом отношении единицы [Воронцова, 2022, с. 189]. Фактически, в интернет-пространстве этот тип представлен электронным ресурсом *Roget's Hyperlinked Thesaurus* и его оцифрованным бумажным прототипом и собственным сервисом (*Princeton*) *WordNet*. Второй тип идеографического словаря представляет собой трансформируемую ментальную карту слов, в которой узлы и ассоциированные с ними лексические единицы принадлежат одной лексико-семантической группе и/или лексико-семантическому полю и/или тематическому ряду, например, *Thinkmap Visual Thesaurus*.

Следует заметить, что практика включения ментальных карт в словари ономазиологического плана в последнее время получила довольно широкое распространение. Ментальная карта функционирует не только как структурная доминанта словаря (*Thinkmap Visual Thesaurus*), но и доступна в качестве дополнительной опции в ономазиологических словарях с древовидной композицией, например, в упомянутом выше *Roget's Hyperlinked Thesaurus* и словарях, создаваемых на базе сервиса *WordNet* и др. Это не вызывает удивления, поскольку такая форма презентации материала обладает высоким кумулятивным и интегрирующим потенциалом [Куликова, 2021, с. 30].

Концепция сервиса *WordNet* описана во многих работах, посвященных тезаурусному моделированию когнитивных и языковых систем [Бойчук, 2021; Осокина, 2015; English WordNet: A new open-source wordnet for English, 2020; Rudnicka et al., 2019 и др.], однако словари, создаваемые на базе данного ресурса и отмеченные в нем в разделе *Related Projects* редко получают комплексное освещение. Кроме того, список этих проектов постоянно увеличивается, сами словари регулярно обновляются. В контексте использования ментальных карт как композиционного компонента тезауруса упоминания требуют созданные на базе *WordNet* ресурсы *BabelNet* и *Synonyms.net*.

BabelNet – многоязычный словарный агрегатор, интегрирующий в своей структуре блоки информации из различных источников на разных языках (более 50 источников) в единую многоязычную информационную сеть [Navigli et al., 2022; Navigli, 2021; Qi et al., 2020; Mapping lexical gaps in cloud ontology using Babelnet and FPGrowth, 2019 и др.]. Ресурс дает комплексное лингво-энциклопедическое описание апеллятивной лексики и именованных сущностей (апеллятивов и онимов), организуя их в синсеты (наборы

синонимической лексики и смысловых коррелятов в разных языках), агрегируя знания о словах и сущностях из множества источников, в числе которых *WordNet*, *Wikipedia*, *Wikidata*, *Wiktionary*, *OmegaWiki* и др. Дополнительной опцией каждой рубрики тезауруса является ментальная карта, визуализирующая синсет во всем многообразии типов смысловых отношений, устанавливаемых между членами синсета, лежащих как в плоскости лингвистики, так и экстралингвистических. Так, например, для существительного *Bible* ментальную карту составят наименования частей Библии (*Old Testament*, *New Testament*), известных переводов Библии (*Septuagint*, *Vulgate*, *Tyndale Bible*, *Stavelot Bible* и др.), библейских имен и сюжетов (*Gabriel*, *Noachian deluge*), специальная лексика (*eisegesis*), гиперонимы (*text*, *religious text*) и др. Рубрику тезауруса образуют словарные статьи с заголовочными единицами, представленными лексико-семантическими вариантами слов и омонимичными формами, в том числе именами собственными. Организационными элементами рубрики являются зоны дефиниций, иллюстративных примеров, смысловых связей и источников. При выборе дву- или многоязычного профиля статьи пользователю предлагаются варианты перевода заголовочной единицы на выбранные языки (доступно 500 языков).

Synonym.net (*Synonyms.com*) – словарный агрегатор, консолидирующий на одной странице определения, списки синонимов и смысловых коррелятов, иллюстративные примеры, корпус графических изображений, переводы, в том числе на язык жестов, и статистику употреблений слова из ряда источников, в том числе собственно (*Princeton*) *WordNet*, *Wiktionary*, *Multilingual Translation Dictionary*, *PPDP* (*Paraphrase Database*) и др. Ментальная карта в структуре рубрики *Synonyms.net* преимущественно объединяет лексику на основании интралингвистических параметров. Так, для того же слова *Bible* ментальную карту формируют синонимы *Scripture*, *Word of God*, *the Holy Writ*, *Good Book* и др. (в значении «Библия»), *vade mecum*, *enchiridion* и др. (в значении «руководство, инструкция, настольная книга»). Интересно отметить, что данный ресурс предполагает обратную связь от пользователя, реализуемую через возможность «проголосовать» за синонимический ряд, оценив адекватность включения единиц в ряды близкой в смысловом отношении лексики, и добавить синоним, не вошедший в синонимический ряд.

Несколько более ретроградным, но в то же время рождающим ностальгические воспоминания о работе с бумажными словарями, представляется метод, принятый в агрегаторе *Fine Dictionary*, также являющемся компонентом сервиса *WordNet*. Ресурс интегрирует семасиологический и ономасиологический подходы к описанию заголовочных единиц, предлагая пользователю подборку классических словарных статей из толковых словарей *Webster's Revised Unabridged Dictionary*, *Century Dictionary and Cyclopedia*, *Chambers's Twentieth Century Dictionary*, *WordNet 3.6* (отметим, что в данных статьях отсутствует гипертекстовая разметка), сведения об этимологии и небольшой корпус примеров, классифицированных по функциональным стилям (субстилям) (художественной прозы, поэтический, публицистический (новостной), научный – отметим, что в примерах из новостных текстов отсутствует датировка, однако есть гиперссылки на источники примеров, позволяющие переместиться на главную страницу соответствующего медиаресурса), списки синонимов, гипонимов, гиперонимов, дериватов и ошибочных вариантов правописания слова (опечаток). Кроме того, данный ресурс имеет ссылку на еще один ономасиологический словарь *Reverse dictionary* (реверсивный или обратный словарь), концепция которого является абсолютно классической для тезауруса и состоит в поиске слов от заданных смыслов. Поиск осуществляется по слову, словосочетанию, фрагменту определения, что обеспечивает возможность нахождения синонимов ключевого слова и семантически родственных слов, имеющих с ним пересечения в дефинициях. Ряды коррелирующих в семантическом плане единиц обширны (так, слово *Bible* получило свыше 600 откликов), лексические единицы связаны многообразными смысловыми отношениями интра- и экстралингвистического порядка (гиперонимическими, меронимическими, синонимическими (идеографическая и стилистическая синонимия), антонимическими, ассоциативно-тематическими и др.), словарь фиксирует лексику, представленную разными лексикограмматическими классами.

В структуре *WordNet* есть масса других ресурсов, реализующих ономасиологический подход к организации материала: *MultiWordNet*, *Open Multilingual Wordnet*, *Bee Dictionary*, *HyperDic Online* и др.

Давно зарекомендовавшим себя автономным словарем с тематико-идеографической структу-

рой является (*Merriam-Webster's Visual Dictionary Online*). Как следует из названия, словарь является визуальным, то есть иллюстрированным. Иллюстрация (словарь предлагает пользователю порядка 6000 цветных иллюстраций) становится эффективным дополнительным средством семантизации лексики в словаре, сообщая информацию о нюансах внешнего вида и функционального назначения изображаемого объекта (референта). Поиск информации осуществляется по ключевому слову (эта опция сближает словарь с традиционными семасиологическими словарями) и по теме (что позволяет квалифицировать этот словарь как ономасиологический).

В словаре выделено 15 тем (*themes*): *Astronomy*, *Earth*, *Plants and Gardening*, *Animal Kingdom*, *Human Being*, *House*, *Science*, *Arts and Architecture*, *Energy*, *Sport and Games* и др. В рамках каждой темы осуществляется деление лексического корпуса на рубрики, число которых варьируется от 2 (например, в теме «Коммуникации» – *Communications (1)* и *Office Automation (2)*) и др. до 18 (тема *Sport and Games*). Третий уровень деления представлен подрубриками, число которых также неоднозначно (от 2 – *Location (House)* до 36 – *Office Automation (Communications)*). Так, в тематической области *Society* (наряду с рубриками *City*, *Justice*, *Economy and Finance*, *Education*, *Politics*, *Weapons*, *Safety*, *Health*) выделяется рубрика *Religion*, которая делится на подрубрики *Chronology of Religions*, *Church*, *Mosque*, *Synagogue*. Композиционными компонентами подрубрики, как отмечалось выше, являются иллюстрация (фото, схема, таблица и др.), часто проиндексированная (так, в подрубрике «Мечеть» (*Mosque*) представлено изображение-макет мечети, все элементы которой «подписаны» – *Minaret*, *ablutions fountain*, *prayer hall*, *Mihrab dome*, *direction of Mecca* и т. д.) и набор словарных статей, соответствующих элементам изображения. Словарная статья содержит дефиницию и орфоэпическую справку (аудиофайл, позволяющий прослушать слово на английском языке). В отдельных подрубриках выделяются еще более частные смысловые структуры (подподрубрики), например, *House – DIY – Basic Building Materials – Brick / Stone / Concrete / Steel*). Движение внутри рубрик (подрубрик) осуществляется либо по гиперссылкам, либо с помощью клавиш «previous / next». С учетом текущего уровня репрезентации визуального контента, необходимо признать, что словарь (*Merriam-Webster's Visual Dictionary Online*) выглядит

несколько устаревшим, однако лексический состав корпуса и классическая тематико-идеографическая организация по-прежнему позволяют включать его в число надежных источников лингвистической и экстралингвистической информации.

Ономасиологические словари ассоциативного типа (ассоциативные тезаурусы) – явление, развивающееся в англоязычной лексикографической традиции медленно и точно (*The Structure of Associations in Language and Thought*, 1965). Теория и практика ассоциативной, в том числе цифровой, лексикографии идет вперед благодаря усилиям отечественной научной школы [Караулов, 2015; Уфимцева, Черкасова, 2014; Степыкин, Миронова, 2020; Степыкин, 2021а и др.]. Создаются ассоциативные словари с иноязычным (например, китайским) языковым компонентом [Степыкин, 2021б; Черняк, Хуэй, 2019 и др.].

Среди существующих цифровых ассоциативных словарей английского языка интерес представляет проект *Word Associations Network*, созданный Ю. Ротмистровым (*Wordassociations.net*). При наборе ключевого слова словарь предлагает список ассоциаций, извлеченных, как можно судить из описания в разделе «*About*» словаря, из произведений классической и современной английской литературы с применением специально разработанного программного модуля. Например, при наборе слова *Bible* словарь предлагает трехстраничный список ассоциаций (существительных, прилагательных, глаголов – порядок ранжирования автором словаря не уточняется). Так, ряд существительных включает *Testament, Scripture, Jehovah, Talmud, Rabbinic, Catechism, Israelites* и др. Ряд прилагательных представлен словами *Hebrew, Biblical, Literal, Evangelical, Pentecostal, Baptist, Holy* и др. Глагольный ряд содержит слова *Read, Translate, Annotate, Print, Preach*. Ассоциации представлены в виде списка с гипертекстовой разметкой. Таким образом, каждый член ассоциативного ряда может стать словом-стимулом «в один клик». Для ключевого слова (стимула) предложены дефиниции (с опорой на ресурс *Wiktionary*), в отдельных случаях графическая иллюстрация в черно-белом цвете или полноцветная. Внизу страницы пользователю предлагается цитата или афоризм (*Wise Words*), прямо не связанный с ключевым словом. Очевидно, данный проект является авторским и не имеет всех признаков классического словарного ресурса, однако наглядно и вполне успешно демон-

стрирует идею создания ассоциативного словаря на материале английского языка.

Развитие аналогических тезаурусов как самостоятельной лексикографической формы или компонента словарных агрегаторов можно убедительно продемонстрировать на примере таких ресурсов, как *Thesaurus.com*, *Freethesaurus.com*, *Powerthesaurus.org*, *Thesaurus.plus* и др. Помимо базовых функций визуализации синонимических и антонимических рядов и смысловых коррелятов онлайн-тезаурусы дают возможность проводить детальное сравнение лексических единиц друг с другом в семантико-функциональном аспекте (*compare synonyms*), вычленять общие синонимы и антонимы (*shared synonyms and antonyms*), определять взаимозаменяемость единиц в контекстах (*Thesaurus.com*), вести поиск фонетически близких слов (*sound like*), рифм (*Powerthesaurus.org*) и т. д. [Воронцова, 2022, с. 189].

Тезаурус входит в мегаструктуру комплексных (интегрированных) лексикографических ресурсов наряду с такими разделами, как раздел дефиниций, раздел коллокаций, автоматический переводчик, кластер двуязычных словарей и др. [Воронцова, 2022, с. 192]. В структурном отношении тезаурус может быть воплощен в форме аналогического словаря, фиксирующего синонимы, антонимы, гиперонимы, смысловые корреляты и др. (*Collins Dictionary and Thesaurus, Oxford Dictionary, Thesaurus and Translator on Lexico.com, Merriam-Webster's Online Dictionary and Thesaurus* и др.), тематического словаря (*Longman Dictionary of Contemporary English*), идеографического словаря (*Macmillan Dictionary*) [Воронцова, 2022, с. 189].

Заключение

Проведенное исследование приводит нас к выводу о том, что ономасиологический словарь, имея весьма сложную концепцию и отличаясь многообразием лексикографических форм, демонстрирует устойчивое развитие как самостоятельный (автономный) тип и как фасет многофункциональных комбинированных словарей. Наиболее активно меняются и пополняются новыми единицами и дополнительными опциями идеографические (тематико-идеографические) и аналогические словари. Эти формы ономасиологических словарей давно являются классикой для национальных лексикографических традиций, неплохо изучены и описаны в многочисленных работах по лексикографии. Относительно новым словом в англоязычной традиции следует при-

знать ассоциативный словарь. Несмотря на недостаточную репрезентативность ассоциативных словарей английского языка как самостоятельно-го типа, идея основанной на ассоциативных связях семантической сети, положенной в основу ономаσιологического словаря, является вполне устоявшейся. Ономаσιологические словари успешно функционируют в цифровой среде и динамично реагируют на вызовы времени.

Библиографический список

1. Бажутина М. М. Мультимедийный тезаурус: опыт разработки и перспективы использования в инженерном образовании // Высшее образование в России. 2021. №. 1. С. 73–86.
2. Бойчук Е. И. Обзор инструментов для работы с эмотивной лексикой // Язык и общество: Диалог культур и традиций: сборник статей научной конференции «Чтения Ушинского» / под науч. ред. Е. И. Бойчук. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2021. С. 222–228.
3. Воронцова И. А. Принципы классификации тезаурусов английского языка // Ярославский педагогический вестник. 2002. №. 3. С. 1–7.
4. Воронцова И. А. Современные практики англоязычной онлайн-лексикографии // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 1(28). С. 186–194.
5. Жаботинская С. А. Ономаσιологические модели в свете современных школ когнитивной лингвистики // С любовью к языку: сб. науч. тр. Москва-Воронеж : ИЯ РАН, Воронежский ГУ. 2002. С. 115–123.
6. Караулов Ю. Н. Ассоциативный анализ: новый подход к интерпретации художественного текста // Вопросы психолингвистики. 2015. №. 25. С. 14–35.
7. Куликова В.В. Ментальная карта как метод обучения // Карельский научный журнал. 2021. Т. 10. №. 1 (34). С. 29–32.
8. Лесников С. В. Конструирование гипертекстового тезауруса словарей русского языка // Горизонты современной русистики. 2020. С. 430–434.
9. Михалев Г. И. Системные отношения в лексике и лексикографические традиции описания семантики относительных прилагательных // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. №. 9-2 (63). С. 123–126.
10. Осокина С. А. Основания лингвистической теории тезауруса. Барнаул. 2015. 451 с.
11. Осокина С. А. Сетевая модель языкового тезауруса: особенности построения // Сибирский филологический журнал. 2016. №. 3. С. 191–198.
12. Степыкин Н. И. Опыт моделирования ассоциативных полей (по материалам проекта «Мультилингвальный ассоциативный тезаурус вежливости») // Научный диалог. 2021а. №. 3. С. 106–120.
13. Степыкин Н. И., Миронова Д. М. Проект мультилингвального ассоциативного тезауруса вежливости: Лексикографическое издание. Курск : Закрытое акционерное общество «Университетская книга». 2020. 205 с.
14. Степыкин Н. И. Реализация китайской части проекта «Мультилингвальный ассоциативный тезаурус вежливости» // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2021б. Т. 40. №. 3. С. 396–403.
15. Уфимцева Н. В., Черкасова Г. А. Ассоциативная лексикография и исследования языкового сознания // Филология и культура. 2014. №. 4 (38). С. 193–199.
16. Черняк В. Д., Хуэй Л. Персонажи мультфильмов как составляющая интертекстуального тезауруса языковой личности // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2019. №. 5 (202). С. 88–94.
17. Al-Sayed M. M., Hassan H. A., Omara F. A. Mapping lexical gaps in cloud ontology using Babelnet and FP-growth // International Journal of Computer Science & Security (IJCSS). 2019. Т. 13. №. 2. С. 36–52.
18. Basalkevych O., Basalkevych O. Fuzzy simulation of historical associative thesaurus // Adv. Sci. Technol. Eng. Syst. 2019. Т. 4. №. 5. С. 224–233.
19. Lagutina N. et al. An approach to automated thesaurus construction using clusterization-based dictionary analysis // 2015 17th Conference of Open Innovations Association (FRUCT). IEEE, 2015. С. 104–109.
20. De Schryver G. M., Chishman R., Da Silva B. An overview of Digital Lexicography and directions for its future: An interview with Gilles-Maurice de Schryver. 2019. Pp. 569–583.
21. Ferret O., Zock M. Enhancing electronic dictionaries with an index based on associations // Proceedings of the 21st International Conference on Computational Linguistics and 44th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics. 2006. P. 281–288.
22. McCrae J. P., Rudnicka E., Bond F. English WordNet: A new open-source wordnet for English // K Lexical News. 2020. Т. 28. С. 37–44.
23. Navigli R. et al. Ten years of BabelNet: A survey // Proceedings of the Thirtieth International Joint Conference on Artificial Intelligence, IJCAI-21. 2021. С. 4559–4567.
24. Navigli R., Blloshmi R., Lorenzo A.C.M. BabelNet Meaning Representation: A Fully Semantic Formalism to Overcome Language Barriers // Proceedings of the AAAI Conference on Artificial Intelligence. 2022. Т. 36. URL: <https://www.aaai.org/AAAI22Papers/SMT-00455-NavigliR.pdf> (дата обращения 27.06.2022).
25. Qi F. et al. Towards building a multilingual seme-eme knowledge base: predicting sememes for BabelNet synsets // Proceedings of the AAAI Conference on Artificial Intelligence. 2020. Т. 34. №. 05. С. 8624–8631.
26. Rudnicka E. et al. Sense equivalence in pIWordNet to Princeton WordNet mapping // International Journal of Lexicography. 2019. Т. 32. №. 3. С. 296–325.

27. Sierra G. The onomasiological dictionary: a gap in lexicography // Proceedings of the ninth Euralex international congress. 2000. C. 223–235.

Reference list

1. Bazhutina M. M. Mul'timedijnyj tezaurus: opyt razrabotki i perspektivy ispol'zovaniya v inzhernom obrazovanii = Multimedia thesaurus: design and prospects of its use in engineering education // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2021. №. 1. S. 73–86.
2. Bojchuk E. I. Obzor instrumentov dlja raboty s jemotivnoj leksikoj = A review of the tools to work with emotive vocabulary // Jazyk i obshchestvo: Dialog kul'tur i tradicij: sbornik statej nauchnoj konferencii «Chtenija Ushinskogo» / pod nauch. red. E. I. Bojchuk. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2021. S. 222–228.
3. Voroncova I. A. Principy klassifikacii tezaurusov anglijskogo jazyka = English thesaurus classification principles // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2002. №. 3. S. 1–7.
4. Voroncova I. A. Sovremennye praktiki anglojazychnoj onlajn-leksikografii = Modern practices of English online lexicography // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2022. № 1(28). S. 186–194.
5. Zhabotinskaja S. A. Onomasiologicheskie modeli v svete sovremennyh shkol kognitivnoj lingvistiki = Onomasiological models as seen by contemporary schools of cognitive linguistics // S ljubov'ju k jazyku: sb. nauch. tr. Moskva-Voronezh : IJa RAN, Voronezhskij GU. 2002. S. 115–123.
6. Karaulov Ju. N. Associativnyj analiz: novyj podhod k interpretacii hudozhestvennogo teksta = Associative analysis: a new approach to interpreting a literary text // Voprosy psicholingvistiki. 2015. №. 25. S. 14–35.
7. Kulikova V.V. Mental'naja karta kak metod obuchenija = A mind map as a teaching method // Karel'skij nauchnyj zhurnal. 2021. T. 10. №. 1 (34). C. 29–32.
8. Lesnikov S. V. Konstruirovanie gipertekstovogo tezaurusa slovarej russkogo jazyka = Designing a hypertext thesaurus of the Russian language dictionaries // Gorizonty sovremennoj rusistiki. 2020. S. 430–434.
9. Mihalev G. I. Sistemnye otnoshenija v leksike i leksikograficheskie tradicii opisanija semantiki otnositel'nyh prilagatel'nyh = Systemic relations in vocabulary and lexicographic traditions of describing the semantics of relative adjectives // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2016. №. 9-2 (63). S. 123–126.
10. Osokina S. A. Osnovaniya lingvisticheskoi teorii tezaurusa = Foundations of linguistic thesaurus theory. Barnaul. 2015. 451 s.
11. Osokina S. A. Setevaja model' jazykovogo tezaurusa: osobennosti postroenija = The network model of the language thesaurus: construction specifics // Sibirskij filologicheskij zhurnal. 2016. №. 3. S. 191–198.
12. Stepykin N. I. Opyt modelirovaniya associativnyh polej (po materialam proekta «Mul'tilingval'nyj associativnyj tezaurus vezhlivosti») = Associative fields modeling experience (based on the project "Multilingual associative thesaurus of politeness") // Nauchnyj dialog. 2021a. №. 3. S. 106–120.
13. Stepykin N. I., Mironova D. M. Proekt mul'tilingval'nogo associativnogo tezaurusa vezhlivosti: Leksikograficheskoe izdanie = The multilingual associative thesaurus of politeness: A lexicographic edition. Kursk : Zakrytoe akcionernoe obshchestvo «Universitetskaja kniga». 2020. 205 s.
14. Stepykin N. I. Realizacija kitajskoj chasti proekta «Mul'tilingval'nyj associativnyj tezaurus vezhlivosti» = Realization of the Chinese part of the project «Multilingual associative thesaurus of politeness» // Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, jazykoznanija. 2021b. T. 40. №. 3. S. 396–403.
15. Ufimceva N. V., Cherkasova G. A. Associativnaja leksikografija i issledovanija jazykovogo soznaniya = Associative lexicography and linguistic consciousness research // Filologija i kul'tura. 2014. №. 4 (38). S. 193–199.
16. Chernjak V. D., Huje L. Personazhi mul'tfil'mov kak sostavljajushhaja intertekstual'nogo tezaurusa jazykovoj lichnosti = Cartoon characters as part of the intertextual linguistic personality thesaurus // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2019. №. 5 (202). S. 88–94.
17. Al-Sayed M. M., Hassan H. A., Omara F. A. Mapping lexical gaps in cloud ontology using Babelnet and FP-growth // International Journal of Computer Science & Security (IJCSS). 2019. T. 13. №. 2. S. 36–52.
18. Basalkevych O., Basalkevych O. Fuzzy simulation of historical associative thesaurus // Adv. Sci. Technol. Eng. Syst. 2019. T. 4. №. 5. S. 224–233.
19. Lagutina N. et al. An approach to automated thesaurus construction using clusterization-based dictionary analysis // 2015 17th Conference of Open Innovations Association (FRUCT). IEEE, 2015. S. 104–109.
20. De Schryver G. M., Chishman R., Da Silva B. An overview of Digital Lexicography and directions for its future: An interview with Gilles-Maurice de Schryver. 2019. Pp. 569–583.
21. Ferret O., Zock M. Enhancing electronic dictionaries with an index based on associations // Proceedings of the 21st International Conference on Computational Linguistics and 44th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics. 2006. P. 281–288.
22. McCrae J. P., Rudnicka E., Bond F. English WordNet: A new open-source wordnet for English // K Lexical News. 2020. T. 28. S. 37–44.
23. Navigli R. et al. Ten years of BabelNet: A survey // Proceedings of the Thirtieth International Joint Conference on Artificial Intelligence, IJCAI-21. 2021. C. 4559–4567.

24. Navigli R., Blloshmi R., Lorenzo A.C.M. BabelNet Meaning Representation: A Fully Semantic Formalism to Overcome Language Barriers // Proceedings of the AAAI Conference on Artificial Intelligence. 2022. T. 36. URL: <https://www.aaai.org/AAAI22Papers/SMT-00455-NavigliR.pdf> (data obrashhenija 27.06.2022).
25. Qi F. et al. Towards building a multilingual seme-eme knowledge base: predicting sememes for BabelNet synsets // Proceedings of the AAAI Conference on Artificial Intelligence. 2020. T. 34. №. 05. S. 8624–8631.
26. Rudnicka E. et al. Sense equivalence in plWordNet to Princeton WordNet mapping // International Journal of Lexicography. 2019. T. 32. №. 3. S. 296–325.
27. Sierra G. The onomasiological dictionary: a gap in lexicography // Proceedings of the ninth Euralex international congress. 2000. S. 223–235.

Статья поступила в редакцию 15.05.2022; одобрена после рецензирования 26.06.2022; принята к публикации 23.08.2022.

The article was submitted on 15.05.2022; approved after reviewing 26.06.2022; accepted for publication on 23.08.2022.

Языки народов зарубежных стран (романские языки)

Научная статья

УДК 811 13 81'44

DOI: 10.20323/2499-9679-2022-3-30-155-161

EDN: USWWVU

Особенности структуры и семантики артем во французских включениях произведений Л. Н. Толстого

Галина Витальевна Овчинникова

Доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии ГОУ ВО «Московский государственный областной университет». 105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А; заведующая кафедрой лингвистики и гуманитарных дисциплин АНО ВО «Международная полицейская академия ВПА». 300026, г. Тула, ул. Рязанская, д. 1
galinaovtchinnikova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9106-076X>

Аннотация. Предлагаемая статья продолжает ряд публикаций, посвященных проблемам анализа структуры и семантики артем на примере французских включений в произведениях Л. Н. Толстого. Речевая художественная форма как отдельный уровень художественного произведения зародилась в XX веке и получила своё развитие в XXI в. Речевая художественная форма представляет собой сложный семантический механизм в литературном произведении выделяется артема как единица, содержащая намеренное отклонение автора от многочисленных объективных нормативов литературного языка. Вместе с тем в данной статье предлагается новый подход к соотношению артем и лингвокультурам. Опора на фундаментальные труды Московской лингвистической школы позволяет разделить точку зрения об отнесении фразеологизмов с лингвокультуремной значимостью к лингвокультурам. На богатом иллюстративном материале проводится тщательный анализ артем и лингвокультурам. Методология исследования артем и лингвокультурам во французских включениях текстов Л. Н. Толстого впервые проводится с привлечением комплексного сочетания лингвокультурологического, этимологического и семного типов анализа. Теоретическая значимость проведенного исследования заключается в четком разграничении понятий «лингвокультура» и «артема» на материале особенностей идиостиля Л. Н. Толстого. Данная статья имеет практическую ценность, поскольку материалы статьи могут быть использованы для составления словаря артем французских включений в творчестве Л. Н. Толстого, а также при разработке курсов лексикологии и стилистики французского языка.

Ключевые слова: артема; текста; лингвокультура; лингвокультурологический анализ; фразеологизм; интертекст

Для цитирования: Овчинникова Г. В. Особенности структуры и семантики артем во французских включениях произведений Л. Н. Толстого // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 3 (30). С. 155–161. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-3-30-155-161>. <https://elibrary.ru/USWWVU>

Languages of foreign countries (romance languages)

Original article

Specific features of the structure and semantics of artemes in french passages in Leo Tolstoy's works

Galina V. Ovchinnikova

Doctor of philological sciences, professor, Romance philology department, Moscow state regional university. 105005, Moscow, Radio st., 10A; Head of the department of linguistics and humanities, International Police Academy ARPA. 300026, Tula, Ryazanskaya st., 1
galinaovtchinnikova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9106-076X>

Abstract. This article continues a number of publications devoted to the problems of analyzing the structure and semantics of the arteme on the example of french passages in L. N. Tolstoy's works. The speech art form as a particular level of the work of art originated in the XX century and was developed in the XXI century. The speech art form is a

complex semantic mechanism. In a literary work, *arteme* is singled out as a unit containing the author's intentional deviation from numerous objective standards of the literary language. At the same time, this article suggests a new approach to the relationship between *artemes* and *linguoculturemes*. Relying on the fundamental works of the Moscow Linguistic School allows us to share the point of view on the attribution of phraseological units with *linguocultureme* significance to *linguoculturemes*. A thorough analysis of the *artemes* and *linguoculturemes* is carried out using rich illustrative material. The methodology of the study of *artemes* and *linguoculturemes* in the french passages in L. N. Tolstoy's texts is used for the first time involving a complex combination of *linguoculturological*, *etymological* and *semantic* types of analysis. The theoretical significance of the study lies in a clear distinction between the concepts of «*linguocultureme*» and «*arteme*» based on L. N. Tolstoy's idiosyncrasies. This article has a practical value, since the materials of the article can be used to compile a dictionary of *artemes* from french passages in Leo Tolstoy's works, and to develop a course in lexicology and stylistics of the french language.

Key words: *arteme*; *texteme*; *linguocultureme*; *linguocultural analysis*; *phraseological unit*; *intertext*

For citation: Ovchinnikova G. V. Specific features of the structure and semantics of *artemes* in french passages in Leo Tolstoy's works. *Verhnevolski philological bulletin*. 2022;(3):155–161. (In Russ.). <https://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-3-30-155-161>. <https://elibrary.ru/USWWVU>

Введение

Вопрос природы, структуры, семантики и функций артем в художественных текстах частично затрагивался ещё представителями Пражского лингвистического кружка, но до настоящего времени не утратил своей актуальности. Артемы требуют сегодня всестороннего изучения и более глубокого анализа. Новым является подход к изучению французских языковых единиц, участвующих в речепроизводстве толстовских персонажей на примере многочисленных франкоязычных вкраплений в произведениях крупнейшего русского писателя.

Исследование артем на материале французских включений в романе-эпопее «Война и мир» и в некоторых рассказах Л. Н. Толстого ставит целью изучение механизма глубинной семантики артем, которыми изобилует франкоязычный дискурс в текстах Л. Н. Толстого. Наличие артем во французских вкраплениях подчёркивает своеобразие художественной речевой формы произведений Л. Н. Толстого как намеренное и оправданное художественное своеобразие автора.

Применение комплекса методов этимологического и семантического анализа, а также в ряде случаев лингвокультурологического анализа позволяет сравнить и сопоставить семантические потенциалы слов, словосочетаний, фразеологизмов, крылатых выражений и выявить приращенные художественно-смысловые кванты артем во французском толстовском тексте. Подобная методология способствует системному адекватному извлечению артем как единиц речевой художественной формы.

1. Понятие артемы

Теоретической и методологической основой понимания артемы послужили научные изыска-

ния Пражского лингвистического кружка, которые называют единицы художественной формы актуализированными языковыми единицами, которые при внутреннем взаимодействии порождают приращенные значения к лексическому значению. М. М. Бахтин называет такие терминологические сочетания «речевыми конструкциями», справедливо отмечая, что язык дифференцирован, и его главное отличие заключается в разграничении коммуникативного языка и художественной формы речи. Функция коммуникативного языка заключается в реализации экстралингвистических элементов, а художественная форма языка сосредоточена на знаковой системе языка, соотношении референта и денотата.

Представители Пражского лингвистического кружка отмечают, что писатели отличаются от обыкновенных носителей коммуникативного языка тем, что имеют право нарушать любой норматив литературного языка. И. А. Воронцова и Л. В. Маценко обратили внимание на особенности речевой художественной формы а также её функции в английском и русском языках, отметив специфику идиостиля В. Ерофеева [Воронцова, Маценко, 2019, с. 99–106]. Типология артем художественного текста касается, в первую очередь, лексического и синтаксического уровней, так как в зависимости от замысла писателя в артеме лексическое значение слова или словосочетания обрастает приращенными семами. Наиболее часто встречающийся французский оборот *comme il faut* (как надо) как великосветский «аристократизм» во французском дискурсе «Войны и мира», «Анны Карениной» приобретает функции артемы в зависимости от контекста *des femmes comme il faut*, чтобы передать иронию, когда речь ведётся о дамах, принадлежащих к аристократическому сословию. Самое обычное прилагательное *grand* (большой) в толстовском

обороте *C'est grand* обрастает семами, придающие этому обороту противоположное значение. Л. Н. Толстой описывает Наполеона, который в своей тёплой шубе убегает домой от своих погибающих французских солдат и чувствует с полным спокойствием, что *c'est grand*. Sublime! (превосходный) Grand! (великий) Napoléon le Grand (Наполеон Великий). Du sublime au ridicule il n'y a qu'un pas! (От великого до смешного один шаг).

Артема *grand* в последнем примере обусловлена также интертекстуальностью, так как впервые это выражение употребил писатель Жан-Франсуа Мармонтель, на этот первоисточник указал в романе «Война и мир» Л. Н. Толстой, Бонапарт же употребил это выражение, признавая свою ошибку при поражении в России, и с тех пор авторство этой фраземы приписывают Наполеону.

2. Понятие текстемы

Как показывает приведенный пример, при выделении артем с ядерными семами необходимо учитывать окружающий контекст, который на синтаксическом уровне анализа артем называют текстемами. Очень часто артема выдвигает свои приращенные семы на первый план, благодаря текстемам.

Исследуя артемы на синтаксическом уровне, французские включения в толстовских произведениях правомерно отнести к текстемам, которые могут выражаться фразеологическими конструкциями, пословицами, поговорками. Исследованию функций идиом, фразеологических оборотов посвящены яркие исследования Ю. А. Архангельской [Архангельская, 2005], В. Т. Бондаренко [Бондаренко, 1995], Ю. А. Бутко [Бутко, 2009, с. 180–183], Ю. А. Гвоздарёва [Гвоздарёв, 1971], В. М. Глухова [Глухов, 1971], Е. Н. Ермакова [Ермакова, 2007], М. М. Копыленко [Копыленко, 1971], М. М. Крыловой [Крылова, 1963], О. Л. Лисицыной [Лисицына, 1998], М. Р. Очкасовой [Очкасова, 2005], В. В. Попова [Попов, 1962], Л. Б. Савенковой [Савенкова, 1995], В. М. Цапниковой [Цапникова, 1967].

Анализ идиостиля и функциональных особенностей фразеологизмов Л. Н. Толстого многократно привлекал внимание толстоведов и лингвистов. Среди них следует отметить труды Д. Д. Ильина [Ильин, 1967, с. 29–41], Н. А. Карлик [Карлик, 2012, с. 202–210].

Благодаря французским текстемам, художественный стиль Л. Н. Толстого приобретает яр-

кую специфику и особую фоносемантическую структуру. Проблемам фоносемантики и ритмического устройства текста посвящено в последнее время много интересных работ, в кругу которых важное место занимает исследование российских лингвистов о проблемах ритмизации художественного текста [Лагутина, Лагутина, Бойчук, Воронцова, Парамонов, 2019, с. 421–440].

Во французском языке ударение не словесное, а ритмическое, которое падает на последний слог. Этот факт Л. Н. Толстой использует во французской текстеме для выделения артем – русских фамилий: Koutouzoff, Davidoff, Bézoukhoff, Bolkonski. В. В. Виноградов обращает внимание на синтагматику языка Л. Н. Толстого и представляет подробно использование французского языка в романе «Война и мир» [Виноградов, 1939, с. 117–220]. Французские текстемы, изученные в этом ракурсе, составляют специфику идиостиля Л. Н. Толстого.

3. Идиостиль и идеостиль

До настоящего времени ведутся непрерывные дискуссии относительно соотношения понятий идиостиль и идеостиль.

В данной статье идиостиль рассматривается в широком понимании данного понятия как стиль художественных произведений конкретного автора. Л. Н. Толстой неизбежно испытал на себе влияние Н. В. Гоголя и М. Ю. Лермонтова, которые отличались стремлением к психологическому анализу. Вместе с тем стилю Л. Н. Толстого свойственно сочетание высокого стиля научной и художественной европейской литературы, речи дворянского общества и разговорного уровня общения, а также народной речи, речи крестьян. Нельзя не отметить большой пласт французской речи в творчестве писателя-классика.

Всё вышесказанное характеризует идиостиль Л. Н. Толстого, который разнится с понятием идеостиль. Мельчайшей единицей идеостиля является идеограмма, представляющая графическое изображение знака, выраженное буквами, приобретающее в тексте семантическую значимость. Идеограммы составляют фоносемантическую структуру художественного текста. Включение идеограмм во французские включения в толстовском тексте вызывает у читателей соответствующие эмоциональные впечатления. Констатируя, что французский язык был своего рода барьером между аристократией и сословием простых людей, в салоне Анны Павловны Шерер

говорили только по-французски. Л. Н. Толстой иронично включает идеограмму [y] в слове l'Europe, характеризуя речь сливок общества «la crème de la véritable bonne société, la fleur de l'essence»:

– Et, mon cher vicomte, – вмешалась Анна Павловна, – l'Uore (она почему-то выговаривала l'Uore, как особую тонкость французского языка, которую она могла себе позволить, говоря с французом, l'Uore ne sera jamais notre alliée sincère / «Ах, мой милый виконт... Европа никогда не будет нашей искренней союзницей» [Толстой, 1968, т. 1, С. 468].

4. Функционирование лингвокультурам во французских включениях

Артемы, выраженные лингвокультурами, обладают достаточно высокой частотностью и отличаются особой спецификой в силу двуязычия толстовского стиля. Лингвокультуры во французском дискурсе произведений Л. Н. Толстого отражают, с одной стороны, элементы культуры России, а с другой стороны – Франции.

Лингвокультура – это мельчайшая единица лингвокультурологического анализа, которая включает в себя как сегменты языка, так и кванты внеязыкового культурного смысла. Многоструктурность лингвокультуры обусловлена соотношением знака, значения, понятия и предмета, но вместе с тем эта единица монокультурально, то есть принадлежит одной культуре, что не исключает их взаимодействие в тексте.

Для описания эрудиции своих персонажей Л. Н. Толстой вводит их круг чтения, включая имена и произведения Монтескье, Руссо, Мольера, Жанли, де Сталь.

В начале XIX в. во Франции были очень популярны произведения госпожи де Жанли, которые читались как во французских модных салонах, так и в салонах русской аристократии. Образ Кутузова Л. Н. Толстой связывает с произведением «Рыцари Лебеда»:

«Он держал в руке французскую книгу и при входе князя Андрея, заложив её ножом, свернул. Это были „Les chevaliers du Cygne“, сочинение madame de Genlis, как увидел князь Андрей по обертке» [Толстой, 1962, т. 2, с. 183].

5. Лингвокультуры, выраженные фразеологизмами и цитациями

В лингвокультурологии не стихают споры относительно природы и статуса лингвокультур.

Многие исследователи предпочитают рассматривать фразеологизмы в лексикологической отрасли научного знания, а цитации – в сфере стилистики либо литературоведения. Однако более убедительна точка зрения Московской научной школы, согласно которой лингвокультуры включают в свой состав фразеологические обороты с лингвокультурологической значимостью и цитации.

Несмотря на Великую Отечественную войну 1812 года, которая отразилась на взаимоотношении русских и французских культурных связей между Францией и Россией сохранили свою стабильность.

Несколько раз в романе «Война и мир» Л. Н. Толстой цитирует Мольера, которого писатель считает одним из наиболее читаемых авторов среди русской публики, на французском языке.

«Зачем я сказал ей: Je vous aime?» – всё повторял он сам себе. И, повторив, десятый раз этот вопрос, ему пришло в голову Мольерово «... mais quel diable allait-il faire dans cette galère?», и он засмеялся над собою [Толстой, 1962, т. 2, с. 407].

В этой цитате наблюдается редкий вариант тройственной интертекстуальности, поскольку в своей комедии «Les fourberies de Scapin» («Плутни Скапена») Мольер цитирует, в свою очередь, Сирано де Бержерака «Le pédant joué» («Прочученный педант»), которая была заимствована драматургом из итальянской пьесы XVII в. Фламинио Скалы «Капитан». В современном французском языке это выражение стало крылатой фразой в значении «почему он пустился в это рискованное мероприятие», которое использует Л. Н. Толстой в своей французской текстеме.

Обучаясь в Казанском университете на юридическом факультете, Л. Н. Толстой по совету молодого, талантливого профессора Д. И. Мейера, занялся написанием курсовой работы по сопоставительному анализу «Наказа» Екатерины II и «О духе законов» Шарля Луи Секонда де Монтескье, которое было заданием особой сложности для студента 2 курса. Читая «О духе законов» в оригинале, Л. Н. Толстой проявил себя увлеченным, тонким и тщательным исследователем в области сравнительного анализа юридических текстов. Свои размышления автор передает через ссылку на этот трактат в разговоре Андрея Болконского и Сперанского:

«Я почитатель Montesquieu, – сказал князь Андрей, и его мысль о том, что le principe des monarchies est l'honneur, me paraît incontestable.

Certains droits et privilèges de la noblesse me paraissent être des moyens de soutenir ce sentiment» / «основание монархии есть честь, мне кажется несомненно. Некоторые права и имущества дворянства мне представляются средствами для поддержания этого чувства» [Толстой, т. 2, с. 550].

По частотности цитаций после Мольера, Монтескье третье место отведено современнику Л. Н. Толстого Пьеру-Жозефу Прюдону, с которым писатель познакомился во время своей поездки в Брюссель в марте 1861 года. Л. Н. Толстой пристально ознакомился с текстом Прудона «De la cause première de la guerre» («О первопричине войны»). Размышления Прудона были близки к мыслям Л. Н. Толстого, участника защиты Севастополя в Крымской войне. Анализ французских включений позволил обнаружить цитаты Прудона во взглядах Пьера Безухова:

«La guerre est divine dans la protection accordée aux grands capitaines, même aux plus hasardeux qui sont rarement frappés dans les combats, et seulement lorsque leur renommée ne peut plus s'accroître, et que leur mission est finie» / «Война божественна в защите, предоставляемой великим капитанам даже самым рискованным, которых редко поражают в боях, и только тогда, когда их слава больше не может расти, и их миссия закончена» [Prudhon, 1869, с. 32].

Андрей Болконский и Пьер Безухов анализируют причины войны во внутренних монологах, включающих политические взгляды Прудона:

«Ainsi l'idée de guerre enveloppe, domine, régit par la religion, l'universalité des rapports sociaux. Tout dans l'histoire de l'humanité la suppose. Rien ne s'explique sans elle, rien n'existe qu'avec elle: qui sait la guerre, sait le tout du genre humain. Qu'une innocente philanthropie se demande par quels moyens la société triomphera de cette fureur parricide, elle en a le droit. La guerre est un sphinx que notre libre raison est appelée à métamorphoser, sinon à détruire» / «Таким образом, идея войны окружает, доминирует, регулирует через религию всеобщность социальных отношений. Всё в истории человечества предполагает это. Без неё ничто не объяснимо, только при ней что-то может существовать: кто знает войну, знает всё о человеческом роде. Пусть невинная филантропия задаётся вопросом, какими средствами общество восторжествует над этой отцеубийственной яростью, она имеет на это право. Война – это Сфинкс, которого наш свободный разум призван

метаморфизировать, если не уничтожить» [Prudhon, 1961, с. 56].

Заключение

Можно сделать следующие выводы:

Изучение понятийного аппарата, включающего разнообразие терминов, вызывающих до настоящего времени непрекращающиеся дискуссии лингвистов таких как артемы, текстемы, идиостиль и идеостиль, лингвокультуры.

Привлечение междисциплинарных методов анализа позволило провести тщательный анализ иллюстративного материала, включающего французский дискурс в произведениях Л. Н. Толстого и получить достоверные результаты.

Французские включения содержат артемы, обусловленные спецификой двуязычного стиля произведений Л. Н. Толстого, в частности, романа-эпопеи «Война и мир».

Разносторонний круг чтения писателя нашел отражение в цитациях главных персонажей толстовских произведений, в лингвокультурах, принадлежащих российской и французской культурам, не нарушая монокультуральности понятия лингвокультуры.

Французские включения содержат артемы, обусловленные интертекстуальностью. Особенно интересны случаи тройственной интертекстуальности.

Дальнейший научный поиск в ракурсе выявления артем в художественных текстах имеет большие перспективы для развития проблематики общих и частных вопросов романского языкознания.

Библиографический список

1. Архангельская Ю. В. Фразеология в дискурсе Л. Н. Толстого. Тула : Изд-во ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2008. 204 с.
2. Баженова О. А. Синкретизм функций фразеологических единиц в повестях и рассказах Л. Н. Толстого 1852–1856 годов // XXIV Международные толстовские чтения. Тула : Изд-во ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 1998. С. 166–168.
3. Бахтин М. М. Человек в мире слов. Москва : Российский открытый университет, 1995. 140 с.
4. Бондаренко В. Т. Варьирование устойчивых фраз в русской речи. Тула : Изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 1995. 151 с.
5. Бутько Ю. В. Прецедентное имя в трансформированных паремиях. Ярославский педагогический вестник. 2009. № 3 (60). С. 180–183.
6. Виноградов В. В. О языке Толстого (50–60-е годы, Литературное наследие. 1939. Т. 35. С. 117–220.
7. Воронцова И. А., Маценко Л. В. Стратегии и при-

ёмы межъязыковой трансляции культурного компонента системы художественного текста (на материале поэмы В. Ерофеева «Москва-Петушки» и его перевода на английский язык). Европейское литературное наследие в кросс-культурном пространстве: сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием (23–24 мая 2019 г.). Москва: Научная библиотека, 2019. С. 99–106.

8. Гвоздарёв Ю. А. Основы русского фразообразования. Ростов-на-Дону : НМЦ Логос, 2010. 246 с.

9. Глухов В. М. Опыт анализа фразеологических единиц языке художественного произведения (на материале пьесы «Власть тьмы» // Лев Толстой. Проблемы языка и стиля. Тула : Изд-во ТГПИ им. Л.Н. Толстого, 1971. С. 28–35.

10. Ермакова Е. Н. Импликация как форма движения от фразеологизма к слову // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 20. С. 54–59.

11. Ильин Д. Д. Речевые партии и речевые отношения некоторых действующих лиц в комедии Л. Н. Толстого. «Плоды просвещения» // Вопросы теории и истории русского языка. Ташкент, 1967. С. 29–41.

12. Карлик Н. А. Афористика Л. Н. Толстого: сборник мудрых мыслей «Круг чтения». Санкт-Петербург : ГПА, 2012. 225 с.

13. Копыленко М. М. Устарелые фразеосочетания в романе «Анна Каренина» // Лев Толстой. Проблемы языка и стиля. Тула : Изд-во ТГПИ им. Л. Н. Толстого, 1971. С. 216–229.

14. Крылова М. В. О языке пьесы «Власть тьмы» // Научные труды. Вып. 211. Языкознание. Ташкент, 1963. С. 202–210.

15. Лагутина Н. С., Лагутина К. В., Бойчук Е. И., Воронцова И. А., Парамонов И. В. Автоматизированный поиск средств ритмизации художественного текста для сравнительного анализа оригинала и перевода на материале английского и русского языков. Моделирование и анализ информационных систем. Т. 26, № 3. 2019. С. 421–440.

16. Лисицына О. Л. Паремнологическое пространство «Азбуки» и «Новой Азбуки» Л. Н. Толстого // XXIV Международные толстовские чтения. Тула : Изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 1998. С. 177–179.

17. Очкасова М. Р. О слове галлицизм в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» // Лексика, лексикография, терминология в русской, американской и других культурах. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2005. С. 223, 224.

18. Попов В. В. О традициях и новаторстве в раннем творчестве Л. Н. Толстого // Толстовский сборник. Тула, 1962. С. 182–194.

19. Савенкова Л. Б. Русская паремнология: семантический и лингвокультурологический аспекты. Ростов-на-Дону : Изд. Ростовского ун-та, 2002. 240 с.

20. Тартари Э. «Le bonheur conjugal» de Tolstoï, une véritable philosophie rousseauiste des amants // Мате-

риалы IX Международного семинара переводчиков. Ясная Поляна, 2015. С. 111–116.

21. Флория Дж. До бала: краткое предисловие к рассказу Л.Н. Толстого «После бала» // Материалы IX Международного семинара переводчиков. Ясная Поляна, 2015. С. 111–116.

22. Цапникова В. М. Фразеология романа Л. Н. Толстого «Война и мир» // Толстовский сборник. № 3. Тула, 1967. С. 209–224.

23. Толстой Л. Н. Война и мир. Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1962. Т. 1–4.

24. Proudhon P. J. La guerre et la paix: recherches sur le principe et la constitution du droit des gens. Paris : Michel Lévy Frères. 440 p.

Reference list

1. Arhangel'skaja Ju. V. Frazеologija v diskurse L. N. Tolstogo = Phraseology in Leo Tolstoy's discourse. Tula : Izd-vo TGPU im. L.N. Tolstogo, 2008. 204 s.

2. Bazhenova O. A. Sinkretizm funkcij frazeologicheskikh edinic v povestjah i rasskazah L. N. Tolstogo 1852–1856 godov = Syncretism of phraseological units functions in Leo Tolstoy's novels and stories of 1852–1856 // XXIV Mezhdunarodnye tolstovskie chtenija. Tula : Izd-vo TGPU im. L.N. Tolstogo, 1998. S. 166–168.

3. Bahtin M. M. Chelovek v mire slov = Man in the world of words. Moskva : Rossijskij otkrytyj universitet, 1995. 140 s.

4. Bondarenko V. T. Var'irovanie ustojchivyh fraz v russkoj rechi = Varying fixed phrases in Russian speech. Tula : Izd-vo TGPU im. L. N. Tolstogo, 1995. 151 s.

5. But'ko Ju. V. Precedentnoe imja v transformirovannyh paremijah = Precedent name in transformed paremias. Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2009. № 3 (60). S. 180–183.

6. Vinogradov V. V. O jazyke Tolstogo (50–60-e gody, Literaturnoe nasledie. 1939) = On Tolstoy's language (50–60s, Literary Heritage. 1939). T. 35. S. 117–220.

7. Voroncova I. A., Macenko L. V. Strategii i prijomы mezh#jazykovoj transljicii kul'turnogo komponenta sistemy hudozhestvennogo teksta (na materiale pojemy V. Erofeeva «Moskva-Petushki» i ego perevoda na anglijskij jazyk) = Strategies and techniques of interlingual translation of the literary text cultural component (based on the poem «Moscow-Petushki» by V. Erofeev and its translation into English) // Evropejskoe literaturnoe nasledie v krosskul'turnom prostranstve: sbornik materialov Vse-rossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem (23–24 maja 2019 g.). Moskva : Nauchnaja biblioteka, 2019. S. 99–106.

8. Gvozdarjov Ju. A. Osnovy russkogo frazoobrazovanija = The basics of Russian phrase formation. Rostov-na-Donu : NMC Logos, 2010. 246 s.

9. Gluhov V. M. Opyt analiza frazeologicheskikh edinic jazyke hudozhestvennogo proizvedenija (na materiale p'esy «Vlast' t'my») = Analysing of phraseological units in literary language (on the material of the play «The Power of

Darkness» // Lev Tolstoj. Problemy jazyka i stilja. Tula : Izd-vo TGPI im. L.N. Tolstogo, 1971. S. 28–35.

10. Ermakova E. N. Implikacija kak forma dvizhenija ot frazeologizma k slovu = Implication as a form of transition from the phraseological unit to the word // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2007. № 20. S. 54–59.

11. Il'in D. D. Rechevyje partii i rechevyje otnoshenija nekotoryh dejstvujushhih lic v komedii L. N. Tolstogo. «Plody prosveshhenija» = Speech roles and speech relations of certain characters in Leo Tolstoy's comedy «The Fruits of Enlightenment» // Voprosy teorii i istorii russkogo jazyka. Tashkent, 1967. S. 29–41.

12. Karlik N. A. Aforistika L. N. Tolstogo: sbornik mudryh myslej «Krug chtenija» = L. N. Tolstoy's aphorism: a collection of wise thoughts «A Calendar of Wisdom». Sankt-Peterburg : GPA, 2012. 225 s.

13. Kopylenko M. M. Ustarelye frazeosochetaniya v romane «Anna Karenina» = Obsolete collocations in the novel «Anna Karenina» // Lev Tolstoj. Problemy jazyka i stilja. Tula : Izd-vo TGPI im. L. N. Tolstogo, 1971. S. 216–229.

14. Krylova M. V. O jazyke p'esy «Vlast' t'my» = On the language of the play «The Power of Darkness» // Nauchnye trudy. Vyp. 211. Jazykoznanie. Tashkent, 1963. S. 202–210.

15. Lagutina N. S., Lagutina K. V., Bojchuk E. I., Voroncova I. A., Paramonov I. V. Avtomatizirovannyj poisk sredstv ritmizacii hudozhestvennogo teksta dlja sravnitel'nogo analiza originala i perevoda na materiale anglijskogo i russkogo jazykov. Modelirovanie i analiz informacionnyh sistem = Automated search of rhythmization means in a literary text for comparative analysis of the original and the translation in English and Russian. Modeling and analyzing data systems. T. 26, №3. 2019. S. 421–440.

16. Lisicyna O. L. Paremiologicheskoe prostranstvo «Azbuki» i «Novoj Azbuki» L. N. Tolstogo = The paro-

miological space of «The ABC» and «The New ABC» by Leo Tolstoy // XXIV Mezhdunarodnye tolstovskie chtenija. Tula : Izd-vo TGPU im. L. N. Tolstogo, 1998. S. 177–179.

17. Ochkasova M. R. O slovare gallicizmov v romane L. N. Tolstogo «Vojna i mir» = On the dictionary of gallicisms in Leo Tolstoy's novel War and Peace // Leksika, leksikografija, terminografija v russkoj, amerikanskoj i drugih kul'turah. Ivanovo : Ivan. gos. un-t, 2005. S. 223, 224.

18. Popov V. V. O tradicijah i novatorstve v rannem tvorčestve L.N. Tolstogo = On traditions and innovations in Leo Tolstoy's early work // Tolstovskij sbornik. Tula, 1962. S. 182–194.

19. Savenkova L. B. Russkaja paremiologija: semanticheskij i lingvokul'turologičeskij aspekty = Russian paroemiology: semantic and linguocultural aspects. Rostov-na-Donu : Izd. Rostovskogo un-ta, 2002. 240 s.

20. Tartari Je. «Le bonheur conjugal» de Tolstoï, une véritable philosophie rousseauiste des amants // Materialy IX Mezhdunarodnogo seminarara perevodchikov. Jasnaja Poljana, 2015. S. 111–116.

21. Florija Dzh. Do bala: kratkoe predislovie k rasskazu L.N. Tolstogo «Posle bala» = Before the ball: a brief preface to Leo Tolstoy's story «After the Ball» // Materialy IX Mezhdunarodnogo seminarara perevodchikov. Jasnaja Poljana, 2015. S. 111–116.

22. Capnikova V. M. Frazeologija romana L. N. Tolstogo «Vojna i mir» = The phraseology of Leo Tolstoy's novel War and Peace // Tolstovskij sbornik. № 3. Tula, 1967. S. 209–224.

23. Tolstoj L. N. Vojna i mir = War and Peace. Moskva : Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1962. T. 1–4.

24. Proudhon P. J. La guerre et la paix: recherches sur le principe et la constitution du droit des gens. Paris : Michel Lévy Frères. 440 p.

Статья поступила в редакцию 23.05.2022; одобрена после рецензирования 23.06.2022; принята к публикации 23.08.2022.

The article was submitted on 23.05.2022; approved after reviewing 23.06.2022; accepted for publication on 23.08.2022.

Научная статья

УДК 811.13

DOI: 10.20323/2499-9679-2022-3-30-162-170

EDN: USYVOL

Время и Сознание в некоторых произведениях Х. Л. Борхеса в языковом и культурологическом аспектах

Михаил Сергеевич Бурак

Кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и перевода ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет». 191023, Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 30-32, литер А

bertran4442000@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8204-8213>

Аннотация. Данное исследование посвящено попытке осмысления категорий «время» и «сознание» на материале ряда произведений Х. Л. Борхеса. Прежде всего, речь идёт о рассказе «Сад расходящихся тропок» и об эссе «Новое опровержение времени». Первый содержит многочисленные пласты разного уровня и предоставляет возможности для широкого диапазона трактовок. Второе являет собой органичное сочетание нескольких стилей и жанров. В рамках его анализа представляется возможным сопоставление отдельных фрагментов с двумя произведениями русской литературы малого жанра. Рассматриваемые в статье произведения описывают многогранность нашего сознания и его парадоксальную природу. Последняя непосредственно связана в том числе с восприятием времени. Х. Л. Борхес в заключении «Нового опровержения времени», в котором им были представлены доказательства его метафизического «несуществования», говорит о своём бессилии перед его неумолимым ходом. В рассказе «Сад расходящихся тропок» автор представляет время как лабиринт с разветвлённой структурой, в рамках которой оказывается возможным одновременное существование всех вариантов развития событий. Многочисленные возможности трактовки этого рассказа связаны с присутствием в нём литературно-философского интертекста. Принцип «китайской шкатулки» (повествование внутри повествования, лабиринт в лабиринте), интертекст и мотив вторжения в чужой мир вносят свою лепту в создание особого хронотопа с многослойной символикой. Рассмотренные в статье произведения ставят перед читателем глобальные проблемы философского характера и заставляют задуматься об уникальности каждого мгновения. Осознанность, присутствие в данном моменте признаётся Борхесом одним из главных принципов бытия. Данная статья может представлять интерес для всех, кто занимается междисциплинарными исследованиями на стыке литературы, философии и культурологии.

Ключевые слова: время; сознание; хронотоп; лабиринт; существование; интертекст; многослойная символика

Для цитирования: Бурак М. С. Время и Сознание в некоторых произведениях Х. Л. Борхеса в языковом и культурологическом аспектах // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 3 (30). С. 162–170. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-3-30-162-170>. <https://elibrary.ru/USYVOL>

Original article

Time and Consciousness in some works of H. L. Borges in linguistic and cultural aspects

Mikhail S. Burak

Candidate of philological sciences, associate professor of the department of romance-germanic philology and translation, St. Petersburg state university of economics. 191023, St. Petersburg, Griboedov canal embankment, 30-32, lit. A
bertran4442000@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8204-8213>

Abstract. This study is an attempt to comprehend the categories of «time» and «consciousness» on the material of some works by J. L. Borges. First of all, they are the story «The Garden of Forking Paths» and the essay «A New Refutation of Time». The former contains numerous layers of different levels and provides opportunities for a wide range of interpretations. The latter is an organic combination of several styles and genres. As part of the analysis it seems possible to compare certain fragments with two works of Russian literature of the minor genre. The works discussed in this article describe the complexity of our consciousness and its paradoxical nature. The latter is directly related, among other things, to the perception of time. In the conclusion of The New Refutation of Time, where he presented evidence

for its metaphysical «non-existence», J. L. Borges speaks of his powerlessness in the face of its inexorable course. In *The Garden of Forking Paths*, the author presents time as a labyrinth with a ramified structure, within which the simultaneous existence of all variants of event developments is possible. Numerous possibilities for interpreting this story are related to its literary and philosophical intertext. The Chinese box principle (narrative within narrative, a labyrinth within a labyrinth), the intertext and the motif of intrusion into an alien world all contribute to the creation of a special chronotope with multilayered symbolism. The works reviewed in this article pose global problems of a philosophical nature and make the reader think that every moment is unique. Consciousness, presence in the given moment, is recognized by Borges as one of the main principles of being. This article may be of interest to those dealing with interdisciplinary research at the intersection of literature, philosophy, and cultural studies.

Key words: time; consciousness; chronotope; labyrinth; existence; intertext; multilayer symbolism

For citation: Burak M. S. Time and Consciousness in some works of H. L. Borges in linguistic and cultural aspects. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2022;(3):162–170. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-3-30-162-170>. <https://elibrary.ru/USYVOL>

Введение

Данное исследование посвящено попытке осмысления категорий *время* и *сознание* на материале некоторых произведений Х. Л. Борхеса. В статье рассматриваются рассказ «Сад расходящихся тропок» и эссе «Новое опровержение времени». Выбор данных произведений обусловлен широким спектром проблем. Интерес к ним усиливается за счёт их пограничного положения в кругу нескольких дисциплин: философии, культурологии, литературы. Рассказ «Сад расходящихся тропок» содержит многочисленный ряд пластов разного уровня и предоставляет возможности для широкого диапазона трактовок. Эссе «Новое опровержение времени» являет собой органичное сочетание нескольких жанров и стилей. В рамках его анализа нам представляется возможным сопоставление отдельных фрагментов с двумя произведениями русской литературы малого жанра.

Х. Л. Борхес является блестящим знатоком мировой культуры, что сочетается в его творчестве с символично-мифологическим видением мира, отношений героев, ситуации.

По справедливому наблюдению В. Е. Багно, если бы земная цивилизация была бы в основном уничтожена, то по творчеству Х. Л. Борхеса можно было бы получить некоторое представление об истории её культуры [Багно, 1992, с. 21].

В ряде рассказов, таких как «Сад расходящихся тропок», «Вавилонская библиотека», «Алеф» и в некоторых других, автором предпринимаются попытки художественного описания устройства мира и Вселенной. Идеи о бесконечности времён, сходящихся, расходящихся и параллельных друг другу («Сад расходящихся тропок»), бесконечность Вселенной, которой присуще циклическое самоповторение и принцип периодичности в «упорядоченном хаосе» («Вавилонская библиотека») – всё это перестаёт быть просто художе-

ственным вымыслом в свете новейших достижений науки.

Основные принципы подхода Борхеса к осмыслению реальности – притча, символ и миф. Здесь есть место предопределению, но также индивидуальной воле, силе духа. Эти мотивы повторяются в разных рассказах автора, преломляясь каждый раз в новом свете.

В частности, в «Розе Парацельса» Парацельс отрекается от своей славы, предпочитая прослыть недостойным в глазах профана Гризебаха, неготового к изучению алхимии. Последний исполнен ложного смирения. Он хочет положить весь остаток жизни на алтарь чистого искусства в обмен на демонстрацию Мастером чуда. Он просит принять его в ученики, бросая в камин розу, и требуя её немедленного воскрешения из пепла. Парацельс отказывается это сделать, рискуя прослыть жалким, а розу воскрешает лишь тогда, когда Гризебах удаляется. В самом начале рассказа Парацельс молит Бога послать ему ученика. Но он готов вернуться к своему одиночеству ради сохранения чистоты души и творческих помыслов. Сила духа помогает ему смириться и не поддаться искушению власти и славы [Борхес, 1992; Borges, 1998].

В рассказе «Юг» главный герой Далман – библиотекарь. Его друзья – книги. Благодаря нелепой случайности он получает травму, попадает в больницу, терпит агонию, но всё-таки выживает. От реальности он предпочитает отгораживаться книгой, живя в созданном им мире иллюзий, что не может уберечь его от судьбы. Его провоцирует на драку агрессивно настроенный гаучо (аргентинский бандит-ковбой). Зная местные обычаи и следуя законам чести, Далман не может отступить. Едва владея ножом, он идёт на верную смерть и принимает ситуацию с достоинством и мужеством. В последний миг он понимает, что, если бы у него был выбор умереть в больнице или на поле боя, он предпочёл бы по-

следнее [Борхес, 1992; Borges, 1980].

Антитеза: «творчество-уничтожение» присутствует и в рассказе «Сад расходящихся тропок». Беззаветная преданность делу противопоставляется здесь авантюризму низкой идеи. Одним из героев рассказа является учёный-эрудит высшего порядка. Подобно Парацельсу из «Розы Парацельса» он олицетворяет собой Время. Но, как Далман из рассказа «Юг», он гибнет от злой руки.

Сад расходящихся тропок. Сюжет

Действие происходит во время Первой Мировой Войны. Главный герой Ю Цун – немецкий шпион китайского происхождения, находящийся в Англии с секретным заданием. Бывший учитель английского языка у себя на родине Ю Цун, становится шпионом на службе у страны, обречённой на унижение. Ю Цун, человек образованный и способный оценить прекрасное, оказывается неспособным к постижению духовной свободы собственного «я». Мотивацией к убийству учёного-китаиста, ни в чём неповинного человека, оказывается для Ю Цуна возможностью доказать шефу в Берлине, что он, китаец, может быть ему полезным. Имя учёного Альбер указывало на название города, по которому Германии нужно было нанести удар. Единственной возможностью сообщить необходимую информацию в условиях близкого и неизбежного ареста явилось для главного героя Ю Цуна его преступление, о котором шеф узнал из газет.

Таким образом, уважение и преклонение перед Стивеном Альбером, который явился для Ю Цуна «равным самому Гёте», было принесено в жертву низкой идее [Борхес, 1992; Borges, 1980].

В противовес ей в рассказе звучит фраза из романа, написанного прадедом Ю Цуна, Цюй Пэном, романа, который был тщательно изучен Альбером. В преддверии близкой смерти (о которой Альбер не догадывается) он читает Ю Цуну строки, которые, на наш взгляд, являются ключевыми для понимания рассказа Борхеса, так как относятся к любому из возможных времён, к любой из возможных реальностей, описываемых в романе Цюй Пэна, а главное, повествуют о стезе воина. «Помню заключительные слова, повторявшиеся в обоих вариантах как тайная заповедь: „Так, с ярыми клинками и спокойствием в несравненных сердцах, сражались герои, готовые убить и умереть”» [Борхес, 1992, с. 159].

Примечательно, что Борхес облакает эту мысль в форму парадокса. В оригинале отрывок звучит так: «*Recuerdo las palabras finales, repetidas*

en cada redacción como un mandamiento secreto: „Así combatieron los héroes, tranquilo el admirable corazón, violenta la espada, resignados a matar y a morir”» [Borges, 1980, с. 135]. Слово *resignado* означает буквально «покорный, смирившийся». Глагол *resignarse* традиционно связан в сознании испаноговорящих с религиозным чувством или с покорностью обстоятельствам. В данном же случае лексема *resignado* выступает в значении, несовместимом с пассивной ролью. Как прилагательное, она выражает качество бойца-стойка. Как страдательное причастие – отражает состояние людей, ежеминутно рискующих жизнью.

Наглядное подтверждение этому мы находим в строках романа Цюй Пэна, соответствующих двум вариантам одной эпической главы. «*В первом из них войны идут в бой по пустынному нагорью. Под страхом обвала, среди ночного мрака жизнь немногочисленной армии стоит, они не думают о себе и без труда одерживают победу. Во втором те же войны проходят по дворцу, где в разгаре праздника; огни боя кажутся им продолжением праздника, и они снова одерживают победу*» [Борхес, 1992, с. 158]. «*En la primera, un ejército marcha hacia una batalla a través de una montaña desierta; el horror de las piedras y de la sombra le hace menospreciar la vida y logra con facilidad la victoria; en la segunda, el mismo ejército atraviesa un palacio en el que hay una fiesta; la resplandeciente batalla le parece una continuación de la fiesta y logran la victoria*» [Borges, 1980, с. 134].

Сочетание *la resplandeciente batalla* (букв. «блистательный бой») является здесь первым субъектом действия. Именно в субъективном восприятии воинов, в их сознании этот бой отождествляется с праздником. При этом как воину, сражающемуся с оружием в руках, так и учёному присуще сочетание особого рода аскезы – самоотречения во имя правого дела и ощущения радости правого боя. В этой связи вероломство Ю Цуна, его убогое честолюбие являет собой резкий контраст по отношению к героизму воинов духа.

Неслучайным представляется использование в фабуле рассказа излюбленного Борхесом приёма зеркального отражения. По иронии судьбы прадед Ю Цуна – Цюй Пэн – великий писатель и мистификатор гибнет от руки чужестранца. А через много лет правнук жертвы на другом конце земли убивает Альбера – переводчика и «второго создателя» труда Цюй Пэна [Борхес, 1992; Borges, 1980].

Трагедия, отражённая в фабуле произведения, имеет многоуровневый характер. Одна из граней – безвременье, в которое впадает мир, «вывернутый наизнанку» и как бы вновь поглощённый изначальным хаосом. Нам представляется уместной здесь подобная аллегория именно потому, что Борхес был блестящим знатоком мифологии.

В «Саду расходящихся тропок» развитие действия происходит сквозь время, отражённое непосредственно в сознании героя, и сопровождаемое его интроспекцией. Здесь мы наблюдаем особый хронотоп [Бахтин, 1975]. Рассказ ведётся только от лица Ю Цуна, но при незримом присутствии автора в его монологе. Для Борхеса важно ощущение себя в другом и другого в себе. Героизм и трусость красной нитью проходят через всё его творчество. И каждое проявление человеческой воли или безволия реализуется во времени.

В этой связи представляет особый интерес его эссе под названием «Новое опровержение времени». По мысли автора вся совокупность философских учений, призванных отринуть Время как категорию, как реальность, всё же отступает перед необходимостью признания его существования в сознании людей [Борхес, 2005; Borges, 1952]. Рассмотрение основных идей, изложенных в данном труде, представляется значимым в том числе для трактовки понятий «время» и «сознание» в рассказе «Сад расходящихся тропок».

«Новое опровержение времени».

Основные идеи

В рамках эссе «Новое опровержение времени» автор причудливо соединяет изложение философских учений с поэтико-символическим ощущением реальности. Речь идёт, прежде всего, о доктринах Дж. Беркли и Д. Юма. Для Борхеса представляются значимыми, в частности, категории: «пространство», «восприятие», «бытие», «идентичность» [Борхес, 2005; Borges, 1952].

Говоря о Беркли, Борхес отмечает: «Все гимны небес и всё земное, всё могущество Вселенной не существует вне мысли, вне восприятия какого-либо субъекта. Ничто не может быть вне сознания, ибо всё – в сознании предвечного Духа» (перевод наш – М. Б.). «Todo el coro del cielo y los aditamentos de la tierra – todos los cuerpos que componen la poderosa fábrica del universo – no existen fuera de una mente, no tienen otro ser que ser percibidos, no existen cuando no los pensamos, o solo existen en la mente de un Espíritu Eterno» [Borges, 1952, с. 113]. Сочетание *la poderosa fábrica del universo* (букв. «могущественная фабрика Вселен-

ной») с формально-лингвистической точки зрения представляет собой «вещественную единицу», что подтверждается исчисляемостью существительного *fábrica*. Однако, понятие *fábrica* может рассматриваться не только как сугубо повседневный, материальный, производственный термин, но и как характеристика «производства» как творческого процесса. У Борхеса смысл данного оборота непосредственно связан с циклом сотворения пространства и времени. И далее: «Беркли отрицал пространство как абсолютную категорию» (перевод наш – М. Б.) [Berkeley, 1710; Borges, 1952]. «Berkeley negó el espacio absoluto» [Borges, 1952, с. 114].

Затем Борхес говорит о том, что оба философа (Юм и Беркли) утверждают наличие Времени как явления реально существующего. Для Беркли это – последовательный, равномерно текущий поток мыслей, которому мы все сопричастны [Борхес, 2005; Berkeley, 1710; Borges, 1952]. Для Юма – последовательность сменяющих друг друга неразличимых мгновений, иначе говоря, «пучок» или связка (исп. *atadura*, англ. *bundle*) впечатлений, ощущений, моментов восприятия, следующих друг за другом [Борхес, 2005; Hume, 1739; Borges, 1952].

Беря за основу вышеизложенное, Борхес рассуждает следующим образом: «No hay detrás de las caras un yo secreto, que gobierna los actos y que recibe las impresiones; somos únicamente la serie de esos actos imaginarios y de esas impresiones errantes» [Borges, 1952, с. 115]. «Не существует таинственного „я“, которое управляет нашими действиями и воспринимает впечатления. Мы – лишь серия этих воображаемых действий или неопределённых впечатлений...» (перевод наш – М. Б.). «Errante» дословно с испанского – «блуждающий», что также подчёркивает основную идею оригинальной цитаты. «Pero negada la materia, negado también el espacio que son continuidades, no sé que derecho tenemos a esa continuidad que es el tiempo» [Borges, 1952, с. 115]. «Но отринув материальную субстанцию, отринув пространственный континуум, имеем ли мы право на признание Времени, тоже континуума?» – спрашивает читателя Борхес (перевод наш – М. Б.) [Borges, 1952].

При этом автор неизменно склоняется к восприятию момента времени как события. В связи с этим обращают на себя внимание яркие эпитеты, используемые Борхесом при описании воображаемого сна и воображаемого пробуждения Гекельберри Финна, героя М. Твена. «La balsa

Perdida en la tiniebla parcial» [Borges, 1952, с. 115] – «Плот, поглощённый зыбким туманом» (букв. «потерянный в зыбком тумане») (Перевод наш – М. Б.). «El manso ruido infatigable del agua» [Borges, 1952, с. 115] – «Тихий и неумолчный плеск воды в реке» (Перевод наш – М. Б.).

Продолжая предыдущие мысли, автор говорит о том, что субъективные состояния человеческого сознания определяют уникальность каждого момента вне зависимости от моментов предшествующих и последующих. Поэтому, любые действия, направленные на изменение отношения к прошлому, или наказание или прощение или любая форма воздаяния, – всё это не может изменить самого события. Оно было и ушло. Однако, человеческое сознание способно моделировать его последующее восприятие [Борхес, 2005; Borges, 1952].

Следуя той же логике, Борхес говорит о том, что нелепыми и необоснованными представляются страхи и надежды в отношении событий будущих. Ибо мы – не прошлое и не будущее, но настоящее в каждом мгновении. Вся история Вселенной состоит из тысячных долей секунды, каждая из которых – есть настоящее своего момента. Иными словами, не существует и самой истории, есть лишь данное мгновение [Борхес, 2005; Borges, 1952].

С другой стороны, если в сознании двух людей, которые не знают друг друга, происходит нечто схожее в идентичной ситуации и они переживают «одинаковые моменты», это – есть ни что иное, как единый момент «нелинейного» времени. Например, утверждает Борхес, два поклонника Шекспира в момент чтения одной и той же строфы из его произведения порознь друг от друга, как бы становятся единым целым с автором и друг с другом [Борхес, 2005; Borges, 1952].

Моменты тождества в субъективном восприятии мира, когда время замирает, описаны в мировой литературе. Апеллируя к русской литературе малого жанра, можно упомянуть, в частности, рассказ Вересаева «Загадка», отрывок из которого мы ниже приводим.

«...Звуки лились робко, неуверенно. Они словно искали чего-то, чего выразить были не в силах. Не самую мелодией приковывали они к себе внимание – её в строгом смысле даже и не было, а именно этим исканием, томлением по чём-то другому, что невольно ждалось впереди. „Сейчас уж будет настоящее“, – думалось мне. А звуки лились всё так же неуверенно и сдержанно. Изредка мелькнёт в них что-то – не мелодия, лишь обры-

вок, намёк на мелодию, – но до того чудную, что сердце замирало. Вот-вот, казалось, схвачена будет тема, – робкие ищущие звуки разольются божественно спокойною торжественной неземною песнью. Но проходила минута, и струны начинали звенеть сдерживаемыми рыданиями: намёк остался непонятным. Великая мысль, мелькнувшая на мгновение, исчезла безвозвратно. Что это? Неужели нашёлся кто-то, кто переживал теперь то же самое, что я? Сомнения быть не могло: перед ним эта же ночь стояла такую же мучительною и неразрешимою загадкою, как передо мной» [Вересаев, 1987, с. 6].

В конце первой части своего эссе Борхес говорит о том, что все катастрофы мира и Вселенной – есть одна большая боль, иллюзорно отражённая во множестве зеркал [Борхес, 2005; Borges, 1952].

Тит Лукреций Кар по наблюдению Борхеса приписывает Анаксагору доктрину подобия части целому: золото состоит из мельчайших песчинок, время также состоит из частичек времени [Борхес, 2005; Borges, 1952; Lucretius 1931].

В рассказах Борхеса, однако, далеко не все формально равные друг другу отрезки времени тождественны по сути. В субъективном восприятии героя некоторые минуты могут длиться очень долго. В качестве примера можно привести ту же «Розу Парацельса», где миг ожидания Гризебахом ответа Парацельса на требование первого воскресить розу казался бесконечным [Борхес, 1992; Borges, 1998].

Также можно привести пример из рассказа «Тайное Чудо». Главный герой драматург Яромир Хладик, ожидающий расстрела, молит Бога об ещё одном годе жизни для окончания своей драмы. И Господь дарует ему этот год. Несколько секунд между молитвой и расстрелом в сознании героя превращаются в год. Он успевает мысленно закончить произведение. Следующий миг возвращает его к окружающей действительности. Его убивают [Борхес, 1992; Borges, 1995].

Во второй части эссе Борхес приводит отрывок из своего рассказа «Чувство смерти». Он описывает свои переживания, связанные с идентичностью ощущений в двух ситуациях с промежутком в 30 лет. Речь идёт о моменте пребывания в одном и том же месте поздним вечером, «окутанным магией розового цвета и словно убаюканным пением цикад» (Перевод наш – М. Б.). Автор чувствует себя отвлечённым наблюдателем мира («Percibidor abstracto del mundo») [Borges, 1952, с. 119] и как будто умершим и парящим над Вечностью и Вселенной [Борхес, 2005; Borges, 1952].

Заметим, что в субъективном восприятии автора или героя идентичность двух похожих событий совместима у Борхеса с временной разностью астрономически равных друг другу отрезков времени. В обоих случаях время трансформируется или просто «исчезает».

Возвращаясь к «Новому опровержению времени», Борхес приводит далее китайскую легенду о сне философа Чжуан-Цзы. Согласно ей, Чжуан-Цзы, живший около двадцати четырёх веков назад, увидел себя во сне бабочкой. Проснувшись, он не знал, является ли человеком, который вообразил себя бабочкой или бабочкой, которой в этот момент снилось, что она – человек [Борхес, 2005; Borges, 1952; Zi 1889]. Как отмечает Борхес, согласно доктрине Беркли в момент сна не существовало ни тела Чжуан-Цзы, ни спальни, но лишь отвлечённое восприятие в сфере Божественного разума. В рамках доктрины Юма сущностными были краски сна и факт осознания себя бабочкой. Разум Чжуан-Цзы представлял собой пучок впечатлений. Событие представляло собой процесс сновидения при отсутствии субъекта-сновидца и объекта, то есть содержания сна. Всё это помещает сон Чжуан-Цзы вне линейно выстроенного времени [Борхес, 2005; Borges, 1952].

В связи с темой сна и его отождествлением с реальностью, приходит на память рассказ И. А. Бунина, который тоже глубоко интересовался восточной философией, «Сны Чанга». У Бунина Чанг является в каждой момент времени только животным (собакой). Однако, здесь и в произведении Борхеса прослеживается общее. Каждый момент сна Чанга неотделим от восприятия хозяина, окружающего мира и себя в нём. Явь и сон, прошлое и настоящее смешиваются в его сознании. Тем самым и здесь нарушается линейное течение времени [Бунин, 1978].

Возвращаясь к эссе «Новое опровержение времени», Борхес, используя диалектику Беркли, и даже в большей степени Юма, утверждает: «Единственно в настоящем заключён акт воли (Перевод наш – М. Б.)». «La forma de la aparición de la voluntad es solo el presente» (букв. «форма появления воли есть лишь настоящий момент времени») [Borges, 1952, с. 123]. С нашей точки зрения, Борхес подчёркивает данной формулировкой высказанную ранее мысль об отсутствии сущностного «я» при принятии человеком решения или в момент восприятия информации или «проживания» события. Эта испанская цитата также служит примером воплощения философско-психологической сентенции лингвистически-

ми средствами (именная трёхчастная синтагма в качестве субъекта и субстантивированное прилагательное «настоящий» в качестве именной части предиката). Настоящее, так или иначе, составляет основу жизни. К такому же выводу приходит главный герой рассказа «Сад расходящихся тропок» Ю Цун.

«Сад расходящихся тропок». Идея Лейбница, философия Блаженного Августина, концепция Борхеса

Согласно наблюдению Х. П. Мелендес-Пантоха, в данном произведении Борхес черпает вдохновение в учении Лейбница о множественности миров и в «Исповеди» Св. Августина [Pantoja Meléndez, 2012].

Согласно Лейбницу, из всех возможных миров в реальности воплощается наилучший. [Leibniz, 1972; Moulines Ulises 1999]. Как отмечает С. Матеос, в отличие от него, Борхес устами Стивена Альбера моделирует ситуацию, при которой все возможные варианты развития событий реализуются одновременно [Борхес, 1992; Borges, 1980; Mateos, 1998].

Х. П. Мелендес-Пантоха также обращает внимание на сопряжённость и созвучие концепций Борхеса и Св. Августина [Pantoja Meléndez, 2012; San Agustín, 2010]. У Св. Августина непознаваемость природы времени связана с иллюзорностью ощущения линейной последовательности: прошлое–настоящее–будущее. Время у него принимает вид лабиринта, прерывается и исчезает, как только мы хотим определить его истинный характер [Pantoja Meléndez, 2012; San Agustín, 2010]. Как и Св. Августин, Борхес отмечает важность текущего момента.

Рассказ «Сад расходящихся тропок» представляет очередной парадокс человеческого сознания. С точки зрения восприятия времени главным героем, мы наблюдаем его единство, так как решение, принятое Ю-Цуном, непреклонно. Ход времени для него становится необратимым, меняются лишь оттенки.

С точки зрения отражения времени в самом повествовании нам представляется уместным разделить его на отдельные отрезки. С известной долей условности здесь применима теория концептуальной интеграции М. Тёрнера и Ж. Фоконье [Fauconnier, 2002]. Ментальные пространства в данном случае будут проецироваться на пространства физические. 1) Квартира Ю-Цуна – пространство принятия решения, ощущения «здесь и сейчас». 2) Экипаж (кэб) – пространство

жалкого беглеца. 3) Поезд – пространство «игры с судьбой». 4) Дорога к дому Стивена Альбера – пространство иллюзии и «отвлечённого наблюдения». К. Мулинес Улисс обращает внимание читателя на сочетание «отвлечённый наблюдатель мира» (*Percibidor abstracto del mundo*), также используемое Борхесом в «Новом опровержении времени» [Borges, 1952; Borges 1980; Moulines Ulises 1999]. Ю Цун поглощён таинственной и тихой магией вечерней природы и размышлениями о лабиринте своего прадеда Цюй Пэна. 5) Дом Стивена Альбера – пространство «над временем» или «вне времени». Интеллектуальный диалог с уходом в иллюзорный мир романа-лабиринта Цюй Пэна. 6) Наконец, роман Цюй Пэна – пространство альтернативного хронотопа.

В качестве интеграта, согласно терминологии М. Тёрнера и Ж. Фоконье [Fauconnier, 2002], нам представляется уместной фраза Ю Цуна: «Solo en el presente ocurren los hechos» [Borges, 1980, с. 125]. «Только в настоящий момент времени происходят события» (Перевод наш – М. Б.).

Завершая исследование, мы бы хотели сказать несколько слов о глубоко личных переживаниях Борхеса, напрямую высказанных в двух его произведениях и связанных в нашем понимании со страхом смерти.

В самом конце «Нового опровержения времени» он говорит следующее.

«El tiempo es un río que me **arrebata**, pero yo soy el río; es un tigre que me destroza, pero yo soy el tigre; es un fuego que me consume, pero yo soy el fuego» [Borges, 1952, с. 124]. «Время – река, которая уносит меня, но эта река – я сам; тигр, который пожирает меня, но этот тигр – я сам; огонь, который меня пепелит, но этот огонь снова я» [Борхес, 2005, с. 498]. Глагол *arrebatar* в оригинальной фразе подчёркивает силу рокового порыва: время – река, которая «похищает», «вырывает с корнем» [Moliner, 1998, с. 250].

Однако, фраза из «Вавилонской библиотеки», рассказа, в котором он уподобляет Вселенную вечной и незблемой Библиотеке, в некоторой степени примиряет библиотекаря и великого писателя с неизбежностью ухода из этого мира. «Que el cielo exista, aunque mi lugar sea el infierno. Que yo sea ultrajado y aniquilado, pero que en un instante, en un ser, Tu enorme Biblioteca se justifique» [Borges, 1995, с. 112]. «Пусть существует небо, даже если мое место в аду. Пусть я буду погран и уничтожен, но хотя бы на миг, хотя бы в одном существе твоя огромная Библиотека будет оправдана» [Борхес, 1992, с. 149; Бурак,

2019, с. 150].

А осознанность, присутствие в данном мгновении признаётся Борхесом в унисон со многими течениями современной психологии и представителями различных религиозных и философских традиций одним из главных принципов бытия.

Заключение

Рассмотренные в данной статье произведения Х. Л. Борхеса описывают многогранность нашего сознания, его противоречивую природу. Данное противоречие оказывается непосредственно связанным с восприятием нами времени.

Сам автор в заключении «Нового опровержения времени», в котором им были представлены многочисленные доказательства «несуществования» времени как метафизической субстанции, говорит о своём бессилии перед его неумолимым ходом [Борхес, 2005; Borges, 1952]. «El tiempo es la sustancia de que estoy hecho» [Borges, 1952, с. 124]. «Мы сотканы из вещества времени», – говорит Борхес [Борхес, 2005, с. 498]. Заметим, что перевод этой фразы на русский язык удачно дополняет оригинал и делает мысль автора более рельефной. В оригинальной фразе значение «сделан» (букв. «время – субстанция, из которой я сделан») выражается грамматически: путём употребления конструкции *estar hecho*, выражающей состояние и результат действия. В переводе же на русский высказывается та же идея, но акцент смещается в сторону мифологии, присущей стилю автора.

В рассказе «Сад расходящихся тропок» Борхес представляет время как лабиринт с разветвлённой структурой, в рамках которой оказывается возможным одновременное существование всех вариантов развития событий. Значимым здесь оказывается то, что в романе Цюй Пэна не разу не встречается слово «время» [Борхес, 2005; Borges, 1952].

Многочисленные возможности трактовки данного произведения связаны с присутствием в нём литературно-философского интертекста. Он включает как аллюзии на другие произведения, так и на философские воззрения Лейбница и Св. Августина.

Принцип «китайской шкатулки» (повествование внутри повествования, лабиринт в лабиринте), интертекст и мотив вторжения в чужой мир вносят свою лепту в создание особого хронотопа с многослойной символикой. Актуальным здесь оказывается нелинейный нарратив [Красина, 2019].

Каждое из ментальных пространств в рассказе представляет как бы отдельную реальность. И тем не менее, они связаны между собой единой нитью повествования. Каждое «событие» – есть настоящее своего момента.

«Каждый шаг является целью», – говорит Борхес устами Парацельса в рассказе «Роза Парацельса» [Борхес, 1992, с. 568; Borges, 1998]. «Cada paso que darás es la meta» [Borges, 1998, с. 14]. И это уменьшает противоречие между неумолимым ходом времени и его иллюзорностью. Заметим также, что в оригинальной испанской фразе присутствует устойчивое сочетание *dar un paso* (букв. «дать шаг»). Агентивный характер испанского глагола *dar* (как и в случае с глаголом *arrebatar*) создаёт особый колорит, а вся фраза оказывается наполненной глубоким содержанием.

Рассмотренные нами произведения ставят перед читателем глобальные проблемы философского характера и заставляют очередной раз задуматься об уникальности каждого мгновения бытия.

Представляется важным также отметить то, что именно «внутренняя» структура текста, лексический состав фраз и, как справедливо замечает, в частности, выдающийся представитель когнитивной лингвистики, Р. Лангакер, их грамматическая структура подчас способствуют моделированию высказывания и порождению смыслов [Langacker, 2008]. Таким образом, не только авторский замысел, философская или метафизическая «начинка», не только полёт творческой фантазии, но и сугубо языковые приёмы построения фраз формируют индивидуальность стиля. Что мы и попытались продемонстрировать в данной статье.

Разумеется, предложенный нами анализ не исчерпывает множества возможных трактовок. Это лишь попытка приблизиться к восприятию времени в произведениях Борхеса.

Возлагаем надежду на то, что наше исследование внесёт лепту в изучение его творчества и может быть интересным для тех, кто занимается междисциплинарными исследованиями на стыке языкознания, литературы, философии и культурологии. Также оно может быть полезным для всех, кто изучает испанский язык.

Библиографический список

1. Багно В. Е. Хорхе Луис Борхес или тысяча и одно зеркало культуры // Борхес Х. Л. Рассказы; Эссе; Стихотворения. Пер. с исп. Санкт-Петербург : Северо-Запад, 1992. С. 5–22.
2. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. Москва : Художественная литература, 1975. 809 с.
3. Борхес Х. Л. Рассказы; Эссе; Стихотворения. Пер. с исп. / сост., вступ. ст. Вс. Багно. Санкт-Петербург : Северо-Запад, 1992. 639 с.
4. Борхес Х. Л. Собрание сочинений в 4 т. Том II. Произведения 1942–1969. Пер. с исп. Санкт-Петербург : Амфора, 2005. 847 с.
5. Бурак М. С. Некоторые аспекты интертекстуальных связей в творчестве Х. Л. Борхеса и У. Эко на материале рассказов Х. Л. Борхеса «Роза Парацельса» и «Вавилонская библиотека» и романа У. Эко «Имя розы» // «Оригинальные исследования» (ОРИС). 2019. № 11. С. 144–151. URL: <https://ores.su/ru/journals/oris-jrn/2019-oris-11-2019/a229832> (дата обращения: 22.06.22).
6. Бунин И. А. Рассказы. Москва : Художественная литература, 1978. 351 с.
7. Вересаев В. В. Повести и рассказы. Москва : Художественная литература, 1987. 384 с.
8. Красина Е. А. «Сюжет» Х. Л. Борхеса: опыт интертекстуального прочтения / Е. А. Красина, О. С. Чеснокова // Вестник Томского университета. Серия: Филология. 2019. № 57. С. 206–223. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/syuzhet-h-l-borhesa-opyt-intertekstualnogo-prochteniya> (дата обращения: 22.06.22).
9. Berkeley G. A treatise concerning the principles of human knowledge. Part I. Dublin: Printed by Aaron Rhames for Jeremy Pepyat, bookseller in Skinner-Row, 1710.
10. Borges J. L. Artificios. Madrid : Alianza Editorial S. A., 1995. 95 p.
11. Borges J. L. La memoria de Shakespeare. Madrid : Alianza Editorial S. A., 1998. 23 p.
12. Borges J. L. Narraciones. Madrid : Ediciones Cátedra S. A., 1995. 255 p.
13. Borges J. L. Nueva antología personal. Barcelona : Editorial Bruguera S.A., 1980. 285 p.
14. Borges J. L. Otras inquisiciones. Buenos Aires : Destino Emecé, 1952. 182 p.
15. Fauconnier G. The way we think: Conceptual blending and the mind's hidden complexities / G. Fauconnier, M. Turner. New York : Basic books, 2002. 464 p.
16. Hume D. A treatise of human nature: being an Attempt to introduce the experimental Method of Reasoning into Moral Subjects. Vol I. Of the Understanding. London : Printed by John Noon, at the White-Heart, MDCCXXXIX. 368 p.
17. Langacker R. Cognitive Grammar. A Basic Introduction. Oxford : Oxford University Press, 2008. 562 p.
18. Leibniz G. Nuevo tratado sobre el entendimiento humano. Buenos Aires : Aguilar, 1972. 65 p.
19. Lucretius T. C. De rerum natura. London: Heinemann, 1931. 537 p.
20. Mateos Z. La filosofía en la obra de Jorge Luis Borges. Buenos Aires : Biblos, 1998. 125 p.
21. Moliner M. Diccionario de uso del español. T. 1. Madrid : Editorial Gredos, 1998. 1519 p.
22. Moulines Ulises C. El idealismo más consecuente

según Borges: la negación del tiempo // Jorge Luis Borges. Pensamiento y saber en el siglo XX. Madrid : Ed. Vervuet Iberoamericana, 1999. P.180-185

23. Pantoja Meléndez J. El tiempo en un cuento de Borges: “El jardín de senderos que se bifurcan” // Thémata. Revista de Filosofía. 2012. № 45. P. 303–318. URL: http://institucional.us.es/revistas/themata/45/art_20.pdf (дата обращения: 22.06.22).

24. San Agustín. Confesiones. Introducción, traducción y notas de Alfredo Encuentra Ortega. Madrid : Gredos, 2010. 701 p.

25. Zi Z. Chuang Tzu, mystic, moralist, and social reformer. Translated from the Chinese by Herbert A. Giles. London : Bernard Quaritch, 1889. 467 p.

Reference list

1. Bagno V. E. Horhe Luis Bor-hes ili tysjacha i odno zerkalo kul'tu-ry = Jorge Luis Borges or one thousand and one mirrors of culture // Borhes H. L. Rasskazy; Jesse; Stihotvorenija. Per. s isp. Sankt-Peterburg : Severo-Zapad, 1992. S. 5–22.

2. Bahtin M. M. Voprosy li-teratury i jestetiki. Issledovanija raznyh let = Problems of literature and aesthetics. Studies of different years. Moskva : Hudozhest-vennaja literatura, 1975. 809 s.

3. Borhes H. L. Rasskazy; Jesse; Stihotvorenija = Stories; Essays; Poems. Per. s isp. / sost., vstup. st. Vs. Bagno. Sankt-Peterburg : Severo-Zapad, 1992. 639 s.

4. Borhes H. L. Sobranie so-chinenij v 4 t. Tom II. Proizvedenija 1942–1969 = Collected works in 4 vols. Volume II. Works 1942–1969. Per. s isp. Sankt-Peterburg : Amfora, 2005. 847 s.

5. Burak M. S. Nekotorye as-pekty intertekstual'nyh svjazej v tvorčestve H. L. Borhesa i U. Jeko na materiale rasskazov H. L. Borhesa «Roza Paracel'sa» i «Vavilonskaja biblioteka» i romana U. Jeko «Imja rozy» = Some aspects of intertextual relations in the works of J. L. Borges and U. Eco in the stories of J. L. Borges «The Rose of Paracelsus» and «The Library of Babel» and the novel «The Name of the Rose» by U. Eco // «Original'nye issledovanija» (ORIS). 2019. № 11. S. 144–151. URL: <https://ores.su/ru/journals/oris-jrn/2019-oris-11-2019/a229832> (data obrashhenija: 22.06.22).

6. Bunin I. A. Rasskazy = Stories. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1978. 351 s.

7. Veresaev V. V. Povesti i rasskazy = Novels and stories. Moskva : Hu-dozhestvennaja literatura, 1987. 384 s.

8. Krasina E. A. «Sjuzhet» H. L. Borhesa: opyt intertekstual'nogo prochtenija = «The Plot» by J. L. Borges: intertextual reading experience / E. A. Krasina, O. S. Chesnokova // Vestnik Tomskogo uni-versiteta. Serija: Filologija. 2019. № 57. S. 206–223. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/syuzhet-h-l-borhesa-opyt-intertekstualnogo-prochteniya> (data obrashhenija: 22.06.22).

9. Berkeley G. A treatise concerning the principles of human knowledge. Part I. Dublin: Printed by Aaron Rhames for Jeremy Pepyat, bookseller in Skinner-Row, 1710.

10. Borges J. L. Artificios. Madrid : Alianza Editorial S. A., 1995. 95 p.

11. Borges J. L. La memoria de Shakespeare. Madrid : Alianza Editorial S. A., 1998. 23 p.

12. Borges J. L. Narraciones. Madrid : Ediciones Cátedra S. A., 1995. 255 p.

13. Borges J. L. Nueva antología personal. Barcelona : Editorial Bruguera S.A., 1980. 285 p.

14. Borges J. L. Otras inquisiciones. Buenos Aires : Destino Emecé, 1952. 182 p.

15. Fauconnier G. The way we think: Conceptual blending and the mind's hidden complexities / G. Fauconnier, M. Turner. New York : Basic books, 2002. 464 p.

16. Hume D. A treatise of human nature: being an Attempt to introduce the experimental Method of Reasoning into Moral Subjects. Vol I. Of the Under-standing. London : Printed by John Noon, at the White-Heart, MDCCXXXIX. 368 p.

17. Langacker R. Cognitive Grammar. A Basic Introduction. Oxford : Oxford University Press, 2008. 562 p.

18. Leibniz G. Nuevo tratado sobre el entendimiento humano. Buenos Aires : Aguilar, 1972. 65 p.

19. Lucretius T. C. De rerum natura. London: Heinemann, 1931. 537 p.

20. Mateos Z. La filosofía en la obra de Jorge Luis Borges. Buenos Aires : Biblos, 1998. 125 p.

21. Moliner M. Diccionario de uso del español. T. 1. Madrid : Editorial Gredos, 1998. 1519 p.

22. Moulines Ulises C. El idealismo más consecuente según Borges: la negación del tiempo // Jorge Luis Borges. Pensamiento y saber en el siglo XX. Madrid : Ed. Vervuet Iberoamericana, 1999. P.180-185

23. Pantoja Meléndez J. El tiempo en un cuento de Borges: «El jardín de senderos que se bifurcan» // Thémata. Revista de Filosofía. 2012. № 45. P. 303–318. URL: http://institucional.us.es/revistas/themata/45/art_20.pdf (data obrashhenija: 22.06.22).

24. San Agustín. Confesiones. Introducción, traducción y notas de Alfredo Encuentra Ortega. Madrid : Gredos, 2010. 701 p.

25. Zi Z. Chuang Tzu, mystic, moral-ist, and social reformer. Translated from the Chinese by Herbert A. Giles. London : Bernard Quaritch, 1889. 467 p.

Статья поступила в редакцию 03.05.2022; одобрена после рецензирования 22.06.2022; принята к публикации 23.08.2022.

The article was submitted on 03.05.2022; approved after reviewing 22.06.2022; accepted for publication on 23.08.2022.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВА

Научная статья

УДК 908

DOI: 10.20323/2499-9679-2022-3-30-171-178

EDN: UVOPLK

Фотографии государственных праздников 1920-х годов как средство пропаганды советского строя

Геннадий Николаевич Кочешков^{1✉}, Екатерина Александровна Любимова²

¹Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000 г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1

²Кандидат культурологии, учитель истории МОУ Шестихинской СОШ. 152751, Ярославская обл., Некоузский р-н, д. Новая Ура, ул. Центральная, д. 5

¹kocheshg@mail.ru✉, <http://orcid.org/0000-0003-2630-6668>

²luibimova_ekaterina@mail.ru, <http://orcid.org/0000-001-8734-6327>

Аннотация. Статья посвящена агитационно-пропагандистской значимости фотографий, сделанных во время государственных праздников 1920-х годов. Поскольку праздничная культура считалась действенным способом влияния на общественные настроения, фотографии праздничных мероприятий призваны были отражать достижения советской власти, служить формированию позитивного имиджа нового строя. Неоспоримым преимуществом фотографий по сравнению с другими агитационными средствами являлись наглядность, быстрота прочтения информации. И поскольку фото отображало действительность, а не являлось художественным вымыслом, то и степень доверия ему была высока.

В статье найден отражение потенциал использования фотографий детей, которым в 20-е гг. отводилась роль будущих строителей коммунизма, для подчеркивания бодрого темпа революционных преобразований. Забота о детях в тяжелое послевоенное время, демонстрация их вовлеченности в новую праздничную культуру, акцентирование элементов нового советского быта – все это являлось отличительными чертами фотографий подрастающего поколения, принимавшего участие в торжественных мероприятиях.

В статье анализируется, как в фотографиях 1920-х гг., сделанных во время праздников, отражались попытки решения властью насущных проблем: например, фото сельскохозяйственной выставки 1921 года являлось рекламой нэпа в деревне, фотографии парадов не только подчеркивали растущую мощь Красной Армии, но и популяризировали идею службы в рядах советских вооруженных сил.

Информация, заключенная в фотографиях, дополненная материалами СМИ и архивными документами, позволяет глубже проанализировать процесс становления новой праздничной культуры, неотделимый от агитационного воздействия на население.

Ключевые слова: государственный праздник; советская праздничная культура; фотография; средство агитации; пропаганда; отражение действительности; позитивный имидж строя

Для цитирования: Кочешков Г. Н., Любимова Е. А. Фотографии государственных праздников 1920-х годов как средство пропаганды советского строя // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 3 (30). С. 171–178. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-3-30-171-178>. <https://elibrary.ru/UVOPLK>

THEORY AND HISTORY OF CULTURE AND THE ARTS

Original article

Photos of the 1920s public holidays as a means to promote the soviet system (based on materials of the Yaroslavl province)

Gennady N. Kocheshkov¹✉, Ekaterina A. Lyubimova²

¹Doctor of historical sciences, professor, head of the national history department, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1

²Candidate of cultural sciences, history teacher of the Shestikhinskaya school. 152751, Yaroslavl region, Nekouz district, Novaya Ura, Tsentralnaya st., 5

¹kocheshg@mail.ru✉, <http://orcid.org/0000-0003-2630-6668>

²lyubimova_ekaterina@mail.ru, <http://orcid.org/0000-001-8734-6327>

Abstract. The article focuses on the propaganda significance of photographs taken during the public holidays of the 1920s. Since festive culture was considered an effective way to influence public attitudes, photographs of festive events were intended to reflect the achievements of the Soviet state and to form a positive image of the new system. An indisputable advantage of photographs over other propaganda tools was the clear and easy-to-read information. And since the photos reflected reality rather than fiction, the degree of credibility was high.

The article reflects the potential of using photographs of children in the 1920s as the future builders of communism and to emphasize the vigorous rhythm of revolutionary change. Taking care for children in the difficult post-war period, demonstrating their involvement in the new festive culture, emphasizing elements of the new Soviet way of life – all these were distinctive features of the photographs of the younger generation participating in the celebrations.

The article analyzes the way the 1920s celebration photographs reflected the government's attempts to solve vital problems: for example, the photo of the 1921 agricultural exhibition was an advertisement for the New Economic Policy in the village; the photos of the parades not only emphasized the growing power of the Red Army, but also popularized the idea of serving in the soviet army.

The information in the photographs, supplemented by media materials and archival documents, allows for a deeper analysis of forming of a new festive culture, inseparable from the impact of propaganda on the population.

Key words: public holiday; Soviet festive culture; photography; means of promotion; propaganda; reflection of reality; positive image of the system

For citation: Kocheshkov G. N., Lyubimova E. A. Photos of the 1920s public holidays as a means to promote the soviet system (based on materials of the Yaroslavl province). *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2022;(3):171–178. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-3-30-171-178>. <https://elibrary.ru/UVOPLK>

Введение

В 1920-е годы в Советской России был провозглашен курс на строительство «новой жизни», что подразумевало, в том числе, отказ от «старых» (дореволюционных) праздников. Молодому государству была необходима мощная агитация, поэтому в праздниках видели «школу под открытым небом», способ трансляции новой системы ценностей и площадку для формирования общественного мнения. Однако праздничные мероприятия 20-х годов ограничивались, как правило, одним днем, что было явно недостаточно для эффективной пропаганды нового образа жизни. Во многом эта проблема решалась путем вовлечения населения в подготовку к торжествам: непосредственное участие в праздничных постановках позволяло глубже прочувствовать момент, проникнуться идеологией. Проведенный

государственный праздник широко освещался в прессе, ему посвящались модные в то время стенгазеты, то есть он, даже завершившись, продолжал служить формированию позитивного имиджа советской действительности. Эффектные и броские фотографии праздников, с одной стороны, служили своеобразной витриной достижений создаваемой праздничной культуры, а с другой являлись действенной рекламой советского строя, стремящегося заявить о себе ярко и смело.

Целью работы является исследование агитационного потенциала фотографий, сделанных во время государственных праздников 1920-х годов. В настоящее время в отечественной исторической литературе прослеживается устойчивый интерес к советской праздничной культуре первых послереволюционных десятилетий. Примером могут послужить работы Е. В. Барышевой [Барышева, 2019; Барышева, 2016], А. В. Сазикова [Сазиков, 2016; Сазиков, сайт], Л. В. Лебеде-

вой [Лебедева, 2015]. Ряд исследований посвящен выявлению отличительных черт праздников, проводимых в различных областях страны [см., например: Кочешков, Любимова, 2014; Лиманова, сайт; Меньков, 2016; Обнорский, 2019; Ушакова, 2017]. Актуальность данной статьи обусловлена необходимостью приращения источниковой базы за счет фотодокументов для освещения региональных особенностей праздничной культуры.

Формирование позитивного имиджа советского строя посредством фотографий государственных праздников

В 20-е годы процесс фотосъемки оставался дорогостоящим и трудоемким, поэтому в объектив, как правило, попадали значимые и важные для людей события. В то же время был накоплен и обобщен опыт использования фотографии как средства агитации. Например, преимущество фотографии перед текстом в стране, где только начиналась борьба с неграмотностью, было очевидным. Наглядность, быстрота прочтения, доступность получения информации и, главное, эмоциональный заряд позволяли использовать фотографии советских праздников в пропагандистских целях. На фоне суровой и подчас неприглядной действительности (повседневная жизнь после череды войн и революций была нелегка) фотографии праздничных мероприятий и их участников были неким обещанием новой жизни, своеобразным окном в будущее.

Агитационные возможности фотографий детей и молодежи

Чтобы подчеркнуть бодрый темп перемен, устремленность вперед и решительный отказ от прошлого, часто использовались фотографии советских детей, которым, по уверениям власти, и предстояло жить в новом обществе. 2 октября 1920 г. на III съезде Комсомола В. И. Ленин утверждал: «Старое разрушено, как его и следовало разрушить, оно представляет из себя груды развалин, как и следовало превратить его в груды развалин. Расчищена почва, и на этой почве молодое коммунистическое поколение должно строить коммунистическое общество» [Ленин, 1969, с. 308].

Какими же представляли на фотографиях будущие строители коммунистического общества – дети, подростки и молодые люди, то поколение, которое в полной мере ощутило реализацию ам-

бициозного плана советской власти по формированию «нового человека»?

Обратимся к фотографии «Группа спортивного кружка «Спартак», сделанной в Рыбинске в 1921 г. В объектив фотографа попала сложная в исполнении живая пирамида, созданная юными спортсменами. Живые пирамиды во время спортивных праздников или военных смотров устраивались и в дореволюционное время, в 20-е годы все более увеличивалась их популярность, а пик расцвета пришелся на 30-е годы, когда акробатические построения достигли апогея своей рас пространенности и сложности. В первые после революционные годы живые пирамиды призваны были продемонстрировать развитие советского спорта и физической культуры, а так же внимание к воспитанию здорового и занятого полезным делом поколения. Сочетание театральности и спорта делало их изюминкой многих праздников.

Для того, чтобы живые пирамиды были успешным средством пропаганды, приходилось учитывать множество факторов. Немаловажную роль играла одежда спортсменов. На данной фотографии мы видим спартаковцев в модной прозодежде (неологизм, произошедший от словосочетания «производственная одежда», то есть одежда для работы и активной деятельности). В 1923 году в журнале «Леф» художница и модельер Варвара Степанова размышляла об одежде для занятия спортом: «Спортодежда подчиняется всем основным требованиям прозодежды и видоизменяется в зависимости от характера спорта – будет ли это футбол, лыжный спорт, гребля, бокс или физическое упражнение. Главное же требование покрою спортодежды всех видов спорта – минимум одежды и несложность ее одевания и ношения» [Степанова, 1923, с. 69]. Форма рыбинских спортсменов уже в 1921 году отвечала поставленным требованиям.

Внимание к форме было отличительной чертой спартаковцев. Неслучайно во время выступлений им предлагалось ставить инсценировки, обыгрывавшие современный внешний вид членов кружка. Например, главный герой инсценировки «Спартак в деревне» – «голоштаный спартаковец» – организовывал деревенских детей, до этого занимавшихся спортом «в лаптях, в портках, с папиросой в зубах». Инсценировка «Христомол и «Спартак» была построена на конфликте члена кружка и «елейно-образного юноши», призывавшего первого отказаться от «бесстыдства» (речь идет о шортах) [Лето и пио-

неры, 1928, с. 105–106].

На фото рыбинских спартаковцев особенно нарядно и празднично выглядели девушки, чья форма состояла из широких шорт и белых блуз с матросскими воротниками. Участие в живых пирамидах юношей и девушек подчеркивало равенство полов в построении нового мира. Удачно было выбрано место для построения – живописный берег Волги. В целом, фото передавало юношеский задор, было буквально пронизано свежестью, что позволяет считать его действенной наглядной агитацией, ведь спартаковцы олицетворяли собой достойную смену, готовую отстаивать советские преобразования и идеалы.

В первые послереволюционные годы для детей предусматривались специальные праздники. Их необходимость обосновывалась двояко. С одной стороны, подчеркивался воспитательный потенциал таких праздников, с другой – акцент делался на необходимости «проявления заботы» о детях, что было особенно актуально в стране, пытавшейся решить проблемы детской беспризорности. А. В. Луначарский в статье «О неделе ребенка» писал: «Забота о детях будет не только частью нашей революции, но она – необходимейшая мера самой прочности революции... Судьба России лежит именно в детях, правильное физическое и общее воспитание которых даст тех граждан, которые впервые, быть может, войдут в подлинный социалистический строй и определят его характер» [Луначарский, 1921, с. 7]. Сочетание воспитания и «заботы», под которой в сложное голодное время часто понималось улучшение питания и условий проживания детей приводило к тому, что праздник День ребенка устраивался, в основном, для воспитанников детских домов.

Впервые День ребенка в Ярославской губернии был проведен в 1920-м году под следующими лозунгами: «Здоровье детей – дело рук самих рабочих» и «Воспитание здорового духом и телом поколения – фундамент строительства новой жизни» [ЦДНИ ЯО, ф. 1, оп. 27, д. 460, л. 5]. Подготовка к празднику началась заблаговременно: женотделами губернии в детских домах были организованы субботники, что способствовало улучшению санитарно-гигиенической обстановки. Кроме того, были «мобилизованы сапожные мастерские» [ЦДНИ ЯО, ф. 1, оп. 27, д. 2460, л. 6] для изготовления обуви для воспитанников.

В Угличе День ребенка отмечался 8 августа. В этот день для ребят из детского дома и городских

детей была организована праздничная демонстрация, запечатленная фотографом. Местом ее проведения стал исторический центр города, видимое на фото здание – это так называемые Палаты, дворец угличских удельных князей. Чтобы подчеркнуть торжественность мероприятия, воспитанники детдома одевались в парадную одежду: девочки в белые платья и платочки, мальчики – в белые рубашки. На груди у детей и воспитателей было украшение в виде банта. Юные горожане, пришедшие на праздник, выглядели менее нарядно, поэтому центральное место на фотографии отводилось все же детям, заботу о которых взяло на себя государство.

Демонстранты подготовили транспаранты с лозунгами, но, к сожалению, качество фотографии таково, что читаем только один из них: «Дорогу вперед юным коммунарам». Жизнь в детском доме преподносилась как подготовка к жизни в коммуне. Над юными демонстрантами возвышается бюст Карла Маркса – один из первых памятников советской эпохи не только в Угличе, но и в губернии.

Фотография празднования Дня ребенка в Угличе демонстрировала готовность государства взять на себя контроль над сферой охраны детства. Дети, в силу разных причин лишенные родительской опеки, на фото выглядели ухоженными и здоровыми, что являлось одним из ключевых показателей начала стабилизации обстановки в стране. В голодное время, каким являлось начало 1920-х годов, это было особенно важно. К сожалению, фото не отражало повседневную ситуацию: экономические сложности не могли не отразиться на условиях проживания в детдомах – они были весьма далеки от идеала. Однако фотография устроенного для детей праздника передает дух времени, в котором, по выражению Т. М. Смирновой господствовало «чувство удовлетворения от самого факта признания новой властью необходимости радикальных улучшений в сфере государственной системы охраны ... детства, а также ожидание этих улучшений» [Смирнова, 2015, с. 48].

Фотография сельскохозяйственной выставки как реклама НЭПа

Первые послереволюционные годы были отмечены попытками власти решить аграрный вопрос, что по мнению ряда историков приводило к экспериментам над деревней. В годы гражданской войны, военного коммунизма ярославские деревни обнищали. Курс на проведение новой

экономической политики не мог остаться не охваченным официальной пропагандой, поскольку значительная часть крестьян не была настроена оптимистично.

Обратимся к фотографии выставки, организованной в деревне Евсеево Пошехонского уезда. Выставочным павильоном служила деревянная хозяйская постройка, над входом в которую поместили табличку с надписью «Евсеевская сельско-хозяйственная и кустарно-промышленная выставка», окруженную с двух сторон гербами РСФСР. Было предусмотрено и украшение стен здания – на фото можно разглядеть венок из зелени. Павильон не мог вместить всех желающих, поэтому была задействована площадка перед входом в него: с трибуны, сложенной из досок и бревен, докладчики могли обратиться к собравшимся. Трибуна была украшена красным флагом.

В целом, декорирование выставки было весьма аскетичным. Тем не менее, организация пространства для проведения мероприятия, обещание продемонстрировать на выставке не только сельскохозяйственные товары, но и промышленные, возможность заслушать доклады, разъяснявшие суть изменений экономики, напрямую коснувшихся деревни – все это делало выставку притягательной для жителей, а исследователям позволяет классифицировать ее как своеобразную рекламу НЭПа.

С большой долей вероятности можно предположить, что Евсеевская выставка была приурочена к празднованию Дня урожая, отмечавшегося в осенний период и знаменовавшего собой окончание тяжелого труда. Суть праздника была близка и понятна деревенским жителям, ведь он не имел глубинной привязки к революционным событиям и их интерпретации, соответствовал сезону, поэтому не воспринимался как чужеродный элемент. Сельскохозяйственные выставки со временем станут одним из центральных элементов празднования, именно на них будут чествовать «хозяев-культурников», то есть крестьян, добившихся особых успехов в своей деятельности. Однако даже в конце 20-х годов сельскохозяйственные выставки, приуроченные ко Дню урожая, могли организовываться в городах, что вызывало нарекания со стороны деревенских жителей. Поэтому в 1926 г. в процессе подготовки ко Дню урожая вышло Циркулярное письмо агитпропотдела губкома ВКП(б), содержавшее следующее заключение: «Выставки на месте, в волости, имеют несравненно большее

значение, нежели в уездном городе, а поэтому Губкомиссия настоятельно рекомендует организацию их в каждой волости» [ЦДНИ ЯО, ф. 1, оп. 27, д. 2460, л. 109].

Таким образом, Евсеевская выставка была одной из первых, организованных в послереволюционный период непосредственно в сельской местности. Ее можно считать первой ласточкой – вестницей перемен в деревне.

На фото отчетливо прослеживается, что крестьяне, принимавшие участие в мероприятии, не порвали с традициями, складывавшимися веками. Поскольку в дореволюционных праздниках каждой половозрастной группе отводилась особая роль, то смешения участников не произошло, каждый занял место, согласно своему статусу: мужчины – главы семей – выслушивали докладчика; женщины сосредоточились у входа в павильон; дети, заинтригованные процессом фотосъемки, оказались на переднем плане фото.

Фотография Евсеевской выставки призвана была продемонстрировать проникновение нового строя в сельскую местность, подчеркнуть позитивные изменения (особенно грядущие в связи с введением нэпа), создавать привлекательный образ советской деревни.

Потенциал фотографий военных парадов для укрепления авторитета Красной Армии

В начале 20-х годов в праздничном календаре появлялись новые даты, среди них – 23 февраля, День Рабоче-крестьянской Красной Армии. Военная, курс на выявление врагов революции (как внешних, так и внутренних) прочно проникли в праздничную культуру. Празднование подразумевало смотр сил, поэтому организация парада была вполне ожидаемой.

Необходимо отметить, что в военные парады нововведения вводились очень осторожно, поэтому они были схожи с дореволюционными. Отличительной чертой было то, что первоначально в официальной пропаганде акцент делался на морально-волевом духе красноармейцев, на их готовности защищать идеалы революции, а не на военной выучке. С первых лет существования советской власти подчеркивались тяжелые условия возникновения Красной армии, неизбежные потери бойцов: «Много погибло наших лучших борцов..., много вышло из строя честных и самоотверженных строителей в борьбе с капиталом, и может быть еще больше придется потратить нам, чтобы окончательно добить своего врага» [Известия Ярославского Губисполкома].

1921 г. стал годом, когда о военных успехах Красной Армии говорили с самых высоких трибун. Например, В. И. Ленин, открывая 8 марта X Съезд РКП (б), отметил: «... мы в первый раз собираемся на съезд при таких условиях, когда вражеских войск, поддерживаемых капиталистами и империалистами всего мира, на территории Советской республики нет. В первый раз, благодаря победам Красной Армии за этот год, мы открываем партийный съезд при таких условиях» [Ленин, 1969, с. 3].

Оптимистичный настрой способствовал более регулярному проведению парадов. 23 февраля 1921 г. парад состоялся в Ярославле. Фотография с места его проведения позволяет не только представить масштаб мероприятия, но и «прочитать» главную идею организаторов праздника. Парадная форма солдат, знамена, духовая музыка, украшенные здания площади – все это призвано было создать торжественную обстановку, которая в свою очередь должна была придать уверенность в завтрашнем дне, гарантировать безопасность, обеспеченную силой советского оружия.

Любопытной деталью данной фотографии является поиск зрителями лучшего места для обзора: на пожарных лестницах зданий пристроились не только дети, но и взрослые, столь велико было желание рассмотреть парад во всех подробностях.

На первый взгляд парад, устроенный в Рыбинске годом позже, уступает по зрелищности ярославскому. Может быть, виной тому непрезентабельный городской пейзаж: в объектив фотографа попали невысокие дома, некоторые из которых деревянные, и брусчатка, почти скрытая под слоем весенней грязи. А между тем, действие происходит в губернском городе: с февраля 1921 г. по февраль 1923 г. существовала Рыбинская губерния. Вопросы возникают и по поводу отсутствия формы единого образца у участников парада. На фото мы можем видеть солдат в шинелях разной длины и кроя.

Однако композиция фотографии очень удачна в плане агитации: цепочки бойцов, стоявших плечом к плечу, расположены в кадре таким образом, что, кажется, они не имеют ни начала, ни конца, что могло символизировать растущую мощь Красной Армии. Нацеленное оружие – знак готовности к битве с врагами.

В центре фото – проезжающий между рядами красноармейцев автомобиль (скорее всего, марки Лорен-Дитрих). Подобный транспорт в послере-

волюционный период был редкостью для Рыбинска. Несмотря на то, что город в период Первой мировой войны собирался выпускать автомобили и даже начал строительство завода Акционерного общества «Русский Рено», довести планы до логичного завершения не позволила революция 1917 г. В итоге задуманное машиностроительное предприятие переквалифицировалось в ремонтное, специализировавшееся, в основном, на грузовой технике [Соколов]. А легковой транспорт к началу 20-х гг. по-прежнему нечасто можно было встретить на улицах города. В любом случае, использование автомобиля для проведения парада делало торжественное мероприятие более динамичным, что было особенно важно, если учесть, что парад организовывался 1 мая, в день, который организаторы праздников старались сделать насыщенным событиями.

И, как и в случае с ярославским парадом, показателем энтузиазма зрителей может быть поиск ими лучшего места обзора: на фото мы видим людей, забравшихся на деревья. Допущение со стороны организаторов таких вольностей делало парады чуть менее официальными и заорганизованными.

Фотографии военных парадов способствовали популяризации идеи службы в Красной Армии, формировали чувство гордости за вооруженные силы и страну в целом.

Заключение

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод, что фотографии первых послереволюционных праздников являлись действенным способом агитации и пропаганды. Конечно, фотографии в 1920-е годы не получили такого широкого распространения, как, например, агитплакаты, и зачастую уступали им с точки зрения эстетики. Тем не менее, они имели свои преимущества, среди которых особенно следует выделить то, что фото фиксировали действительность, а не являлись воплощенной задумкой художника. Достоверность изображения способствовала большей степени доверия: зрители становились свидетелями событий. Фотографии советских праздников 20-х годов, послужив делу пропаганды, стали средством сохранения и передачи информации об устраиваемых торжествах, позволили прикоснуться к формировавшимся в первые послереволюционные годы новой праздничной культуре и системе ценностей.

Библиографический список

1. Барышева Е. В. Коммеморация революции в советской праздничной культуре 1920-30-х гг. // Известия УрФУ. 2019. №3 (190). Т. 21 (Гуманитарные науки). С. 235–244.
2. Барышева Е. В. Праздничное убранство советских городов 1920-1930-х гг. // Уральский исторический вестник. 2016. №3 (52). С. 23–32.
3. Известия Ярославского Губисполкома. 1919. 12 октября (№229).
4. Кочешков Г. Н., Любимова Е. А. Экономический аспект советских праздников 1917–1927 гг. (по материалам Ярославской губернии) // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 4. Т. I. (Гуманитарные науки). С. 250–254.
5. Лебедева Л. В. Формирование советской праздничной культуры в 1920-е годы: новые ритуалы в процессе социального конструирования // Фундаментальные исследования. 2015. № 2-8. С. 1784–1787.
6. Ленин В. И. Речь на III съезде Комсомола 2 октября 1920 г.: Полное собрание сочинений. Т. 41. 5-е изд. Москва : Издательство политической литературы, 1969.
7. Ленин В. И. Речь на X съезде РКП(б) 8 марта 1921 г.: Полное собрание сочинений. Т. 43. 5-е изд. Москва : Издательство политической литературы, 1969.
8. Лето и пионеры: сборник статей. Ярославль : Издание ЯрГУббюро Ю. П., 1928. 160 с.
9. Лиманова С. А. «Так сказал красный май»: организация столичных торжеств под лозунгами Коминтерна. URL: <https://historyrussia.org/tsekh-istorikov/monographic/tak-skazal-krasnyj-maj-organizatsiya-stolichnykh-torzhestv-pod-lozungami-kominterna.html> (дата обращения: 04.04.2022).
10. Луначарский А. В. О неделе ребенка // Народное просвещение. 1921. № 76–78. С. 7–8.
11. Меньков С. В. Формирование новой модели государственного праздника на Алтае в 1920-е гг. // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 406. С. 121–126.
12. Оборский Е. Ю. Становление системы советских массовых праздников в 1920-е гг. (на материалах Ставрополя) // Гуманитарные и юридические исследования. 2019. № 1. С. 159–166.
13. Сазиков А. В. Все цвета праздника. Искусство праздничного оформления города. История и современность. Москва : Русский мир, 2018. 440 с.
14. Сазиков А. В. Конструктивизм в праздничном городском оформлении. URL: <https://sazikov.livejournal.com/102475.html>. (дата обращения: 04.04.2022).
15. Смирнова Т. М. Дети страны Советов: от государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917–1940 гг. Москва; Санкт-Петербург : Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2015. 384 с.

16. Соколов А. 1910–1920: от «Русского Рено» к «ГАЗ-3». URL: <https://cheremuha.com/2016/01/28/1910-1920-ot-russkogo-reno-k-gaz-3.html>. (дата обращения: 04.04.2022).
17. Степанова В. Костюм сегодняшнего дня – прозодежда // Леф. 1923. №2. С. 65–69.
18. Ушакова Ж. Н. Антирелигиозная пропаганда на примере советских праздников в Прикамье в 1920-е гг. // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2017. №1(13). С. 229–236.
19. Центр документации новейшей истории Ярославской области (далее – ЦДНИ ЯО). Ф. 1. Оп.27. Д. 460. Протоколы заседаний отдела по работе среди женщин при горюездном комитете РКП(б), общегородской женской беспартийной конференции (19 января – 17 декабря 1920 г.).
20. ЦДНИ ЯО. Ф. 1. Оп.27. Д. 2460. Циркулярные указания и распоряжения ЦК ВКП(б) и агитпропотдела губкома ВКП(б) по вопросам агитмассовой работы (17 марта – 28 декабря 1926 г.).

Reference list

1. Barysheva E. V. Kommemoracija revoljucii v sovetsoj prazdnichnoj kul'ture 1920-30-h gg. = Commemoration of the revolution in the Soviet festive culture of the 1920s-30s. // Izvestija UrFU. 2019. №3 (190). T.21 (Gumanitarnye nauki). S. 235–244.
2. Barysheva E. V. Prazdnichnoe ubranstvo sovetsojkh gorodov 1920-1930-h gg. = Holiday decorations in Soviet cities in the 1920s-1930s // Ural'skij istoricheskij vestnik. 2016. №3 (52). S. 23–32.
3. Izvestija Jaroslavskogo Gubispolkoma. 1919. 12 oktjabrja (№229) = News of the Yaroslavl regional executive committee. 1919. October 12 (№ 229).
4. Kocheshkov G. N., Ljubimova E. A. Jekonomicheskij aspekt sovetsojkh prazdnikov 1917–1927 gg. (po materialam Jaroslavskoj gubernii) = The economic aspect of Soviet holidays in 1917-1927 (on the Yaroslavl province materials) // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2014. № 4. T. I. (Gumanitarnye nauki). S. 250–254.
5. Lebedeva L. V. Formirovanie sovetsojkh prazdnichnoj kul'tury v 1920-e gody: novye ritualy v processe social'nogo konstruirovaniya = Soviet festive culture in the 1920s: new rituals in the process of social construction // Fundamental'nye issledovaniya. 2015. № 2-8. S. 1784–1787.
6. Lenin V. I. Rech' na III s#ezde Komsomola 2 oktjabrja 1920 g.: Polnoe sobranie sochinenij = The speech at the 3rd Komsomol Congress, October 2, 1920: Complete works. T. 41. 5-e izd. Moskva : Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1969.
7. Lenin V. I. Rech' na H s#ezde RKP(b) 8 marta 1921 g.: Polnoe sobranie sochinenij. = The speech at the 10th Congress of the RCP(b) on March 8, 1921: Complete works. T. 43. 5-e izd. Moskva : Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1969.
8. Leto i pionery = Summer and the pioneers : sbornik

statej. Jaroslavl' : Izdanie Jargubbjuro Ju. P., 1928. 160 s.

9. Limanova S. A. «Tak skazal krasnyj maj»: organizacija stolichnyh torzhestv pod lozungami Komintern = «Thus said the Red May»: organizing celebrations in the capital under the Comintern slogans. URL: <https://historyrussia.org/tsekh-istorikov/monographic/tak-skazal-krasnyj-maj-organizatsiya-stolichnykh-torzhestv-pod-lozungami-komintern.html> (data obrashhenija: 04.04.2022).

10. Lunacharskij A. V. O nedele rebenka = On children's week // Narodnoe prosveshhenie. 1921. № 76–78. S. 7–8.

11. Men'kov S. V. Formirovanie novoj modeli gosudarstvennogo prazdnika na Altae v 1920-e gg. = Creating a new model of a public holiday in Altai in the 1920s. // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2016. № 406. S. 121–126.

12. Oborskij E. Ju. Stanovlenie sistemy sovetskikh massovyh prazdnikov v 1920-e gg (na materialah Stavropol'ja) = The formation of the Soviet mass holiday system in the 1920s in the Stavropol region // Gumanitarnye i juridicheskie issledovanija. 2019. № 1. S. 159–166.

13. Sazikov A. V. Vse cveta prazdnika. Iskusstvo prazdnichnogo oformlenija goroda. Istorija i sovremenost' = All the holiday colors. The art of urban holiday decoration. History and modernity. Moskva : Russkij mir, 2018. 440 s.

14. Sazikov A. V. Konstruktivizm v prazdnichnom gorodskom oformlenii = Constructivism in festive urban design. URL: <https://sazikov.livejournal.com/102475.html>. (data obrashhenija: 04.04.2022).

15. Smirnova T. M. Deti strany Sovetov: ot gosudarstvennoj politiki k realijam povsednevnoj zhizni. 1917–1940 gg. = Children of the Soviet Country: from state policy to everyday reality. 1917–1940. Moskva; Sankt-

Peterburg : Institut rossijskoj istorii RAN; Centr gumanitarnyh iniciativ, 2015. 384 s.

16. Sokolov A. 1910–1920: ot «Russkogo Reno» k «GAZ-3» = 1910–1920: from Russian Renault to GAZ-3. URL: <https://cheremuha.com/2016/01/28/1910-1920-ot-russkogo-reno-k-gaz-3.html>. (data obrashhenija: 04.04.2022).

17. Stepanova V. Kostjum segodnjashnego dnja – prozodezhda = The clothes of today — industrial clothing // Lef. 1923. №2. S. 65–69.

18. Ushakova Zh. N. Antireligioznaja propaganda na primere sovetskikh prazdnikov v Prikam'e v 1920-e gg. = Anti-religious propaganda on the example of Soviet holidays in the Kama region in the 1920s // Vestnik nauchnoj associacii studentov i aspirantov istoricheskogo fakul'teta Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. 2017. №1(13). S. 229–236.

19. Centr dokumentacii novejshej istorii Jaroslavskoj oblasti (dalee – CDNI JaO). F. 1. Op.27. D. 460. Protokoly zasedanij otдела po rabote sredi zhenshhin pri goruezdnom komitete RKP(b), obshhegorodskoj zhenskoj bespartijnoj konferencii (19 janvarja – 17 dekabrja 1920 g.). = Center for Modern History Documents of the Yaroslavl region (hereafter referred to as CMHD). F. 1. op. 27. d. 460. Minutes of the meetings at the city women's committee of the RCP(b), the city women's non-party conference (January 19 – December 17, 1920).

20. CDNI JaO. F. 1. Op.27. D. 2460. Cirkuljarnye ukazanija i rasporyazhenija CK VKP(b) i agitpropotdela gubkoma VKP(b) po voprosam agitmassovoj raboty (17 marta – 28 dekabrja 1926 g.) = Center for Modern History Documents of the Yaroslavl region. F. 1. Opt. 27. D. 2460. Circular instructions and orders of the Central Committee of the Communist Party and the propoganda department of the regional committee of the Communist Party on the issues of mass propaganda (March 17 – December 28, 1926).

Статья поступила в редакцию 13.05.2022; одобрена после рецензирования 16.06.2022; принята к публикации 23.08.2022.

The article was submitted on 13.05.2022; approved after reviewing 16.06.2022; accepted for publication on 23.08.2022.

Научная статья

УДК 008

DOI: 10.20323/2499-9679-2022-3-30-179-185

EDN: VAOAYT

Консерватизм как социокультурный феномен русского исторического пути: истоки, трансформация в советскую эпоху, влияние на современность

Александр Владимирович Еремин

Доктор исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, начальник отдела научных исследований ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1

alexer2002@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4139-8962>

Аннотация. Статья посвящена исследованию консерватизма как социокультурного феномена русского исторического пути. В работе выявляются его истоки, прослеживается трансформация в советскую эпоху и определяется влияние данного феномена на современность. Автор определяет суть социокультурного консерватизма в контексте культурологической интерпретации, полагая что его понимание сугубо в политической или социальной плоскости существенно ограничивает возможность использования данного концепта в историко-культурных исследованиях. В работе используется междисциплинарная методология, позволяющая проследить влияние различных факторов на становление и развитие социокультурного консерватизма на протяжении длительного культурно-исторического пути России.

В работе обосновывается тезис о том, что социокультурный консерватизм являлся цивилизационной спецификой России, его влияние было велико и в эпоху советского бытия. Автор обращает внимание на «консервативную революцию» 30-х годов XX века, утверждая, что она способствовала усилению цивилизационных начал общества несмотря на коммунистическую идеологию, что способствовало победе в Великой Отечественной войне.

В постсоветское время в контексте проекта по укреплению «Русского мира» происходит усиление консервативных начал в обществе. Особую роль по мнению автора играет Русская Православная Церковь. Активно данный проект поддерживает и власть, укрепляя представление об уникальности цивилизационной специфики России.

В работе делается вывод о том, что цивилизационное развитие России происходит в фарватере закономерностей, которые были свойственны русскому историческому пути.

Ключевые слова: консерватизм; феномен; цивилизация; культура; государство; Церковь; религия; советское бытие; Россия

Исследование поддержано грантом Российского научного фонда № 20-68-46013 «Философско-антропологический анализ советского бытия. Предпосылки, динамика, влияние на современность»

Для цитирования: Еремин А. В. Консерватизм как социокультурный феномен русского исторического пути: истоки, трансформация в советскую эпоху, влияние на современность // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 3 (30). С. 179–185. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-3-30-179-185>. <https://elibrary.ru/VAOAYT>

Original article

Conservatism as a social and cultural phenomenon of Russia's historical way: origins, transformation in the soviet era, influence on modernity

Alexander V. Eremin

Doctor of historical sciences, associate professor, the department of national history, head of the scientific research section, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1

alexer2002@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4139-8962>

Abstract. The article is devoted to the study of conservatism as a socio-cultural phenomenon of the russian historical development. The article identifies its origins, traces its transformation in the Soviet era and determines the influence of

this phenomenon on contemporary Russia. The author defines the essence of socio-cultural conservatism in the context of cultural interpretation, believing that its understanding in the purely political or social aspect significantly limits the possibility of using this concept in historical and cultural studies. The article uses an interdisciplinary methodology to trace the influence of various factors on the formation and development of socio-cultural conservatism over Russia's long cultural and historical way.

The work substantiates the thesis that socio-cultural conservatism was Russia's civilizational specificity, and its influence was also strong in the soviet period. The author pays attention to the «conservative revolution» of the 1930s, claiming that it contributed to strengthening the civilizational principles of society despite the communist ideology, which contributed to the victory in the Great Patriotic War.

In the post-Soviet period, conservative tendencies in the society are growing due to the project of strengthening the «Russian world». According to the author, a special role is played by the Russian Orthodox Church. The authorities also actively support this project, reinforcing the idea that Russia is unique in terms of its civilizational specificity.

The article concludes that Russia's civilizational development goes along with the patterns that have been characteristic of the russian historical way.

Key words: conservatism; phenomenon; civilization; culture; state; Church; religion; soviet existence; Russia

The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 20-68-46013 «Philosophical and anthropological analysis of soviet life. Background, dynamics, impact on modernity»

For citation: Eremin A. V. Conservatism as a social and cultural phenomenon of Russia's historical way: origins, transformation in the soviet era, influence on modernity. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2022;(3):179–185. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-3-30-179-185>. <https://elibrary.ru/VAOAYT>

Введение

В начале XXI века в политическом и социокультурном пространстве России наблюдается актуализация идеологии консерватизма. Понимание консерватизма как социокультурного феномена выходит далеко за пределы сугубо политического учения. Феномен консерватизма становится данностью современной жизни, вызывая стремление обществ разных регионов мира к осознанию цивилизационной идентичности, несмотря на развивающиеся глобализационные процессы. Применительно к России о консерватизме мы можем говорить, как о социокультурном феномене, который был присущ цивилизационной специфике общества, что проявилось в существовании комплекса императивов, определивших повседневные практики как в дореволюционную эпоху, так и в период советского бытия и постсоветского общества. В связи с этим важно понять специфику данного феномена, определить его истоки и степень влияния на современность.

Актуальность исследования

Для понимания истоков актуализации консервативных идей в современном российском обществе, для выявления особенностей советской эпохи как периода трансформации цивилизационной специфики в контексте «советского проекта», необходимо понять суть феномена консерватизма как социокультурного императива российской цивилизации. К сожалению, в современном научном поле данная проблема остается

мало исследованной, что требует её дальнейшей разработки.

Постановка проблемы исследования

Современный консерватизм становится важной основой политических и социокультурных практик современного российского общества. В условиях международной напряженности, нарастающей изоляции России, важно понять истоки усиления национальной идентичности российского социума, которое происходит в ситуации цивилизационного противостояния с Западом. Актуализация парадигмы «вызов-ответ» становится важной ретроспективой для выявления цивилизационных императивов, которые укоренились в религиозных представлениях и определяли социально-политические практики – отношение к власти, институту государства, восприятие роли отдельной личности в жизни общества, понимание смыслов его существования в рамках единых социальных установок и ценностей. Большое значение в изучении данной проблемы имеет понимание специфики советского бытия, как периода трансформации консервативных представлений дореволюционного общества. Данный исследовательский фокус поможет определить степень укорененности цивилизационной специфики в культурном поле общества несмотря на формирование новых образов и реализацию в XX веке проекта по созданию «советского человека».

Методы исследования

В исследовании автор опирается на труды,

посвящённые пониманию консерватизма: представления Э. Берка [Берк, 1993] о непрерывности времени, взаимосвязи поколений, гражданственности, патриотизме, уважении к традициям и историческим корням, взаимосвязи прошлого настоящего и будущего; К. Мангейма об уникальности национальной государственности [Мангейм, 1994]; Н. Бердяева о духовных истоках жизни и о связи времен [Бердяев, 2008]; К. Поппера о значимости прошлого в конструировании будущего [Поппер, 2022]; С. Хантингтона об осознании важности общественных традиций и стремлении сохранить традиционные институты, как основы идентичности в условиях цивилизационных столкновений [Хантингтон, 2003, 2016]; С. Г. Григорова о традиционализме как основе консервативной системы ценностей [Григоров, 2004].

В работе использовались теоретические постулаты В. М. Камнева, Л. С. Камневой, изучавших советское прошлое и обосновавших понятие «советский консерватизм» [Камнев, Камнева, 2019], а также теоретические выводы М. Лившица о проекте советского государства «по великому восстановлению классики» как процесса возвращения к традиционным истокам общества под видом революционных преобразований [Лифшиц, 2004].

В исследовании автор опирается на труды ученых, изучавших цивилизационную специфику российского общества Н. Я. Данилевского [Данилевский, 1991], С. Г. Кара-Мурзы [Кара-Мурза, 2019], О. С. Панарина [Панарин, 1994, 2001], таких представителей цивилизационного подхода как А. Тойнби [Тойнби, 2008], О. Шпенглера [Шпенглер, 2019], и др. Исследование выполнено в контексте методологии транс- и междисциплинарности в науке, обоснованными в трудах: В. А. Бажанова, В. Г. Буданова, Л. П. Киященко, А. П. Огурцова, В. Н. Поруса, Р. В. Шольца, [Бажанов, Шольц, 2019], и др.

Результаты исследования

Дореволюционная эпоха истории России демонстрирует неразрывную связь системы ценностей общества с религиозными основаниями. Православие становится не только государственной идеологией, но и ценностным ориентиром для большинства людей. В связи с этим церковный институт воспринимался как одна из основополагающих основ государственности и общественной жизни, что концептуально было обосновано в теории официальной народности графа

Уварова. Православие цементировало две другие основы: самодержавие и народность, которые воспринимались сугубо через призму религиозных оснований, так как монарх являлся помазанником Божиим ответственным за «святую Русь», «Третий Рим», в котором люди в едином соборном единении идут к спасению. Представление о святости в русском культурном опыте было укоренено в исихастских традициях, которые берут свое начало в византийском культурном опыте [Еремин, 2021]. Ценность святости и стремление к совершенствованию мира через личное стремление к Богу, трансформируется в России в государственную идею «Святого града», «Катехона», «Удерживающего бастиона», что в свою очередь является основой для миссианских представлений. Мессианизм основанный на коллективной задаче достижения всеобщего блага (в данном случае под благом понимается коллективное спасение и создание христоцентричного общественного порядка) предполагал первостепенное значение коллектива, а не отдельной взятой личности, так как она существует для высших коллективных целей. В такой мировоззренческой конструкции преобладающую роль играет соборность, в которой временной континуум не имеет значения, так как прошлое неразрывно связано с настоящим и будущим. Особая роль в культурном поле принадлежит: христианским традициям, которые создают основу существования; представлениям о патриотизме; важности семьи; воспитания подрастающего поколения в духе высоких нравственных идеалов.

XIX век явил России разные общественно-политические представления, идеалы в лице либералов, революционеров, радикалов, но консервативное мировоззрение, опирающееся на традиционализм оставалось основой ментальности широких слоев населения, проживавших в большинстве своем вплоть до революции 1917 года в сельской местности. Развитие гражданского общества, становление светской культуры оставались слабо развивающимися процессами даже несмотря на общий упадок религиозности населения в начале XX века, так как цивилизационные императивы были глубоко укоренены в сознании людей и порой прекрасно уживались даже с чаяниями людей о преобразовании и смене власти. В этом плане показательны революционные события первой русской революции, начавшейся с требований изменения условий жизни рабочих, но не с требования поменять власть и систему.

Необходимо отметить, что как таковой бинарной оппозиции между консерватизмом в социокультурном понимании, как феноменом ментальности общества, и революционизмом не существовало. О бинарной оппозиции консерватизм – революционизм, можно говорить лишь в сугубо политической плоскости, если воспринимать консерватизм как стремление не допустить перемен, что характерно для либеральной общественной мысли. Однако понимание консерватизма, на наш взгляд, гораздо шире. Консерватизм необходимо воспринимать не только как социально-политический феномен, но и как феномен культурный. При таком подходе становится возможным понять парадоксальные трансформации, произошедшие в советский период.

М. Лившиц назвал период 30-х годов XX века проектом «великого восстановления» подразумевая, что советское общество, отойдя от первоначальных задач разрушения всех традиционных устоев и институтов, возвратилось в фарватер восстановления консервативных ценностей в культуре, в социальной сфере, политике и др. [Лившиц, 2004].

В. М. Камнев, Л. С. Камнева анализируя феномен советского консерватизма, приходят к выводу, что, казалось бы несочетаемые идеалы революционизма, который не приемлет возвращения к прошлому, могли отлично сосуществовать с традиционными свойственными российской цивилизацией императивами, укорёнными в консервативной ментальности общества. Следует согласиться с таким выводом, добавив важное значение религиозного фактора, который во многом и определял консервативную ментальность советского общества: «советский и дореволюционный консерватизм связывают такие ценности, как убеждение в необходимости сильного государства, патриотизм, бескорыстное служение Родине, защита семьи, традиций, нравственности и т. д. Нельзя не заметить, что все эти ценности постепенно выходят на первый план даже в официальной советской идеологии, и своеобразие советского консерватизма заключается в том, что они довольно мирно сосуществуют с марксистскими идеями, весьма далекими от традиционного представления о консерватизме» [Камнев, Камнева, 2019, с. 47].

Мы полагаем, что важное значение в переходе к новой «консервативной революции», которая особо фиксируется в 30-ые годы, стала бинарная оппозиция «вызов-ответ», свойственная русскому культурно-историческому пути и задействи-

ванная сталинским руководством.

В условиях строительства коммунизма в отдельно взятой стране, перспектив мировой войны и противостояния с Западом, были актуализированы мобилизационные механизмы собственные культурному опыту России. Среди них сильные монархические традиции, которые воплотились в образе вождя и культе личности. В особенности роль вождя усилилась после победы в Великой отечественной войне. Фигура Сталина встает в один ряд с великими российскими правителями. Вера в величие вождя является сильным императивом и после смерти Сталина, когда вновь усиленный пропагандой образ Ленина приобретает абсолютно сакральные черты, сходные с религиозным почитанием.

При этом необходимо отметить трансформацию императива народности, так как советские коллективные органы, созданные в рамках партийной линии, были призваны обеспечить интересы отдельно взятой личности. Тоталитарная система юридически базировалась на коллективном самоуправлении: выборы; партийные органы на всех уровнях; коллективное решение вопросов, вплоть до семейных и сугубо личных ситуаций; особая роль образовательных и культурно-просветительских институтов, выполнявших роль регулятора персонального пути становления гражданина советского государства и др. В социальной конструкции советского бытия проявлялись архетипичные основания собственные цивилизационной специфике России.

Важным направлением государственной политики в 30-ые годы становится поддержка семьи и семейных ценностей, отказ от экспериментов в воспитании и образовании. В этой связи совершенно справедливо В. М. Камнев, Л. С. Камнева ссылаются на Г. П. Федотова, так характеризовавшего 30-ые годы: «Россия, несомненно, возрождается материально, технически, культурно. ...коллектив, которому призвана служить личность, уже не узкий коллектив рабочего класса – или даже партии, а нации, родины, отечества, которые объявлены священными...ребенок и юноша поставлены непосредственно под воздействие благородных традиций русской литературы. Пушкин, Толстой – пусть вместе с Горьким – становятся воспитателями народа. Никогда еще влияние Пушкина в России не было столь широким. Народ впервые нашел своего поэта. Через него он открывает собственную свою историю» [Федотов, 1991, с. 108–109].

В политической сфере происходит усиление

великодержавного курса, отказ от деятельности Коминтерна, восстановление положения Церкви, восстановление её организационной структуры (Патриаршество). Бесспорно, основным толчком стала Великая Отечественная война, которая запустила механизмы мобилизации общества, в которых важное значение стали играть патриотические мотивы, народное единство, вера в победу, вера в чудо на персональном уровне и возрастание религиозности населения в ситуации ожидания гибели.

После распада СССР и утверждения либеральной идеологии, казалось, что консерватизм как мировоззренческая компонента общества сойдет на нет. Однако необходимо отметить, что консерватизм как социокультурный феномен в период 90-х годов не прекратил существования в силу ускоренности в ментальных основаниях общества.

В постсоветской России мы наблюдаем возрождение Русской Православной Церкви. Церковь становится важным социальным институтом, который оказывает влияние на все сферы жизни общества. Как важнейший традиционный институт, Русская Православная Церковь является той детерминантой, которая усиливает цивилизационные скрепы общества через укрепление консервативного сознания, важной сутью которого является связь времен и поколений. Более того, традиционные ценности Церкви предлагает взять за основу национальной идеи России, так как в этом видится единственный путь самосохранения «Русского мира» [Еремин, 2014].

Проект укрепления «Русского мира» на основе традиционных ценностей и осознания единой русской культуры, как скрепы великой цивилизации поддерживался властью на протяжении длительного периода. В особенности это можно наблюдать в начале XXI века с приходом к власти В. В. Путина. В риторике Патриарха Кирилла и президента России В. В. Путина с регулярным постоянством были слышны слова о великой России, единой цивилизации, значимости православия для судьбы страны. Используемый Патриархом Кириллом термин «Страна Русского мира» [Патриарх Кирилл, 2022] наделялся цивилизационными смыслами, в них легко обнаруживаются архетипичные представления о Третьем Риме, Святой Руси, Катехоне, который в условиях противостояния с Западным миром должен осознать свою подлинную идентичность и уникальность.

Возрождение консерватизма наблюдалось в

запросе общества на сильного правителя государства, способного вывести страну из крутого пике, в котором она оказалась к концу 90-ых годов XX века. Актуализированная парадигма православной народности XIX века трансформировалась в иных формах, но в узнаваемых образах.

Необходимо отметить актуализацию цивилизационного императива «вызов-ответ», позволившего сформировать механизм управления социально-политическими практиками через формирование новой прослойки управленческой национально-ориентированной элиты.

Начало XXI века можно назвать своеобразным повторением «консервативной революции» 30-ых годов XX века, благодаря которой власть сплотила общество накануне цивилизационного противостояния в период Второй мировой войны. Феномен консерватизма, наблюдаемый в XXI веке, обнаруживает глубокую культурно-историческую связь с периодом советского бытия. Ревитализация мессианского универсума в XXI веке становится важным императивом, который способствует движению России в фарватере своей цивилизационной специфики. Последние события, связанные с военной операцией на Украине, имеют важнейшее значение для усиления данной тенденции в будущем.

В этой связи примечательны, на наш взгляд, слова В. В. Путина, произнесенные им в 2013 году: «Духовное единство является настолько прочным, что не подвержено никаким действиям властей – ни государственных, ни, позволю себе даже сказать, церковных, потому что, какая бы власть над людьми ни была, но крепче, чем власть Господа, ничего быть не может» [Путин, 2022]. «Стремление к самостоятельности, к духовному, идеологическому, внешнеполитическому суверенитету – неотъемлемая часть нашего национального характера» [Путин, 2021].

Заключение

Таким образом, консерватизм как социально-политический и культурный феномен был важным цивилизационным императивом российского общества. Его истоки, безусловно, стоит искать в религиозной специфике русского культурного опыта. На протяжении длительного времени, несмотря на изменение идеологии, режимов, революционные преобразования феномен консерватизма оставался важной составляющей культуры, определяя особенности жизни общества. Распад страны в начале 90-ых годов XX века привел к поиску векторов дальнейшего раз-

вития государственности, среди которых возобладал курс на укрепление цивилизационной идентичности, происходивший в контексте актуализации консервативных начал культурно-исторического опыта России.

Библиографический список

1. Бердяев Н. Судьба России. Москва : Эксмо, 2008. 640 с.
2. Берк Э. Размышления и революции во Франции. Москва : Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы им. М. И. Рудомино, 1993. 144 с.
3. В Киеве проходят торжества по случаю 1025-летия Крещения Руси. URL: <https://rg.ru/2013/07/27/putin-anons.html> (дата обращения: 7.06.2022).
4. Выступление Владимира Путина на заседании клуба «Валдай». URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/19243> (дата обращения: 17.12.2021).
5. Григоров Е. В. Ценности консерватизма // Актуальные проблемы региональных исследований. 2004 (4). С. 141–150.
6. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Москва : Книга, 1991. 576 с.
7. Еремин А. В. Религиозные основания советского бытия: актуализация парадигмы исихазма в контексте построения коммунизма // Ярославский педагогический вестник, 2021. № 5 (122). С. 203–209.
8. Еремин А. В. Историко-культурный дискурс деятельности Русской Православной Церкви в постсоветской России. Ярославль : ЯГПУ, 2014. 678 с.
9. Камнев В. М., Камнева Л. С. Феномен советского консерватизма: историософское обоснование // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2019. Т. 35. Вып. 1. С. 43–55.
10. Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация. Москва : Родина, 2019. 1280 с.
11. Лифшиц М. А. Что такое классика? Москва : Искусство XXI век, 2004. 512 с.
12. Мангейм К. Диагноз нашего времени. Москва : Юрист, 1994, 700 с.
13. Панарин А. С. Православная цивилизация. URL: http://royallib.ru/book/panarin_a/pravoslavnaia_tsilivilizatsiya.html (дата обращения: 03.03.2021).
14. Панарин А. С. Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством). Москва : Институт философии РАН, 1994. 262 с.
15. Поппер К. Открытое общество и его враги. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/3912>. (дата обращения: 03.06.2022).
16. Святейший Патриарх Кирилл предложил ввести в оборот термин «страна русского мира». URL: <http://otechestvo.org.ua/main/200911/0337.htm> (дата обращения: 26.12.2013).
17. Тойнби А. Дж. Постигание истории. Москва : Айрис-Пресс, 2008. 521 с.
18. Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы / под редакцией В. А. Бажанова, Р. В. Шольца. Москва, 2015. 564 с.
19. Федотов Г. П. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории в 2 т. Санкт-Петербург : София, 1991. Т. 2. 348 с.
20. Хантингтон С. Консерватизм как идеология // Тетради по консерватизму. 2016. № 3(1). С. 231–250.
21. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. Москва : ООО «Издательство АСТ», 2003. 603 с.;
22. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы. Москва : Попурри, 2019. 704 с.

Reference list

1. Berdjaev N. Sud'ba Rossii = The fate of Russia. Moskva : Jeksmo, 2008. 640 s.
2. Berk Je. Razmyshlenija i revoljucii vo Francii = Reflections and revolutions in France. Moskva : Vserossijskaja gosudarstvennaja biblioteka inostrannoju literatury im. M. I. Rudomino, 1993. 144 s.
3. V Kieve prohodjat torzhestva po sluchaju 1025-letija Kreshhenija Rusi = Kiev hosts celebrations to mark the 1025th anniversary of the Baptism of Rus. URL: <https://rg.ru/2013/07/27/putin-anons.html> (data obrashhenija: 7.06.2022).
4. Vystuplenie Vladimira Putina na zasedanii kluba «Valdaj» = Vladimir Putin's speech at the Valdai Club meeting. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/19243> (data obrashhenija: 17.12.2021).
5. Grigorov E. V. Cennosti konservatizma = The values of conservatism // Aktual'nye problemy regional'nyh issledovanij. 2004 (4). S. 141–150.
6. Danilevskij N. Ja. Rossija i Evropa = Russia and Europe. Moskva : Kniga, 1991. 576 s.
7. Eremin A. V. Religioznye osnovanija sovetskogo bytija: aktualizacija paradigmy isihazma v kontekste postroenija kommunizma = Religious bases of Soviet existence: the actualization of the hesychasm paradigm in the context of building communism // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik, 2021. № 5 (122). S. 203–209.
8. Eremin A. V. Istoriko-kul'turnyj diskurs dejatel'nosti Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi v postsovetsoj Rossii = Historical and cultural discourse of the Russian Orthodox Church activity in post-Soviet Russia. Jaroslavl' : JaGPU, 2014. 678 s.
9. Kamnev V. M., Kamneva L. S. Fenomen sovetskogo konservatizma: istoriosofskoe obosnovanie = The phenomenon of Soviet conservatism: a historiosophic rationale // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofija i konfliktologija. 2019. T. 35. Vyp. 1. S. 43–55.
10. Kara-Murza S. G. Sovetskaja civilizacija = Soviet civilization. Moskva : Rodina, 2019. 1280 s.
11. Lifshic M. A. Chto takoe klassika? = What is classics? Moskva : Iskustvo XXI vek, 2004. 512 s.
12. Mangejm K. Diagnoz nashego vremeni = The diagnosis of our times. Moskva : Jurist, 1994, 700 s.

13. Panarin A. S. Pravoslavnaja civilizacija = Orthodox civilization. URL: http://royallib.ru/book/panarin_a/pravoslavnaya_tsivilizatsiya.html (data obrashhenija: 03.03.2021).
14. Panarin A. S. Rossiya v civilizacionnom processe (mezhdue atlantizmom i evrazijsvom) = Russia in the civilizational process (between Atlantism and Eurasianism). Moskva : Institut filosofii RAN, 1994. 262 s.
15. Popper K. Otkrytoe obshhestvo i ego vragi = Open society and its enemies. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/3912>. (data obrashhenija: 03.06.2022).
16. Svjatejsnij Patriarh Kirill predlozhl vvesti v obrot termin «strana russkogo mira» = His Holiness Patriarch Kirill suggested introducing the term "the country of the Russian world". URL: <http://otechestvo.org.ua/main/200911/0337.htm> (data obrashhenija: 26.12.2013).
17. Tojnbi A. Dzh. Postizhenie istorii = Understanding history. Moskva : Ajris-Press, 2008. 521 s.
18. Transdisciplinarnost' v filosofii i nauke: podhody, problemy, perspektivy = Transdisciplinarity in philosophy and science: approaches, problems, prospects / pod redakciej V. A. Bazhanova, R. V. Shol'ca. Moskva, 2015. 564 s.
19. Fedotov G. P. Sud'ba i grehi Rossii. Izbrannye stat'i po filosofii russkoj istorii v 2 t. = The fate and sins of Russia. Selected articles on the philosophy of Russian history in 2 vols. Sankt-Peterburg : Sofija, 1991. T. 2. 348 s.
20. Hantington S. Konservatizm kak ideologija = Conservatism as an ideology // Tetradi po konservatizmu. 2016. № 3(1). S. 231–250.
21. Hantington S. Stolknovenie civilizacij = Clash of civilizations. Moskva : OOO «Izdatel'stvo AST», 2003. 603 s.
22. Shpengler O. Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoj istorii. T. 2. Vsemirno-istoricheskie perspektivy = The decline of Europe. Essays on the morphology of world history. V. 2. The world historical perspectives. Moskva : Popurri, 2019. 704 s.

Статья поступила в редакцию 16.05.2022; одобрена после рецензирования 24.06.2022; принята к публикации 23.08.2022.

The article was submitted on 16.05.2022; approved after reviewing 24.06.2022; accepted for publication on 23.08.2022.

Научная статья

УДК 008:1-027.21, 008(091)

DOI: 10.20323/2499-9679-2022-3-30-186-196

EDN: VOTXDZ

Персонологический аспект цивилизационной идентичности (Россия, Америка, Китай)

Николай Андреевич Хренов

Доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник отдела медийных и массовых искусств сектора зрелищно-развлекательной культуры ФГБНИУ «Государственный институт искусствознания». 125009, г. Москва, Козицкий пер., д. 5

nihrenov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6890-7894>

Аннотация. В данной части публикуемой в этом номере журнала статьи предпринята попытка соотнести каждую из трех цивилизаций, а именно Америки, Китая и России с психологическими факторами или, иначе говоря, с ментальностью в ее цивилизационных проявлениях. В конечном счете, коллективная идентичность каждого народа соотносится с психологическими типами личности. В каждом типе цивилизации существует разнообразие типов. В статье доказано, что единство и целостность каждого типа цивилизации предполагает выделение какого-то или каких-то типов в определяющие. Такой определяющий тип личности обычно называют базовым типом личности. По сути, это даже не тип, а архетип, происхождение которого уходит глубоко в историю. Ментальность каждого типа цивилизации в своей основе имел именно такой архетип, а он способен воспроизводиться и возрождаться в зависимости от обстоятельств на протяжении всей истории. Без этого архетипа трудно представить, как функционируют культуры. Исследуя поставленный перед собой вопрос, а именно, осмыслить каждый тип цивилизации с точки зрения функционирования в нем психологического архетипа, автор обращается к высоко оцененной в науке, в частности, П. Сорокиным, типологии личности, предложенной и обоснованной В. Шубартом. Этот ученый все разнообразие архетипов сводил к четырем – гармоническому, героическому, аскетическому и мессианскому. Так, в основе европейской цивилизации оказывается героический, а в основе российской цивилизации – мессианский тип. Излагая и комментируя смысл такой типологии, автор с целью большей аргументированности обращается к опыту кино (американского, китайского и т. д.), что было уже продемонстрировано в предыдущих материалах.

Ключевые слова: цивилизация; Другой; цивилизационная идентичность; Америка; Китай; Россия; В. Шубарт; базовый тип личности; типология личности; героический тип; мессианский тип; стоицизм; В. Дзурлини; Ч. Имоу

Для цитирования: Хренов Н. А. Персонологический аспект цивилизационной идентичности (Россия, Америка, Китай) // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 3 (30). С. 186–196. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-3-30-186-196>. <https://elibrary.ru/VOTXDZ>

Original article

Personological aspect of civilizational identity (Russia, America, China)

Nikolai A. Khrenov

Doctor of philosophical sciences, professor, chief researcher, department of media and mass arts, entertainment culture sector, State institute of art studies. 125009, Moscow, Kozitsky lane, 5

nihrenov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6890-7894>

Abstract. This article attempts to relate each of the three civilizations, namely America, China, and Russia, to psychological factors or, in other words, to the mentality in its civilizational manifestations. Ultimately, the collective identity of each nation correlates with psychological personality types. In every type of civilization there is a diversity of types. The article proves that the unity and integrity of each civilization type presupposes that a certain type or types are singled out as defining. Such a defining personality type is usually called basic. In fact, it is not even a type, but an archetype whose origin goes far back in history. It is this archetype that was at the core of the mentality of every civilization type, and it is capable of being reproduced and revived depending on the circumstances throughout history. It is difficult to imagine how cultures function without this archetype. To comprehend each type of civilization in terms of the psychological archetype functioning in it, the author refers to the typology of personality, proposed and substantiated

ed by W. Schubart, and highly praised in science, in particular by P. Sorokin. W. Schubart reduced the variety of archetypes to the four ones – the harmonic, heroic, ascetic, and messianic. Thus, the European civilization is based on the heroic type, while the Russian civilization is based on the messianic type. In describing and commenting on this typology, the author refers to the experience of cinema (American, Chinese, etc.), in order to make a stronger argument, which has already been demonstrated in previous articles.

Key words: civilization; Other; civilizational identity; America; China; Russia; W. Schubart; basic personality type; typology of personality; heroic type; messianic type; Stoicism; V. Zurlini; Ch. Imou

For citation: Khrenov N. A. Personological aspect of civilizational identity (Russia, America, China). *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2022;(3):186–196. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-3-30-186-196>. <https://elibrary.ru/VOTXDZ>

Введение

В опубликованных в предыдущих номерах журнала статьях [Хренов, 2020б, с. 151–160; Хренов, 2021, с. 187–199, Хренов, 2021б, с. 187–196] мы попытались осмыслить взаимоотношения трех цивилизаций, оказывающихся на рубеже XX и XXI веков в центре мировой истории – Америки, Китая и России. Эти взаимоотношения явно не являются гармоничными. Диалог между ними затруднен. Они скорее взаимодействуют по известному в философии принципу «Другого». А Другой – это часто все тот же Свой, но только освобожденный от всего идеального, от всего, что ему в себе самом не нравится, и спроецированный на Другого. Так можно прийти и до того, чтобы этот Другой предстал уже не другом, а врагом [Аллисон, 2019]. Иначе говоря, помимо многих факторов (политического, экономического, религиозного и т. д.) во взаимоотношениях между цивилизациями проявляется также психологический фактор [Спешнев, 2014]. Возьмем, например, такой психологический комплекс как мессианизм. Комплекс мессианизма подводит к обсуждению вопроса о психологических аспектах каждой цивилизации, без которых не разобраться и в разных вариантах коллективной или цивилизационной идентичности. Дело ведь не только в том, что у одних народов такой комплекс имеется, а у других он отсутствует. Дело еще и в том, что мессианизм проявляется не только в прометеевских формах, когда один народ выделяет себя из других народов и считает себя избранным, что характерно, как показал Э. Трельч, для западного или, как его обозначил Шпенглер, «фаустовского» человека [Хантингтон, 2004]. Мессианизм бывает явным и неявным, он может усиленно пропагандироваться, а может в навязываемых и тиражируемых формах не проявляться. Но это тоже может быть мессианизм.

Иначе говоря, бывают разные варианты мессианизма. Для понимания такого разнообразия этого комплекса воспользуемся типологией, которую

предпринял немецкий философ В. Шубарт, сводя все разнообразие типов личности к четырем [Шубарт, 1997]. Проблема заключается в том, что, выделяя типы личности, а они, видимо, являются базовыми для каждого народа, В. Шубарт тем самым находит и основание для существующих картин мира. Каждый из названных вариантов личности стремится свойственную ему картину мира распространить на как можно большее число людей. По сути, эти картины мира трансформируются в типы культур, а те, в свою очередь, в типы цивилизации. Это настолько обобщенные типы, что их можно даже назвать архетипами. И поскольку это так, то индивидуальный тип может трансформироваться в тип коллективный или цивилизационный. Ведь каждый тип цивилизации соотносим с базовым для этого типа цивилизации типом личности, что, конечно, не исключает того, что в каждой цивилизации существует множество типов личности. Но мы в данном случае имеем в виду именно базовый, повторяющийся тип. В самом деле, типологизуя на уровне индивидуальной психологии, сам В. Шубарт затем пытается такие типы соотнести с разными эпохами и народами. Мы полагаем, что типология В. Шубарта, которую один из выдающихся социологов и культурологов XX века П. Сорокин оценивал очень высоко, позволит глубже посмотреть на проблему непонимания между разными цивилизациями, а следовательно, и несходства между цивилизационными идентичностями. В данной статье наша задача заключается в том, чтобы соотнести цивилизационные и культурологические процессы с психологическими факторами, В этом отношении для нас важно воспользоваться типологией В. Шубарта. Второй нашей задачей является то, что поставленную перед собой задачу мы решаем, обращаясь к кино, о чем уже свидетельствуют ранее опубликованные части нашей статьи.

Результаты

Итак, В. Шубарт констатирует четыре основных архетипа личности. Это гармоничный, героический

ческий, аскетический и мессианский типы. Как мы убеждаемся, мессианизм В. Шубарт пытается сначала обнаружить в индивидуальной психологии, а уже затем искать его в коллективных формах. И это будет один из многих типов личности. Несходство типов личности выявляется через их особые отношения с миром. Так, у гармоничного типа отношения с миром не являются конфликтными. Они гармоничны. Он воспринимает мир как упорядоченный космос. Он не требует усовершенствования и активной деятельности по его переустройству. Соответствующий ему мир можно только созерцать и им можно только наслаждаться. Эстетический аспект такого отношения к миру здесь, несомненно, присутствует.

Совсем другое дело получается с героическим человеком, призванным, как он сам убежден, к тому, чтобы мир перестраивать, переделывать и преобразовывать, то есть улучшать и совершенствовать. Он воспринимает мир уже не как гармонический космос, не требующий вмешательства и усилий, а, как хаос, который необходимо превращать в космос, его организовывать, контролировать и, следовательно, тратить для этого много сил. Но ни гармоничный, ни героический тип всего разнообразия установок по отношению к миру не исчерпывает. Существует еще также более древняя установка, присущая так называемому аскетическому типу, который утверждает отрицание мира. Пытаясь проследить логику эволюции в отношениях человека и мира, В. Соловьев находил, что в комплексе отрицания мира, что мы ощущаем в одной из древнейших религий – буддизме, впервые в мировой истории пробуждается личностное отношение. Рождается личность. Так, в буддизме как религии пробуждения акцент ставится на возвращении личности к себе от всего внешнего («Личность сознает здесь свою безграничность, свою свободу и универсальность только потому, что превосходит всякое данное определение, всякую данную связь и особенность, чувствует в себе что-то такое, что больше и выше этой касты, этой национальности, этого культа, этого жизненного пути, – выше всего этого» [Соловьев, 1996]). Аскетический тип оценивает бытие как заблуждение, сон, не принимает его, уходит из мира, не пытаясь на него воздействовать, его облагораживать и перестраивать.

Наконец, список типов замыкает человек, для которого характерен комплекс мессианизма, смысл которого мы уже затронули. Оказывается, если исходить из типологии В. Шубарта, – это только один из возможных типов личности. Мис-

сия этого типа состоит, как он сам убежден, в том, чтобы этот мир совершенствовать, преобразовать его в соответствии с тем возвышенным и духовным идеалом, что он носит в себе. Итак, в этих четырех типах – четыре основных отношения к миру: согласие с ним, господство над ним, бегство от него и стремление к его преобразованию. Попробуем вслед за В. Шубартом соотнести эти типы с типами цивилизации. Возникает ощущение, что тип героический и тип мессианский сходны в самом существенном – они не принимают мира в том виде, в каком он существует, и предпринимают усилия по его изменению. В этом между ними заключается сходство. Сходство между ними состоит и в том, что, несмотря на то, что один из них назван мессианским, а другой героическим, оба они представляют мессианский тип, не только заявляющий о необходимости радикального переустройства жизни, но и претендующий на то, чтобы такое переустройство возглавить. Это типы, ориентированные на активность и деятельность. Несходство же между ними состоит в том, что побуждения каждого из них исходят из разных оснований. Предполагается, что у этих типов используются разные средства переустройства мира.

Выделяя такие типы, В. Шубарт всячески подчеркивает несходство между ними. Попробуем все же уловить между ними и некоторое сходство. «Картина мира у гармоничного и мессианского человека родственны между собой, – пишет В. Шубарт – Однако то, что первый воспринимает как данность, другой видит лишь как дальнюю цель. Для обоих, однако, мир – как возлюбленная, которой они отдают, чтобы соединиться с ней. В отличие от них, героический человек смотрит на мир как на рабыню, которую он попирает ногой; аскетический же человек – как на искусительницу, которой следует избегать. Героический человек не взывает смиренно к небу, а полный жажды власти, злыми, враждебными глазами смотрит вниз, на землю. По самому существу своему он все дальше и дальше удаляется от бога, все глубже и глубже уходит в материальный мир. Секуляризация – его судьба; героизм – его жизнеощущение, трагизм – его конец. Мессианского человека вдохновляет не воля к власти, а настроенность к примирению противоречий и к любви. Он не разделяет, чтобы властвовать, а стремится к соединению разобщенного. Им движет не чувство подозрения и ненависти, а чувство глубокого доверия к сущности вещей. Он видит в людях не врагов, а братьев; в мире – не добычу, на которую

надо набрасываться, а хрупкую материю, которую надо спасти и освятить. Им движет чувство некоей космической взволнованности. Он исходит из ощущения целостности, которую он носит в себе и которую пытается восстановить в окружающем расколотом мире. Его не покидает тоска по всеобъемлющему и стремление сделать его осязаемым» [Шубарт, 1997].

Просто удивительно, как в более поздних сочинениях, в которых имеются характеристики западного человека, мы обнаруживаем признаки того типа, который В. Шубарт называет героическим. Так, историк американской цивилизации М. Лернер, когда он описывает ментальность американца, улавливает в нем тип, названный В. Шубартом героическим. «Этот новый человек – „l homme moyen sensuel” (человек не слишком чувствительный). В делах любовных он, скорее всего, не обратит внимание на кастовые или классовые различия и не будет слишком щепетилен в вопросах целомудрия. В своей жажде самутверждения он разрывается между легко достижимыми материальными благами и вечно ускользающим чувством собственной целостности. Его не оставляет тревожное чувство покинутости, так как старые боги ушли, а новые невесты когда придут. Однако в отличие от людей в предшествовавшие эпохи он жаждет не святости, не доблести, не красоты, не величия, не спасения своей души, наконец. Это не обремененный моралью человек, для которого на первом месте сила, напор и власть. И кроме того, это человек, перед которым наконец рухнули все преграды. Он напоминает одновременно и Тамерлана, и доктора Фауста у Марло: первый из них – это ничем не связанный варвар, несущийся над бескрайними равнинами и оставляющий под собой древние цивилизации, а второй – отважный мыслитель, ломающий все запреты на пути к познанию и готовый заплатить за него даже собственной душой» [Лернер, 1992].

Давая такой социально-психологический портрет американца, М. Лернер ничего не говорит о его мессианском комплексе. Но, разумеется, американец этого комплекса не лишен. Этот комплекс обязан той религии, которую исповедуют американцы. Как настаивает С. Хантингтон, именно глубоко усвоенный протестантизм позволяет утверждать, что даже в XX веке религия оказывается ключевым элементом американской идентичности. Как свидетельствует С. Хантингтон, к 2000 году протестантизм исповедовали около 60 процентов американцев [Хан-

тингтон, 2004]. По поводу ответа на вопрос, присущ американцу мессианизм или нет, мы находим такое высказывание С. Хантингтона. «Они (пуритане – Н. Х.) основывали свои поселения и заключали договор с Господом, мечтая создать „град на холме”, который стал бы образцом для всего мира; вслед за пуританами и те, кто принадлежал к иным направлениям протестантизма, стали сходным образом трактовать свой „американский жребий”. Американцы определяли свою миссию в Новом Свете в библейских выражениях: они были „избранным народом”, „скитавшимся в пустыне” и грезившим о создании „нового Израиля” или „нового Иерусалима” в этой очевидно „обетованной земле”. Америка виделась им местом „новых небес и новой земли, домом справедливости”, страной Господа» [Хантингтон, 2004].

Что же это за «град на холме»? А это как раз то, что позволяет нам понять мессианизм по-американски. Прочитав один фрагмент из книги О. Стоуна и П. Кузника, касающийся также происхождения того смысла, что стоит за словосочетанием «Новый Свет». «Свое переселение в Новый свет они (новоанглийские колонисты – Н. Х.) расценивали как избавление от мук, считая, что Новый Свет должен стать „раем на земле”. Они ставили перед собой цель распространять протестантство на неосвоенных территориях, выступая в роли „Христово воинства”, которое отправляется в пустыню, чтобы сразиться с дьяволом, построить „град на холме” и служить Всевышнему в западном мире, способствуя возведению церкви истинного Бога. Квинтэссенцией этого мировоззрения стала символическая фраза „град на холме”, произнесенная на борту отплывшей в Америку „Арбеллы” проповедником Джоном Уинтропом в знаменитой проповеди „Образец христианского милосердия”. То есть пуритане должны были стать создателями нового мира (образ „града на холме” был навеян Уинтропу рядом стихов Евангелия от Матфея), возвышающегося над миром старым, в котором грех и несправедливость торжествовали чаще, чем святость и добро» [Стоун, Кузник, 2014].

Казалось бы, странно: такой деловой народ с ярко выраженными материалистическими взглядами – и секты, и религия, определяющая идентичность американцев. Весьма проницательный, но в то же время и приводящий в недоумение вывод С. Хантингтона. Весьма бурная, динамичная и многоэтничная действительность должна была бы растворить в себе секты в Америке. Но они выжили и, более того, оказали и продолжают оказывать

воздействие на поддержание американской идентичности. Они ее и сформировали. Даже Ж. Бодрийяр констатирует: «Каким-то образом именно сектантская микромодель разрослась до масштабов всей Америки» [Бодрийяр, 2000]. И эта микромодель определяет и американский мессианиззм, и американскую идентичность. И с этим уже ничего не поделать.

Можно ли в опыте западного кино обнаружить те четыре универсальных и базовых типа личности, психологический потенциал которых получил выражение в характерных для названных нами цивилизаций в целом картинах мира? Конечно, такое подтверждение, несомненно, обнаружить можно. Но можно даже обнаружить и нюансы, связанные с размыванием четкости в идентификации этих типов, в их смене. В их отношениях между собой. Так, попробуем в героическом типе обнаружить, каким он предстает в кино, увидеть не только его волю к власти, но и отмеченный В. Шубартом трагизм, то есть как он выражается, его финал. Вот этот трагизм, связанный с героическим типом как типом уходящим, угасающим, мы и рассмотрим. То, что воля к власти и необремененность моралью, сопровождающие деятельность этого типа, так очевидна в западных и в особенности американских фильмах, мы обнаружили в предыдущих частях статьи в образах генерала Кастора в фильме А. Пенна и в образе подполковника Килбора в фильме Ф. Копполы, в которых представлены негативные проявления этого типа [Хренов, 2021]. А вот трагизм этого типа личности мы обнаруживаем в фильме В. Дзурлини «Пустыня Тартари» (1976). Конечно, герои фильма В. Дзурлини – это разные варианты героического типа личности, о котором пишет В. Шубарт. Но на них ощущается печать заката цивилизации, а значит, вырождения, декаданса. Фильм В. Дзурлини примечателен тем, что он позволяет продемонстрировать взаимоотношения между цивилизациями по принципу Другого. Так под скифами в фильме подразумевается чуждая и враждебная цивилизация. Правда, в данном случае речь идет не о реальной цивилизации, а лишь о проекции воспринимающей цивилизации воображаемого ее образа.

Действие фильма происходит в затерянной на краю империи военной крепости. С одной стороны она окружена пустыней, а, с другой, горами. В ней расположен военный гарнизон, призванный контролировать границы империи. Место действия не названо. Об этом можно только догадываться. Но раз фильм ставит европейский режис-

сер, то, видимо, внимание его связано с судьбой западной цивилизации. Информация об этом скудна. Ясно только, что это край какой-то империи, окраина которой соприкасается с тем пространством, в котором обитают «скуластые варвары». Иногда это пространство называется «северным государством». Из этого можно заключить, что пустыня, где обитают татары и монголы, а вместе с ними и скифы, то есть русские, которые на Западе воспринимаются тоже Востоком. Пустыня – это вообще символическое обозначение Востока. Она источает не жизнь, а смерть.

Что же касается империи, смысл которой сведен к крепости, то это, конечно, Запад. Запад как островок культуры, причем, если исходить из смысла фильма, угасающей культуры, окруженный варварами. Итак, речь идет о противостоянии Запада и Востока. Восток – это, конечно, пустыня, обиталище варваров. Древнейшая мифологема Запада здесь срабатывает. Но ведь и империя, хранителем которой является этот солдатский гарнизон, тоже примыкает к пустыни, да, собственно, уже и сама пустыня. Не дело даже не в близости этого осажденного острова пустыне, а в настроении трагизма, что ощущается во взаимоотношениях между героями. Варвары-то уже существуют внутри этого острова. И не в том смысл, что завтра крепость может быть взята варварами, приходящими извне, а в том, что империя, которую защищают эти войны, распадается, угасает и, следовательно, снова превращается в небытие, в пустыню, из которой она сама когда-то вышла.

Проходят годы и десятилетия. Военные, выполняющие на этой границе свой воинский долг, стареют и даже умирают, но на смену им приходит новое романтическое поколение, которое жаждет продемонстрировать свой героизм в военной схватке с варварами. Так, из крепости отозван стареющий полковник граф Филимор. Так покидает крепость капитан Ортиц, но его возвращение оказывается одновременно и уходом из жизни. По дороге он кончает самоубийством. В крепости он провел всю жизнь и не видит смысла ее продолжать в гражданском мире. Кончается срок службы, заканчивается жизнь. Что же касается лейтенанта фон Амерлинга, то климат в той местности, в которой находится крепость, оказался для его здоровья неблагоприятным. И гроб с его телом гарнизон с почестями проводит в последний путь. Но служба продолжается, и вот уже высокие командные посты в крепости занимают лейтенант Семеон и совсем еще юный лейтенант Дрого, ко-

торый и является главным героем этого фильма.

Прибыв в крепость с намерением тут же и броситься в бой с варварами, лейтенант Дрого, однако, постепенно отдает отчет в том, что враг так и не покажется и что его здесь ждут уже не только годы, но, кажется, и столетия, и продемонстрировать свою удаль ему так и не удастся. Понимая это, он хлопочет о том, чтобы его из крепости отозвали. Но судьба решает иначе. Не желая оставаться в крепости, он все же в ней остается и продолжает выполнять свой долг, пока тяжкая болезнь, спровоцированная местным сырým климатом, не становится причиной его вынужденного отбытия из крепости в финале фильма.

Что же из всей этой истории следует? Разве то, что верные защитники империи героически выполняют свой долг, несмотря на все приключения, которые с ними случаются. Да нет, авторы вроде на этом героизме не настаивают. Для многих из них служба – вынужденный ритуал, необходимость действовать так, как предписывает устав. Но каждый из них, конечно, личность, и похоже, что по отношению к уставу находится на дистанции. Но о каком в данном случае героизме можно говорить, если вместо демонстрации героизма в фильме торжествует тоска и скука, да разве еще этот самый ежедневный ритуал, свидетельствующий о безукоризненном выполнении устава.

А этот устав может иногда выступать контрастом по отношению к человечности. Так убит солдат, пожалевший появившуюся у стен крепости лошадь и пытавшийся ее завести в крепость, что по уставу он не должен был бы делать. Убита и лошадь. Все дело в том, что этот самый ритуал вместе с уставом, как и крепость вообще никому не нужны. Ведь столкновения с варварами не было и, видимо, никогда не будет, поскольку их никто не видит. Да уж и существуют ли они? Может быть, это только галлюцинации. Да и варвары ли имеются здесь в виду? Прежде всего, ритуал и устав не нужны главнокомандующему, к которому обращается герой, принося ему прошение об отзые из крепости. Он ничего не помнит, все путает и, кажется, едва ли помнит об этой самой крепости, а уж тем более о тех, кто в ней несет службу. Все происходит по инерции. О смысле происходящего никто не думает. Вот и царит в крепости какая-то царящая тоска, выводящая восприятие фильма за пределы развертывающегося действия, хотя, можно было бы сказать, за пределы подготовки к действию, которое так и не произойдет.

Вообще, под крепостью, которая оказывается

полуразрушенной, видимо, подразумевается вообще империя, которую призван защищать солдатский гарнизон в крепости. Разрушается не крепость, в которой совершаются мертвые ритуалы по уставу, разрушается сама империя. А то, что демонстрируют военные, – это не героизм, а стоицизм. То самое мировосприятие, которое когда-то в эпоху распада римской империи оказалось столь востребованным. Фильм – это воспоминание о ранних формах распада империи, порождающей идеи стоицизма. Вот эти самые военные, а почти все главные персонажи – это выходцы из высшего сословия, аристократы демонстрируют утонченный этикет. Они – не просто служаки, они аристократы. Ведь военное сословие – привилегированная часть общества. Это все выходцы из дворян. Они – носители не только чести, но и той культуры, которая исчезает. Не случайно фильм начинается с дворянского имения, которое покидает, направляясь в крепость, герой. Имение напоминает замок из фильма О. Иоселиани «Охота на бабочек», который заполнен изящной старой мебелью, картинами великих мастеров, прикладным искусством. В фильме В. Дзурлини этот начальный эпизод тоже весьма значим для понимания среды военных. Этот утонченный этикет мертв, ибо империя разлагается. И этот исполняемый военными ритуал никому не нужен.

Это понимает бессознательный последователь римского стоика Марка Аврелия полковник граф Филимор в исполнении блистательного В. Гасмана и, конечно, кончающий самоубийством капитан Ортиц в исполнении Макса фон Зюдова. Ведь именно так и заканчивали свои жизни иные римляне – стоики. К смерти они относились также, как капитан Ортиц, не осуждая добровольный уход из жизни. Для них уход из мира вовсе не был чем-то страшным и печальным. Вот как, например, рассуждал о смерти фаталист Марк Аврелий, не любивший войны, но вынужденный в них принимать участие, поскольку был императором, в своих размышлениях, названных «Наедине с собой». Он был убежден в том, что срок жизни каждого человека предопределен, а следовательно, какая разница, когда он уходит из жизни, раньше или позже. «Человек, ты был гражданином этого великого града; – рассуждает он – не все ли тебе равно, пять лет или три года: повиноваться закону приходится одинаково всем. Что же ужасного в том, что из града отсылает тебя не тиран, не судья несправедливый, а природа, тебя в нем поселившая. Так отпускает со сцены распорядитель взятого им актера. Но ведь я провел не пять актов, а только

три? Ты прав. Но в жизни три действия – вся драма. Конец определяет тот, кто ранее был виновником возникновения жизни, а теперь виновник ее прекращения; ты же чужд тому и другому. Итак, уйти из жизни с благим чувством, как благ и отпускающий тебя» [Римские стоики, 1995]. Кстати, такое же оправдание добровольного ухода из жизни мы можем отыскать и в Китае. В частности, у одного из представителей даосской мысли – Янцзы, у которого, правда, имелось много противников. Янцзы считал: «Когда есть убеждение, что конец жизни близок, то можно, говорит он, прийти к завершению существования» [Гране, 2004]. Да и вообще, может быть, Китай уже сталкивался с такими же ситуациями, о какой нам поведал В. Дзурлини. Когда-то стоицизм распространялся в Риме, а ныне это то отношение к миру, которое царит в изображенной в фильме В. Дзурлини империи. Комплекс стоицизма как комплекс современный не должен нас удивлять после знакомства, например, с романами Э. Хемингуэя.

Однако в какой же все же империи разворачивается действие этого фильма? Похоже, что поскольку в начале фильма обозначено время, а это 1907 год, то речь может идти, возможно, о разваливающейся австро-венгерской империи. Тем более, что атмосфера распада этой империи, столь тонко переданная в фильме В. Дзурлини, потом будет представлена в фильме Иштвана Сабо «Полковник Редль» (1985), а в нем речь как раз идет о распаде австро-венгерской империи. Судя по всему, авторы намеренно не конкретизируют место действия. Речь ведь не идет о конкретной империи. Это вообще Запад в период своего заката. Поэтому фильм и воспринимается иллюстрацией к шпенглеровскому диагнозу.

Но, может быть, самый главный вывод, который можно сделать, исходя из фильма В. Дзурлини, это тот, что вытекает из взаимоотношений между аристократом графом Филимором и деспотичным майором Маттисом. Маттис воспринимается двойником уже знакомых нам персонажей – Килбора из фильма «Апокалипсис сегодня» Ф. Копполы и Кастера из фильма «Маленький большой человек» А. Пенна, о которых мы подробно говорили в опубликованных предыдущих частях данной статьи [Хренов, 2021]. В отношениях между ними улавливаются будущие политические катастрофы и сопровождающие их ментальные сдвиги. Но не только. Граф Филимор символизирует разложение героического типа, соответствующего той стадии в истории, в которой элита была ведущим началом, а Маттис – того

восходящего плебея, заурядного типа, который выражает героический тип на том этапе истории, когда масса стирает созданную элитой культуру и рвется к власти. Это что-то вроде того «грядущего хама», о котором в начале прошлого столетия писал Д. Мережковский. Если граф Филимор как истинный стоик не жаждет бессмысленной жестокости, выказывает человечность и сострадание к солдату, который согласно воинскому уставу должен быть расстрелян, на чем и настаивает майор Маттис, и солдат, действительно будет убит, ведь так предписано в уставе, то Маттис, наоборот, не только настаивает на расстреле, но потом, когда приговор будет приведен в исполнение, отдаст приказ отправить в карцер целый отряд рядовых, которые, солидаризируясь с убитым, отказываются подчиняться командиру, а это уже бунт.

По вине жестокого служаки Маттиса уходит из жизни и лейтенант фон Амерлинг, который как человек чести, аристократ должен сопровождать Маттиса и взбираться на вершину горы, хотя такой подвиг стоит ему жизни. Конечно, если следовать уставу, то майор Маттис всегда прав, а граф Филимор всегда уязвим. Уязвим граф еще и потому, что, оказываясь уже в преклонном возрасте, вынужден прийти к неутешительному выводу – следовать уставу в империи, которая разваливается и угасает, нет смысла. Рвение Маттиса он по-человечески презирает. Но не только по-человечески. Ведь Маттис – плебей, а за ним и ему подобными будущее. Мир входит в эпоху мировых войн и тоталитарных режимов. И такие, как Маттис, будут востребованными. Поэтому и дает о себе знать в фильме пронзительная нота угасания и умирания, и ее уже невозможно избежать. Тот мир и та культура, что угадывается за графом Филимором, исчезает. У этого мира нет будущего. Впереди массовые движения и мировые войны. И словно всплывающие из архаики вожди, способные делать карьеру в тоталитарных режимах и соответствовать установкам власти.

Вот признание таких варварских архетипов, способных убивать, не ощущая сочувствия, ощущается и в некоторых героях фильмов А. Пенна и Ф. Копполы, свидетельствующих пока еще о благополучной эпохе в истории американской империи. Такие признаки несет в себе майор Маттис, роль которого в фильме В. Дзурлини исполняет Д. Джемма. Конечно, герой Д. Джеммы – это героический тип, но как тип, представляющий западную цивилизацию, все же вырождающийся. Вырождающийся потому, что чувство человечно-

сти у него отсутствует, а без этого нет той культуры, которая первоначально возникла в аристократических слоях, но, к сожалению, не успела распространиться в массах. Тот взрыв омассовления, что произойдет в XX веке, вообще сметет эту культуру, как, впрочем, и сам Запад вообще. Этот тип авторитарный, и он окажется основанием для возводимых, в том числе, и на Западе тоталитарных режимов. Но ведь и полковник Филимор – тоже вариант героической личности, но только той личности, что утратила смысл героизма, тип уходящей с арены истории личности.

Что же касается «скуластых варваров», – они то ли существуют, то ли не существуют. Может быть, это только галлюцинации, укрепившиеся в результате существующего века страха [Нойманн, 2004]. Это что-то вроде симулякра той варварской орды, что когда-то так напугала Запад. Если исходить из фильма, то вроде бы эти варвары все же существуют. Их сначала увидит лейтенант Семён и попытается это скрыть от других, ведь если не скрыть, то отзыв из крепости приостановят, а в этом многие не заинтересованы, как и жаждущий этого романтический лейтенант Дрого. Им кажется, что эти варвары, что из пустыни, что-то строят и строят, как хочется видеть пограничникам, дороги, по которым было бы удобно подвезти к крепости пушки и ее захватить. Но, может быть, эти варвары просто строят свои дома и обустраивают свою жизнь, не имея никакого желания напасть на крепость. Но ориенталистский дискурс срабатывает. Пограничники воспринимают движение людей в пустыне, за пределами крепости не как созидательный труд другого народа, а как подготовку к истребительной войне. Вполне актуальное для Запада и не только для Запада переживание. «В странах же Западной Европы предубеждение против неевропейских народов родилось давно», – пишет Л. Гумилев – «Считалось, что азиатская степь, которую многие географы начинали от Венгрии, другие – от Карпат, – обиталище дикости, варварства, свирепых нравов и ханского произвола» [Гумилев, 1989].

Самое интересное, что, как утверждает Л. Гумилев, к числу варваров причислялись и русские. Вот эти варвары и воспринимались как потенциальные завоеватели. Но Л. Гумилев, выступая против монголофобии, задавал вопрос: действительно ли существовала угроза монгольского овладения Европой? [Хренов, 2020б]. Скорее всего, так оно и есть: люди за пределами крепости, чужаки просто обустраивают свою жизнь. Но что касается военных в крепости, то ими движет

страх, который у западных народов, столкнувшихся в средние века с монголами, остается и срабатывает и по сей день. Раз они однажды наделил Восток негативным образом Другого, он продолжает срабатывать по сей день. Наверное, именно поэтому они и присвоили этим варварам ту самую идентичность, которая на самом деле есть ни что иное, как то, что Э. Саид назвал ориенталистским дискурсом, то есть образ самого Запада и преследующей его паранойи.

Однако посмотрим, как воспринимают в Китае как древнейшей цивилизации того типа личности, который, как пишет М. Лернер, «не обременен моралью». Попытку воспроизвести этот тип личности мы обнаруживаем в фильме китайского режиссера Чжана Имоу, того самого режиссера, имя которого ассоциируется с «новой волной» в китайском кино [Торопцев, 2008]. А эта «новая волна», видимо, во многом обязана разгону протестующих на площади Тяньвэньмэнь. Ведь протест улавливается и в «новой волне». С этим разгоном проблемы не исчезли. Более того, по мере успешного развития китайской экономики вопросы свободы и индивидуальности будут обостряться [Медведев, 2012]. Сопротивление империи в Китае ушло вглубь и начало проявляться в искусстве и, в частности, в кино. Об этом и свидетельствует «новая волна» в кино. Конечно, если рассматривать один из последних фильмов Ч. Имоу «Великая стена» (2016), то этого мотива морального беспокойства, присущего фильмам «новой волны», который есть в предыдущих фильмах этого режиссера, уже нет, а есть демонстрация той линии развития в мировом кино, что задается Голливудом.

Эта заданность объясняется, как можно предположить, в том числе, и потребностью в налаживании контактов между Америкой и Китаем, что сегодня стало чрезвычайно значимой проблемой [Лютвак, 2016]. Не случайно этот фильм финансировала Америка, и главные роли в нем исполняют актеры, которые зрителю известны по американским фильмам. Функция таких фильмов, как фильм Ч. Имоу, как раз и заключается в том, чтобы способствовать становлению планетарной идентичности как значимой составляющей глобализации. Эта идентичность предполагает не конфликт, а взаимопонимание между разными цивилизациями. Но ведь этот прорыв на уровень гипотетической планетарной идентичности возможен, если жертвовать традициями. Несмотря на понижение уровня фильма до авантюрного клише, в нем, тем не менее, просматривается тот вариант

контактов между двумя цивилизациями – Америкой и Китаем, который хотелось бы авторам этого фильма утвердить в жизни.

Посмотрим, как способны совмещаться такие часто противостоящие друг другу картины мира в формах кинематографа. То, что в фильме Ч. Имоу заняты голливудские актеры, не случайно, ведь образ базового типа личности ими уже был создан в других американских фильмах, во всяком случае, это касается главного героя. Конечно, в первых эпизодах фильма этот персонаж, пересекавший великую китайскую стену с целью грабежа, он вместе с другими своими спутниками, такими же разбойниками, ставит своей целью похитить у китайцев секрет изготовления пороха, чтобы вернуться на родину и обогатиться, оказывается в Китае. Из всей преступной команды, в которую герой входил, осталось только двое, остальные погибли в пути. На роль героя будет претендовать лишь один. Его цель – это, как выразился В. Шубарт, характеризующий героического человека, – добыча. Это – хищник. Конечно, во всей этой интриге мы узнаем схему авантюрного сюжета. Фильм поставлен по голливудской лекале. Здесь нет той специфики, которая, как нами уже отмечалось, прослеживается и в построении сюжета этого фильма.

Герой – прагматик, некогда изображенный Чаплиным в фильме «Золотая лихорадка». Он многое в жизни уже испробовал, в частности, был наемным солдатом, преследуя при этом исключительно деньги. Ему абсолютно не важно, с кем и за что сражается, лишь бы платили. Он явно не героический тип личности. Это, если выражаться словами Л. Гумилева, не пассионарий, а скорее субпассионарий. Сопровождающий его другой авантюрист прямо называет его разбойником и убийцей. Он такой и есть, но таким он не останется. Контакт с Китаем окажется исцеляющим. Поначалу в китайцах, которые его и его спутника пытаются убить, он видит только врагов. Вообще, они ему безразличны. Его интересует даже не изобретенный ими порох, а то, какие деньги он получит, когда научится его изготавливать и продавать. Постепенно, узнавая, что китайцы, рискуя своими жизнями, сражаются с нападающими на них монстрами, а они способны выйти за пределы китайской стены и распространиться на весь мир, он видит в их действиях, в их жертвах, принесенных ради мира не только в Китае, и в человечестве в целом, смысл, в том числе, и своей жизни. Эти жуткие монстры, оставляющие за собой море крови и горы трупов, призваны символизировать

другие народы. Если они, конечно, предстанут по отношению к Китаю Вызовом. Так возникает ссора со своим спутником, который так и не преодолевает свою жадность, а, следовательно, не станет другом китайцев. Укрыв порох, он пытается вместе с третьим американцем, прибывшим в Китай с той же целью только раньше, бежать из Китая. Но спутник героя не желает делить награбленное и оставляет напарника в горах, где его китайцы и находят.

Не то – герой. Он придумывает эффективный способ защиты от монстров и, демонстрируя свою смекалку и храбрость, становится вождем китайцев. Ему симпатизирует самая красивая китайка, занимающая в военном ордене высокий пост. Сказочный подтекст тут налицо. Китайцы уже готовы его воспринимать как бога, как это происходит в фильме Ф. Копполы. Правда, фильм Ф. Копполы – это хотя и американский, но все же «авторский» фильм, один из шедевров американского кино. Что касается фильма Ч. Имоу, то в нем, конечно, не может не ощущаться налет авантюрного сюжета, рассчитанного для тинейджеров. Но, собственно, это и есть тот язык для массового зрителя, который изобретен американскими кинематографистами, чтобы покорить весь остальной мир. И все же, несмотря на этот голливудский, а точнее, уже и китайский лубок, в нем ведь улавливается и идеологическая подоплека, работающая на сближение американцев и китайцев, что отражает сегодняшний политический курс в отношениях между этими цивилизациями.

Да, американцы знают, как к ним относятся другие народы, относятся зачастую критически и даже, если иметь в виду Ближний Восток и не только, презрительно. Да, их не любят за их индивидуализм и за их вульгарный мессианизм. Конечно, Восток этот индивидуализм пугает. Поэтому в фильме Ч. Имоу они предстают не в лучшем свете – они разбойники, грабители, убийцы. Да и сами американцы, если иметь в виду уже проанализированные некоторые их фильмы, знают, что они разные, и среди них есть садисты, насильники и ястребы, которые могут делать успешную государственную карьеру и способны приблизить мировую катастрофу. Но такими их делает жизнь. Внутренне они все же герои и способны духовно очищаться и перерождаться. Особенно когда соприкасаются с теми образцами, которые на них могут благотворно действовать, из врагов они могут превратиться в друзей. Такие образцы – это, конечно, китайские воины, в том числе, воины – смертники, добровольно прино-

сящие свои жизни в жертву, лишь бы Китай не был стерт с лица земли, а зло не распространялось по всему миру.

Заключение

Получается, что и китайцы замечательные, ибо они – хранители высокой морали, высших духовных ценностей, образов героизма, а главное стоят на страже всего мира и от них зависит, будет или не будет распространяться зло (ну почему это – не очередной Рим, как это имеет место в сознании славян), и американцы – молодцы, ибо в них тоже могут брать верх благородные помыслы. Героический тип, о котором пишет В. Шубарт, в них еще не угас. Та атмосфера декаданса, что определяет действие фильма В. Дзурлини, здесь вроде бы отсутствует. И когда благородные помыслы торжествуют, американцы готовы возглавить тех, кто объединяется, чтобы победить зло. Американцы, несмотря на свои заблуждения и грехи, на свою жадность, тоже хороши. И не просто хороши, как хороши китайцы, они оказываются «солью земли». Ведь они не просто встают в ряды героев – китайцев в качестве рядовых. Они возглавляют сопротивление и решают исход смертельной схватки с монстрами. Именно герой находит эффективное средство отражения нападающих монстров. Индивидуализм и мессианизм американца в фильме Ч. Имоу выступают в лучшем свете. Они реабилитированы. Нет, не зря давали американцы деньги на постановку фильма «Великая стена». Они знали, за что платили. Аура американского героического типа личности в китайском фильме под сомнение не берется. Таким видит режиссер решение проблемы, и это решение соответствует установкам массовой культуры. Таким образом, за художественными решениями в этом фильме улавливается трансляция образов разных цивилизаций. Причем, режиссер, учитывая их несходство, пытается все же найти между ними точки соприкосновения. И он их находит. Наверное, это удачный замысел вот этой самой планетарной идентичности.

Библиографический список

1. Аллисон Г. Обречены воевать. Москва : АСТ, 2019.
2. Бодрийяр Ж. Америка. Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2000. С. 167.
3. Гране М. Китайская мысль. Москва : Республика, 2004. С. 364.
4. Гумилев Л. Древняя Русь и Великая степь. Москва : Мысль, 1989. С. 602.
5. Лернер М. Развитие цивилизации в Америке. В 2-х т. Т. 1. Москва : Радуга, 1992. С. 82.
6. Лютвак Э. Возвышение Китая наперекор логике стратегии. Москва : Университет Дмитрия Пожарского, 2016.
7. Малявин В. Сумерки Дао: культура Китая на пороге Нового времени. Москва : Издательство Астрель. Издательство АСТ, 2003.
8. Медведев Р. Подъем Китая. Москва : Издательство Астрель, 2012.
9. Нойманн И. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейской идентичности. Москва : Новое издательство, 2004. С. 130.
10. Римские стоики: Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий. Москва : Республика, 1995. С. 411.
11. Соловьев В. Оправдание добра. Нравственная философия. Москва : Республика, 1996. С. 222.
12. Спешнев Н. Китайцы. Особенности национальной психологии и культуры. Санкт-Петербург : Каро, 2014. 336 с.
13. Стоун О., Кузник П. Нерассказанная история США. Москва : Колибри. Азбука – Аттикус, 2014. С. 15.
14. Торопцев С. «Международный бренд» Китайского кино: режиссер Чжан Имоу. Москва : Экономика, 2008.
15. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. Москва : АСТ. Транзиткнига, 2004. С. 111.
16. Хренов Н. Между Америкой и Китаем. «Другой» в становлении и трансформации цивилизационной идентичности России // Китай, Россия, США. Искусство. Гуманитарные науки : От поколения к поколению. Материалы Международной конференции (под редакцией Т. С. Юрьевой, Г. Л. Тульчинского). Санкт-Петербург : Издательство «Скифия – Принт», 2020.
17. Хренов Н. Россия, Америка, Китай : Социально-психологический аспект взаимодействия цивилизаций по принципу «Другого». Материалы XXI Национальной научной конференции с международным участием «Модернизация России: приоритеты, проблемы, решения. Выпуск 17. Часть 1. РАН. Институт научной информации по общественным наукам РАН. Москва, 2022. 1309 с.
18. Хренов Н. Концепт «Другого» в конструировании цивилизационной идентичности // Верхневолжский филологический вестник. 2021б. № 4. С. 187–196.
19. Хренов Н. Соперничество цивилизаций за лидерство в истории: Америка как тип цивилизации в XX веке (культурологический аспект) // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 2. С. 187–199.
20. Хренов Н. Трансформация цивилизационной идентичности России на рубеже XX–XXI веков: от вестернизации к евразийству // Верхневолжский филологический вестник. 2020б. № 4. С. 151–160.
21. Шубарт В. Европа и душа Востока. Москва : Русская идея, 1997. С. 11.

Reference list

1. Allison G. Obrecheny voevat' = Doomed to fight. Moskva : AST, 2019.
2. Bodrijar Zh. Amerika = America. Sankt-Peterburg : Vladimir Dal', 2000. S. 167.
3. Grane M. Kitajskaja mysl' = Chinese thought. Moskva : Respublika, 2004. S. 364.
4. Gumilev L. Drevnjaja Rus' i Velikaja step' = Ancient Russia and the Great steppe. Moskva : Mysl', 1989. S. 602.
5. Lerner M. Razvitie civilizacii v Amerike = Evolution of American civilization. V 2-h t. T. 1. Moskva : Raduga, 1992. S. 82.
6. Ljutvak Je. Vozvyshenie Kitaja naperekor logike strategii = The rise of China against the logic of strategy. Moskva : Universitet Dmitrija Pozharskogo, 2016.
7. Maljavin V. Sumerki Dao: kul'tura Kitaja na poroge Novogo vremeni = Tao's twilight: Chinese culture on the threshold of the New Age. Moskva : Izdatel'stvo Astrel'. Izdatel'stvo AST, 2003.
8. Medvedev R. Pod'em Kitaja = The rise of China. Moskva : Izdatel'stvo Astrel', 2012.
9. Nojmann I. Ispol'zovanie «Drugogo». Obrazy Vostoka v formirovanii evropejskoj identichnosti = The Use of the «Other». Oriental images in forming European identity. Moskva : Novoe izdatel'stvo, 2004. S. 130.
10. Rimskie stoiki: Seneka, Jepiktet, Mark Avrelij = Roman stoics: Seneca, Epictetus, Marcus Aurelius. Moskva : Respublika, 1995. S. 411.
11. Solov'ev V. Opravdanie dobra. Nравstvennaja filosofija = Justification of the good. Moral Philosophy. Moskva : Respublika, 1996. S. 222.
12. Speshnev N. Kitajcy. Osobennosti nacional'noj psihologii i kul'tury = The Chinese. Specifics of national psychology and culture. Sankt-Peterburg : Karo, 2014. 336 s.
13. Stoun O., Kuznik P. Nerasskazannaja istorija SSHa = The untold history of the United States. Moskva : Kolibri. Azbuka – Attikus, 2014. S. 15.
14. Toropcev S. «Mezhdunarodnyj brend» Kitajskogo kino: rezhisser Chzhan Imou = «International brand» of Chinese cinema: director Zhang Yimou. Moskva : Jekonomika, 2008.
15. Hantington S. Kto my? Vyzovy amerikanskoj nacional'noj identichnosti. = Who are we? Challenges to American national identity. Moskva : AST. Tranzitkniga, 2004. S. 111.
16. Hrenov N. Mezhdru Amerikoj i Kitaeam. «Drugoj» v stanovlenii i transformacii civilizacionnoj identichnosti Rossii = Between America and China. The «Other» in formation and transformation of Russia's civilizational identity // Kitaj, Rossija, SSHa. Iskustvo. Gumanitarnye nauki : Ot pokolenija k pokoleniju. Materialy Mezhdunarodnoj konferencii (pod redakciej T. S. Jur'evoj, G. L. Tul'chinskogo. Sankt-Peterburg : Izdatel'stvo «Skifija – Print», 2020.
17. Hrenov N. Rossija, Amerika, Kitaj : Social'no-psihologicheskij aspekt vzaimodejstvija civilizacij po principu «Drugogo» = Russia, America, China: The social and psychological aspect of civilizational interaction based on the «Other» principle // Materialy HHI Nacional'noj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem «Modernizacija Rossii: priority, problemy, reshenija. Vypusk 17. Chast' 1. RAN. Institut nauchnoj informacii po obshhestvennym naukam RAN. Moskva, 2022. 1309 s.
18. Hrenov N. Koncept «Drugogo» v konstruirovanii civilizacionnoj identichnosti = The concept of the «Other» in the construction of civilizational identity // Verhnevolskij filologicheskij vestnik. 2021b. № 4. S. 187–196.
19. Hrenov N. Sopernichestvo civilizacij za liderstvo v istorii: Amerika kak tip civilizacii v HH veke (kul'turologicheskij aspekt) = Civilizations in competition for leadership in history: America as a type of civilization in the 20th century (a cultural aspect) // Verhnevolskij filologicheskij vestnik. 2021. № 2. S. 187–199.
20. Hrenov N. Transformacija civilizacionnoj identichnosti Rossii na rubezhe HH–HHI vekov: ot vesternizacii k evrazijstvu = Transformation of Russia's civilizational identity at the turn of the XX–XXI centuries: from Westernization to Eurasianism // Verhnevolskij filologicheskij vestnik. 2020b. № 4. S. 151–160.
21. Shubart V. Evropa i dusha Vostoka = Europe and the soul of the East. Moskva : Russkaja ideja, 1997. S. 11.

Статья поступила в редакцию 21.05.2022; одобрена после рецензирования 26.06.2022; принята к публикации 23.08.2022.

The article was submitted on 21.05.2022; approved after reviewing 26.06.2022; accepted for publication on 23.08.2022.

Научная статья

УДК 008:316.42

DOI: 10.20323/2499-9679-2022-3-30-197-204

EDN: SAXFDO

Гендерно-детерминированные архетипы в художественном универсуме Н. А. Некрасова

Наталья Николаевна Летина

Доктор культурологии, доцент, профессор кафедры культурологии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1

liotina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1884-7827>

Аннотация. В статье предлагается развитие гендерно ориентированного дискурса художественного универсума Н. А. Некрасова с позиций культурфилософского и культурно-антропологического подхода. Основная задача – осмысление гендерно-детерминированных архетипов художественного мира, созданного Н. А. Некрасовым. Научная значимость статьи предьявлена, во-первых, методологически, через сформированный интегративный культурологический алгоритм анализа гендерного наполнения художественного универсума Н. А. Некрасова; во-вторых, через последовательное выявление и изучение гендерных интенций архетипов, во многом определяющих систему персонажей и драматическую динамику внутреннего мира лирического героя и, потенциально, автора. Представлены результаты культурфилософского и культурно-антропологического анализа гендерных аспектов архетипов Persona, Дитя, Animus и Anima, Матери и Отца, Мудрого старца в художественных текстах Некрасова. Художественный универсум Некрасова осмыслен как наполненный гендерно детерминированными образами, которые социально акцентированы в отечественной культурной традиции, но недооценены культурологически и философски. Сопоставление гендерных интенций с архетипическим строем системы персонажей, в интерпретации которых учитывается персональный опыт поэта, устанавливает масштаб присутствия и драматическое напряжение архетипов в художественном универсуме Н. А. Некрасова.

Ключевые слова: Н. А. Некрасов; гендер; художественный универсум; гендерная проблематика; архетип; система персонажей; лирический герой; автор

Для цитирования: Летина Н. Н. Гендерно-детерминированные архетипы в художественном универсуме Н. А. Некрасова // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 3 (30). С. 197–204. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-3-30-197-204>. <https://elibrary.ru/SAXFDO>

Original article

Gender determined archetypes in N. A. Nekrasov's artistic universe

Natalia N. Letina

Doctor of cultural studies, associate professor, professor of cultural studies department, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1

liotina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1884-7827>

Abstract. The article discusses the gender-oriented discourse of N. A. Nekrasov's artistic universe from the perspective of cultural-philosophical and cultural-anthropological approach. The main task is to interpret the gender-determined archetypes of the artistic world created by N. A. Nekrasov. The scientific significance of the article is demonstrated, firstly, methodologically, through the generated integrative cultural algorithm of the gender content analysis of N. A. Nekrasov's artistic universe, and, secondly, through consistent identifying and studying the archetypal gender intents which largely determine the system of characters and the drama of the inner world of the lyrical protagonist and, potentially, of the author. The article presents the results of the cultural-philosophical and cultural-anthropological analysis of gender aspects of the archetypes Persona, Child, Animus and Anima, Mother and Father, Wise Elder in Nekrasov's literary texts. Nekrasov's artistic universe is comprehended as full of gender-determined images which are socially accentuated in the national cultural tradition, but underestimated in terms of culture studies and philosophy. The comparison of gender intents with the archetypal character system, where the poet's personal experience is taken into account, establishes the scale of presence and dramatic tension of archetypes in N. A. Nekrasov's artistic universe.

Key words: N. A. Nekrasov; gender; artistic universe; gender issues; archetype; character system; lyrical hero; author

For citation: Letina N. N. Gender determined archetypes in N. A. Nekrasov's artistic universe. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2022;(3):197–204. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-3-30-197-204>. <https://elibrary.ru/SAXFDO>

Введение

Художественный универсум Н. А. Некрасова предоставляет возможность предложить отличающийся новизной применительно к русской культурфилософской традиции аналитический прием: осмыслить «гендер» в картине мира выдающегося творца через «архетип» (К. Г. Юнг) как исходный код человеческого сознания [Юнг, 1996, с. 57] и творчества. Сразу отметим, что при анализе эстетических практик в мировой и отечественной науке сложилась традиция отождествлять архетипы с конкретными элементами художественной структуры произведения: «юнговские архетипы, во-первых, представляют собой преимущественно образы, персонажи, в лучшем случае роли и в гораздо меньшей мере сюжеты» [Мелетинский, 1994, с. 6].

Мы впервые развиваем данную традицию, осмысливая *гендерные роли персонажей* некрасовского универсума посредством юнгианского дискурса архетипов, что составляет один ракурс гендерно ориентированной экстраполяции теории архетипов К. Г. Юнга. Другой ракурс, также принципиально новый для отечественного «некрасоведения», – актуализация гендерного потенциала юнгианского алгоритма «*индивидуации*» как процесса спонтанного, естественного движения от внешнего к внутреннему (от Persona через Тень, Дитя, мужской и женский архетипы к Самости) применительно к анализу *гендерной проблематики и гендерных аспектов творчества* Н. А. Некрасова. Иными словами, мы находим возможность применить архетипический принцип анализа гендерной проблематики как применительно к персонажному ряду универсума, так и применительно к авторскому жизне-творчеству.

Методы исследования: культурологическая интеграция культурфилософского и культурно-антропологического подходов, гендерного анализа, структурно-функционального и семантического анализа, текстологического и элементов лексического анализа обширного комплекса гендерно-детерминированных текстов Н. А. Некрасова.

Результаты исследования

Гендерно-детерминированные аспекты архетипа Persona

Мы полагаем, что гендерный аспект воплощения Persona (первой в юнгианском алгоритме) в универсуме Н. А. Некрасова эвристически и методологически корректно рассматривать как специфическую версию гендерного дисплея – варианта «дисплея идентичности /.../ категоризации по признаку пола» [Здравомыслова, Темкина]. *Гендерный дисплей персонажей* художественного универсума Н. А. Некрасова осуществляется вполне в русле архетипической когнитивной процессуальности, описанной Э. Кассирером [Кассирер, 2002, с. 44], и является продуктом индивидуального творчества, отражающим преломленные авторским сознанием (и авторским бессознательным) гендерные стереотипы и гендерные роли, характерные для России 1820-х-1870-х гг. Применительно к пониманию гендерной проблематики творчества Некрасова весьма актуальны два противоположные тезиса «о дискурсивном понимании социального и социальном конструировании дискурса» [Теория и методология гендерных исследований, 2001, с. 268].

Итак, как мы видим на основе архетипических представлений, Persona персонажей лирики Н. А. Некрасова позволяет установить, во-первых, их обобщенную, маскулинную и феминную идентичность, о которой мы ранее [Злотникова, Летина, 2021, с. 200–206] писали; во-вторых, обозначить специально интересующие нас гендерные роли персонажей, среди которых – будь то персонажи-маргиналы или социально определенные, крестьяне/аристократы – доминируют универсальные (в привычных социально-культурных представлениях, традиционные): муж / жена, отец / мать, жених / невеста, сын / дочь / дети, бабушка / дед. Не всегда очевидную уникальность некрасовских персонажей мы видим в детализированной, подчас публицистически поданной интеграции социальной и гендерной конкретности (облик, род занятий, психологический портрет) с символической обобщенностью, которая обуславливается повторяемостью душевных состояний и авторских оценок людей. В универсуме Н. А. Некрасова предьявлены и

специфические гендерные роли, которые можно обозначить как социальные маски, опирающиеся на представления о персонажах сентименталистской и романтической парадигмы – влюбленный (лирический герой) и возлюбленная (лирическая героиня). Экстраординарная гендерная социальная маска в творчестве Н. А. Некрасова связана с уникальной ситуацией литературного продолжения жизненного *ménage à trois*, союза «по сердцу» и соавторства с А. Я. Панаевой с ее, традиционным для западноевропейской культуры, маскулинным псевдонимом «Н. Н. Станицкий». Экстраординарность этой женщины является «особо эксплицитной», поскольку она, как писала о подобной коллизии исследовательница, «пытается перейти поставленные ей культурой границы и вступить в область маскулинного» [Шапинская, 2014, с. 331].

Специфичен и парадоксален гендерный аспект *Persona* персонажей, выполняющих функции культурных героев (поэта, гражданина, просветителя, журналиста, издателя): она сочетает в себе маскулинную идентичность с агендерной аскезой-служением России, народу, идеалам и феминной эмпатийностью к страданиям («Поэт и гражданин», «Памяти Добролюбова», «Памяти Белинского»).

Гендерно-детерминированные аспекты архетипа Тени

Гендерный аспект следующего, согласно выбранному нами юнгианскому алгоритму, архетипа – Тени (*Schatten*) – мы предлагаем рассматривать как воплощение негативных гендерных интенций, которое может быть представлено непосредственно конкретными персонажами, так и имперсональными качествами.

Негативные гендерные интенции в некрасовском универсуме проявляют как мужские персонажи (торгаш и городской из «Вора», убийца-лесник в «Коробейниках», ироничная версия романтического героя Лев Алексеич Агарин («Саша»), безумный князь Утятин, ограниченный поп, замаливающий грехи Савелий-богатырь («Кому на Руси жить хорошо»), практикующий домашнее насилие муж («Катерина»)), так и женские – жестокая практичная свекровь Матрены Тимофеевны («Кому на Руси жить хорошо»), падшая женщина («Убогая и нарядная»), ограниченная барыня – «женщина, каких много», знахарка-ведьма, лицемерная и бездушная аристократка-княгиня («Дом – дворец роскошный, длинный, двухэтажный»). Согласимся с В. Кантором, который отмечал парадоксальное едино-

мыслие Некрасова и Чернышевского в отношении к распутству и разбойничеству русских женщин как явным нравственно-бытовым отклонениям [Кантор, 2016, с. 191].

Хорошо известное и закрепленное в культурной традиции социальное обличение, характерное для нравственно-философского и художественного универсума Н. А. Некрасова, сопровождается поэтическим философско-антропологическим обобщением, благодаря которому архетип Тени получает негативное содержательное наполнение, аккумулируя в маскулинном варианте агрессию, насилие (остро стоит тема домашнего насилия), пьянство, воровство, разбой, самодурство, глупость, несправедливость, зависть, мелочность, отсутствие гражданского мужества, слабость; в феминном – бездушность, бесчувственность, бессердечие, иронию, безнравственность, бесстыдство, неверность, негативный опыт материнства.

Представляется важным отметить то, как В. Кантор органически соотносил социальные и гендерные ориентиры и проблемы, характеризовавшие жизненное пространство Некрасова. Отмечая, что «он долго чувствовал себя бедным разночинцем», философ подчеркивал: Некрасов желал, но не смел «претендовать на внимание красивых светских дам» (А. Я. Панаевой) [Кантор, 2016, с. 140], существуя в тени более социально статусных мужчин. Неудивительно, что архетип Тени выявляется и применительно к маскулинному лирическому герою, максимально сближаясь с темной стороной *alter ego* самого поэта. В панаевском цикле есть «мужская страсть, которая не знает ограничений, которая и любит, и ненавидит одновременно» [Быков, 2017], вызывавшая у самого лирического героя стыд за свое бессилие. Боль, болезнь, несостоятельность, слабость, страх смерти – мучительные для лирического «Я» некрасовского универсума темы, то вытесняемые в архетип Тени, то мигрирующие из индивидуального бессознательного в пространство сознания («Поражена потерей невозвратной», «Двести уж дней, двести ночей муки мои продолжаются», «Не лелей никаких упований», «Я за то глубоко презираю себя»). Встречи лирического героя Н. А. Некрасова с воплощенным воочию архетипом Тени приводит к осознанию бессилия, что в контексте маскулинности синонимично ее утрате, однако сам факт рефлексии над содержанием собственного индивидуального бессознательного, над своими «позорными пятнами» является, согласно

К. Г. Юнгу, показателем прохождения определенного этапа индивидуации. Так, архетип Тени выступает у Н. А. Некрасова как концентрация негативного культурного в целом и гендерного, в частности, опыта.

Гендерно-детерминированные аспекты архетипа Дитя

Гендерный аспект архетипа Дитя во многом инспирирован в универсуме Некрасова крестьянской социальной идентичностью большинства детских персонажей. В перспективе труда – причем, тяжелого физически, – как парадигмы патриархального быта и бытия крестьянина, ребенок маскулинной идентичности рассматривается более ценным, нежели феминной: «девчонок ненадобно мне», – показательно замечает Прокл («Мороз, Красный нос»). В силу тяжелого, трудового детства крестьянские дети нередко предстают «маленькими взрослыми», подобно Власу, известному в массовом сознании как «мужичок с ноготок». Эта ранняя взрослость крестьянских детей может быть интерпретирована как их символическая смерть, впрочем, и к буквальной в универсуме Н. А. Некрасова читателю необходимо быть готовым: «Но вырастет он, если Богу угодно, / А сгнать ничто не мешает ему». Труд (физический аспект) и познание (интеллектуальный аспект), сиротство (социальный аспект) и одиночество (экзистенциальный аспект) для архетипа Дитя являются способами перехода к мужскому и женскому архетипам – символической смерти детства, символической жертвы, неотвратимой инициации, с которой Н. А. Некрасов эмоционально не согласен.

Архетип Дитя в художественном универсуме Н. А. Некрасова верифицируется и в художественной экспликации собирательного концепта детства с чертами «детскости», и решается в агендерной проекции. В отечественной культурной традиции страдание – ключевая примета детства, во многом инспирирована травматичностью собственного детства поэта. Ф. М. Достоевский вспоминал, что у Н. А. Некрасова «было раненное в самом начале жизни сердце, и эта-то никогда не заживавшая рана /.../ и была источником ... всей страстной до мучения любви этого человека ко всему, что страдает от насилия, от жестокости необузданной воли, что гнетет /.../ нашего ребенка в русской семье» [Достоевский]. Многочисленные смерти братьев и сестер, несостоявшееся отцовство обусловили особо трепетное отношение к детям («коснулось души умиленье»), в котором, конечно, есть место и ком-

пенсаторной сублимации, но также и архетипу Дитя.

Нежная беззащитность и наивность (но не инфантильность) – значимая грань проявления архетипа Дитя. У взрослого маскулинного лирического героя некрасовского универсума – неизбывная эмоциональная потребность в абсолютной материнской любви, потребность ощущать себя и быть – сыном. Взрослый лирический герой идентифицирует себя сыном Родины, встреча с которой носит катартический характер («Тишина»). Интеллектуальная грань проявления детского архетипа в переживаниях лирического героя раскрывается в потребности в учителе, наставнике и осознании себя как ученика («Демону»). Показательным моментом для диагностики успешности процесса индивидуации лирического героя и, вероятно, автора, является осознанность детского как сыновьего, ученического, перевод бессознательного содержания архетипа в область сознания. При этом фиксация на гендерной роли сына и комплекс вины по отношению к матери (и Родине) являются симптомами неразрешенной детской травмы.

Гендерно-детерминированные аспекты архетипов Animus и Anima

Архетип Animus в некрасовском универсуме выражен тем составом персонажей (и соответствующими качествами), которые в предшествующей статье [Злотникова, Летина, 2021, с. 203–204] были охарактеризованы как культурные герои. В горизонте индивидуации мы вновь верифицируем как наличие художественных экспликаций архетипа, так и высокой степени его осознанности на уровне самоидентификации. Образцом Animus может быть позиционирован В. Г. Белинский, в некрасовском универсуме не только соответствующий, но формулирующий идеал маскулинного культурного героя России («В. Г. Белинский»). Парадоксально, что одной из ключевых характеристик Белинского у Некрасова в другом стихотворении является агендерная сентименталистско-романтическая «наивная и страстная душа» («Памяти Белинского»).

Актуализацию архетипа Anima с присущими ему синергийными проявлениями бессознательного мы видим у Некрасова в поэме «Саша», где заглавная героиня осуществляет переход к этому архетипу от архетипа Дитя в результате кризисной инициации. Поскольку Саша являет собой собирательный образ русской романтической героини (наиболее отчетливы аллюзии к Татьяне Лариной и Тамаре – исследователь ставил в ряд с

пушкинской героиней и последующих, тургеневских, подчеркивая связанный нею мотив работы, как писал советский исследователь, «на пользу общественную» [Евгеньев-Максимов, 1953, с. 60]), то выбор ею просвещения является показательной перекодировкой Некрасовым романтической версии томящейся Ани́та в модернизированную модель просвещенной и феминистки настроенной Ани́та, «думающей думу».

В свете реализации архетипа Ани́та в художественном универсуме поэта мы обращаем особое внимание на значимость концепта «души». Душа у Некрасова, на первый взгляд, имеет только человеческое, близкое психологическому, измерение – средоточие внутреннего мира лирического героя («моя душа»). Однако онтическая природа души позиционирована сакральной – это искра Божья, исток жизни («живая» душа, по аналогии с христианским символизмом Я. Беме и М. Экхарта), вмещалище абсолютных ценностей (прежде всего – свободы, любви, красоты, добра, целомудрия), и в таком своем качестве душа оживотворяет не только персонажей-людей, и особенно – культурных героев и героинь, но и русскую природу, Родину, являясь ее скрытой анимистической сущностью. «Душа» России приоткрывается лирическому герою в традициях мистики в тишине («Тишина»). Сущностно «душа» России оказывается исполнена энергией связи, партиципации: она «врачу́ет» душу лирического героя, вызывает в ней «умиление», и настраивает ее на молитву Богу в православном храме. И хотя, перефразируя Ж. де Сталь, душа не имеет пола, в некрасовском универсуме она мыслится феминными конструктами. Душа – утонченное воплощение архетипа Анимы Н. А. Некрасовым, связанное с жизнью, эмоциональностью, эмпатией, энергичностью, интравертностью, травмированностью.

Гендерно-детерминированные аспекты архетипов Матери и Отца

Мужской и женский архетипы в художественном универсуме Н. А. Некрасова равнозначно представлены и архетипами отца и матери, восприятие и осознание которых для лирического героя (и автора) всегда существует во взаимной корреляции и одновременно дихотомии. Коррелирует их реализация и с образами мужа / жены, вероятно, в силу ассоциативной легитимации браком гендерной роли материнства и отцовства.

Положение К. Г. Юнга о матери как могущественном первообразе, который «окрашивает и

даже определяет в течение индивидуальной и сознательной жизни отношение к женщине» [Юнг, 1996], полностью эксплицировано в художественном универсуме Н. А. Некрасова. Галерея феминных персонажей – от собственной матери «мученицы» («Рыцарь на час», «Мать»), далее к потерявшей сына-младенца лирической героине панаевского цикла (прототип – А. Я. Панаева), до покинувших детей ради мужей аристократок Волконской и Трубецкой («Русские женщины»), многочисленных крестьянок (Матрена Тимофеевна, Дарья, безымянные героини) генерирует модальность страдания, мученичества, жертвенности, и – святости, величия. Страдающее материнство детерминировано страдающей феминностью в России, основными причинами которого являются гендерная дискриминация, несвобода (от отсутствия прав до крепостничества), домашнее насилие со стороны мужчин.

Социально-психологический акцент делается Некрасовым через сопоставление архетипов (мучения и гибель матери – вина отца), но даже в фиксации источника страданий лирической героини в логике бриколажа (К. Леви-Брюль) уклоняется от прямого его (отца) называния: «Кто жизнь твою сгубил. . . о! знаю, знаю я!». Семья – по Юнгу, воплощение архетипа матери на зрелой стадии развития сознания, – в художественном универсуме Некрасова всегда находится или в состоянии травмы или готовности к ней (Волконские, Трубецкие, семья Саши, семья Катерины, семья Дарьи и Прокла).

Из непреодоленной детской травмы Некрасова в его художественном универсуме вырастает своего рода девальвация и даже дискредитация архетипа отца и предков-мужчин: «жизнь текла отцов моих, бесплодна и пуста, / Текла среди пиров, бессмысленного чванства, / Разврата грязного и мелкого тиранства». Именно из этой ситуации происходит формирование и присвоение «травмированным я» лирического героя в силу принадлежности к роду и биологическому полу комплекса вины маскулинности перед феминностью, а также фиксация природы травмирующих иерархических гендерных отношений – власти. Социально-нравственная и художественная логика Н. А. Некрасова здесь вполне соответствует логике встречи сознания с архетипом отца: «Отец – это аистог и авторитет, а потому закон и государство. Он – это то, что /.../ создает и управляет» [Юнг, Проблемы].

Архетип Отца в его положительной – абсолютной, божественной ипостаси в творчестве

Н. А. Некрасова решен образом Бога (положительный полюс) и отчасти экстраполирован Морозу, Красному Носу (отрицательный полюс). Первый – сакрализован в своей христианско-феодалной версии всеобщего Господина. Второй – сакрализован в качестве национально-народной версии хозяина смерти, загробного мира и лукавого обольстителя. Первый волен дать / не дать, спасти / не спасти, его пути неисповедимы, но масштаб страданий Родины, народа, русских женщин, культурных героев свидетельствует о характере божественного предопределения в национальном горизонте. Мороз способен избавить от страданий, насылая прекрасную иллюзию видений и буквально – замораживая, навсегда освобождая от способности как чувствовать, так и жить. Отцовская модальность характерна для отношения лирического героя поздних стихотворений, посвященных жене поэта – Зине, которую он зовет «дитя» («Ты еще на жизнь имеешь право», «Двести уж дней»).

Гражданский пафос социального обличения, модальность «гнева и печали» поэзии Н. А. Некрасова отчасти могут быть прояснены имманентной противоречивостью в осознании им архетипа Отца, поскольку именно «...образ отца распространяется на все возможные сферы, соответствующие его значению. /.../ человек /.../ открывает для себя государство, закон, долг, ответственность и разум» [Юнг, 1996]. Качества и функции архетипа в некрасовском универсуме расщепляются – негативный полюс оказывается зафиксирован за обществом, позитивный – за просвещением, творчеством, гражданской активностью.

Гендерно-детерминированные аспекты архетипа Мудрого старца

Венчающий юнгианский алгоритм архетип мудрого старца, освещающего «хаотическую темноту жизни лучом смысла», просветленного, учителя и мастера, психопомпа (водителя души) [Юнг, Архетип и символ] реализуется в художественном универсуме по сходной модели – и в системе персонажей, и в логике индивидуации.

«Мудрость» старцев и стариков в творчестве Н. А. Некрасова предстает в первую очередь как доброта. Ее проявляют торговец дядушка Яков и, конечно, дед Мазай. Простодушие, доверчивость характерна для старого Тихоньча, отзывчивость – для Савелия, глубина раскаяния для губернатора из «Русских женщин», старика Власа. Возникает впечатление, что именно доброта, способность к сопереживанию, сочувствию,

прощению – особая мудрость, к которой приходят пережившие и видевшие немало страданий некрасовские старики. В функции «водителя души», наставника и учителя выступает развенчанный генерал – дед Саши («Дедушка»), отнюдь не старик в возрастном плане В. Г. Белинский («Ты нас гуманно мыслить научил»). Но среди персонажей есть и редкая теневая сторона старости – душегуб-лесник из «Коробейников», ростовщик («подлый» старик).

Мрачной, безнадежной для лирического героя оказывается собственная «старость», которая имеет не возрастной (Н. А. Некрасов не дожил до 60 лет), а экзистенциальный статус, детерминированный «недугом тяжким и злым». Это персональная эсхатология, с которой он связывает торжество разума (смысла, за который отвечает архетип старца) над сердцем (эмоциональностью, связанной с архетипом Anima) и осознание бессилия (сила – маркер маскулинности): «Не лелей никаких упований, / Перед разумом сердце смири, / В созерцании народных страданий / И в сознание бессилия – умри». Мучительная болезнь Н. А. Некрасова эксплицируется в тоске по смерти лирического героя «Черный день! Как нищий просит хлеба, / Смерти, смерти я прошу у неба, / Я прошу ее у докторов...», «Устал я, устал я... мне время уснуть». Но если «просит отдыха слабое тело», то душу лирического героя «тайная жажда томит», поэтому в светлые дни смертельно больной поэт просил жену: «Пододвинь перо, бумагу, книги».

К. Г. Юнг акцентировал, что мудрый старец, являясь «водителем души», является отцом и одновременно сыном девы-души – Анимы, что явно выражено и в итоговом самосознании Н. А. Некрасова. Мудрый старец в опыте лирического героя коррелирует с осознанием самости – финальной стадией индивидуации, – и в этом своем качестве лирический герой позиционирует себя как поэта и сына Родины «милой»: «Как человека забудь меня – частного, / Но как поэта – суди... / И не боюсь я суда того строгого / Чист пред тобою я, мать. / В том лишь виновен, что многого, многого / Здесь мне не дали сказать...». И на вершинной стадии развития индивидуального сознания, пройдя путь до самости, лирический герой / поэт демонстрирует фиксацию на гендерной роли сына и фиксирует комплекс вины, свидетельствующие в философии травмы о расщеплении личности и доминировании «я травмированного», оставшемся в возрасте

и роли (дитя и сын) травмы. И в этом горизонте поэт победил, но человек – проиграл.

Заключение

Как позволяет утверждать проведенное нами на интегративной, культурфилософской и культурно-антропологической базе исследование, художественный универсум Некрасова наполнен гендерно детерминированными образами, которые социально акцентированы в отечественной культурной традиции, но культурологически и философски недооценены. Сопоставление гендерных представлений с архетипически детерминированной системой персонажей, в понимании которых учитывается личный опыт поэта, позволяет установить широту проявления архетипов и драматическое напряжение их художественного осмысления и взаимной интеграции.

Библиографический список

- Бердяев Н. А. Судьба России. Москва : Сов. писатель, 1990. 348 с.
- Быков Д. Л. Воскрешение Некрасова. Лекция. Фестиваль «Дни Н. А. Некрасова в Вятском», село Вятское, Некрасовский район, Ярославская область. 2.08.2017 г. URL: http://www.limonow.de/myfavorites/DB_LPR.html#2017.07.02 (дата обращения 2.03.2022).
- Воронина О. А. Символизм женственности и мужественности в русской культуре // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 4 (15). С. 172–179.
- Воронкова Н. Ю. Образ женщины в лирике Н. А. Некрасова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 5-3. С. 45–48.
- Гасанов И. А. Особенности гендер-концепта в творчестве Н. А. Некрасова и в кавказской поэзии XIX–XX веков // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2016. Т. 10. № 2. С. 60–64.
- Достоевский Ф. М. Дневник писателя. URL: http://rulibrary.ru/dostoevskiy/dnevnik_pisatelya/314 (дата обращения 2.03.2022).
- Евгеньев-Максимов В. Е. Творческий путь Н. А. Некрасова. Москва-Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1953. 283 с.
- Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Гендерный дисплей // Термины гендерных исследований. URL: https://gender.academic.ru/320/Гендерный_дисплей (дата обращения 05.05.2022).
- Злотникова Т. С., Летина Н. Н. Гендер в художественном универсуме Н. А. Некрасова // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 2. С. 200–206.
- Кантор В. К. «Срубленное древо жизни». Судьба Николая Чернышевского. Москва, Санкт-Петербург : Центр гуманитарных исследований, 2016. 528 с.
- Кассирер Э. Философия символических форм. В 3 т. Т. 2. Москва, Санкт-Петербург : Университетская книга, 2002. 280 с.
- Культурология. Энциклопедия. В 2 т. Москва : РОССПЭН, 2007. Том 1. 1392 с. Т. 2. 1184 с.
- Мелетинский Е. М. О литературных архетипах. Москва : РГГУ, 1994. С. 1–136.
- Неретина С. С., Огурцов А. А. Концепт как возможность постижения смысла // Теоретическая культурология. Москва : Академический проект; Екатеринбург : Деловая книга; РИК, 2005. 624 с.
- Некрасов Н. А. Собр. соч. : в 15 т. Т. 5. / под общей ред. К. И. Чуковского. Москва : Худ. лит., 1966. 590 с.
- Никольский С. А. Горизонты смыслов. Философские интерпретации отечественной литературы XIX–XX вв. Москва : Голос, 2015. 536 с.
- Никольский С. А., Филимонов В. П. Русское мировоззрение. Т. 2. Москва : Прогресс – Традиция, 2009. 544 с.
- Смирнов А. Г. Исследование творчества народного поэта Н. А. Некрасова // Приволжский научный журнал. 2015. №2(34). С. 227–230.
- Теория и методология гендерных исследований. Курс лекций / под общ. Редакцией О. А. Ворониной. Москва : МЦГИ-МВШСЭН-МФФ, 2001. 416 с.
- Чуковский К. И. Мастерство Некрасова. Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1952. 644 с.
- Шапинская Е. Н. Избранные работы по философии культуры. Москва : ООО «Издательство «Согласие»; Издательство «Артём», 2014. 456 с.
- Юнг К. Г. Архетип и символ. Об архетипах коллективного бессознательного URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/4229/4232> (дата обращения 12.05.2022).
- Юнг К. Г. Проблемы души нашего времени. Москва : Изд. гр. «Прогресс»: Универс, 1996. 329 с.

Reference list

- Berdjaev N. A. Sud'ba Rossii = The fate of Russia. Moskva : Sov. pisatel', 1990. 348 s.
- Bykov D. L. Voskreshenie Nekrasova. Lekcija. Festival' «Dni N. A. Nekrasova v Vjatskom», selo Vjatskoe, Nekrasovskij rajon, Jaroslavskaja oblast'. 2.08.2017 g. = Resurrection of Nekrasov. Lecture. The festival «N. A. Nekrasov's Days in Vyatskoye», Vyatskoye village, Nekrasovsky district, Yaroslavl region. 2.08.2017 g. URL: http://www.limonow.de/myfavorites/DB_LPR.html#2017.07.02 (data obrashhenija 2.03.2022).
- Voronina O. A. Simvolizm zhenstvennosti i muzhestvennosti v russkoj kul'ture = Symbolism of femininity and masculinity in Russian culture // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2018. № 4 (15). S. 172–179.
- Voronkova N. Ju. Obraz zhenshhiny v lirike N.A. Nekrasova = The woman's image in N.A. Nekrasov's lyrics // Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2016. № 5-3. S. 45–48.

5. Gasanov I. A. Osobennosti gender-koncepta v tvorchestve N. A. Nekrasova i v kavkazskoj poezii XIX–XX vekov = Peculiarities of the gender concept in N. A. Nekrasov's works and in Caucasian poetry of the 19th–20th centuries // Izvestija Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta. Obshhestvennye i gumanitarnye nauki. 2016. T. 10. № 2. S. 60–64.
6. Dostoevskij F. M. Dnevnik pisatelja = The writer's diary. URL: http://rulibrary.ru/dostoevskij/dnevnik_pisatelya/314 (data obrashhenija 2.03.2022).
7. Evgen'ev-Maksimov V. E. Tvorcheskij put' N. A. Nekrasova = N. A. Nekrasov's creative way. Moskva-Leningrad : Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1953. 283 s.
8. Zdravomyslova E. A., Temkina A. A. Gendernyj displej = Gender display // Terminy gendernyh issledovanij. URL: https://gender.academic.ru/320/Gendernyj_displej (data obrashhenija 05.05.2022).
9. Zlotnikova T. S., Letina N. N. Gender v hudozhestvennom universume N. A. Nekrasova = Gender in N. A. Nekrasov's artistic universe // Verhnevolskij filologičeskij vestnik. 2021. № 2. S. 200–206.
10. Kantor V. K. «Srublennoe drevo zhizni». Sud'ba Nikolaja Chernyshevskogo = «The logged tree of life». The fate of Nikolai Chernyshevsky. Moskva, Sankt-Peterburg : Centr gumanitarnyh issledovanij, 2016. 528 s.
11. Kassirer E. Filosofija simvoličeskikh form = The philosophy of symbolic forms. V 3 t. T. 2. Moskva, Sankt-Peterburg : Universitetskaja kniga, 2002. 280 s.
12. Kul'turologija. Jenciklopedija = Cultural studies. Encyclopedia. V 2 t. Moskva : ROSSPJeN, 2007. Tom 1. 1392 s. T. 2. 1184 s.
13. Meletinskij E. M. O literaturnyh arhetipah = On literary archetypes. Moskva : RGGU, 1994. S. 1–136.
14. Neretina S. S., Ogurcov A. A. Koncept kak vozmožnost' postizhenija smysla = Concept as an opportunity to comprehend the meaning // Teoreticheskaja kul'turologija. Moskva : Akademicheskij proekt; Ekaterinburg : Delovaja kniga; RIK, 2005. 624 s.
15. Nekrasov N. A. Sobr. Soch. = Collected works : v 15 t. T. 5. / pod obshej red. K. I. Chukovskogo. Moskva : Hud. lit., 1966. 590 s.
16. Nikol'skij S. A. Gorizonty smyslov. Filosofskie interpretacii otechestvennoj literatury XIX–XX vv. = Horizons of meanings. Philosophical interpretations of national literature in the 19th–20th centuries. Moskva : Golos, 2015. 536 s.
17. Nikol'skij S. A., Filimonov V. P. Russkoe mirovozzrenie = Russian worldview. T. 2. Moskva : Progress – Tradicija, 2009. 544 s.
18. Smirnov A. G. Issledovanie tvorchestva narodnogo poeta N. A. Nekrasova = Studying the work of the folk poet N. A. Nekrasov // Privolzhskij nauchnyj zhurnal. 2015. №2(34). S. 227–230.
19. Teorija i metodologija gendernyh issledovanij. Kurs lekcij = Theory and methodology of gender studies. A course of lectures / pod obshh. redakciej O. A. Voronin. Moskva : MCGI-MVShSJeN-MFF, 2001. 416 s.
20. Chukovskij K. I. Masterstvo Nekrasova = Nekrasov's mastery. Moskva : Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1952. 644 s.
21. Shapinskaja E. N. Izbrannye raboty po filosofii kul'tury = Selected works on the philosophy of culture. Moskva : OOO «Izdatel'stvo «Soglasie»; Izdatel'stvo «Artjom», 2014. 456 s.
22. Jung K. G. Arhetip i simvol. Ob arhetipah kollektivnogo bessoznatel'nogo = Archetype and symbol. On the archetypes of the collective unconscious. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/4229/4232> (data obrashhenija 12.05.2022).
23. Jung K. G. Problemy dushi nashego vremeni = The soul problems of our time. Moskva : Izd. gr. «Progress»: Univers, 1996. 329 s.

Статья поступила в редакцию 15.05.2022; одобрена после рецензирования 26.06.2022; принята к публикации 23.08.2022.

The article was submitted on 15.05.2022; approved after reviewing 26.06.2022; accepted for publication on 23.08.2022.

Научная статья

УДК 908

DOI: 10.20323/2499-9679-2022-3-30-205-213

EDN: VZSLGE

Трагическое мироощущение в поэзии периода Первой мировой войны на примере творчества З. Сассуна и А. Штрамма

Людмила Васильевна Байбородова¹, Светлана владимировна Данданова^{2✉}, Екатерина Игоревна Чепурина³

¹Доктор педагогических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, заведующая кафедрой педагогических технологий ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1

²Кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков института иностранных языков ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова». 150003, г. Ярославль, ул. Советская, д. 14

³Студентка 1-го курса магистратуры института иностранных языков ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова». 150003, г. Ярославль, ул. Советская, д. 14

¹pedtechno@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4440-5013>

²s_dandanova@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-2240-1425>

³katech99@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2222-8754>

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению понятия трагическое мироощущение на примере стихотворений Зигфрида Сассуна и Августа Штрамма, посвященных Первой мировой войне.

Объектом проведенного литературоведческого и лингвистического анализа стихотворений являлось трагическое мироощущение в поэтических текстах Августа Штрамма и Зигфрида Сассуна, посвященных Первой мировой войне. Предметом исследования в данной работе стали средства передачи трагического мироощущения в стихотворениях исследуемых поэтов периода Первой мировой войны. В рамках данного исследования были рассмотрены особенности литературы периода Первой мировой войны, которые также были учтены при анализе стихотворений Зигфрида Сассуна и Августа Штрамма.

На основе рассмотренных материалов в области лингвистики и литературоведения в данной работе проводится анализ творчества двух наиболее выдающихся «окопных поэтов». Исследуемые поэты были признаны родоначальниками данного жанра в своей стране, их стихотворения являются наиболее известными не только в Европе, но и во всем мире. Исследование предполагает анализ четырех стихотворений каждого автора согласно самостоятельно разработанному алгоритму. В ходе исследования были выявлены схожие черты творчества двух поэтов в выборе тематики стихотворений, а также формы и техники отображения эмоций.

Изучение понятия трагического мироощущения в контексте войны представляет собой сферу актуальных исследований, так как сегодня данная проблема является наиболее обсуждаемой и затрагивает миллионы людей по всему миру. Кроме того, новизна исследования оправдана тем, что данная тема в рамках рассматриваемых произведений изучена недостаточно глубоко на настоящий момент.

Ключевые слова: лирика; Август Штрамм; Зигфрид Сассун; модернизм; Первая мировая война; трагическое мироощущение

Для цитирования: Байбородова Л. В., Данданова С. В., Чепурина Е. И. Трагическое мироощущение в поэзии периода Первой мировой войны на примере творчества З. Сассуна и А. Штрамма // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 3 (30). С. 205–213. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-3-30-205-213>. <https://elibrary.ru/VZSLGE>

Original article

Tragic reflections of World War I in Siegfried Sassoon's and August Stramm's poetry

Lyudmila V. Bayborodova, Svetlana V. Dandanova, Ekaterina I. Chepurina

¹Doctor of pedagogical sciences, professor, Honored employee of RF higher education, head of the department of pedagogical technologies, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1

²Candidate of pedagogical sciences, associate professor of the foreign languages department, Institute of foreign languages, Yaroslavl Demidov State University. 150003, Yaroslavl, Sovetskaya st., 14

³1st year master's student, Institute of foreign languages, Yaroslavl Demidov State University. 150003, Yaroslavl, Sovetskaya st., 14

¹pedtechno@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4440-5013>

²s_dandanova@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0002-2240-1425>

³katech99@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2222-8754>

Abstract. This article is devoted to the concept of the tragic reflections of World War I in Siegfried Sassoon's and August Stramm's poems.

The object of the literary and linguistic analysis is the tragic reflections in the poems by August Stramm and Siegfried Sassoon, dedicated to World War I. The subject of the research is the means of rendering the tragic reflections of World War I in these poems. Within the framework of the study, the features of the war literature were considered and taken into account when analyzing the poems by Siegfried Sassoon and August Stramm.

This research is based on the scientific works of many linguists and specialists in literary studies, which have enabled the authors to analyze the work of the two most prominent «trench poets». They were recognized as the founders of the genre in their country, and their poems are the most famous not only in Europe, but all over the world. The research involves the analysis of four poems by each of the poets according to an independently developed scheme. The study has revealed certain similarities in the choice of the subject of poems, forms and techniques of depicting emotions.

Studying the concept of tragic reflections in the context of war is a field of current research, since it is the most widely discussed problem today which affects millions of people around the world. Besides, the topic under consideration has not been studied deeply enough at the moment.

Key words: poems; poets; August Stramm; Siegfried Sassoon; modernism; World War I; tragic reflections

For citation: Bayborodova L. V., Dandanova S. V., Chepurina E. I. Tragic reflections of World War I in Siegfried Sassoon's and August Stramm's poetry. *Verhnevolskiy philological bulletin*. 2022;(3):205–213. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-3-30-205-213>. <https://elibrary.ru/VZSLGE>

Введение. Вопросы войны и мира звучат особенно актуально в современных условиях, и абсолютно каждый ощущает на себе последствия, которые приносит война. Теме войны посвящено множество литературных произведений и исследовательских работ, в которых проанализированы эти произведения. Самыми масштабными в истории считаются мировые войны, повлиявшие на судьбы и жизни людей в большей мере. В истории человечества зафиксировано две мировые войны, вторая из которых была, несомненно, более масштабной по числу жертв. Тем не менее для Европы Первая мировая война явилась большим потрясением, что отображено в литературном наследии многих европейских стран, поэтому в данном исследовании были рассмотрены стихотворения, описывающие именно это событие.

Первая мировая война повлияла на многие аспекты жизни людей, в том числе тех, кто был призван служить на фронт. Далеко не все солдаты смогли вернуться с поля боя, а те, кто вернулись, никогда не смогли забыть тех чудовищных дней. Среди таких людей были и поэты, для них находиться на войне было невыносимо. Некоторые поэты даже покончили жизнь самоубийством, будучи не в силах выдержать постоянное ощущение ожидания смерти. Они выражали свои

переживания в своем творчестве, которое относится к блоку модернистской поэзии.

В числе солдат, отправленных на фронт и ощутивших все ужасы войны, были и поэты, которые вошли в историю литературы, как «окопные поэты» после создания своих знаменитых стихотворений о военной реальности. Зигфрид Сассун и Август Штрамм, творчеству которых посвящено данное исследование, являются родоначальниками особого творческого направления в модернизме – «поэзии траншей» – в Великобритании и Германии. Тем не менее, несмотря на уникальность их лирических текстов, в настоящее время существует ограниченное количество исследований, посвященных анализу наиболее известных стихотворений этих поэтов.

Произведения, выбранные для анализа, являются малоизученными на сегодняшний день, а существующие исследования, включающие в себя анализ стихотворений, рассматриваемых в данной статье, являются недостаточно полными. Кроме того, в работах, посвященных исследованию творчества Зигфрида Сассуна и Августа Штрамма, трагическое мироощущение стихотворений выбранных поэтов проанализировано недостаточно глубоко.

В данной статье рассматривается понятие мироощущения, как с философской, так и с литера-

туроведческой точки зрения. Это понятие является ключевым, так как творчество исследуемых поэтов – Зигфрида Сассуна и Августа Штрамма – тесно связано с его трагическим выражением.

Результаты исследования. Понятие мироощущения можно определить как эмоционально-психологическое основание мировоззрения. На этом уровне сознание человека отмечает проявления бытия как отдельные, зачастую разрозненные, внешние фрагменты мира явлений, но не сущностей. Мировоззрение – это система взглядов человека на мир, выражающая отношение человека к миру и систему его ценностей. Мировоззрение является целостным образованием, поэтому особенности связи его компонентов играют важную роль. На историческом материале подтверждено, что для формирования мироощущения людей исключительно важен этнический состав среды, в которой они живут, поэтому рассмотрение творчества представителей разных государств представляет особенный интерес [Шуталева, 2017, с. 7–9].

Понятие мироощущения можно рассматривать как весь спектр психологических процессов и явлений, под которым подразумеваются ощущения, восприятия, переживания людей. Иными словами, мироощущение составляет эмоционально-психологическую сторону мировоззрения. Мировоззрение складывается на основе сформировавшихся у человека идеалов, ценностей, убеждений, взглядов, принципов познания и деятельности [Алоян, 2009]. Таким образом, понятие мироощущения входит в структуру мировоззрения и является одним из трех уровней. Три уровня мировоззрения составляют: мироощущение, мировосприятие и миропонимание [Алоян, 2009].

В настоящей статье уделим большее внимание именно трагическому мироощущению, так как в данном случае причиной выражения трагического мироощущения людей и творцов, в частности, была Первая мировая война. Поэты этой эпохи описывали свои эмоции и чувства в мрачных тонах, и за счет настроения их стихотворений отображалось их трагическое мироощущение, которое возникло после пережитого на войне. В основном в их произведениях были переданы чувства одиночества, отчужденности, ужаса, потерянности, неспроста писатели-модернисты были названы «потерянным поколением».

Обратимся к понятию «трагическое мироощущение» и рассмотрим, что оно в себя вклю-

чает. Среди мировоззренческих чувств есть чувства и эмоции, отображающие тревогу, страх, отчаяние. К ним относятся такие чувства, как неуверенность, беспомощность, бессилие, одиночество, потерянности, и так далее. Именно эти чувства и эмоции важны для рассмотрения и анализа поэтических текстов вышеупомянутых поэтов.

А. Ф. Лосев утверждает, что существует три основных плана бытия трагического мироощущения. Трагическое мироощущение фиксирует, прежде всего, два главных плана бытия: общую, мировую, лежащую во всем видимом и слышимом жизнь и человеческую личность, связанную своими наиболее интимными корнями с этой мировой жизнью, однако по существу своему представляющую нечто пространственно-временное. Эти два плана даны в трагическом мироощущении прямо и непосредственно, и все существует в нем относительно этих двух данных [Лосев, 1995].

В то же время, по мнению А. Ф. Лосева во всяком трагическом мироощущении дан еще и третий план. Это план преображенной и воскресшей жизни, с точки зрения которой реальная человеческая жизнь и реальные удары судьбы квалифицируются именно как нравственно-небезразличные. Без этого плана нельзя было бы объяснить всю тягость и весь ужас бытия, фиксируемого в трагическом мироощущении. Раз есть ужас бытия, то уже тем самым ожидается и смутно чувствуется мир всеобщего счастья и преображение этого страдающего мира [Лосев, 1995].

Трагедия – это философская категория, обозначающая модус бытия человека как антропологический и культурный феномен, который связан со столкновением противоположных сил, влекущих катастрофические последствия. Определены следующие атрибуты трагедии: материальное положение, власть и др., которые уничтожают смысл и ценность существования человека. Онтологический аспект трагедии состоит в том, что трагедия есть в бытии, она его непреложный компонент и человек в ней укоренен [Алоян, 2009].

Далее в исследовании были рассмотрены схемы и планы анализа лирических произведений. Многие литературоведы, такие как В. И. Тюпа [Тюпа, 2008], Ю. М. Лотман [Лотман, 1972], в своих работах отображают основные стратегии анализа и выстраивают собственный алгоритм анализа лирического произведения. Кроме того,

не раз отмечалось, что не существует единой схемы анализа стихотворных текстов, так как каждый поэт и каждый текст уникальны.

Опираясь главным образом на схему анализа стихотворений В. В. Виноградова [Виноградов, 2000], в исследовании был разработан алгоритм анализа лирических текстов, который позволил проанализировать представленные стихотворения с точки зрения трагического мироощущения. Так как каждое стихотворение имеет свои особенности, этот алгоритм касается основных и универсальных аспектов таких, как: тема, настроение и композиция. Тема может быть помещена в разный контекст, и, таким образом, основная идея стихотворения будет меняться. Далее, определив тему и идею стихотворения, рассматриваем лирический сюжет. После этого важным будет отметить настроение произведения, так как нам необходимо доказать, что оно отражает трагическое мироощущение поэта. Для создания настроения поэт использует различные техники, такие как использование стилистических приемов и тропов, специфической ритмики и рифмовки, а также образов и символов. Анализируя использование этих техник, можно определить, что и зачем хотел сказать поэт.

Проводя анализ литературного произведения также определяем литературное направление, к которому относится творчество исследуемых поэтов. Зигфрид Сассун и Август Штрамм принадлежат к эпохе модернизма, они являются представителями экспрессионистской литературы. Рассмотрим основные аспекты, касающиеся, модернизма и экспрессионизма в литературе.

Модернизм возник благодаря своим настойчивым разрывам с непосредственным прошлым, его различными изобретениями, «делая его новым» с элементами из отдаленных во времени и пространстве культур. Вопросы безличности и объективности кажутся решающими для модернистской поэзии. Для модернистов было важно отойти от простого личного к интеллектуальному заявлению, которое поэзия могла бы сделать о мире [Модернистская, 2021]. В эпоху модернизма, к которой относится и период Первой мировой войны, поэты и писатели очень остро ощущали общую дисгармонию современного мира, а также нестабильность положения в нем отдельной человеческой личности, ее отчуждение от общества. В творчестве писателей-модернистов представлена растущая роль в жизни людей абстрактного мышления и одновременно бунт против рационализма в искусстве и

стремление отразить в нем некие трансцендентальные и неуловимые стороны действительности [Голованова, 2020].

Писатели- и поэты-модернисты выступали против многих норм и традиций предшествующей эстетики, стремясь к новаторству любой ценой, что само по себе является порождением эпохи войн и революций. В своих крайних проявлениях в литературе модернизм покусается на саму осмысленность художественной речи [Модернистская, 2021]. Происходят поиски новых приемов и средств самовыражения, раскрытия своего «я», психологии своих современников. Не отвергая то, что было создано их предшественниками, писатели-модернисты ищут и находят новые пути, сносят преграды для развития искусства современности [Зарубежная, 2003].

В данном исследовании особое внимание стоит уделить экспрессионизму, так как он наиболее ярко проявился в немецкой литературе, в частности, немецкой поэзии, представителем которой являлся Август Штрамм. Экспрессионизм провозглашал целью искусства не передачу впечатлений от действительности, а пропущенное через личность художника изображение ее трагической и хаотической, враждебной человеку сути [Пестова, 2004].

Экспрессионизм как художественное течение, как особое трагическое мироощущение, мощно напитанное философией и эстетикой нигилизма, представил свою собственную художественную модель мира. В этой модели наряду с размытанием единой, организующей мир перспективы и связи с реальной действительностью так же отчетливо просматривается и романтическая тоска по связности и целостности, где на фоне смакования ужасающего и безобразного брезжит идеал ускользающей, вечной, «являющейся красоты», от которой поэту-экспрессионисту особенно больно [Шуталева, 2017, с. 40].

В данной статье большое значение имеет рассмотрение основных особенностей творчества поэтов и писателей-модернистов и, в частности, поэтов-фронтовиков. Только рассмотрев особенности, темы и приемы модернистской поэзии, будет возможно проанализировать стихотворения конкретных авторов в дальнейшем. Всех поэтов данного периода объединяет тема осуждения бесчеловечности войны, бесперспективности существования и утраты целей жизни вернувшись с поля боя молодыми людьми. Все это приобретало еще большую страстность и убежденность, так как сами авторы либо были непосред-

ственными участниками боевых действий во время Первой мировой войны, либо служили в армии в этот период [Ионкис, 1980].

Итак, обратимся к исследованию творчества данных поэтов на конкретных примерах. В настоящей работе проанализировано 4 стихотворения британского автора З. Сассуна: «Самоубийство в окопах» (Suicide in The Trenches), «Славолюбие женщин» (Glory Of Women), «Мемориальная доска» (Memorial Tablet), «Мертвому тебе» (To His Dead Body), и 4 стихотворения немецкого автора А. Штрамма: «Патруль» (Patrouille), «Война» (Krieg), «Гранаты» (Granaten) и «Атака» (Sturmangriff). Необходимо упомянуть, что эти стихотворения являются наиболее известными и часто издаваемыми поэтическими произведениями исследуемых авторов. Анализ проводился согласно алгоритму, разработанному на основе рассмотренных работ литературоведов и лингвистов. Во-первых, были выявлены тема и идея стихотворения, а затем описан его сюжет. У всех стихотворений, рассмотренных в данной работе, тема одинакова, это тема войны. Далее были выявлены различные техники, которые поэт использует для создания особого настроения. В каждом стихотворении внимание также уделялось индивидуальным особенностям, которые не указаны в алгоритме, но тем не менее имеют большое значение для произведения. Эти особенности касаются композиции, отдельных образов и мотивов.

Остановимся на произведениях «Гранаты» (Granaten) Августа Штрамма и «Славолюбие женщин» (Glory Of Women) Зигфрида Сассуна. В стихотворении «Гранаты» поэт использует большое количество глаголов, которые наиболее живо описывают ужасные звуки войны.

Klappen Tappen Wühlen Kreischen
Schrillen Pfeifen Fauchen Schwirren
Splittern Klatschen Knarren Knirschen
Stumpfen Stampfen [Stramm, 2021]

Эти строки непосредственно связаны с заголовком данного текста, так как глаголы, использованные автором, передают звуки разрывающихся гранат и умирающих от них солдат на поле боя: грохот, топот, скрип, хруст и т. д. Поэтому данные четыре строки являются кульминацией всего действия, изображенного в стихотворении. Далее идет спад напряжения, так как снова все затихает («В страхе замирает робкое пространство»).

Для выявления особенностей трагического мироощущения Августа Штрамма рассмотрим некоторые индивидуальные особенности авторского стиля на примере данного стихотворения. Во-первых, Август Штрамм использует многозначное слово «Taube» в третьей строке. Это слово переводится, как «голубь» и олицетворяет мир и мирных людей. Тем не менее, вместе с тем оно может иметь такие значения, как «глухой, онемелый и пустой». Помимо этого, слово «täubet» имеет такое же значение. Слова «Sture» и «blöden» в последней строке стихотворения также имеют значения «тупой, упрямый, ограниченный». Столь многочисленные синонимы и повторы одного значения отражают авторскую оценку происходящего, а именно то, что поэт не приемлет и критикует тему войны. По мнению Августа Штрамма, война глуха и оглушает все вокруг себя, оставляя только пустоту и тишину.

Во-вторых, в стихотворении «Гранаты» мы можем видеть пример так называемого экспериментального словотворчества Августа Штрамма. Как известно, поэт добивался эффекта новизны и для создания особого настроения он умышленно ломал формы слов. Так, в третьей строке стихотворения поэт использует слово «täubet». Возможно, автор изменяет форму прилагательного tauber, делая слово более отрывистым и грубым, что позволяет добиться создания резкости в ритме стихотворения.

Итак, поэт пишет это стихотворение, чтобы передать весь ужас, обрушившийся на солдат в окопах с бесконечными взрывами и ударами. Август Штрамм показывает, что мысли солдата в окопе сосредоточены только на грохоте вокруг и на ощущении приближающегося ужаса, после чего наступает пустота и тишина. Особое внимание поэт уделяет звукописи и ритму стихотворения. На протяжении всего стихотворения читатель встречает окончания –en и –t, таким образом, создается своеобразный ритм. Посредством аллитерирующих звуков («Stumpfen Stampfen», «Taube täubet») слова становятся отрывистыми и произносятся достаточно резко, подобно взрывам гранат.

Произведение британского поэта «Славолюбие женщин» посвящено теме героизма на войне и его печальных последствий. Здесь Зигфрид Сассун открыто критически высказывается о людях, в частности женщинах, которые не понимают, что стоит за тем, чем они восхищаются. Ни одна жизнь не стоит того героизма, за который солдата потом либо чествуют, либо оплаки-

вают родные. В этом стихотворении Зигфрид Сассун заявляет, что война не приносит ничего кроме печали, но те, кто не служил и не знает, что значит воевать на фронте, ликуют, слушая рассказы об ужасах войны.

Примечательно, что в отличие от Августа Штрамма, который не говорит конкретно о Великобритании, Зигфрид Сассун не раз упоминает в своих стихотворениях вражескую страну, однако эти упоминания не несут никакой агрессии и ненависти со стороны поэта:

*O German mother dreaming by the fire,
While you are knitting socks to send your son
His face is trodden deeper in the mud*
[Sassoon, 2021].

Так, Зигфрид Сассун отобразил в этом стихотворении отношение женщин к войне и к солдатам. Он критикует это отношение и желает открыть глаза людям на войну своим произведением.

Женщины, не видевшие ужасных картин с поля боя и не знавшие настоящей цены победы, боготворили тех, кому было труднее всего и кто, возможно, мог умереть. Зигфрид Сассун пишет, что эти женщины были рады услышать историю полную ужасов и крови. Британские солдаты были обречены на успех, по мнению женщин, оставшихся дома, и они ждали скорых вестей о победе («You can't believe that British troops 'retire'»). Их не заботило, сколько людей не вернется, и если кто и погибнет, то они будут скорбеть о герое, которого уже не вернуть («You crown our distant ardours while we fight, And mourn our laurelled memories when we're killed»).

Зигфрид Сассун сравнивает солдат со снарядами («You make us shells»). Так, поэт делает акцент на том, что военные – это расходный материал, который можно использовать на пути к победе. Затем автор использует эпитет «laurelled», который переводится как лавровый, что отображает героизм и мужество солдат, которые погибли на войне. Тем не менее, эти солдаты могли бы остаться в живых, и это было бы для них высшей наградой. Зигфрид Сассун пишет, что женщины не верят в то, что их солдаты проиграют войну, но те самые «герои» вдруг покидают свои войска и в ужасе бегут.

В финальном предложении стихотворения настроение меняется. Здесь Зигфрид Сассун упоминает Германию, вражескую страну Великобритании в Первой мировой войне. В печатном издании этого стихотворения эти три строки

даже выделены курсивом и обращают на себя особое внимание. В то же время следует отметить, что несмотря на то, что Германия являлась врагом для Великобритании, Зигфрид Сассун сожалеет обо всех солдатах, павших на поле боя. Поэт говорит, что где-то в другой стране есть такие же женщины, которые ждут своих солдат с войны, но англичанки безжалостны к ним, они жаждут победы.

Итак, анализ стихотворений Зигфрида Сассуна и Августа Штрамма позволил сравнить творчество данных поэтов. Хотя они принадлежали к одному направлению в литературе и были схожих взглядов касательно войны, стили поэтов довольно сильно отличаются. Немецкий автор использовал очень необычную форму изложения в своих стихотворениях, он порой ломал конструкции предложений, синтаксис и придумывал собственные формы слов. Британский же поэт придерживался более традиционной формы, однако его стихотворения содержат гораздо более резкую критику военных действий и людей, заинтересованных в войне. Так, каждый поэт по-своему изображал войну в своих произведениях. Оба поэта старались, прежде всего, передать свои эмоции от увиденного на фронте и заставить остальных прочувствовать страдания солдат. Поэты стремились изобразить истинную войну, которая слепа и безжалостна. Несмотря на то, что в годы войны людей пытались настроить только на победу любой ценой, ценой чужих жизней и искалеченных судеб, Зигфрид Сассун и Август Штрамм пытались показать истинное лицо войны. Они говорили в своих произведениях, что война – это бессмысленное убийство тысяч людей, ведущее к концу мира.

Таким образом, анализ стихотворений показал, что в произведениях представлена одна тематика. Оба поэта являлись участниками войны и в своих стихотворениях изобразили шок и ужас, которые они испытали, находясь в окопах и на поле боя. В то же время, способы выражения эмоций поэтов сильно отличаются. Немецкий поэт использует довольно краткие формы стихотворений и слова в произведениях создают резкий обрывистый ритм за счет звукописи и использования большого количества согласных звуков. Британский поэт уделил большее внимание тропам и стилистическим фигурам.

Необходимо отметить, что каждое рассмотренное стихотворение отражает трагическое ми-

рооощение поэтов, так как в этих произведениях описаны события и условия войны, а также переданы ощущения и эмоции поэтов после пережитого на фронте. Все исследуемые произведения пронизаны чувствами сожаления, горечи, страха и сочувствия к убитым и раненым на фронте.

Отличие в выраженных эмоциях у немецкого и британского поэтов состоит в том, что Август Штрамм передает эмоции, испытанные им самим, во времена, когда поэт сам находился на фронте. В то время как Зигфрид Сассун пишет обо всех солдатах в целом, он как бы отстранен от того, что описывает. Лирический герой британского поэта выступает в роли наблюдателя, который анализирует и дает оценку происходящему. Хотя лирический герой в немецких произведениях, представлен также наблюдателем, он не анализирует описываемые действия, давая возможность сделать это читателю, что отличает А. Штрамма от З. Сассуна.

Кроме того, стоит отметить, что в стихотворениях обоих поэтов встречается образ врага. Как известно, данные государства являлись вражескими в период Первой мировой войны. Тем не менее, в данных стихотворениях нельзя заметить чувство ненависти по отношению к врагу. Оба поэта сосредоточены на своих собственных переживаниях и на сочувствии своим товарищам, погибшим в бою.

Если говорить о передаче трагического мироощущения, основным сходством творчества исследуемых поэтов является отображение всех реалий войны без купюр. Зигфрид Сассун и Август Штрамм сосредоточили свое внимание на описании своих эмоций и отношения к войне. В проанализированных стихотворениях не раз подчеркивался мотив безжалостности и бессмысленности войны.

Заключение. Несмотря на то, что Зигфрид Сассун и Август Штрамм находились по разные стороны баррикад и воевали на стороне враждующих государств, они объединялись в своих стихотворениях. В рассмотренных стихотворениях поэты говорят о бессмысленности и беспощадности войны. Они показывают реальную войну с ее ужасами, что и отличает модернистских поэтов и исследуемых поэтов, в частности, от их предшественников.

Новаторство рассматриваемых поэтов заключалось именно в том, что они изобразили шок и ужас, испытанный ими самими от всего увиденного на фронте. До Первой мировой войны война

описывалась в произведениях исключительно в позитивном ключе, воспевались подвиги солдат и т.д. Творчество же военных поэтов отличалось подчеркнутым пессимизмом и трагичностью. Это явилось главным аспектом отображаемого трагического мироощущения. Август Штрамм и Зигфрид Сассун отображали свои эмоции и впечатления от того, что они видели на поле боя и показали, какая цена у победы на войне и что война – это начало конца.

Библиографический список

1. Алоян Н. Л. Трагедия как модус бытия человека (философско-антропологический аспект). Ставрополь, 2009. URL: <https://www.dissercat.com/content/tragediya-kak-modus-bytiya-cheloveka-filosofsko-antropologicheskii-aspekt> (дата обращения: 15.02.21)
2. Вераксих И. Ю. Зарубежная литература. XX век. Курс лекций // Лекция № 2. Первая мировая война в литературе первой половины XX века. URL: <http://20v-euro-lit.niv.ru/20v-euro-lit/veraksich-hh-vek-kurs-lekcij/lekcija-2.htm> (дата обращения: 15.02.21)
3. Виноградов В. В. Диалогизующий фон. Лингвистический анализ поэтического текста. М. М. Бахтин в контексте русской культуры XX в. «Диалог. Карнавал. Хронотоп», 2000, № 3-4. URL: <http://nevmenandr.net/dkx/?abs=Vinograd&n=3-4&y=2000> (дата обращения: 19.03.21)
4. Голованова И. С. История мировой литературы. Модернизм. URL: <http://17v-euro-lit.niv.ru/17v-euro-lit/golovanova/modernizm.htm> (дата обращения: 20.11.20)
5. Дудова Л. В., Михальская Н. П., Трыков В. П. Модернизм в зарубежной литературе. Модернизм. Английская и ирландская литература. URL: <http://20v-euro-lit.niv.ru/20v-euro-lit/dudova-mihalskaya-trykov-modernizm/anglijskaya-i-irlandskaya-literatura.htm> (дата обращения: 20.11.20)
6. Дудова Л. В., Михальская Н. П., Трыков В. П. Модернизм в зарубежной литературе. Поэзия немецкого экспрессионизма. URL: <http://20v-euro-lit.niv.ru/20v-euro-lit/dudova-mihalskaya-trykov-modernizm/poeziya-nemeckogo-ekspressionizma.htm> (дата обращения: 20.11.20)
7. Журнальный зал. Альфред Лихтенштейн, Август Штрамм, Исаак Розенберг. URL: <https://magazines.gorky.media/neva/2014/2/183984.html> (дата обращения: 15.02.21)
8. Зарубежная литература. XX век: учеб. для студ. / под ред. Н. П. Михальской [и др.]; под общ. ред. Н. П. Михальской. Москва : Дрофа, 2003. С. 144–147.
9. Ионкис Г. Э. Английская поэзия 20 века. Глава II. «Окопные поэты». Москва : Высшая школа, 1980. URL: <http://20v-euro-lit.niv.ru/20v-euro-lit/ionkis-anglijskaya-poeziya/glava-ii-okopnye-poety.htm> (дата обращения: 19.03.21)
10. Корте Г. Литературный авангард и Первая мировая война (1914–1918). 2014. С. 194–205.

11. Лосев А.Ф. Форма – Стиль – Выражение. Три основных плана бытия, данных в трагическом мироощущении. Москва : Мысль, 1995. URL: <https://fil.wikireading.ru/6879> (дата обращения: 15.02.21)
12. Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. Ленинград : Просвещение, 1972. 271 с.
13. Лунин В. А. Художественный текст: основы лингвистической теории и элементы анализа. Москва, 2000.
14. Модернистская поэзия. URL: <https://www.hisour.com/ru/modernist-poetry-35861/> (дата обращения: 15.02.21)
15. Пестова Н. В. Немецкий литературный экспрессионизм: Учебное пособие по зарубежной литературе: первая четверть XX века. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т., 2004. 336 с.
16. Проблемы литературоведения: теория литературы (монография). URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=308 (дата обращения: 19.03.21)
17. Тюпа В. И. Анализ художественного текста. Москва : Академия, 2008. 327 с.
18. Шуталева А. В. Философия : учеб. пособие / А. В. Шуталева, Н. И. Савцова; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. 112 с.
19. Sassoon S. Glory Of Women. Famous poets and poems. URL: http://famouspoetsandpoems.com/poets/siegfried_sassoon/poems/16744 (дата обращения: 07.05.21)
20. Stramm A. Granaten. Zgedichte. URL: <https://www.zgedichte.de/gedichte/august-stramm/granaten.html> (дата обращения: 24.04.21)

Reference list

1. Alojjan N. L. Tragedija kak modus bytija cheloveka (filosofsko-antropologicheskij aspekt) = Tragedy as a modus of human existence (philosophical and anthropological aspect). Stavropol', 2009. URL: <https://www.disscat.com/content/tragediya-kak-modus-bytiya-cheloveka-filosofsko-antropologicheskii-aspekt> (дата обращения: 15.02.21)
2. Veraksich I. Ju. Zarubezhnaja literatura. HH vek. Kurs lekcij = Foreign literature. The XX century. A course of lectures / Lekcija № 2. Pervaja mirovaja vojna v literature pervoj poloviny HH veka. URL: <http://20v-euro-lit.niv.ru/20v-euro-lit/veraksich-hh-vek-kurs-lekcij/lekciya-2.htm> (дата обращения: 15.02.21)
3. Vinogradov V. V. Dialogizujushhij fon. Lingvisticheskij analiz poeticheskogo teksta. M. M. Bahtin v kontekste russkoj kul'tury HH v. «Dialog. Karnaval. Hronotop» = Dialogic background. Linguistic analysis of the poetic text. M.M. Bakhtin in the context of the XXth century Russian culture. «Dialogue. Carnival. Chronotope». 2000. № 3-4. URL: <http://nevmenandr.net/dkx/?abs=Vinograd&n=3-4&y=2000> (дата обращения: 19.03.21)

4. Golovanova I. S. Istorija mirovoj literatury. Modernizm = The history of world literature. Modernism. URL: <http://17v-euro-lit.niv.ru/17v-euro-lit/golovanova/modernizm.htm> (дата обращения: 20.11.20)
5. Dudova L. V., Mihal'skaja N. P., Trykov V. P. Modernizm v zarubezhnoj literature. Modernizm. Anglijskaja i irlandskaja literatura = Modernism in foreign literature. Modernism. English and Irish literature. URL: <http://20v-euro-lit.niv.ru/20v-euro-lit/dudova-mihalskaya-trykov-modernizm/anglijskaja-i-irlandskaja-literatura.htm> (дата обращения: 20.11.20)
6. Dudova L. V., Mihal'skaja N. P., Trykov V. P. Modernizm v zarubezhnoj literature. Pojezija nemeckogo jekspressionizma = Modernism in foreign literature. The poetry of German Expressionism. URL: <http://20v-euro-lit.niv.ru/20v-euro-lit/dudova-mihalskaya-trykov-modernizm/poeziya-nemeckogo-ekspressionizma.htm> (дата обращения: 20.11.20)
7. Zhurnal'nyj zal. Al'fred Lihtenshtejn, Avgust Shtramm, Isaak Rozenberg = The Journal room. Alfred Lichtenstein, August Stramm, Isaac Rosenberg. URL: <https://magazines.gorky.media/neva/2014/2/183984.html> (дата обращения: 15.02.21)
8. Zarubezhnaja literatura. HH vek = Foreign literature. XX century : ucheb. dlja stud. / pod red. N. P. Mihal'skoj [i dr.]; pod obshh. red. N. P. Mihal'skoj. Moskva : Drofa, 2003. S. 144–147.
9. Ionkis G. Je. Anglijskaja pojezija 20 veka. Glava II. «Okopnye poety» = English poetry of the 20th century. Chapter II. «Trench Poets». Moskva : Vysshaja shkola, 1980. URL: <http://20v-euro-lit.niv.ru/20v-euro-lit/ionkis-anglijskaja-poeziya/glava-ii-okopnye-poety.htm> (дата обращения: 19.03.21)
10. Korte G. Literaturnyj avangard i Pervaja mirovaja vojna (1914–1918) = Literary avant-garde and the First World War (1914–1918). 2014. S. 194–205.
11. Losev A. F. Forma – Stil' – Vyrashenie. Tri osnovnyh plana bytija, dannyh v tragicheskom mirooshhushhenii = Form – Style – Expression. The three basic plans of existence given in the tragic worldview. Moskva : Mysl', 1995. URL: <https://fil.wikireading.ru/6879> (дата обращения: 15.02.21)
12. Lotman Ju. M. Analiz poeticheskogo teksta = Poetic text analysis. Leningrad : Prosveshhenie, 1972. 271 s.
13. Lunin V. A. Hudozhestvennyj tekst: osnovy lingvisticheskoi teorii i jelementy analiza = Literary text: basic linguistic theory and elements of analysis. Moskva, 2000.
14. Modernistskaja pojezija = Modernist poetry. URL: <https://www.hisour.com/ru/modernist-poetry-35861/> (дата обращения: 15.02.21)
15. Pestova N. V. Nemeckij literaturnyj jekspressionizm: Uchebnoe posobie po zarubezhnoj literature: pervaja chetvert' HH veka = German literary expressionism: A textbook on foreign literature: first quarter of the XX century. Ekaterinburg : Ural. gos. ped. un-t., 2004. 336 s.

16. Problemy literaturovedenija: teorija literatury (monografija) = Problems of literary studies: theory of literature (monograph). URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=308 (data obrashhenija: 19.03.21)
17. Tjupa V. I. Analiz hudozhestvennogo teksta = Literary text analysis. Moskva : Akademija, 2008. 327 s.
18. Shutaleva A. V. Filosofija = Philosophy : ucheb. posobie / A. V. Shutaleva, N. I. Savcova; M-vo obrazovanija i nauki Ros. Federacii, Ural. feder. un-t. Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 2017. 112 s.
19. Sassoon S. Glory Of Women. Famous poets and poems. com. URL: http://famouspoetsandpoems.com/poets/siegfried_sassoon/poems/16744 (data obrashhenija: 07.05.21)
20. Stramm A. Granaten. Zgedichte. URL: <https://www.zgedichte.de/gedichte/august-stramm/granaten.html> (data obrashhenija: 24.04.21)

Статья поступила в редакцию 21.05.2022; одобрена после рецензирования 22.06.2022; принята к публикации 23.08.2022.

The article was submitted on 21.05.2022; approved after reviewing 22.06.2022; accepted for publication on 23.08.2022.

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN

Научный журнал

Главный редактор М. В. Новиков

Ответственный редактор Л. В. Ухова

Редактор Т. В. Шаркова

Переводы на английский язык – М. Р. Кофанова

Объем 26,75 п. л., 22,76 уч.-изд. л. Формат 60*90/8.
Печать ризографическая. Заказ № 177. Тираж 500 экз.

Дата выхода в свет: 21.10.2022

Цена свободная

Издатель

Редакционно-издательский отдел ФГБОУ ВО
«Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского» (РИО ЯГПУ)
150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, 108/1

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «Ярославский
государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

Адрес типографии:

150000, г. Ярославль, Которосльная наб., 44
Тел.: (4852) 32 98 69